

**Музей-заповедник
«Царицыно»**

**САДЫ И ПАРКИ
В РОССИИ:
опыт, проблемы,
перспективы**

**ИЗ ИСТОРИИ
ЦАРИЦЫНСКОГО
ПАРКА**

Государственный историко-архитектурный, художественный
и ландшафтный музей-заповедник «Царицыно»

САДЫ И ПАРКИ

**ИСТОРИЯ САДОВ В РОССИИ:
опыт, проблемы, перспективы**

**ИЗ ИСТОРИИ ЦАРИЦЫНСКОГО
ПАРКА**

Москва
«Пробел-2000»
2013

Печатается по решению
научно-методического совета ГМЗ «Царицыно»

Составление и научная редакция:
доктор искусствоведения Б.М. Соколов

Ответственный редактор:
кандидат искусствоведения О.В. Докучаева

Сады и парки. История садов в России: опыт, проблемы, перспективы. Из истории Царицынского парка: Государственный историко-архитектурный, художественный и ландшафтный музей-заповедник «Царицыно» – М., 2013. 340 с.
ISBN 978-5-98604-377-7

В настоящий сборник вошли материалы конференции «История садов в России: опыт, проблемы, перспективы», прошедшей в ГМЗ «Царицыно» 27-28 октября 2008 года, а также статьи, посвященные изучению архитектурно-паркового ансамбля «Царицыно».

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

© Государственный историко-архитектурный,
художественный и ландшафтный
музей-заповедник «Царицыно», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ САДОВ В РОССИИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

От составителей	6
М.В. Нащокина История и перспективы садовой археологии в России	10
А.В. Городнянский Письменные и изобразительные источники при реконструкции исторического парка	21
Е.В. Яхненко О роли парковой скульптуры в русских садах и парках первой половины XVIII века	29
С.С. Веселова Оранжереи в составе российских дворцово-парковых ансамблей XVIII – XIX вв. Аспекты изучения	39
Т.Н. Головина Сады помещиков средней руки (по архивным документам 1820-х – 1840-х годов)	54
О. В. Линникова Путешествие в Индию. Влияние ландшафтных пейзажей Уильяма Ходжеса, Томаса и Уильяма Дэннил на распространение элементов стиля хинди в творчестве английских архитекторов	63
О.Д. Волкова Реставрационные работы в парках Петергофа (прошлое, настоящее и будущее)	70
И.О. Пашинская Сад Царицына острова: история создания	74
А.Е. Ухналев Реставрация Летнего сада и судьба регулярных садов	92
Н.Д. Кареева Три лика Летнего сада. Из прошлого в будущее	102

И.Г. Степаненко Оранжереи и теплицы Царского Села: 200 лет жизни	112
Ю.И. Мошник, М.В. Ефимов Парк Монрепо: к вопросу о национальной идентификации	121
Т.В. Изотова, Д.А. Баранов Возрождение усадьбы Марьино: проблемы старинного пейзажного парка	130
Е.В. Цветкова Усадебный парк Щелькова: исторический обзор	141
Г.Г. Кузнецов Усадебный парк в Вязёмах: современное состояние и некоторые аспекты лесоводственно-экологического мониторинга	154
В.М. Чекмарев Творчество английского садового мастера Фрэнсиса Рида в Царицыне	172
А.А. Баранова Ботанический сад в Царицыне. К истории замысла создания	192
Н.И. Завьялова Планировочные проблемы сохранения архитектурного наследия	200
А.Ю. Литвинцев, Е.М. Шипулина, Т.Г. Сарманова, Р.З. Фарманян, Е.Ю. Чикичева Восстановление сада Бутиных в рамках проекта «Даурский Версаль»	215
М.В. Куликова Историко-культурный ландшафт Государственного Биологического музея: прошлое, настоящее и будущее	217
Е.В. Голосова, В.Д. Журов Главный ботанический сад РАН: история нереализованных проектов	221

ИЗ ИСТОРИИ ЦАРИЦЫНСКОГО ПАРКА

Л.В. Андреева Неосуществленный проект В.И. Баженова парковой галереи в Царицыне	228
---	-----

А.А. Баранова, И.В. Зубков Оранжереи в Царицыне (XVIII–XIX вв.)	232
Е.В. Офицера 1. Земляной вал в Царицынском парке. Причины и история возникновения. По материалам РГИА. 2. Деятельность А.Л. Керкова по благоустройству Царицынского парка	245
И.В. Зубков Проблема обеспечения «общественного спокойствия, тишины и приличия» в Царицыне в «дачный» период его истории	253
Л.Г. Еремина Аршиновский парк	260
С.Г. Калинина Содержание парка Царицыно на рубеже XIX–XX веков	267
П.Б. Ермолов Первая научная реставрация в Царицыне под руководством М.В. Дьяконова в 1954–1961 гг.	272
Е.В. Офицера Опись Царицынскому Дворцу	279
С.Г. Калинина Опись казенным строениям, находящимся в Государевой Царицынской волости	299

От составителей

Первые масштабные реставрационные работы за 200-летний период существования исторического пейзажного парка ансамбля «Усадьбы Царицыно» – объекта культурного наследия XVIII века федерального значения – были произведены в 2006-2007 годах.

Работы выполнялись в рамках Государственной комплексной целевой программы перспективного развития Государственного историко-архитектурного, художественного и ландшафтного музея-заповедника «Царицыно» на 2006-2008 гг., утвержденной постановлением Правительства Москвы от 20 июня 2006 г. №395-ПП, и явились одними из самых масштабных мероприятий по музею-заповеднику «Царицыно».

Реставрации парка предшествовали археологические исследования на территории более 200 га (проведенные совместно институтом Археологии РАН и Археологической службой ГУОП г. Москвы). Исследования дали основу для формирования концепции реставрации, а также приспособления объекта к современным условиям эксплуатации при повышенных рекреационных нагрузках (посещаемость центральной части музея-заповедника в ограде составляет около 6 млн. посетителей в год). Это позволило не только восстановить планировочную структуру парка, выявить места утраченных на протяжении столетий парковых сооружений, но и расшифровать символику отдельных элементов ландшафтной архитектуры конца XVIII – начала XIX века.

В дополнение к собственно реставрационным работам по парку были проведены работы по экологической реабилитации Верхнего и Среднего Царицынских прудов с реставрацией трех существующих и воссозданием 10-ти утраченных прибрежных архитектурных элементов (мостиков, пристаней).

Реставрация существующих парковых павильонов и воссоздание утраченных обогатили архитектурно-художественный облик пейзажного парка и дали возможность миллионам москвичей наслаждаться его уникальной средой и природой.

В настоящее время музей-заповедник «Царицыно» – крупнейший на юге Москвы историко-культурный, музейно-выставочный, природоохранный, досугово-рекреационный и туристский комплекс, призванный удовлетворять многообразные культурные запросы и рекреационные потребности москвичей и гостей столицы, имеющий в своем составе: выдающийся памятник русской истории и культуры, шедевр великих русских зодчих XVIII века В.И. Баженова и М.Ф. Казакова – ансамбль дворцовой

резиденции императрицы Екатерины Второй; пейзажный парк XVIII-XIX вв. (около 80 га) с каскадом Царицынских прудов; комплекс археологических памятников XII-XIII, XVI вв.; комплекс воссозданных четырех знаменитых Царицынских оранжерей, где экспонируются экзотические растения – аналоги тех, что выращивались в них во времена Екатерины II.

Широкий ассортимент красивоцветущих, декоративно-лиственных, плодовых и пряно-вкусовых растений с разных континентов, представленный в Оранжерейном комплексе, а также многообразие травянистой, кустарниковой и древесной растительности пейзажного парка позволили создать музейный эколого-образовательный центр «Царицынские оранжереи».

Организация культурно-досуговых зон на территории музея-заповедника вокруг Царицынских прудов сняла чрезмерную рекреационную нагрузку с особо ценной центральной (дворцово-парковой) части музея, предотвратила деградацию историко-культурных ландшафтов и создала необходимые условия для удовлетворения многообразных потребностей москвичей, в первую очередь населения Южного административного округа столицы, а также позволила развернуть в полном объеме просветительскую, экспозиционно-выставочную, музейно-образовательную деятельность на базе отреставрированных архитектурных памятников, благоустроенной территории, художественных коллекций и вновь созданной функциональной и сервисной инфраструктуры музея-заповедника.

Результаты реставрации крупного памятника садово-паркового искусства дали импульс к научным изысканиям, серьезному осмыслению роли объекта культурного наследия в современной жизни. Конференция «История садов в России: опыт, проблемы, перспективы», прошедшая в музее-заповеднике «Царицыно», высветила многое из того, что еще предстоит сделать в будущем, позволила учесть опыт проведения комплексных реставрационных работ в Царицыне при реализации проектов реставрации на других объектах садово-паркового искусства. Весомый вклад в подготовку конференции, а затем и настоящего сборника внес большой знаток и энтузиаст изучения садово-паркового искусства доктор искусствоведения Б.М. Соколов, за что мы приносим ему искреннюю благодарность.

И.А. Маркина
заместитель генерального директора, главный хранитель
архитектурно-паркового ансамбля «Царицыно»

**ИСТОРИЯ САДОВ В РОССИИ:
опыт, проблемы,
перспективы**

История и перспективы садовой археологии в России

Понятие «садовая археология» появилось в профессиональном лексиконе искусствоведов, ландшафтных архитекторов и археологов сравнительно недавно, в последней четверти XX века, и по сей день в большинстве стран остается и на периферии ландшафтной архитектуры, редко прибегающей к археологическим методам, и на периферии археологии, привыкшей иметь дело с культурными остатками более значимых и древних объектов. Для более широкого знакомства заинтересованной публики с тем, что такое садовая или парковая археология, в чем ее специфика и область применения в нашей стране, и написан этот текст.

Итак, что же является предметом садовой или парковой археологии? Хотя, казалось бы, сам термин содержит на него ответ, вопрос этот не праздный. Садовой археологией называют соединение двух областей исторической науки – собственно археологии и истории садово-паркового искусства. Например, раскопки курганов или городища на территории какого-либо парка напрямую к садовой археологии не относятся, если эти элементы не связаны с его композицией. Применение ее необходимо и оправдано в тех случаях, когда другие методы исследования, иконографические и документальные, исчерпаны и априори не дают ясной картины. Археология своими уникальными методами, которые постоянно совершенствуются, обеспечивает более глубокое изучение садов и парков, позволяя их виртуально или в натуре реконструировать с большей долей достоверности, не прибегая к методу аналогий, который всегда нивелирует индивидуальность памятников.

Начнем с краткого экскурса в историю формирования зарубежной садовой археологии. Закономерно, что лидирует по части ее внедрения в практику сохранения и реставрации садово-паркового наследия Англия, где, как известно, история садов вполне может поспорить по популярности с историей самой Великой Британии. Английские университетские курсы (например в Бристоле) по историческим садам и ландшафтам (их, как правило, не отрывают друг от друга) поражают своим объемом. Здесь скрупулезно анализируют не только такие всемирно известные сады, как Бленэм или Стоу, но и множество малоизвестных, а также региональные особенности садов в разных частях страны (например Оксфордшира или Корнуэлла), дабы не упустить из вида малейшую черточку бережного национального облика. Неудивительно, что садовую археологию как

специальную дисциплину изучают здесь во многих университетах в рамках «Истории садов» на отделениях Археологии и Антропологии. Здесь изданы фундаментальные книги¹, существуют и востребованы профессии «ландшафтный археолог» и «садовый археолог».

Первым объектом садовой археологии в Англии считают раскопки Кирби Холла² в Норсемптоншире еще 1930-х гг., но практически садовая археология стала развиваться с 1980-х годов. Определенным импульсом к этому послужила международная Флорентийская хартия о сохранении исторических садов, принятая в 1982 году. Ее классическим примером считаются раскопки Секретного (Privy) садика в Хэмптон Кورте. Его восстановили по найденным остаткам XVII века, хотя, вероятно, под ним сохранились следы более раннего сада Тюдоров, который, как пишет английская пресса, будет открыт будущими поколениями археологов, когда появятся сверхчувствительные геофизические приборы, новые дистанционные методы, позволяющие исследовать его, не разрушая поверхности.

К слову сказать, английская археология, в том числе садовая, очень щепетильно относится к сохранности культурного слоя, остро ставя вопрос об ответственности археолога за его неизбежное нарушение при проведении работ. Это справедливо, ведь технологии археологов постоянно совершенствуются, и кто знает, какие неожиданные открытия можно будет сделать на тех же самых объектах в будущем. В 1995 г. английское отделение ИКОМОС провело масштабную конференцию «Техники и применение садовой археологии», на которой стало формироваться ее правовое обеспечение и складываться основные направления исследования (кстати, одно из них называется «археология деревьев»). Все это свидетельствует об очень высокой культуре сохранения исторического наследия в Великобритании. (Неизбежно вспоминаются «достижения» нашей так называемой «охранной археологии» за последние десятилетия³, когда систематически стали уничтожения памятников археологии под застройку. Заказчикам подобных работ, конечно, не приходит в голову, что культурный слой – это память места, которая должна оставаться «живой» для наших потомков, для возможных исследований спустя столетия).

К 1930-м гг. относится появление в Англии и термина «ландшафтная археология», который обрел определенность в середине 1950-х гг.⁴, а как область исследований ландшафтная археология сформировалась только в

¹ Christopher Taylor. *The Archaeology of Gardens*. Shire Publications, 1988; Cris Currie. *Garden archaeology*. London, 2005.

² B. Dix. *Garden Archaeology at Kirby Hall and Hampton Court* // *Current Archaeology*, № 140. P. 292-299.

³ Хотя примеры уничтожения памятников археологии научными методами начались еще в сталинские времена при постройке канала Москва-Волга, систематическими они стали с 1970-х гг.

⁴ Английские источники выделяют в этой связи работы: O.G.S. Crawford. *Archaeology In the Field*. 1953; W.G. Hoskins. *Making of English Landscape*. 1955.

1970-х годах⁵. Исторический ландшафт в Англии давно стал одной из важнейших характеристик исторической среды и одним из главных объектов ее исторического наследия. Особенно широко исторические ландшафты здесь стали изучать после того, как ЮНЕСКО внесла «культурный ландшафт» в перечень объектов мирового культурного наследия. Неслучайно в Англии немало таких «списочных» ландшафтов.

Например, в Оксфордском университете читаются специальные курсы по ландшафтной археологии (*Landscape archaeology*), популярность которых все время растет, по этой дисциплине пишутся дипломы и защищаются диссертации. Изучаются все виды ландшафтов – от гор до морского побережья, от сельских поселений до городских⁶ и промышленных территорий⁷. Кстати, существует понятие и промышленной, или индустриальной археологии⁸, введенное в научный оборот профессором Бирмингемского университета Д. Дадли в 1955 г. (в отношении археологических раскопок в Бельгии)⁹. Начало ее практического применения связано с основанием музея Айронбридж Гордж в Шропшире в Англии в 1968 году¹⁰. Однако промышленная археология редко использует раскопки, хотя ее методика стратификации и послойного изучения ландшафта, архитектурной среды, обрудования и предметов весьма схожа с традиционной археологией.

В научном арсенале ландшафтной археологии помимо традиционных археологических методик, имеются сравнительно новые методы исследования, как аэрофотосъемка и компьютерное сканирование территорий, методы геофизики и высоких технологий. Если еще 50 лет назад большинство исторических ландшафтов Соединенного Королевства датировалось XVIII веком, то сейчас положение существенно изменилось. Целью большинства исследований является изучение доисторических или римских поселений, то есть поиск определенных следов человеческой деятельности. Археология позволяет датировать ландшафты, уточнять этапы их развития. Под общим названием «*Landscape archaeology*» издаются толстые тома археологических изысканий. К сожалению, до таких высот нам еще далеко.

⁵ В числе причин называют резкое увеличение пахотных земель в Англии, распаивание под пастбища многих, ранее свободных, территорий в 1950-1960-х годах, а также быстрое развитие аэрофотосъемки, позволившей ясно фиксировать эти изменения.

⁶ J. Oates et al. Early Mesopotamian urbanism: a new view from the north // *Antiquity* 81, 2007. P. 585.

⁷ E. Bloxam, T. Heldal. The Industrial landscape of the Northern Faiyum Desert as the «outstanding universal value» of third millennium bc stone quarrying In Egypt // *World Archaeology* 39, 2007; D. Evans. A comprehensive archaeological map of the world's largest preindustrial epoch // *Proceedings of the National Academy of Sciences* 104(36), 2007. P. 14277-14282.

⁸ Buchanan R.A. *Industrial Archaeology In Britain*. 1972; Daumas M. *L'Archeologie en France*. Paris, 1975.

⁹ Штигилиц М.С. Методологические основы индустриальной археологии и наследие петербургского промышленного зодчества // *Памятники истории и культуры Петербурга*. СПб., 2000. С. 284-285.

¹⁰ Там же. С. 290.

По примеру своей alma mater определенное развитие садовая археология получила в последние десятилетия и в США. В Дамбэртон Оакс на базе исследовательской библиотеки и археологической коллекции с 1982 г. ведутся работы по садовой археологии. Именно этот научный центр финансировал археологические работы Вильгельмины Джешемски по садам в Помпеях, Геркулануме и античным виллам, разрушенным Везувием, которые в результате составили целое явление в садовой археологии. В последующие годы в Дамбэртон Оакс продолжались присуждаться гранты работам по этой тематике. Chicora Foundation¹¹ (штат Колумбия) в 2004 г. были исследованы археологическими методами сады XVIII века на плантациях в Южной Каролине, найдены партеры, остатки садовых сооружений («капризов»), исследованы почвы, методами палинологии найдена пыльца лекарственных растений и цветов, которые растут в современных садах в этих местах до сих пор, и т.д.

Стоит упомянуть и некоторые неожиданные формы, которые приобрела в последние годы садовая археология в Штатах. Прагматичные американские археологи, к примеру, предлагают владельцам коттеджей и вилл провести раскопки на их земле, то есть фактически в их «садах», чтобы пролить свет на их прошлое и обрести недостающую им историю. Впрочем, хотя это и называется садовой археологией, но, как правило, имеет отношение не к истории садово-паркового искусства, а к истории материальной культуры. Как тут не вспомнить повальное увлечение владельцев русских усадеб в конце XIX – начале XX века раскопками курганов в своих владениях, которое, впрочем, контролировалось Императорским археологическим обществом и проходило с участием профессиональных археологов.

В числе бесспорных мировых достижений садовой археологии нельзя не назвать регулярный Сад лунного света у индийского Тадж Махала и ландшафтный немецкий парк Кляйн-Гленике¹², реставрированные в соответствии с данными археологов. Впрочем, по признанию западноевропейских историков садов, оставаясь все же падчерицей классической археологии, садовая археология развивается в основном благодаря расширению общественного интереса к садоводству и его истории. Археологические работы в садах в силу ряда причин, в том числе из-за своей объективной дороговизны, продолжают оставаться явлением нерядовым. Вероятно, поэтому не так давно в Интернете появился сайт международной ассоциации «Общество садовой археологии»¹³, который ставит задачу наладить контакты между людьми по проблемам садовой археологии вне каких-либо географических и культурных барьеров. Его основателем стал Национальный исследовательский институт Культурного достояния в Наре – древней сто-

¹¹ <http://chicora.org/plantation-garden-archaeology.html>

¹² Michael Seiller. Klein-Glienicke, a classical landscape garden: basis and methods of the renewal of its pleasure ground, especially the significance of maps and garden archaeology // Journal Scientific «Jardins et sites historiques» (1993).

¹³ <http://www.gardenarchaeology.landscape.cornell.edu>

лице Японии, при поддержке американского исследовательского центра в Дамбэртон Оакс. В оргкомитет Ассоциации вошли представители США, Англии, Японии, Испании, Мексики и Китая.

Садовая археология в России – фактически новая область ландшафтной деятельности. У нас по сей день не существует такой профессиональной специализации, что не удивительно, поскольку и само садово-парковое искусство чаще всего не воспринимается как значительный элемент отечественного культурного наследия. На практике археологическими исследованиями садов занимаются у нас единицы. Они обычно попадали в поле зрения археологов в составе каких-либо более крупных градостроительных образований – древних городов, дворцов, усадеб. Раскопки в исторических садах выполняют археологи общего профиля. Для многих из них подобные работы чаще всего не представляют специального интереса, поскольку исследуемые памятники, как правило, «новые» – не старше 300 лет.

Неудивительно, что по российской садовой археологии мало что можно прочесть – большинство сведений отрывочны, случайны и хранятся в специализированных археологических отчетах. Некоторые разрозненные данные о садово-парковом искусстве можно почерпнуть и в работах этнографов, использовавших археологические данные. Однако все это еще предстоит отыскать и систематизировать. И все же небольшую историографию садовая археология имеет и в нашей стране.

Еще в 1973 г. на конференции ИКОМОС, посвященной культуре Востока, советскими учеными – известным знатоком ландшафтной архитектуры Е.М. Микулиной и молодым узбекским археологом М.С. Тохтаходжаевой – был сделан доклад «Проблемы садовой археологии в СССР»¹⁴. В ней авторы выстроили краткую ретроспективу работ, которые можно было бы связать с садовой археологией в СССР. В этом ряду первыми были названы широкомасштабные раскопки садов Средней Азии 1941-1947 годов вокруг Хорезма¹⁵, Бухары и Самарканда¹⁶, проведенные известным советским востоковедом Г.А. Пугаченковой (1915-2007), обобщившей свои находки в статье, посвященной садово-парковому искусству эпохи Тимуридов¹⁷. Богатейшая империя Тимура создала разветвленные ирригационные системы, питавшие не только поля, но и сады. Их остатки вместе с фундаментами садовых построек и были найдены. Впрочем, такое конкретное исследование именно садов, базирующееся на данных археологии, было в СССР безусловным исключением.

В той же статье упоминался и ряд других археологических объектов: античные города в Крыму (Херсонес, Пантикапей, Ай-Тодор), крымские средневековые поселения (Мангуп-Кале, Бахчисарай), включавшие сады,

¹⁴ Micoulina E., Tochtahojajeva M. Problems of Garden archaeology In the USSR. (Труды ICOMOS)

¹⁵ Обнаружен сад, датируемый XIII веком, а также сады XVI века.

¹⁶ Здесь обнаружено не менее 13 садов XIV-XV веков!

¹⁷ Пугаченкова Г.А. Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов // Труды САГУ. Вып. XXIII. Гуманитарные науки. Кн. 4. (История). Ташкент, 1951. С. 143-168.

однако подчеркивалось, что здесь, как и в Грузии, Армении и Азербайджане, специально садовой археологией никто не занимался. Из средневековых памятников в центральной части СССР с садами упомянуты Александрова Слобода, Борисов Городок, где были найдены остатки пруда с искусственным островом и «потешными чердаками»¹⁸, то есть павильонами, а также царские сады в Измайлове под Москвой. Огромный массив садово-паркового наследия XVIII-XIX веков даже не был упомянут, поскольку археологически его тогда почти не исследовали.

Тем не менее в послевоенные годы в стране начались реставрационные работы в исторических парках, причем их количество заметно выросло в 1970-1980-х годах. В основном это были усадебные сады и парки, которыми занимались в Москве – в старейшей реставрационной организации ЦНРПМ, в Спецпроектреставрации и Лесоустроительной экспедиции «Леспроекта», в Петербурге – в Архитектурно-реставрационных мастерских Управления по делам архитектуры, созданных также после войны для восстановления разрушенных ансамблей Ленинграда и пригородов (ими в 1945-1950-х гг. были выполнены проекты реставрации пейзажных и регулярных парков Царского Села и Павловска).

Справедливости ради надо сказать, что уже тогда предпроектные реставрационные исследования нередко включали разделы археологии. К примеру, в штате ЦНРПМ состояли профессиональные археологи, среди которых первым нужно назвать имя Е.Л. Хворостовой, занимавшейся не только средневековыми сооружениями, но и парковыми обследованиями: археологическими методами она не раз находила фундаменты исчезнувших строений, беседок, трассы дорожек и т.д. Элементы археологии содержали и частью любительские, частью профессиональные раскопки историков ландшафтной архитектуры и реставраторов. К примеру, в 1960-1961 гг. Ю.А. Веденин под началом А.В. Бунина делал парковые зондажи в Муранове, а в 1962 г. вместе с Л.В. Тыманом в Яропольце Гончаровых. В 1960-е гг. прошли археологические работы в Летнем саду Петербурга (найден Гаванец у дворца Петра I, были произведены раскопы на местах основных сооружений сада XVIII века).

Занимаясь в 1976-1977 гг. в ЦНРПМ (тогда – ВПНРК) исследованиями сравнительно неплохо сохранившегося регулярного парка в усадьбе Гребнево, я сама заложила десятка полтора шурфов, чтобы узнать, как были замощены дорожки. Помимо ширины и профиля парковой дорожки шурфы показали и любопытную картину – часть дорожек некогда посыпалась битым белым камнем, другие – битым кирпичом. Без шурфов эти цветочные эффекты так и остались бы скрыты. Аналогичные исследования были про-

¹⁸ Т.Б. Дубяго предполагала, что в Борисовом Городке существовал «водный сад», возможно созданный под влиянием садов Индии и Китая.

ведены и в парке московской Мамоновой дачи, где зондажи, напротив, не выявили твердого покрытия¹⁹.

В 1980-е гг. небольшие археологические изыскания в Яропольце Чернышевых и Новоспасском Глинки предпринял реставратор-исследователь Я.Д. Янович. К этому же времени относятся работы Л. Виноградовой (Спецпроектреставрация) по парку в Богородицке. На основе рисунков А.Т. Болотова и данных парковых зондажей ей удалось сделать поразительно точный проект реставрации Богородицкого парка, к сожалению, до сих пор не востребованный.

Важный вклад в историю российской садовой археологии конца XX века внесла Валентина Александровна Агальцова (1935-2004)²⁰ – уникальный, единственный в своем роде специалист по реставрации русских парков, обладательница поразительной садово-парковой интуиции и редкой созидательной энергии. Ее творческий путь начался в конце 1960-х – начале 1970-х гг. с парка в Спасском-Лутовинове (1967), за которым последовал поистине триумфальный перечень жемчужин нашего садово-паркового искусства. С 1970 г. началась ее работа в Тарханах, продолжавшаяся до 2001 г., в 1971 г. – обследование и эскизный проект реставрации парка в усадьбе Борок В.Д. Поленова, в 1972 г. – в Карабихе, в 1973 г. – в Остафьеве, в 1975 г. – в Гребневе и «Горках Ленинских»²¹, 1977-1980 гг. – проект реставрации регулярного и пейзажного парков Архангельского, 1979 г. – Останкина, 1970-1980-е гг. – обследования и проекты территории усадьбы Белинского в Чембаре, парков Абрамцева, Муранова, Б. Болдина, Ясной Поляны, Ясенева, Шаблыкина, Шахматова, Коломенского, Хантанова, Семеновского-Отрады, Палибина, Знаменского-Райка, Коноплина и других²². По ее собственным словам, ею было обследовано и спроектировано более 150 парков²³.

Интерес Агальцовой к усадебным паркам закономерен, именно их она считала произведениями искусства: «В советский период практически не было создано значительных образцов садово-паркового искусства, поэтому особый интерес представляют именно исторические сады и парки.

¹⁹ Нащокина М.В. Материалы исследований парка усадьбы Васильевское в Москве // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 2001. Вып. IV. С. 139.

²⁰ В 1957 г. окончила МЛТИ как инженер-озеленитель с красным дипломом, тогда же устроилась в «Леспроект» на должность техника-геодезиста во 2-ю лесоустроительную экспедицию. Первоначально работала в Измайловском и Кузьминском парках, в Битцевском лесопарке. С 1965 г. проводила таксации во Владивостокском леспархозе, в 1967 г. вернулась в Центральное лесоустроительное предприятие. В 1988 г. назначена начальником Парколесоустроительной экспедиции. В 1990 г. защитила диссертацию на степень кандидата с/х наук, с 1993 г. – доцент кафедры лесоустройства в МГУЛеса (по совместительству). В 1995 г. В.А. Агальцовой присвоено звание Заслуженного работника культуры РФ. В 1998 г. она была избрана членом-корреспондентом Российской Академии Естественных Наук (РАЕН).

²¹ Агальцова В.А. Горки Ленинские. Сохранение и восстановление ландшафтов. М., 1987.

²² Опыт изучения этого внушительного ряда парков был обобщен в книге: Агальцова В.А. Сохранение мемориальных лесопарков. М., 1980.

²³ Русский сад. Мастерская Валентины Александровны Агальцовой // Девичник. 2006. № 3.

Среди созданных в советский период можно назвать парк Победы и Парк имени Кирова в Ленинграде, а также Нагорный парк Ильина в Нальчике – вот, пожалуй, и все»²⁴.

Садовая археология заняла заметное место в ее исследованиях садов. Талантливый, энергичный человек, пришедший в реставрацию еще в юности, она с течением времени на базе собственного опыта сумела выработать методологию реставрации русских парков, основанную на доскональном знании истории, особенностей предмета и собственной интуиции и, безусловно, включающую данные парковой археологии. Наиболее яркое выражение это получило в парках Пушкинского заповедника, где Агальцова начала работать в 1994 году. Работа длилась пять лет, и к пушкинскому юбилею усадебные парки Михайловского, Тригорского и Петровского предстали перед нами не как массивы разновозрастной зелени, а произведения садово-паркового искусства, созданные руками предков и современников поэта. Работы были выполнены при участии созданной ею фирмы «Русский сад»²⁵ и закономерно получили высокую общественную оценку²⁶.

Особенно хочется отметить реставрацию парка в Тригорском²⁷, представшего перед публикой в новом качестве. Это – несомненное открытие в русской культуре, до сих пор еще не в полной мере оцененное. С помощью археологических данных была воссоздана водная система парка, состоящая из нескольких прудов. Вместе с выявлением старых деревьев это дало возможность реконструировать затейливую и символически наполненную композицию мавританского парка, представления о котором у нас до этого были весьма смутными. Несколько позже, в 2000 г., была закончена реставрация парка в Петровском²⁸, также археологически выявившая ряд существенных элементов первоначальной парковой композиции – восстановлены горки-улитки, хозяйственный прудок и другие детали.

Одновременно шло, давая удивительные находки, пожалуй, самое трудоемкое археологическое обследование парка в другом ганнибаловском имении, пока еще неизвестном широкой публике, – Воскресенском. Раскрытие Агальцовой Воскресенского, поглощенного мелколесьем, чем-то напоминало раскопки в Помпеях. Казалось бы, здесь уже ничего не напоминало о присутствии человека. Но оказавшись в густых и невыразительных зарослях ольшаника и ивняка вместе с ней, мы – группа Общества изучения русской усадьбы, неожиданно стали постигать иное – усадебное

²⁴ Там же.

²⁵ В 1996 г. В.А. Агальцова организовала фирму ООО «Русский сад». В нее поступили работать в основном дипломники, подготовленные ею в Университете леса.

²⁶ В 2000 г. В.А. Агальцова была удостоена почетного звания Лауреата Государственной премии за реставрацию парков Пушкиногорья.

²⁷ Агальцова В.А. О восстановлении и реконструкции парка в усадьбе Тригорское Музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» // Русская усадьба, 1999. № 5. С. 92-112.

²⁸ Агальцова В.А. Петровское. К вопросу реконструкции усадебного парка // №6 (22) М., 2000. С. 319-332.

измерение этого совершенно видоизмененного пространства. Среди еще не вырубленного подроста с помощью Агальцовой мы «увидели» главный дом с парадным двором, с видовым прозором на пруд, напоминающий по форме кита, небольшой парк с липовыми аллеями, службы... К сожалению, Валентине Александровне не удалось полностью завершить эту реставрацию: ее последней законченной работой стал усадебный парк в Овстуге (2003).

Конечно, реставраторы парков, как бы ни были они талантливы, не проводили изучения почв, фитолитов (остатков растений) и микроорганизмов (это направление только начало развиваться в нашей археологии), не применяли методов палинологии²⁹, дендрохронологических³⁰ и других сложных исследований, которые сегодня при необходимости могут показать возраст и породы некогда росших там деревьев. Это методы профессиональных археологов. И такие работы также имели место в последние годы. В 1995 году археологом М.В. Фроловым были проведены раскопки в Останкинском дворце и парке³¹, способствовавшие в конечном итоге проведенной научной реставрации регулярного парка.

Беспрецедентные по масштабу и находкам раскопки были проведены в 1999-2000 гг. в Лефортовском парке под руководством Центральной археологической инспекции Главного управления охраны памятников г. Москвы и участия главного археолога Москвы А.Г. Векслера³². Их общая площадь составила 2000 м² и ставила задачу подготовить материалы для реставрации и воссоздания этого исторического памятника. Работы проводились в трех основных зонах парка: в зоне Анненгофского канала, в зоне Головинского пруда, в зоне Крестового и Большого Нижнего прудов. Для начала на современную геоподоснову была наложена карта XVIII века, приведенная к тому же масштабу, – это позволило наметить места шурфов. Необходимо было найти первоначальные отметки дна и водного зеркала каждого из прудов, уточнить их границы и абрис островов, обнаружить конструкции укрепления берегов, места расположения мостов и фонтанов, ширину набережных и т.д. В результате археологических исследований удалось сделать немало открытий по технике водоустроительных работ и благоустройству этого единственного в своем роде водного парка начала-середины XVIII века в Москве. Конечно, никакие другие методы не смогли бы дать такого исчерпывающего и бесспорного документального материала. Теперь

²⁹ Это исследование пыльцы растений, которое появилось в археологической практике в начале XX века.

³⁰ Подобные исследования с 1960-х гг. проводила Лаборатория Института археологии РАН.

³¹ Фролов М.В. Отчет об археологических исследованиях главного здания и прилегающей территории усадьбы Останкино в 1995 г. // Архив Музея-усадьбы Останкино. Ф. 3. П-П 57-26. № 1526.

³² Здесь и далее см.: Векслер А.Г., Пирогов В.Ю. Археологические исследования в Лефортовском парке // Русская усадьба. М., 2002. Вып. №8 (24). С. 290-299.

важно провести его научную реставрацию в соответствии с найденными материальными остатками.

Типологически сходные работы, но гораздо более камерные, были проведены под руководством археолога Ю.Л. Щаповой в небольшой подмосковной усадьбе Александрово (Щапово) в 2005 году³³. Исследовано было русло небольшого ручья с целью обнаружения подлинных конструкций уничтоженного в 2003 г. старинного паркового мостика последней четверти XVIII века. Раскрытия дали поразительные результаты – были найдены не только габариты и белокаменные элементы конструкций и декора мостика, но оказалось, что все русло ручья первоначально было вымощено белым камнем, уложенным с небольшими ступенчатыми перепадами для создания эффекта тихого журчания потока. Белокаменными были и стоки в ручей с основной территории парка. Таким образом, археологические данные помогли не только воссоздать небольшой парковый мостик (к сожалению, уже в новых материалах), но и открыть совершенно неизвестную страницу паркового благоустройства сравнительно небольших подмосковных усадеб XVIII века.

В 2001 г. были археологически раскрыты все планировочные элементы Собственного садика в Петергофе на Царицыном острове, в настоящее время уже реставрированного и открытого для посещения. В первые годы XXI столетия для последующей реставрации были проведены археологические исследования в нескольких петербургских садах, входящих в комплекс Русского музея, – в Михайловском саду, у Михайловского замка (раскрыты конструкции мостов через ров вокруг замка, глубина и оформление самого рва и т.д.), во дворе Строгановского дворца, в Летнем саду и некоторых других.

Недавно археолог Н.А. Кренке провел раскопки на Романовом дворе в Москве, за новым зданием Московского университета на Моховой. Был найден сад первой трети XIX века с керамическими кадками для растений. Любопытно, что археологи проследили всю историю этого участка. Под садом оказались остатки Монетного двора, под ним Опричный двор, под которым, в свою очередь, остатки небольшого пригородного поселения XIII века.

В 2005 г. значительные археологические работы были проведены в Царицыне. Здесь работали две археологические экспедиции Института археологии РАН (под руководством Н.А. Кренке) и экспедиция Центральной археологической инспекции Главного управления охраны памятников г. Москвы (под руководством А.Г. Векслера). Помимо фундаментов первоначальных дворцов был раскрыт склон к западу от дворца, на котором были ясно видны его трансформации при Кантемире,

³³ Щапова Ю.Л., Силантьев Г.Л. Гидротехнические сооружения XVIII в. в усадьбе Александрово-Щапово. Предварительные исследования // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 12 (28). М., 2006. С. 757-776.

Баженове и Казакове³⁴, исследованы первоначальные отметки уреза воды, найдена парковая дорожка конца XVIII века вдоль берега пруда, покрытая битым кирпичом, исследован остров с Русалкиными воротами. Раскопки были произведены и вокруг Храма Цереры, где обнаружено городище бронзового века, а в прилегающем рве – элементы паркового благоустройства.

Недавно С.З. Чернов впервые провел серию археологических исследований в садах Измайлова – на территории Зверинца рядом с пасеккой, в Просвянском и Тутовом садах³⁵. Заложённые шурфы в целом подтвердили регулярные композиции, известные по чертежам конца XVII века. В 2006 г. археологи С.З. Чернов и Е.Л. Хворостова провели раскопки в парке подмосковной усадьбы Степановское³⁶, раскрыли любопытные элементы его композиции. Наконец, сенсационные результаты дали раскопки О.М. Алейникова в 2008 г. в Великом Новгороде. У Десятинного монастыря, в Прусском конце города, был раскопан регулярный сад XI века, в котором росли яблони. Это первый русский сад такого почтенного возраста.

Таким образом, наша садовая археология, хотя и не оформилась в самостоятельное направление археологических исследований, тем не менее успешно развивается в последние годы. Этот отрадный факт даёт надежду на фактическое возвращение из небытия значительной части нашего национального культурного наследия, ведь в России ещё физически существует огромный массив неисследованных провинциальных парков, таящий в себе немало открытий. Большинство из них – усадебные сады, а потому не имеют, как правило, иконографии и других документальных источников, относящихся к периоду их создания и развития. Конечно, вряд ли все из них удастся сохранить, но исследования, в том числе археологические, наиболее значительных из них позволили бы в перспективе на документальной основе обосновать и проанализировать своеобразие русского садово-паркового искусства. Только привлекая методы археологии, можно создать и прочную научную базу для реставрации наших исторических садов и парков. Отсутствие в нашей стране достаточного количества полностью сохранившихся садов и парков делает археологические исследования и последующую полноценную реставрацию единственным способом сохранения подлинных страниц нашей некогда богатой и самобытной садовой культуры.

³⁴ Кренке Н.А. и другие. Работы возле Большого дворца и в парке Царицыно // Археологические открытия. 2005 г. М., 2007. С. 167-170.

³⁵ Чернов С.З. Исторические ландшафты Измайлова: первые опыты натурных исследований // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 11. М., 2008. С. 53-80.

³⁶ Чернов С.З., Хворостова Е.Л. Раскопки в усадьбе Степановское // Археологические открытия 2006. М., 2008.

Письменные и изобразительные источники при реконструкции исторического парка

Процесс реконструкции исторических усадеб невозможно представить без восстановления прилегающего природного и исторического ландшафта или, в крайнем случае, без воссоздания отдельных элементов паркового ансамбля, некогда окружавшего усадьбу. К сожалению, зачастую этой задачей пренебрегают, забывая, что парк и усадебный дом, как правило, представляют собой единое целое, они взаимосвязаны не только стилистически, но и образно. Парк является продолжением дома и в еще одном, весьма специфическом свойстве: он по-своему отражает быт, привычки и образ жизни обитателей усадьбы, а в какой-то степени даже их мироощущение. Зеленые насаждения – всегда предмет особых забот, связанных с посадкой цветов и деревьев, уходом за садом и огородом, сенокосом и прочими неотъемлемыми сторонами усадебной жизни. Но в то же время – источник «идиллических наслаждений»: владельцы усадьбы и их гости пили чай на террасе, откуда открывался захватывающий вид на окрестности, устраивали пикники на природе, пешие и конные прогулки, на скамье в укромном месте признавались в любви, а из беседки над обрывом реки любовались закатом солнца и предавались мечтам и думам. Таким образом парк становился местом, где протекала самая сокровенная и счастливая часть жизни усадебных обитателей. И это еще одна причина того, почему столь необходимо тщательное и документально обоснованное восстановление усадебных парков, особенно, если они связаны с личностями, которые много значили для истории и культуры России.

В этой статье речь пойдет о специфике использования письменных и изобразительных источников в процессе реконструкции исторических парков. При этом в качестве примеров будут использованы материалы, связанные с подмосковной усадьбой Абрамцево, которая в конце XIX века стала одним из наиболее ярких очагов художественной жизни России, где рождались самобытные таланты и формировались новые направления в изобразительном и прикладном искусстве.

Источники сведений при реконструкции исторических парков

В.А. Агальцова в своей книге «Сохранение мемориальных лесопарков» перечисляет 4 основные группы источников при реконструкции исторических парков:

Натурные изыскания

- инвентаризация и картирование растительности с использованием крупномасштабных планов (1:500, 1:1000)
- археологические исследования
- фитопатологический, почвенный и гидрологический анализ

Картографические источники

- планы усадеб, показывающие их планировку на определенный период времени

Письменные источники

- бюджетные книги, отчеты управляющих, сметы, счета, купчие
- переписка, мемуары, воспоминания старожилов, заметки в газетах и журналах о посещении усадьбы разными лицами

Изобразительные источники

- фотографии, рисунки, картины, запечатлевшие облик усадьбы в период мемориализации¹

Чтобы воссоздать облик исторического парка в максимальном приближении к первоначальному, необходимо использовать весь комплекс вышеперечисленных источников, сопоставляя и анализируя полученные данные. При этом следует учитывать, что как степень объективности, так и сам характер этих данных могут сильно различаться в зависимости от того или иного типа источника.

Группы письменных источников

Наиболее объективными по своему содержанию письменными источниками являются разного рода **документы, относящиеся к хозяйственной деятельности**, – отчеты управляющих, хозяйственные записки, счета и сметы, реестры садовых мастеров и т.д. Все эти документы дают ценнейшую информацию о хозяйственной жизни усадьбы, в том числе – важные сведения об ассортименте усадебных растений, относящихся к группе так называемой «культурной флоры». Ведь, как правило, территория любой русской усадьбы, расположенной в средней полосе России, состояла, по крайней мере, из нескольких зон – парадной, примыкавшей к дому, хозяйственной и лесопарковой, которая, в свою очередь, являлась переходной к окружающим усадьбу лесным массивам. Парадная зона вносила некоторый элемент регулярности в парковый ансамбль усадьбы и несла на себе явный отпечаток «рукотворности». Как правило, именно здесь высаживались всевозможные представители «культурной флоры» (интродуцированные растения либо культурные формы природных видов), факт приобретения которых отражался в хозяйственных документах. По ним же мы можем узнать многие подробности хозяйственной жизни усадьбы, в том числе – ассортимент выращивавшихся в ней плодовых, овощных и зерновых растений.

¹ Агальцова В.А. Сохранение мемориальных лесопарков. М, 1980. С. 18-24

Важные сведения о структуре и характеристике лесных и хозяйственных угодий содержат **юридические документы** (купчие, завещания и проч.). Их ценность увеличивает тот факт, что не сохранились планы многих усадеб и вопрос о площади и распределении земель различной категории во многих случаях остается открытым. Юридические же документы в какой-то степени позволяют этот пробел восполнить.

По-своему важная группа письменных источников – **личная переписка владельцев усадьбы и их личные записи** (записки, дневники, семейные альбомы и т.д.). Здесь можно найти ценную информацию о хозяйственных распоряжениях, работах по благоустройству парка, а также о состоянии парковых насаждений и приобретении новых растений. В качестве примера такого рода документов, позволяющих пролить свет на многие страницы истории абрамцевской усадьбы, можно назвать «Летопись сельца Абрамцева» – своего рода усадебный альбом, который на протяжении многих лет вел хозяин Абрамцева Савва Иванович Мамонтов. Из этих записей мы узнаем о постройке в Абрамцеве в 1871 г. оранжереи, в которой и были выращены персики, запечатленные В. Серовым на его знаменитой картине «Девочка с персиками»: «Летом 71 года построена оранжерея и куплены фруктовые деревья (персики и сливы) из Артемова и Жилкина (деревни недалеко от Абрамцева – А.Г.). Вместе с деревьями поступил к нам садовник Михаил Иванович и так отлично пересадил их, что они не переставали приносить плоды»². Записи, относящиеся к рубежу 70-80-х гг. XIX века (Савва Иванович начал вести «Летопись» в 1881 г. и события предшествующего периода излагал по памяти), свидетельствуют о достаточно широком размахе работ по благоустройству абрамцевской усадьбы. Как пишет Савва Иванович, «осенью (1879 г. – А.Г.) была сделана плотина по дороге в дубовую рощу и прорублены правильные просеки в лесу. Составлен новый план Абрамцева»³. В июле 1880 г., сообщает С.И.Мамонтов, «приезжал гостить В.Д. Поленов, с которым мы весьма деятельно очищали реку и вообще открывали виды...Между домом и дорогой насыпан большой курган и выровнено место для сада. Таньон (гувернер детей С.И. Мамонтова – А.Г.) с увлечением занимался земляными работами»⁴. Год спустя, 5 мая 1881 г. в «Летописи сельца Абрамцева» мы находим следующую запись: «Таньон истинно велик в своих землекопских подвигах: с раннего утра и до захода солнца он не бросает лопаты и насыпает горы, укладывает дворик, трассирует дорожки в новом садике»⁵. Результатом усилий месье Таньона стало устройство садика в одном из самых поэтичных мест абрамцевского парка, откуда открывается замечательный вид на окрестности. Впоследствии

² Летопись сельца Абрамцева. МА Рук 36. КП 19. Л. 3 об.

³ Там же. Л. 5 об

⁴ Там же. Л. 5 об.

⁵ Там же. Л. 10

это место стало называться «Таньоновым носом», а в начале XX века здесь установили знаменитую керамическую скамью («скамья Врубеля»).

Немало любопытных подробностей, касающихся истории абрамцевской усадьбы, можно найти и в письмах Саввы Ивановича жене – Елизавете Григорьевне. В одном из этих писем С.И. Мамонтов рассказывает о своем посещении абрамцевской оранжереи в феврале 1874 г.: «Потом мы пошли к Мих. Ив. (Михаил Иванович – садовник Мамонтовых – А.Г), персики у него цветут отлично. Очень большой охотник разводить в крошечных горшечках разные (неразборчиво) черенки в теплой оранжерее, в ящиках вдоль рамы. Место (неразборчиво) весьма удобно для огурцов, а потому я для большей чувствительности передал ему что будто бы ты приказала ему убрать всю эту мелочь и насажать огурцов как более полезную штуку и чтобы к приезду были огурцы»⁶ (здесь и далее сохранены авторские орфография и пунктуация – А.Г). Живую интонацию голоса хозяина Абрамцева доносит нам еще одно письмо Саввы Ивановича, в котором содержится ценная информация об ассортименте культур, выращивавшихся в абрамцевских оранжереях: «Персики начинают отцветать и только стереотипное «как Бог даст» Михаила Ивановича удерживает от надежды на большой урожай фруктов. Я продолжаю пробирать Мих. Ив., чтобы он налегал больше на всякую снедь, т.е. огурцы, салаты, редиски, клубнику и пренебрег бы своими вечными черенками. Кому они в радость. Я все твержу ему, что нам с ним сильно достанется от тебя, если к 1 мая не будет всякой снеди и зелени»⁷.

В свою очередь, одно из писем Елизаветы Григорьевны из Рима позволяет пролить свет на происхождение так называемых «пармских фиалок», ставших одной из легенд Абрамцева: «Вчера мы ездили большой компанией в муниципальный сад, откуда поставляются цветы и растения на весь Рим, ну и ничего особенно интересного там не видали, цветов мало, растения действительно не дурные, можно было бы кое-что выбрать для Любимовки⁸ и Абрамцева»⁹. Письмо несомненно подтверждает возможность того, что какие-то растения были привезены в Абрамцево из Италии (например, стриженные лавры, которые на лето выносили на улицу и, возможно, те же «пармские фиалки»). И действительно, в одном из мест абрамцевского парка – на Таньоновом носу – росли особенно душистые и крупные фиалки, которые называли «пармскими». На самом деле трудно предположить, что в Абрамцеве могли прижиться настоящие пармские фиалки, которые зимой в особых вагонах доставлялись в Россию из Ниццы. Скорее всего, речь идет о крупноцветковой форме фиалки душистой – до-

⁶ РГАЛИ. Ф. 799. Оп. 1. Ед.хр. 320. Л. 3 об.- Л.4

⁷ Там же. Л.5

⁸ МА Рук 333. КП 545/7

⁹ МА КП 8/23 Ж 40

вольно обыкновенного в наших местах растения. Но легенда о «пармских фиалках», привезенных Елизаветой Григорьевной, жива до сих пор.

Кстати, одним из авторов этой легенды была внучка Елизаветы Григорьевны – Елизавета Александровна Чернышева. Ее воспоминания, записанные в 70-80-е гг. прошлого века сотрудниками Абрамцевского музея, являются ценным источником по истории абрамцевского парка, так же, как и воспоминания многочисленных абрамцевских старожилов, гостей усадьбы и родственников С.И. Мамонтова – сына Всеволода Саввича и внучки Екатерины Всеволодовны.

Все эти материалы представляют собой очень важную группу письменных источников, используемых при реконструкции исторических парков, – **мемуарные записи**. Конечно, их отличает меньшая степень достоверности, связанная с субъективностью восприятия и возможными неточностями, которые объясняются как свойствами человеческой памяти, так и временной дистанцией, разделяющей время написания мемуаров и время описываемых в них событий. Сведения, содержащиеся в этой группе источников, нуждаются в дополнительной проверке и сопоставлении с другими данными. Но, с другой стороны, воспоминания очевидцев ценны тем, что они помогают воссоздать тот «образ» парка, который оказался запечатленным в сознании современников. И этот «образ» тоже необходимо учитывать в процессе реконструкции усадьбы, что само по себе несколько не противоречит стремлению к документально подтвержденной достоверности. Дело в том, что «достоверность» облика усадебного парка (если взять отрезок времени не менее 20-30 лет) – понятие очень условное. Парк – живой организм, который развивается по своим законам и в то же время подвластен воле созидающего его человека. Изменчивость облика усадебного парка в пространстве и времени не позволяет воспринимать «историческую достоверность» как некую раз и навсегда зафиксированную реальность. Процесс реконструкции усадебного парка, как правило, предполагает возможность нескольких решений. И тут важно учитывать тот самый «образ», который сложился в сознании современников, не путая его с представлениями и традицией восприятия более позднего времени. Этот документально подтвержденный «образ» парка тоже обладает своей достоверностью, хотя и в другой сфере – сфере субъективной реальности. И только в том случае, если достигается гармоничное сочетание реальности объективной, знание о которой мы черпаем из всевозможных документов, чертежей, планов и результатов натурных исследований, с реальностью субъективной, данной нам через восприятие современников, можно говорить об успехе реконструкции в целом и ее соответствии не только слову, но и духу своего времени.

Изобразительные источники

Для воссоздания субъективной реальности, которую представляет собой «образ парка», неоценимым источником являются **живописные и графические работы** (картины, рисунки, эскизы и т.д.), на которых запечатлен «художественно преображенный образ» парка. С одной стороны, он напрямую коррелирует с реальным обликом парка, но с другой стороны – преображает его в соответствии с мироощущением, творческими установками и художественными задачами того или иного художника.

В Абрамцеве работала целая плеяда замечательных художников, запечатлевших на своих полотнах виды усадьбы и ее окрестности. Картины и рисунки братьев В.М. и А.М. Васнецовых, В.Д. Поленова, И.Е. Репина, В.И. Сурикова позволяют нам живо и зримо представить такие композиционно важные фрагменты усадьбы, как подъездная дорога от станции Хотьково, вид с террасы главного дома, спуск с террасы в Нижний сад, Березовая аллея, Поленовский пруд. Рисунки Е.Д. Поленовой и В.А. Серова воспроизводят вид абрамцевской оранжереи, а многочисленные аллеи и дорожки абрамцевского парка воссозданы в необычайно тонких и совершенных по живописному мастерству работах И.С. Остроухова. В произведениях абрамцевских художников чувствуется благоговейное погружение в красоту окружавшей их природы. Абрамцевский парк, запечатленный на их картинах и рисунках, неразрывно слит с природным окружением, являясь его естественным продолжением. Его художественный образ акцентирует «нерукотворность» красоты – неброской, непритязательной, но по-своему выразительной.

Художники абрамцевского круга много работали на пленэре, стремясь передать в своих работах красоту и одухотворенность природных образов и мотивов: источником их вдохновения были могучие деревья, стройные березовые стволы, живописный папоротник у ручья, заросли сныти и даже лопухи. И в то же время было бы большим преувеличением искать во всех их произведениях одну лишь фактическую точность. В качестве примера можно привести картину А.А. Киселева «Цветник в Абрамцеве» (илл. 3). Судя по всему, на ней изображен уже упоминавшийся Таньонов нос, но откос на заднем плане зарос деревьями, в то время как на другой картине, написанной примерно в то же время (А. Васнецов «Абрамцево» (илл. 1), 1884), он практически лишен растительности. Можно предположить, что в данном случае речь идет об определенной художественной вольности, с которой художник обращался с натурой, о чем свидетельствует и сам состав цветника. Наряду со вполне узнаваемыми флоксами и колокольчиками, а также, предположительно, бальзаминами и левкоями, на картине изображены довольно крупные по размеру цветки с белой серединкой, похожие на сильно увеличенную в размере турецкую гвоздику. Вполне возможно, что это – просто вольный мотив художника, которому нужно

было решить определенные композиционные и колористические задачи. И в этом случае приходилось жертвовать достоверностью.

Еще один подобный пример – картина А.М. Васнецова «Аллея в Абрамцеве»¹⁰ (илл. 2). На ней мы видим вдоль дорожек густые шапки цветов в бело-розовой гамме, а на заднем плане высокий раскидистый куст, увенчанный внушительными сиреневыми кистями. Вероятнее всего, этот куст – плод художественной фантазии автора, решавшего свои формальные задачи в ущерб фактической точности.

Такого недостатка лишены **фотографии** – ценнейший источник для воссоздания документально подтвержденных фрагментов парка и его отдельных элементов – цветников, садовых сооружений, древесно-кустарниковых групп. Их отличает максимально возможная степень достоверности, но в то же время и они не всегда могут дать достаточный материал для научной реконструкции усадебных парков.

Во-первых, имеющиеся в нашем распоряжении фотоматериалы чаще всего фрагментарны. На фотографиях обычно запечатлены владельцы усадьбы и их гости, а фоном им служит главный дом и прилегающая территория, реже – наиболее выигрышные видовые точки либо усадебные постройки. К примеру, в абрамцевском фотоархиве, который, в принципе, сохранился довольно хорошо, большая часть фотографий воспроизводит главный дом, церковь и еще несколько усадебных построек (Васнецовскую «избушку», Баню-теремок). Остальные же участки абрамцевского парка попадали в кадр довольно редко.

Во-вторых, фактографическую ценность фотоматериала ограничивает трудность, а подчас и невозможность определить видовую принадлежность растений на старых фотографиях. Даже деревья, за исключением ели, сосны и березы, различить не всегда представляется возможным, а что уж говорить о цветах! Во многих случаях приходится ограничиваться описаниями типа: «на переднем плане невысокие светлые цветы с неплотными соцветиями». Понятно, что под такое описание может подойти достаточно много растений. Так что фотографии, при всей их достоверности, тоже оставляют поле для разного рода интерпретаций. И чтобы выбрать наиболее верное решение, необходимо привлечение других источников, их тщательное изучение и сопоставление.

Таким образом, из рассмотренных выше письменных и изобразительных источников наиболее объективную информацию по составу «культурной флоры» усадебных парков, изменению их композиционной структуры, внешнему облику и местоположению садово-парковых и хозяйственных сооружений содержат документы, относящиеся к разным видам хозяйственной деятельности, переписка и личные записи владельцев усадьбы,

¹⁰ МА КП 126/1 Ж 196.

а также фотографии, запечатлевшие усадьбу и ее обитателей. Мемуары и живописные произведения рисуют достаточно субъективный, а в некоторых случаях и «художественно преображенный» образ, который, однако, тоже является своего рода реальностью. Ее обязательно надо учитывать в процессе реконструкции исторических парков, и во многих случаях именно документально подтвержденный «образ» усадебного парка помогает правильно выбрать один из возможных вариантов его воссоздания.

О роли парковой скульптуры в русских садах и парках первой половины XVIII века

В развитии садово-паркового искусства начала XVIII века большую роль сыграли преобразования Петра I, которые коснулись различных сторон жизни и быта русского человека. Так, на смену русским традиционным плодовым садам и огородам пришли парки, предназначенные для общественных гуляний. Этому же способствовало нехарактерное для русских садов наличие парковой скульптуры, игравшей немаловажную роль как в организации паркового пространства, так и в общественной жизни, в сознании русских людей.

В конце XX – начале XXI века истории русских парков XVIII века уделяется все больше внимания. Интересные открытия о парковой скульптуре сделаны петербургскими и московскими исследователями¹. Много сохранилось парковой пластики в Петербурге и его пригородах. К сожалению, ранней парковой скульптуры Москвы и Подмоскovie первой половины XVIII века сохранилось немного. В архивных документах, воспоминаниях упоминание о ней встречаются редко. Но важным документальным источником при изучении парковой скульптуры может служить сохранившийся иллюстративный материал: гравюры и рисунки.

Задача данной работы – рассмотреть, используя разные материалы, содержательную сторону парковой скульптуры, которая важна при изучении парка или усадьбы. Содержание статуарной пластики является определяющим при изучении роли парковой скульптуры. Это позволяет проследить, как изменялись роль и значение скульптуры в парке или усадьбе.

¹ Люлина Р.Д., Раскин А.Г., Тубли М.П. Декоративная скульптура садов и парков Ленинграда и пригородов XVIII-XIX вв. Л., 1981. С. 5-39.

Андросов С.О. Рагузинский в Венеции: приобретение статуй для Летнего сада // Скульптура в музее. Л., 1984.

Андросов С.О. Венецианская скульптура начала XVIII века. Малоизвестные и неизвестные имена. // Западноевропейское искусство XVIII в. Л., 1987. С. 63-72.

Андросов С.О. Скульптура на итальянском рынке в начале XVIII в. // Вопросы искусствознания. М., 1996. Вып. 7 (1/96)

Евангулова О.С. Н. Бидлоо и скульптура в Лефортовских садах петровского времени // Русское искусство Нового времени. М., 2001. Вып.7. С. 54-66.

Неверов О. Скульптурные циклы в декоре Летнего сада // Страницы истории западноевропейской скульптуры. СПб., 1993. С. 30.

Рязанцев И.В. Проблемы тематических циклов в скульптуре России 2 пол. XVIII – нач. XIX вв. // Русский классицизм 2-й пол. XVIII – нач. XIX в. М., 1994. С. 101-110.

Рязанцев И.В. Скульптура в садах // Художественная культура русской усадьбы. М., 1995. С. 90-116.

Первым регулярным парком России, в котором присутствовала скульптура, по праву считается Летний сад в Петербурге. Он, как и новая столица, своим созданием обязан Петру I. Это подтверждает и история Летнего сада, где планировка, подбор деревьев, растений, парковой скульптуры были продуманы самим императором, принимавшим деятельное участие в создании парка.

Как известно, первая скульптура появилась в парке к 1710-1711 годам. Здесь были бюсты короля Яна Собеского и его супруги, а также королевы Христины. Наличие данных персонажей, королевской четы, определило репрезентативное назначение сада, который и создавался как памятник первому русскому императору – Петру I. При приобретении скульптуры порой он сам отдавал приоритеты тем или иным персонажам: коронованным особам, древним римским императорам. Приравнивая себя к «древним», Петр I хотел подчеркнуть свое императорское происхождение, исторические истоки власти. Неслучайно место расположения бюстов в Летнем саду – они стоят на первой поперечной аллее, при входе в парк, как бы встречая гостей. В Летнем саду берут свое начало основные принципы будущих скульптурных портретных галерей известных исторических личностей, государственных деятелей, которые появятся позже в Петергофе, Царском Селе, Кускове, Павловске, Архангельском.

Одновременно с бюстами исторических деятелей в саду размещалась статуарная пластика – это были мифологические персонажи и так называемые аллегории. Круг этих героев, вероятно, определялся не только указаниями Петра I, его европейскими впечатлениями, но и определенным каноном, который существовал в Европе в начале XVIII века. Для России роль образца сыграла известная «Роспись, каковы статуи употребляют в наилучших садах царских, королевских и прочих господ вельможных», присланная комиссионером С.В. Рагузинским императору в 1716 г. из Италии. О том, что «Росписью» могли пользоваться при подборе парковой скульптуры, отмечалось и ранее². Многие персонажи Летнего сада «соответствуют» «Росписи», определены источники их поступления, известно кем и когда они закупались³. Можно проследить некоторые особенности и закономерности в подборе – это преобладание «активных» персонажей: Минерва, Беллона, Сатурн, Церера. Они снабжены большим набором атрибутов: сова, факел, лев, зеркало и т.д.

Фигуры даны в движении, порой в сложных ракурсах, поворотах, с S-образным изгибом, с подробной проработкой драпировок. Обилие атрибутов и наличие многочисленных дополнительных «спутников» подчерки-

² Неверов О. Указ. соч.

Рязанцев И.В. Скульптура в садах... С. 105.

³ Андросов С.О. Скульптура на итальянском рынке в начале XVIII в. // Вопросы искусствознания. М., 1996. Вып. 7 (1/96).

Каминская А.Г. Ю.И. Кологривов – деятель русской художественной культуры I-й половины XVIII в. Автореферат диссертации. Л., 1982.

вают познавательный, образовательный характер скульптуры. Она предназначена и для внимательного, подробного рассматривания, где атрибуты являлись своеобразной подсказкой при «узнавании» персонажей.

Среди этих произведений выделяется знаменитая двухфигурная композиция «Мир и Изобилие», которая имеет общественное, идейное направление. Она была заказана Петром I, но прибыла в Россию уже после его смерти. Главным смысловым центром композиции является женская фигура, расположенная слева от зрителя. В левой руке у нее – рог изобилия, в правой – опрокинутый горящий факел. У ее ног – щит, пушка и барабан, что является символом бдительности. Эта фигура олицетворяет Россию. Справа и несколько сзади – другая женская фигура – с большими раскрытыми крыльями. Она как бы парит над первой фигурой, оберегая ее. Это богиня победы Ника, в правой руке она держит лавровый венок и венчает им Россию, в левой руке пальмовую ветвь – символ мира, левой ногой она попирает поверженного льва, олицетворяющего Швецию. Произведение символизирует победу России над Швецией, вследствие чего и получила свое название – «Ништадтский мир» (в Ништадте в 1721 г. был подписан мирный договор между Россией и Швецией). К началу XVIII века многие вельможи побывали за границей и видели европейские резиденции с парковой скульптурой аллегорического содержания. Кроме того, в 1705 г. в Амстердаме издается книга «Символы и эмблемы», в которой расшифровывались натурфилософские, политико-государственные, геральдические, поэтические и другие символы. Таким образом, символика уже была знакома и русским зрителям. Благодаря гармоничной, совершенной композиции, мягкой моделировке, живописному силуэту, в комплексе с эмоциональной передачей образов скульптурная группа стала лучшим образцом садово-парковой скульптуры XVIII века в России. Таким образом, при жизни императора сад с парковой скульптурой имел общественно-репрезентативный характер.

Почти в это же время в старой столице, в Москве, в скромной усадьбе врача Н. Бидлоо, голландца по происхождению, известного как основатель первого в России военного госпиталя и медицинской школы, создается небольшой парк – «уголок отдохновения от работы», как он сам его называл. Различны природные условия, масштабы двух парков, возможности их создателей. Летний сад через восемь лет после возникновения уже принимал знатных гостей. Усадьба Бидлоо через десять лет была так обустроена, что могла принять императора и понравиться ему. Здесь, конечно, учитывались голландские симпатии Петра I: усадьба Н. Бидлоо – представляла собой своеобразные воспоминания хозяина об уютных тихих садах Голландии.

Н. Бидлоо – широко образованный человек своего времени. Он не только был лейб-медиком Петра I, но и обладал знаниями в области архитектуры, паркостроения, устройства фонтанов и фейерверков, участвовал в театральных представлениях. Бидлоо хорошо рисовал, об этом свидетель-

ствуют его сохранившиеся рисунки⁴. Благодаря им стало известно, что парк врача украшали статуи и декоративные вазы. Для Москвы первых десятилетий XVIII века это было необычное и редкое явление. Скульптуры было немного – две женские статуи и две небольшие фигуры, возможно, купидонов. В авторских подписях к рисункам встречается упоминание о Диане.

Учитывая серьезную трактовку скульптуры в парке Бидлоо, данную ранее⁵, тем не менее хотелось бы предположить, что на русской почве ее понимание и осмысление могло быть иным. На это в определенной степени указывает интересный документ, опубликованный О.С. Евангуловой⁶. Это «Проект» Н. Бидлоо о перестройке Головинской усадьбы, где врач и архитектор «жизнь» мифологического героя сравнивает с русской действительностью. Что-то близкое могло произойти и со скульптурными персонажами в московской усадьбе.

Одна скульптура представляла собой фигуру обнаженной женщины в непринужденной позе, с небольшой драпировкой на ногах, стоящей на высоком четырехгранном постаменте. Левая рука женщины отведена в сторону и поднята вверх, в ней небольшой предмет, похожий на цветок. Правая рука отведена назад. Другие атрибуты, «сопровождающие» мифологический персонаж, увидеть на рисунке сложно. Возможно, это Диана. Но довольно свободная композиция, отсутствие атрибутов богини охоты заставляет усомниться в этом персонаже и предположить, что изображена не Диана, а Афродита (или Венера) – богиня любви и красоты. Иногда ее образ трактуют как образ богини плодородия. И тот, и другой персонаж могли присутствовать в парке. Но если Диана – олицетворение первоначальной природы, то Афродита – богиня плодородия, – т. е. олицетворение результатов человеческого труда. В таком случае присутствие богини могло символизировать достигнутое в результате труда благополучие и процветание.

Скульптура гармонично вписывалась в пространство парка. Она размещалась на декоративно оформленном участке, около фигурного прудика. Статуя была установлена на высоком постаменте, на полукруглой площадке в центре овального возвышения из дерна. Этот уголок парка был организован как замкнутое пространство: с одной стороны – пруд, с другой – скругленная высокая стена шпалерника, образующая глубокую

⁴ Виллимзе Д. Неизвестные рисунки Николая Бидлоо – директора первого госпиталя в России. Варбург, Нидерланды. 1975.

D. Willemsse. The unknown drawings of Nicholas Bidloo, Director of the first hospital in Russia. Voorburg, Netherlands. 1975.

Евангулова О.С. Указ. соч. С. 54-66

Аронова А.А. Усадьба Николая Бидлоо: первый голландский сад в Москве//Русская усадьба. М., 1999. Вып.5. С. 181-193.

Также использованы материалы методического центра Клиники НИИ нейрохирургии им. академика Н.Н. Бурденко РАМН.

⁵ Евангулова О.С. Указ. соч. С. 56-57

⁶ Там же. С. 60-61

нишу. Постановка скульптуры в этой части парка была неслучайна. Это первая скульптура, которую видели гости при въезде в усадьбу через триумфальную арку проездных ворот. Фигура стояла на некотором отдалении от зрителя, на возвышенности, специально построенной, и рассмотреть скульптуру можно было только издали, с некоторого расстояния. Создание обусловленной «дистанции» определенным образом «возвышает» персонаж, придает ему большую значимость. Богиня играет роль «хозяйки» усадьбы, приветствующей гостей.

Другая парковая скульптура располагалась около дома врача, в центре небольших партеров-цветников, узор которых напоминал узоры декоративных ковров. Эта женская фигура в полный рост также размещалась на высоком четырехгранном постаменте. В правой ее руке, отведенной в сторону и поднятой вверх, она держит венок – традиционный атрибут богини цветов, весны Флоры. Богиня цветения, молодости изображалась обычно юной девушкой в венке, разбрасывающей цветы. Она «дарила» усадьбе жизнь. А в данном парке она становилась и аллегорией всего нового, с чем сталкивался Бидлоо, – язык и нравы, обычаи русских. Образ богини кроме того, мог быть олицетворением и новой молодой России.

Сохранившиеся рисунки запечатлели разные места парка. Изображения позволяют усомниться в количестве фигур. На одном из рисунков, где дан вид с открытой веранды дома врача на парк, скульптура Флоры расположена непосредственно напротив дома, в центре небольшого партера. А на другом рисунке – вид с противоположной стороны: из парка на дом, при этом скульптура здесь отсутствует. Но если приглядеться, то похожую статую можно увидеть справа, перед шпалерником. Кроме того, рисунки созданы в разное время, что подтверждает состояние цветников – на одном рисунке на партере изображены низкорослые цветы, а на другом – высокие мальвы. Вероятно, на рисунке изображена все та же скульптура Флоры, но не поставленная еще на свое место. Рисунки хозяина являются интересным документальным материалом, и дальнейшее их изучение даст возможность полнее раскрыть жизнь усадьбы и историю ее формирования.

Бидлоо высоко ценил активную преобразовательную деятельность императора. Петр I, в свою очередь, с должным уважением относился к ученому. Неслучайно, именно к Бидлоо обращается император с просьбой о перестройке бывшей усадьбы Головина. Ученый активно работал над созданием ансамбля, в котором также должна была располагаться скульптура. Бидлоо сам выбирает персонажей – это Геркулес и Венера. Геркулес связывался с образом Петра I, победившего своих врагов, а Венера в данном случае олицетворяла императрицу, дарующую любовь своим подданным. Эти персонажи по своему содержанию близки персонажам нижнего сада Петергофа, где фигуры Адама и Евы служили олицетворением Петра I и Екатерины I, «первых людей» Российского государства.

Бидлоо не ограничивался одним изображением Геркулеса – это должен был быть целый цикл, рассказывающий о подвигах известного мифологического персонажа. Скульптура Геркулеса должна была стоять на плотине, на большом фонтане, а на рельефах помещались «подвиги Геркулеса (Геракла)»⁷. Скульптура в императорской резиденции «утверждала» новую власть, прославляя «деяния» Петра I.

В 1730-е гг. «идеологическая» или, как отмечалось уже ранее, героическая направленность подбора скульптурных персонажей остается⁸. Меняется название сада. Он становится Анненгофом. Известно, что в нем в плотине центрального крестового пруда стояла каменная статуя Самсона. По углам большого пруда также стояли 4 белые каменные статуи, а «в одной плотине статуй каменная Венера». Как можно наблюдать, в саду располагались те же два мифологических персонажа, которые одновременно со знаниями о древней истории и мифологии несли вторую нагрузку, вызывая ассоциацию с важными государственными и теперь уже историческими особами – императором и императрицей. Геркулес получает другое имя – Самсон. Если сравнивать содержательную сторону двух персонажей, то можно заметить, что Геркулес – «греческого» происхождения, Самсон – герой ветхозаветных преданий. И тот, и другой являются олицетворением огромной физической силы, мужества, сильной воли. Еще до рождения на них возлагалась роль героев, отличившихся воинскими доблестями. У одного и другого похожи «истории их жизни». В частности, сюжет со львом. Геркулес борется со львами дважды: одерживает победу над Киферонским львом и, будучи на службе у Эврисфея, побеждает Немейского льва⁹. Геркулес часто изображается с палицей и шкурой льва. Как известно, в 1730-е гг. в России появляется изображение, где Самсон борется со львом. Известная скульптура Ф.-Б. Растрелли, которая стала украшать большой каскад Петергофа в 1735 г., – это фигура Самсона, разрывающего пасть льву.

Бидлоо, оценивая личность и деятельность Петра I, сравнивал русского императора с Геркулесом. По прошествии времени современники, отмечая юбилейные даты победы в Полтавской битве и Северной войне, анализируя исторические события и рассматривая их на временном «расстоянии», возвышают героев этих событий и создают им своеобразные памятники, облекая или воплощая «главных лиц» в аллегорические формы.

Другие усадьбы Москвы и Подмоскovie в первой половине XVIII века также имели парковую скульптуру. К сожалению, о них мало что известно. Так, в Богородском Д.М. Голицына «передняя стена (сада) была украшена каменными воротами и четырьмя каменными статуями»¹⁰.

⁷ Дубяго Т.Б. Русские регулярные сады и парки. Л., 1963. С. 283

⁸ Рязанцев И.В. Скульптура в садах...

⁹ Забелин И.В. Опыт изучения русских древностей и истории. М., 1873. С. 326.

¹⁰ Евангулова О.С. Дворцово-парковые ансамбли Москвы 1-й половины XVIII. М., 1969. С. 39.

Интересна усадьба середины XVIII в. – Нескучное, созданная по регулярным правилам и принадлежавшая Н.Ю. Трубецкому. Об ансамбле может «рассказать» иллюстративный материал. Это так называемый альбом Д.В. Ухтомского, который дает представление об усадьбе.

В нем размещено семнадцать изображений парковой скульптуры с традиционным набором мифологических персонажей: Юпитер, Минерва, Геркулес, Диана, Венера, Кронос (Сатурн), наяда, сатиры, Аполлон и др.¹¹. Судя по рисункам, можно предположить, что это не итальянская скульптура, с характерными для нее S-образными изгибами. Создателями пластики, вероятнее всего, являлись русские мастера, которые ориентировались, скорее, на классические образцы. Статуи даны в спокойных позах, довольно статичны, у некоторых фигур немного выдвинута вперед одна нога или ноги скрещены. Многие скульптуры имеют дополнительные «контрфорсы» в виде стволов деревьев, на которые опираются фигуры. Персонажи одеты в плащи, туники или тоги, скрепленные на груди фибулами, некоторые закутаны в драпировки. Костюмы персонажей порой носят театрализованный характер. Герои имеют полный «комплект» сопровождающих атрибутов, благодаря чему все узнаваемы. Минерва изображена со шлемом на голове, в панцире, с копьем и щитом, у ее ног – сова. Большим количеством атрибутов «снабжен» Кронос. Он изображен с младенцем, которого хочет проглотить, в левой руке он держит серп как напоминание о том, что он оскотил своего отца, у его ног расположены плуг и сноп, так как по преданию Кронос научил людей земледелию, рядом песочные часы – символ быстротечности времени. Аполлон изображен с поверженным им драконом (Дельфинием).

Трудно судить о происхождении коллекции. Возможно, это не заказ, а приобретение уже готовых произведений. На это указывает наличие одинаковых персонажей: в собрании два Юпитера и три сатира, или силена. Возможно, наличие одинаковых «статуй, состоявших в саду по разным местам в аллеях»¹², не смущало хозяина. Фигуры Юпитеров различны по композиции и по набору атрибутов. Если у одной (с венком на голове) стрела опущена вниз, овен и орел с поднятой вверх головой, то у другой (в костюме римского воина) – шлем на голове, а рядом расположены: летучая мышь, топор, меч, щит, собака, орел. У обеих фигур присутствует орел – символ высоты духа. Его отождествляют с солнцем и идеей мужской активности, а также он символизирует отца. Подробное «описание» одной из фигур, одетой в воинские доспехи, символика присутствующих атрибутов дают возможность предположить, что Юпитер – главный персонаж сонма богов, мог ассоциироваться с хозяином усадьбы, генерал-прокурором Н.Ю. Трубецким, который также вершил судьбы людей.

¹¹ Забелин И.В. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1873. С. 336.

¹² Архитектор Д.В. Ухтомский. Каталог. М., 1973. С. 16.

Наличие определенных персонажей могло «рассказать» о назначении усадьбы. Так, три фигуры сатира подтверждали увеселительный характер усадьбы. Как известно, они часто изображались наряду с нимфами и сопровождали Вакха или Геркулеса¹³. Статуи парка очень похожи: с рогами, с козьими ногами, копытами и хвостами, с острыми большими ушами и козлиными рожками. Они изображены с традиционными атрибутами – свирелью и виноградом. Кроме того, в Нескучном размещалась статуя довольно редко встречающейся музы эпической поэзии Каллиопы. Женская фигура изображена в полный рост в тунике, в руках она держит дудочку. Традиционно в усадьбе были фигуры нимф, что говорило о ее топографии – неподалеку располагалась река. Среди них – статуя, точнее скульптурная группа, олицетворяющая водную стихию, которая также редко встречалась в парках первой половины XVIII века. Это женская фигура с расположенной перед ней детской фигуркой. Судя по рисунку из альбома, они размещались близко друг к другу. У скульптурной группы были хорошо проработаны все детали.

Сравнительно небольшая коллекция усадьбы Нескучное в содержательной стороне продолжала развивать традиции первой половины XVIII в., в подборе скульптуры вновь следовали известному канону. Но небольшое количество не давало возможности «соответствовать» ему в полной мере. В коллекции была представлена только манера «Египетская» (античные боги) – Юпитер, Минерва, Аполлон, Меркурий, Вакх и др. Манера «Римская» (парные статуи мифологических персонажей из «Метаморфоз» Овидия), манера «Европейская» (аллегии Славы, Войны, Мира), а также бюсты, представляющие известных исторических деятелей Древней Греции и Рима, в коллекции отсутствовали.

К середине XVIII века произошло изменение роли скульптуры. Постепенно она перестала носить «дидактический» характер. Возникла разница между содержанием конкретного образа, которое нес тот или иной персонаж и тем смыслом, который вкладывал создатель, хозяин усадьбы. Как писал А.Ф. Лосев: «...мифические герои возникали в переносном смысле. Они указывали на какую-то другую действительность, более важную и осмысленную, а сами не были подлинной, окончательной действительностью»¹⁴. Создавалась своеобразная, порой историческая аллегория, которая понятна была не только знатокам мифологии, а жителям или гостям данной усадьбы. Новый смысл памятников был определяющим при подборе и расстановке скульптуры, в решении паркового пространства.

Известное собрание парковой скульптуры усадьбы Кусково, в отличие от Нескучного, имеет более полный «набор» персонажей, отвечающих ка-

¹³ Там же. С. 42., Зомбе С.А. Новые материалы о Д.В. Ухтомском // Архитектура СССР. 1939, №6. С. 76.

¹⁴ ГНИМА. Р1-178/1-36. Л. 26.

нону¹⁵. Как отмечалось ранее, усадебная коллекция в определенной степени носит случайный характер. Это подтверждает история комплектования коллекции: она собрана в течение тридцати лет, скульптуры привозились из разных мест. Коллекция вновь имеет несколько фигур одних и тех же героев: три скульптуры Меркурия, два Геркулеса, две Венеры, два Аполлона. Некоторые однотипные персонажи различны по пластике, композиции (Меркурий, Геркулес), другие – близки (Венера, Аполлон). Возможно, наличие одинаковых героев может свидетельствовать о потере интереса к барочной стилистике, определенном «выходе» за рамки канона.

Довольно традиционно изображен Аполлон – стройная фигура юноши, одна из фигур с музыкальным инструментом. Подробно «описаны» Меркурии: около Голландского домика – в крылатом шлеме, около Дворца – в шлеме, с мешочком и кадуцеем. Причем атрибуты носят несколько демонстративный характер. Меркурий представляет их зрителю: мешочек с деньгами в правой руке – поднят вверх, а кадуцей в левой руке носит условный характер: напоминает ветку дерева, которую обвивает довольно большая змея. Близки по композиции изображения Венер – обе они с голубем в руке. Скульптуры Меркурия и Венеры трактованы в традициях первой половины XVIII в. и носят описательный и познавательный характер.

Наиболее интересен в парке Кусково и нетрадиционен для патетики первой трети XVIII века образ Геркулеса. Могучий герой изображен в трагичные минуты своей жизни. На первом ковре партера Геркулес изображен танцующим, с веретеном в руках. Как известно, испуская свое невольное убийство Ифита, герой был продан в рабство мужественной царице Омфале, которая любила одевать львиную шкуру и брать палицу Геркулеса. А сам герой должен был носить женские одежды, прясть и ткать, что ему очень не нравилось. Также униженным изображен Геркулес и в другой скульптуре, расположенной в начале поперечной аллеи, ведущей к Гроту. Перед зрителем предстает не сильный, мужественный Геркулес, а немощный, худой страдающий старик. Только плащ с головой льва, расположенной внизу, на ноге фигуры, дает понять, что это образ Геркулеса. Мифологический сюжет рассказывает о том, что коварный кентавр Несс, побежденный героем, желая отомстить ему, советует жене Геркулеса Деянире пропитать его кровью одежду и надеть мужу, в случае, если нужно будет удержать его любовь, что она и сделала. Плащ оказывается отравленным, и герой погибает¹⁶. Как можно наблюдать, содержательная сторона скульптуры иная: на смену возвышенному патетическому образу героя приходит «земной» человек с его чувствами, переживаниями и страданиями.

Своеобразной загадкой остается самая крупная скульптура усадьбы – аллегорический образ реки Скамандр. Почему изображение именно этой реки оказалось в подмосковной усадьбе? Несомненно, аллегории

¹⁵ Там же. Л. 31-39.

¹⁶ Немировский А.И. Мифы древности. Эллада. М., 2000. С.41.

рек, морей, водные божества, нимфы неоднократно встречались в парках XVIII века. Известно, что аллегии рек закупали не только в начале, но и в середине столетия. Так, в списке скульптур, предлагаемых голландскими купцами в 1751 г. для приобретения Канцелярией от строений, упоминается несколько скульптур «рек», но ни у одной из них нет конкретного имени¹⁷. Это дает возможность предположить, что хозяин усадьбы также приобрел «безымянную» реку и сам дал ей имя. Почему выбран именно этот персонаж? Миф рассказывает о том, что бог реки Скамандр, протекающей под Троей, неоднократно помогал троянцам в войне, за что был иссушен Гефестом. Но не только этим был знаменит Скамандр. Воды реки считались священными, и девушки перед свадьбой приходили к реке, чтобы совершить обряд омовения и отдать ему свою чистоту и невинность, взамен они получали благословение. В данном случае, Скамандр стал «основателем» нового мира, новой жизни. Важно отметить, что бог реки не стоит в первом иерархическом ряду сонма богов, но тем не менее он является богом, властителем своей земли, хозяином судеб своих подданных. Скульптура находится на центральной планировочной оси парка, в центре партера. Она расположена между двумя значимыми памятниками: обелиском и колонной, поставленной в честь императрицы Екатерины II. Колонна увенчана статуей богини мудрости, покровительницы военных деятелей – Минервы, олицетворяющей саму императрицу. Скульптура Скамандра является композиционным, смысловым центром парка. Месторасположение статуи определяет значимость персонажа и говорит о том, что он неслучаен. Необходимо отметить, что в парке нет самого важного персонажа – Юпитера, и Скамандр в определенной степени выполняет его роль. Скамандр – одна из первых скульптур парка, она была поставлена ранее обелиска (1786) и колонны (1775). Известно, что в одном из первых документов, где упоминается парковая скульптура усадьбы, – Экспликация к плану 1763 года – Скамандр уже присутствует. Сюжет мифа, значимость скульптуры в парке, ее местоположение дают возможность предположить, что скульптура Скамандра является двойной аллегорией и олицетворяет в данном случае хозяина усадьбы П.Б.Шереметева.

Социальные преобразования в стране, изменения в структуре садов и парков, формирование тенденций развития новых пейзажных парков привели к тому, что функции парковой скульптуры также стали иными. Из образовательной, репрезентативной она постепенно превратилась в декоративную. Мифологические персонажи Летнего сада, усадеб С-Петербурга и его пригородов, садов Москвы и Подмосковья, сначала далекие от русской действительности, со временем стали близкими. Герои продолжают нести двойную нагрузку: дают информацию, развивают ассоциации.

¹⁷ Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 426

С.С. Веселова

Оранжереи в составе российских дворцово-парковых ансамблей XVIII – XIX вв. Аспекты изучения

«Под именем оранжерей подразумеваются здания построяемая для содержания и воспитывания иностранных растений, которые без помощи искусством произведенной теплоты, здешней зимней стужи перенести не могут...»

*Н.П. Осипов. 1793 г.
«Новой и совершенной русской садовник»*

В Словаре русского языка можно прочесть объяснение понятия оранжерея: это «теплое застекленное помещение для выращивания растений, теплица»¹. Подобное определение, на наш взгляд, неисчерпывающее. Понятие представлено обедненно, схематично, без учета множества аспектов возможной трактовки. Опровержением упрощенных подходов к такому сооружению, как оранжерея, является известный пример из европейского архитектурного наследия – «Хрустальный дворец» Д. Пакстона, созданный в 1851 г. для Всемирной выставки в Лондоне. Известный выставочный павильон, от которого принято отсчитывать новый период в истории архитектуры, является не чем иным, как оранжереей «с мировым именем», чей образ неоднократно привлекал внимание зарубежных и российских исследователей. Приведенный факт должен заставить задуматься, а не являются ли оранжереи и в нашем архитектурном наследии чем-то большим, чем они могут показаться поверхностному взгляду: постройками утилитарного назначения для выращивания растений в защищенном от холода пространстве. На наш взгляд, сегодня, когда накоплен большой фактический материал, вместе с продолжением исследований в этом направлении, можно, систематизировав наши знания, сфокусировать внимание на собственно архитектурных и конструктивных решениях, художественных особенностях оформления оранжерей, их местоположении в усадебных ансамблях, predetermined назначением и функциями каждой конкретной постройки.

В существующей литературе, посвященной наследию русской архитектуры и садово-паркового искусства, усадебным ансамблям и их созда-

¹ Словарь русского языка. Сост. С.И. Ожегов. Под ред. С.П. Обнорского. М., 1952. С. 409.

телям, уже обозначен возможный подход к изучению оранжерей. Так, в специальном словаре терминов к одному из подобных изданий дано следующее объяснение: «Оранжерея – сооружение под стеклянной крышей с искусственно созданным климатом, предназначенное для выращивания коллекции субтропических и других экзотических растений с целью их экспонирования. Иногда становится важным элементом архитектурной композиции парка (Кусково и др.)»² (курсив мой – С.В.). Приведенное мнение, а также встречающиеся в текстах замечания о «ренессансных» чертах и «высоком художественном качестве» архитектурного оформления оранжерей или особой роли этого типа построек в творческом наследии того или иного архитектора и т.д., заставляют всмотреться в них внимательно³.

Из-за недостаточной сохранности интересующих нас сооружений к сопоставлению и анализу должны привлекаться не только сохранившиеся до нашего времени постройки, но рабочие чертежи и рисунки их авторов – архитекторов и строителей, а также живописный и графический материал, зафиксировавший оранжереи в садово-парковых ансамблях на разных этапах их существования⁴. Важным источником наших сведений об облике, художественном оформлении и наполнении оранжерей являются также письменные источники: от деловых документов до литературно-художественных описаний. Все вместе позволяет восстановить и «обогащать» картину развития, реконструировав, хотя бы мысленно, облик утраченных или значительно искаженных со временем оранжерей.

В проводимом исследовании не ставится принципиальной задачи введения в научный обиход новых объектов. Множество оранжерей уже упомянуто в исследовательских текстах наряду с другими сооружениями, входившими в состав усадебных ансамблей. Поставленная нами задача, скорее, сводится к переосмыслению и уточнению сложившихся представлений об оранжереях, к созданию иной системы оценок, введению дифференцированного подхода к разным по назначению и функционированию примерам из нашего наследия. Поставленную задачу можно решить, опираясь на известный материал, но рассмотрев его в новом ракурсе.

Обратим внимание на многообразие слов в русском языке, как, впрочем, и в других европейских языках, используемых для обозначения различных типов сооружений с разными функциями. Существуют оранжереи

² Вергунев А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. М., 1988. С. 398.

³ См.: Е.А. Борисова. Русская архитектура второй половины XIX века. М., 1979. Особенно важна в нашем контексте Глава 1. Новые тенденции в русской архитектуре 1830 – 1850-х годов. С. 13-75; Кириченко Е.И. Михаил Быковский. М., 1988; Александрова Л.Б. Луиджи Руска. Л., 1990; Нащокина М.В. История усадьбы Васильевское. // Мир русской усадьбы. Очерки. М., 1995. С. 122-137 и др. изд.

⁴ Значительный изобразительный материал из музейных собраний опубликован. См.: «... в окрестностях Москвы». Из истории русской усадебной культуры XVII – XIX веков. Составители Аникст М.А., Турчин В.С., Шередега В.И. М., 1979; Три века русской усадьбы. Живопись, графика, фотография. Изобразительная летопись. XVII – начало XX в. Альбом – каталог. М., 2004.

и теплицы, парники и паровые ящики, зимницы и грунтовые сараи, развадки и др. Встречаются «ранжерейные залы» и зимние сады. Сами оранжереи могут различаться по конструктивным особенностям построения, системе отопления, принципам освещения, конкретному назначению. Но наша задача лежит в иной плоскости. Цель проводимого искусствоведческого исследования материала – изучение оранжерей в составе дворцово-парковых ансамблей – заключается в выделении особой группы построек, выведении ее из разряда хозяйственных сооружений усадьбы с последующим рассмотрением в одном ряду с такими парковыми павильонами, как эрмитажи, гроты, музеи, картинные галереи, театры. Условно ее можно обозначить как группу парадных оранжерей, обладающих репрезентативными функциями и предназначенных не только для выращивания и содержания растений, но и демонстрации их гостям усадьбы, а также устройства в них празднеств, обедов, концертов и т.д. Именно парадным оранжереям и посвящено наше исследование.

Надо подчеркнуть, что на протяжении всего исторического развития оранжерейного строительства к их проектированию и сооружению привлекались крупнейшие архитектурные силы: М.В. Земцов, С.В. Чевакинский, Ф.-Б. Растрелли, Ч. Камерон, Н. Львов, В.И. Баженов, А.Н. Воронихин, Л. Руска, В.П. Стасов, К. Росси, Д.И. Жилярди, М.Д. Быковский, А. Штакеншнейдер, Н.Л. Бенуа, Г. Боссе и др. Одно перечисление имен мастеров заставляет предполагать в их постройках особое качество, высокий уровень профессионального мастерства. А в силу функциональной специфики сами оранжереи часто становятся объектом эксперимента, будучи созданными на стыке научных знаний из различных областей.

Одним из основных факторов, позволяющих судить о роли и назначении оранжереи в ансамбле, является ее местоположение. Внимательное изучение композиционных решений усадеб и дворцово-парковых комплексов, а также их изображений и планов (в том числе утраченных, но зафиксированных в том или ином виде), позволяет отметить, что существует несколько типов организации усадебного или садового пространства с использованием оранжерей. Оранжереи могут входить в состав особых зон, так называемых «садоводств», в которых выращивали декоративные растения, цветы, различные овощи и фрукты, а также экзотические плоды. Показательный пример: усадьба Кузьминки, где существовало несколько оранжерей. Среди них – известный комплекс «на Садоводстве», созданный архитекторами Д.И. Жилярди и А.О. Жилярди в 1821 - 1832 гг. Он находился в стороне от парадной части усадьбы, недалеко от въездной липовой аллеи. Судя по сохранившимся документам, этот относительно замкнутый ансамбль имел утилитарное назначение и приносил владельцам усадьбы немалый доход. Подобные комплексы (или участки) существовали не только в Кузьминках, но и в Царском Селе, Гатчине, Стрельне, Кусково, Архангельском, Царицыно и многих других ансамблях. Так, в Кусково, которое

славилось своими оранжереями вплоть до конца XIX века, в стороне от центральной части композиции усадьбы прежде существовало несколько оранжерей (теплиц) различного назначения. Этот комплекс не сохранился. Но существуют документальные материалы: подлинные чертежи прежних владений усадьбы. В экспликации к одному из планов читаем: № 47 – Ранняя абрикосовая, № 48 – Поздняя персиковая, № 49 – Ранняя персиковая, № 50 – Виноградная, № 51 – Поздняя абрикосовая...⁵ Документы, связанные с усадьбой Архангельское, содержат подобную же информацию, как, впрочем, и многие другие.

Оранжереи или теплицы могут располагаться в особых «ботанических садах», как во владении П.А. Демидова – Нескучном и у А.К. Разумовского в Горенках под Москвой, обслуживая пристрастия и увлечения, связанные с выращиванием привозных растений, неспособных без дополнительной защиты выживать в наших климатических условиях.

Оранжереи могут выступать самостоятельными павильонами, в которых зимой содержатся особо ценные крупные южные растения, в теплое время года украшающие открытые сады. Они могут использоваться и для приема гостей. Их отличительный признак – расположение вблизи главного дворца, на основных осях парадной композиции, в центральной части парка. Порой им отводится важная роль в формировании самой парадной зоны усадебного ансамбля или ее части. Таковы сохранившиеся Большая оранжерея в Петергофе и Большая каменная оранжерея в Кусково. Большая оранжерея в Кусково, строительство которой было начато в 1761 г. по проекту Ф.С. Аргунова, поставлена на одной оси с главным зданием ансамбля – дворцом, замыкая парадный партер с северной стороны, чем, несомненно, подчеркнут ее особый репрезентативный характер, почти уравненный в правах с дворцовым сооружением, в отличие от удаленных от парадной части хозяйственных оранжерей и теплиц.

Похожую композицию представляла собой парадная зона усадьбы Н.Ю. Трубецкого Нескучное. С северной стороны, напротив дворца, парадный партер ограничен двумя зданиями: в одну линию с оранжереей располагалась картинная галерея, что отражено в известном рисунке П.Р. Никитина из собрания Музея архитектуры (Илл. 4). К сожалению, усадебный ансамбль, являющийся одним из лучших творений архитектора Д.В. Ухтомского, не сохранился полностью. Из прежней парадной композиции сегодня мы можем видеть только дворец. Проведенные исследования (А.А. Кипарисова, 1960-е гг.) позволили создать чертеж-реконструкцию генерального плана усадьбы, подтверждающий четкую уравновешенную структуру парадной зоны, в которой главная ось проходила между симметрично расположенными, но не повторяющимися друг друга павильонами

⁵Акимов А.Ф. Кусково. М., 1946. С. 8-9.

и выходила за пределы усадебного ансамбля, открывая прекрасный вид на противоположный берег Москвы-реки⁶.

Похожее по общему замыслу композиционное решение можно видеть еще в одном подмосковном ансамбле. В Архангельском Голицыных – Юсуповых две большие оранжереи, симметрично располагавшиеся вдоль берега реки, фланкируя центральную ось партера, играли огромную роль в формировании парадного облика усадьбы. Со стороны реки они воспринимаются двумя флигелями в традиционной трехчастной композиции. Недаром именно этот ракурс неоднократно избирался художниками для изображения Архангельского, как, например, П.П. Свиныным в известной акварели 1824 г. из собрания музея (илл. 5). Дворец поставлен в удалении от береговой линии, он величественно возвышается над несколькими террасами. Со стороны дворца оранжереи, поставленные на береговом склоне ниже уровня главного партера, условно замыкают его композицию, точнее, обозначают его границу, не закрывая главного – открывающегося вида на окрестности, на противоположный берег Москвы-реки. Причем изображения сохранили облик еще нескольких небольших оранжерей, которые вовсе не видны со стороны парадного партера и которые, в свою очередь, могли обслуживать нужды не только усадебного хозяйства, но и парадных оранжерей.

А в другой подмосковной усадьбе Пехра-Яковлевская основные строения ансамбля вытянуты вдоль запруженной речки Пехорки. При возведении главного дома использована излюбленная в дворцовом строительстве трехчастная композиция. Двухэтажный основной объем соединен с флигелями-крыльями с помощью двух галерей. Далее по сторонам, симметрично вытянувшись вдоль берега реки, располагались корпуса Оранжереи и Театра, предположительно сооруженные одновременно около 1810 г. Таким образом оба здания включены в парадную зону и практически «уровнены в правах».

Для наших рассуждений показательна более ранняя по времени композиция ансамбля Собственной дачи в составе Ораниенбаума, план которой был предложен архитектором Антонио Ринальди (строительство велось в 1762–1774 гг). С проектом Собственной дачи для Екатерины II связан замысел одной из ораниенбаумских оранжерей, правда, так и не осуществленный. Представление о задуманном можно составить, рассмотрев часто публикуемые изображения из «Альбома чертежей» А. Ринальди. Сравнение гравированных авторских планов усадьбы с изображениями Ораниенбаума из альбома де Сент-Илера 1775 г., позволило исследователю творческого наследия архитектора Д.А. Кючарианц отметить, что «замысел Ринальди в основном был осуществлен без отступлений от проекта»⁷. Со своей стороны, подчеркнем, что только «в основном», так как именно ин-

⁶ Архитектор Д.В. Ухтомский (1719-1774). Каталог. М., 1973. С. 75.

⁷ Кючарианц Д.А. Антонио Ринальди. Л., 1984. С. 35

тересующая нас оранжерея не была сооружена. Важным элементом в ансамбле Собственной дачи, как известно, была задумана и стала Каталъная горка. До нашего времени сохранился только ее павильон. Скаты Каталъной горки, согласно проекту, были продолжены широкой аллеей, которая, в свою очередь, замыкалась зданием Оранжереи. Это направление, по плану Ринальди, являлось главной продольной осью ансамбля, которая делила территорию Собственной дачи на две неравные части. Здание Оранжереи, как уже было отмечено, возведено не было, но сохранившиеся авторские чертежи позволяют понять, насколько значительную роль отводил Оранжерее А. Ринальди.

Наряду с участием оранжереи в формировании центральной зоны ансамбля в целом или облика парадного партера с помощью своего объема существовали и другие варианты. Например, непосредственное включение оранжереи (или даже нескольких оранжерей) в состав дворцового строения. Подобный прием встречался в нашем наследии неоднократно. «Ранжерейная зала» входила в парадную анфиладу дворца в Царском Селе до его перестройки в 1750-е гг. по проекту Ф.-Б. Растрелли⁸. Еще один пример сохранили чертежи усадьбы Царицыно. Согласно документам, оранжереи существовали здесь еще в период владения усадьбой Кантемирами, но интересуют нас не они. При грандиозной перестройке, задуманной по проекту В.И. Баженова для Екатерины II, предполагалось строительство парадной оранжереи. В соответствии с планом архитектора, она должна была располагаться в галерее, соединяющей дворцы Екатерины и Павла⁹. Таким образом, предполагалось, что путь из одного здания в другое будет проходить через сад, но не открытый, подверженный климатическим изменениям, а вечнозеленый, цветущий «зимний сад». Проект не был осуществлен.

Из более поздних примеров можно привести перестройку главных зданий усадьбы Отрада В.П. Орлова-Давыдова. Проект был разработан архитектором М.Д. Быковским в 1848 г. Корпуса двух парадных оранжерей были присоединены симметрично к углам (восточному и западному) южного фасада дворца, сформировав выразительное, уравновешенное и в то же время живописное, композиционное решение. По мнению Е.И. Кириченко, построенный ранее по канонам классицизма, комплекс трансформируется в результате реконструкции М.Д. Быковского в ансамбль романтизма¹⁰. В этом процессе не последнюю роль сыграли оранжереи.

В соответствии со своим особым назначением интересующие нас постройки, принадлежащие к группе парадных оранжерей, имеют эффект-

⁸ Этот факт, в частности, упоминает Б.Р. Виппер в книге «Архитектура русского барокко». М., 1978. С. 79.

⁹ Баженов В.И. Мир художника. Письма. Пояснения к проектам. Свидетельства современников. Биографические документы. Составление, вступ. статья и примечания Ю.Я. Герчука. М., Искусство, 2001. С. 141.

¹⁰ Кириченко Е.И. Михаил Быковский. М., 1988. С. 178.

ное внешнее оформление. Среди других оранжерейных (или тепличных) строений они выделяются крупными художественно продуманными объемами, детально проработанными и нарядными фасадами с колоннами и пилястрами, фронтонами и балюстрадами, скульптурными украшениями и т.д. Их архитектурный облик разрабатывался в соответствии со стилистикой времени и органично входил в ансамбль парадной части усадьбы. Часто можно говорить о «дворцовом характере» не только деталей, но и общего решения оранжерей. Такова уже упоминавшаяся Большая оранжерея в Петергофе, возведенная в 1722–1725 гг. Автором проекта, очевидно, был архитектор Н. Микетти, а руководили его осуществлением И.Ф. Браунштейн и М.Г. Земцов. По своим размерам и декору Оранжерея в Петергофе не уступала петровским приморским дворцам Эрмитажу и Монплезиру, а по отделке даже выделялась среди них. При этом, как отмечали авторы капитального труда, посвященного архитектурным памятникам петербургских пригородов, полуциркульное в плане здание своим обликом «ничем не напоминало о своем хозяйственном назначении»¹¹. Оранжерея здесь в какой-то мере сопоставима с Монплезиром, если рассматривать его как первую картинную галерею, а оранжерею как хранилище дорогостоящих привозных растений. В галереях дворца Монплеzir были размещены произведения западноевропейской живописи, располагавшиеся на стенах в специальных нишах и одинаковых рамах. Они воспринимались не столько самоценными художественными произведениями, сколько выполняющими роль украшений дворца. Так и в Оранжерее содержались особые украшения сада. В функции сохранения таких ценностей, как штамбовые формы citrusовых или сформированные с помощью стрижки кусты самшита (буксуса), а также хвойных, а именно эти виды растений упоминаются в документах и узнаются в гравюрах, сохранивших облик петергофских парадных зон, можно усмотреть отнюдь не утилитарную сторону. Посаженные в кадку деревце или куст, цветущие и плодоносящие в нужное время или представляющие собой какую-либо сложную фигуру, считались не меньшей ценностью и также произведениями искусства, в данном случае топиарного.

Роль оранжереи, таким образом, сопоставима с ролью шкатулки для украшений. То есть она (роль) заключалась в том, чтобы нести в себе или хранить определенные ботанические ценности и соответствовать их красоте своим привлекательным обликом. Ведь каждая шкатулка красива и сама по себе, являясь произведением искусства. Эта внешняя привлекательность, в свою очередь, важна для украшения парадной части садовой композиции ансамбля. Даже в деловую Петровскую эпоху многое стремились делать напоказ, масштабно, с размахом, с желанием удивить. Таковыми были и некоторые оранжереи. «Дворцовый характер» имеют и уже упоминавшиеся в нашем тексте оранжереи в Кусково и в Нескучном Н.Ю. Тру-

¹¹ Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. Л., 1983. С. 420.

бецкого (Илл. 4), а также в усадьбах Пехра-Яковлевская и Отрада, и многие другие, в том числе несохранившиеся. Некоторые из них мы можем видеть сегодня только в живописных и графических изображениях, как, например, в гравюре 1757 г. неизвестного мастера, выполненной по рисунку М. Махаева, «Усадьба посла барона Вольфа на Петербургском острове» (Илл. 7). Оранжереей является здание, находящееся в правой части изображения.

Добавим к уже названным Померанцевую оранжерею в Кузьминках (Илл. 6). Ее автор – архитектор Д.И. Жилярди (на его имени сходятся во мнении большинство исследователей). И своим местоположением, и эффектным внешним обликом она вписывается в обозначенную нами группу парадных оранжерей. Она была построена в 1810-е гг. и располагалась, в отличие от комплекса «на Садоводстве», недалеко от главного дома, на берегу пруда, возвышаясь и доминируя над определенной частью ансамбля. Есть все основания предполагать, что она служила павильоном для приема гостей и демонстрации ботанических коллекций Голицыных.

Внутреннее оформление оранжерей парадного назначения ярко отличается от оформления (точнее, его отсутствия) хозяйственных построек. Интерьер может быть решен в различной стилистике. Для этого используются разнообразные отделочные материалы, малые архитектурные формы, композиционные приемы размещения и посадки самих растений, скульптура, предметы мебели, произведения декоративно-прикладного искусства, осветительные приборы. Яркое свидетельство – сохранившиеся детали оформления оранжереи в Кусово. В документах встречаются важные для нас замечания о том, что в больших оранжереях Архангельского «деревья были рассажены аллеями, на которых располагались статуи, бюсты, били фонтаны, стояли мраморные скамейки для отдыха». А также констатируется, что «в картинной галерее и оранжереях выложены печи из красных изразцов», а штукатурные работы завершены (летом 1814 г.) в картинной галерее, в капризе и в оранжерее. Среди предметов, находящихся в оранжерее, упоминаются также часы¹².

Побывавший в усадьбе Ярополец (Чернышевых) в 1920-е годы А.Н. Греч сообщал, что «в чернышевском парке уничтожены решительно все павильоны и беседки; в руину превращена даже обширная оранжерея, в стены которой были вмазаны привезенные из Крыма старинные генуэзские рельефы, а также превосходные изразцы XVII века «новоиерусалимской» мастерской Никона, ранее составлявшие иконостас в ближнем селе Суворове»¹³. Такие детали вряд ли могли появиться в простом утилитарном сооружении. Ведь описанные произведения искусства вполне могли бы составлять гордость художественной коллекции. В данном случае они оказались использованными практически по своему первоначальному назначению (для украшения стен здания), только собранными вместе оказались

¹² Безсонов С.В. Архангельское. Подмосковная усадьба. М., 2004. С. 35, 43.

¹³ Греч А.Н. «Венок усадьбам». М., 2006. С. 88.

произведения разных эпох и регионов. Подобное наблюдалось и в составе ботанических коллекций в оранжереях, где часто соседствовали выходцы из разных земель, порой очень удаленных друг от друга, правда, близких по природным условиям. Эти свидетельства позволяют утверждать, что оранжереи мыслятся не только «храмами Флоры», но и дворцами Муз искусства.

Убранство центрального зала Померанцевой оранжереи в Кузьминках выполнено в модной тогда египетской стилистике. «Слово *Египетский* вошло во всеобщее употребление и сделалось лозунгом всех мебельных лавок, – сообщал "Вестник Европы" своим читателям в 1805 г. – Домашние уборы Греческие и Римские вышли из моды, теперь пришла очередь до Египетских, или лучше сказать, до таких, которые кажутся Египетскими. Каждый отгадает, что политические события произвели на свет сию моду... Нет ни одного сидельца в мебельных лавках, которой не выговаривал бы слов: Сфинкс, Изида, Пирамида, Фарос, обелиск с такою же легкостью и удобностью, как самые ученые антиквари»¹⁴.

Некоторые дворянские усадьбы, теперь уже не существующие, можно мысленно реконструировать благодаря сохранившимся описаниям видевших их современников. Вот как описывается усадьба Барышье – владение М.П. Бахтина, считавшегося одним из самых богатых помещиков в Брянском уезде: «Дом у него был дворец с огромными залами, с хорами для музыки, несколько гостиных, огромная столовая, также с хорами, и для приезжих гостей в доме и во флигеле до 60 комнат, меблированных и убранных с полным комфортом. У него была своя музыка в 40 человек, капельмейстер. Его охота состояла из 100 человек верховых егерей со всеми возможными атрибутами, собаками всевозможных пород и в огромном количестве. *Оранжерея превосходная, широкая, большая, длиною с полверсты, убранная зеркалами и разною садовою мебелью...*»¹⁵ (выделено мною – С.В.).

Стилистические нюансы, особые декоративные изыски могут быть достигнуты с помощью предметов декоративно-прикладного искусства, например, ваз, кашпо, художественно оформленных горшков для цветов. Недаром предприятия Гарднера, Попова, Императорский фарфоровый завод и другие выпускали данную продукцию в больших количествах. Она была востребована. Отдельные предметы хранятся сегодня в музейных собраниях Эрмитажа, Петергофа, Павловска, Кусково, Архангельского и др.

Увлечение строительством оранжерей не только в качестве хозяйственных элементов усадьбы, но и для романтических и познавательных прогулок, устройства празднеств, развлечения хозяев и гостей среди сочной зелени, ароматов и цветов, нашло отражение и в художественной литературе. Фрагменты известной поэмы «Руслан и Людмила», написанной

¹⁴ Борисова Е.А. Русская архитектура в эпоху романтизма. СПб., 1997. С. 93.

¹⁵ Русские провинциальные усадьбы XVIII – начала XX века. Воронеж, 2003. С. 40

А.С. Пушкиным в 1817–1820 гг., явно свидетельствуют о знакомстве поэта с оранжерейными пространствами и их пышным оформлением. Приведем описание сада Черномора из Песни второй:

В саду. Пленительный предел:
Прекраснее садов Армиды
И тех, которыми владел
Царь Соломон иль князь Тавриды.
Пред нею зыблются, шумят
Великолепные дубровы;
Аллеи пальм, и лес лавровый,
И благовонных миртов ряд,
И кедров гордые вершины,
И золотые апельсины
Зерцалом вод отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнем оживлены;
С прохладой вьется ветер майский
Средь очарованных полей,
И свищет соловей китайский
Во мраке трепетных ветвей;
Летят алмазные фонтаны
С веселым шумом к облакам:
Под ними блещут истуканы
И, мнится, живы; Фидий сам,
Питомец Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконец,
Свой очарованный резец
Из рук бы выронил с досады.
Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валяются, плещут водопады,
И ручейки в тени лесной
Чуть вьются сонною волной.
Приют покоя и прохлады,
Сквозь вечну зелень здесь и там
Мелькают светлые беседки;
Повсюду роз живые ветки
Цветут и дышат по тропам...

На наш взгляд, в этом отрывке можно обнаружить наибольшее сходство с известными описаниями и изображениями Зимнего сада Таврического дворца в Петербурге, построенного для князя Г.А. Потемкина.

(Сам зимний сад, как и многие другие во дворцах Москвы и Петербурга, не сохранился.)

Выше уже отмечалась связь художественного убранства оранжерей с ценностью содержащихся в них экзотических растений, тем более тесная, когда речь идет о специальной коллекции. «Оранжерея тем и хороша, и нравится, – пишет историк усадебной культуры О.С. Евангулова, – что позволяет заняться коллекционированием – общим усадебным увлечением». И далее замечает: «Редкие растения дарят и пересылают. А.Р. Воронцов из Андреевского сестре (Е.Р. Дашковой) в Троицкое и другу – П.В. Завадовскому в Ляличи»¹⁶. Формирование ботанических коллекций, наряду с собиранием книг, гравюр, оружия, произведений живописи и декоративно-прикладного искусства, стало широко распространенным явлением, особенно характерным для эпохи Просвещения. Как строились и соответственным образом оформлялись библиотеки, гравюрные кабинеты, картинные галереи, «музеумы», так особым образом будут оборудоваться и украшаться оранжереи.

Если в документах первой половины XVIII века, описывающих содержимое оранжерей, важны упоминания о *количестве* сохраняемых в зимнее время экзотических растений, то во второй половине XVIII – начале XIX века при сохранении важности количества на первый план по значимости выходит перечисление наименований растений. Владельцы оранжерей гордятся *разнообразием видов*, привезенных из разных регионов и климатических зон. Для них создаются оранжереи с различными условиями (по температурному режиму, влажности) в соответствии с требованиями «пришельцев». В замкнутых пространствах оранжерей можно было осуществить «кругосветное путешествие». Для эпохи Просвещения особенно характерен прием: объединение растений по географическому и биологическому принципам, исходя из происхождения видов. Наиболее известный пример – оранжереи в подмосковной усадьбе Горенки А.К. Разумовского, поклонника «системы Жюссё», т.е. системы естественной классификации растений. «Здесь переходишь из Африки в Азию, из тропиков одним шагом очутишься у полюсов! Какое очарование, какое наслаждение переноситься столь правдоподобным образом из одной крайности в другую; взирать на быстрые изменения природы в органических существах, сближенных дерзновенною рукою смертного», – писал путешественник, коллекционер и дипломат П.П. Свиньин. «В числе самых редких деревьев должно заметить винтообразную пальму, Драконову кровь, Ямайский кедр, Бамбук, Американское масличное дерево...»¹⁷. После смерти А.К. Разумовского его коллекции были частично приобретены Н.Б. Юсуповым для задуманного Ботанического сада в Архангельском, а частично попали в собрания Бо-

¹⁶ Евангулова О.С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы. М., 2003. С. 116.

¹⁷ Тарунов А.М. Быль заглохшего сада.// Памятники Отечества: Мир русской усадьбы. 1992, № 25. С. 105.

танических садов в Петербурге и Москве (Ботанический сад Московского университета).

Важно отметить, что наряду с учетом научных биологических основ организации насаждений растительные группы осмыслились и с точки зрения художественных приемов посадки. Созданное внутри оранжереи пространство могло представлять собой глубоко продуманную, гармоничную композицию. Посаженные растения имитировали реальные природные группы тропиков или субтропиков, пустынь или альпийских лугов. Внутри же этих групп растительные композиции подчинялись эстетическим принципам, согласуясь по цвету, форме, размеру и т.д.

Приведем пример, позволяющий утверждать, что коллекционирование растений было распространено даже гораздо шире, чем можно представить, рассуждая лишь об увлечениях аристократических кругов. Используем материалы, прежде не включавшиеся в круг искусствоведческих исследований. Наряду с известными московскими ансамблями, принадлежавшими представителям крупнейших дворянских родов, существовало множество владений средней руки, обывателей разного социального положения и достатка. Как подтверждают письменные источники, оранжереи в садах москвичей не были редкостью. Доказательства сказанному можно обнаружить в многочисленных деловых бумагах и переписке XVIII века. Познакомимся с одним из документов, достаточно ранним по времени. Это челобитная, обращенная к императрице Елизавете Петровне, от 15 сентября 1747 года. Ее автор – москвич, владелец, судя по всему, роскошного сада с оранжереей, Главного комиссариата секретарь Алексей Андреевич Беляев. Документ повествует о происшествии:

«Сего 747 году сентября 15 числа в ночи в доме моем за Москвою рекою в приходе церкви славущего Воскресения воровские люди покрали в саду из ынжереи дерев заморских разных и из саду цветных дерев и цветов немалое число, а что чего порознь тому при сем сообщаю реэстр:

померанцовых дерев шесть цена сорок два рубли,
лотус одно дерево цена семьдесят копеек (под «деревом лотуса» подразумевается магнолия, так ее называли в те времена – С.В.),
фиг три дерева цена сем рублей пятьдесят копеек,
пион белых три куста цена шесть рублей,
розенов двенадцать кустов цена три рубли;
итого на шестьдесят на четыре рубли на семьдесят копеек.

К сему прошению и реэстру секретарь Алексей Беляев руку приложил»¹⁸.

Как удалось выяснить, принадлежавшие Алексею Беляеву дом и сад располагались в Замоскворечье между Пятницкой и Новокузнецкой улицами. До нашего времени эти владения не сохранились. Но перечисленные растения позволяют утверждать, что оранжерея московского чиновника

¹⁸ Памятники московской деловой письменности XVIII в. М., 1981. С. 61.

даже в его, вероятно, небольшом саду в центре города, играла не утилитарную роль, а содержала дорогую коллекцию экзотических растений. Упомянуты они не только в приведенном тексте, но и во многих других документах, где речь также идет о садах, садовых и оранжерейных растениях. Авторы писем выражают желание что-то приобрести или заказать для своего сада, нанять квалифицированного работника для ухода за растениями и т.д.

Само же увлечение ботаникой могло иметь разные цели. Это могло быть выращивание растений для украшения садов и торжественных празднеств или на продажу, или с научными целями – приспособления к новым условиям, введения в культуру в русских садах. Или ради самой идеи коллекционирования, как и произведений живописи, декоративно-прикладного искусства и т.д. Отношение к растительным «диковинкам» и их собиранию было не менее серьезным, чем к коллекционированию художественных произведений. Только это гораздо более хлопотная коллекция, требующая постоянной заботы, а при соответствующем уходе – растущая, увеличивающаяся в размерах, количестве экземпляров и т.д.

Собирая дорогостоящие растительные диковинки, можно было прослыть чудачком, каких немало описал М.И. Пыляев в известном сочинении «Замечательные чудачки и оригиналы». Это увлечение (коллекция ради коллекции) не всегда находило понимание у окружающих. Вспомним слова княгини Тугоуховской из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», характеризующей своего родственника:

От женщин бегаёт, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он *ботаник*,
Князь Федор, мой племянник!

У этого персонажа был реальный московский прототип – сын сенатора А.А. Яковлева, дом которого (Тверской бульвар, 25. Сегодня здесь располагается Литературный институт) прославился в Москве своим садом и оранжереями.

Среди наиболее крупных собирателей ботанических коллекций, помимо уже названных, были Голицыны, Бутурлины, Волконские, Строгановы и многие другие. Их имена неоднократно упоминаются в научной литературе, мемуарах, их облик отражен живописными полотнами или гравюрами. Назовем еще раз П.А. Демидова, которого мы можем видеть на портрете работы Д.Г. Левицкого в образе истинного садовода, владельца оранжерей – с лейкой, ботаническим атласом, луковичками тюльпанов и растениями в горшках и кадках. К серьезным любителям ботаники и садоводства можно причислить также нескольких представителей семейства Уваровых. А.С. Уваров – известный историк, археолог, председатель Московского археологического общества, один из основателей Исторического музея, прославился также и тем, что получил Золотую медаль от выставочного комитета и жюри цветочной выставки в Москве в 1869 г. за коллекцию ред-

ких растений из своей оранжереи в усадьбе Поречье, которая, одна из немногих, сохраняла прежние функции во второй половине XIX века. И снова возникает параллель с музеем. В данном случае с известным «Порецким музеемом», в котором хранилась коллекция археологических ценностей, в том числе подлинных античных памятников, которые сегодня являются гордостью собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. Не меньшее внимание уделялось в Поречье и ботанической коллекции. Оранжерея Уваровых была построена с использованием особых механизмов, позволявших поднимать и закреплять кровлю на новом уровне по мере роста крупных растений в высоту.

В дневнике П.С. Уваровой читаем: «В Поречье при помощи Тительбаха (садовника. – С.В.) установлен план нашего участия в Цветочной выставке: отобраны пальмы, новозеландские вечнозеленые растения, группы цветущих камелий (выращенных в Холму нашим семейным ботаником Федором Семеновичем Уваровым...), азалий и рододендронов и коллекции пестролиственных тепличных растений; заявлено Комитету Выставки о желании получить такого-то размера место для нашей выставки и приняты все меры предосторожности для перевозки и установки нашего отдела. Все труды увенчались успехом и вознаградились сторицею: похвалами, высказанными мужу (А. С. Уварову. – С.В.) и его главному помощнику Тительбаху, и Порецкому садоводству присуждена Золотая Медаль»¹⁹.

Большую роль в развитии оранжерейного садоводства сыграли цветочные выставки, которые начали устраиваться в Москве и Петербурге в середине XIX века. Они же, однако, способствовали и коммерциализации этого увлечения. Но для многих владельцев усадеб и оранжерей это по-прежнему оставалось красивым увлечением, в то же время способствующим развитию научных представлений и практическим новациям, в частности акклиматизации привозных растений.

Эпоха модерна принесла в строительство оранжерей не только новые конструктивные приемы, но и новые технические возможности обогрева, освещения, вентиляции и т.д. Оранжереи и зимние сады этого периода могут стать темой отдельного научного исследования. Но и в настоящее время их роскошный облик, сохраненный с помощью фотографии, великолепно дополняет описания особняков и дач рубежа XIX-XX веков в различных научных и популярных изданиях.

Оранжереи хотя и не обойдены вниманием исследователей, но не всегда представлены полноценно. Они пока еще не получили должного освещения в искусствоведческой литературе, осмысления, с точки зрения художественного значения, их роли в развитии архитектуры, а также в культуре разных социальных слоев. Не хватает дифференцированного подхода, который позволил бы отделить парадные сооружения от хозяйствен-

¹⁹ Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Воспоминания графини П.С. Уваровой//Труды ГИМ. М., 2005. Вып. 144. С. 129.

ных построек. Вместе с тем выявление художественных достоинств особой группы оранжерей позволит поставить и новые частные задачи, например, связанные с изучением наполнявших их предметов мебели и прикладного искусства особого назначения (это трельяжи, жардиньерки, кашпо, кадки, горшки и др.), прежде остававшихся вне поля серьезного внимания специалистов. Результативным может стать изучение отделочных материалов, пригодных к использованию в условиях оранжерей, осветительных приборов, приемов освещения и подсветки. Интересные наблюдения можно сделать, исследуя сюжеты скульптуры, украшавшей в прежние времена оранжереи и зимние сады.

В нашем докладе не были использованы в качестве примеров оранжереи в ансамблях, спроектированных Н.А. Львовым, который отличался глубоким пониманием задач, возникающих при создании данного типа построек. Оранжереи Н.А. Львова, наряду с другими сооружениями зодчего, рассмотрены в недавно вышедшем монографическом исследовании²⁰. Несомненно, достойны изучения и ждут своих исследователей оранжереи в усадьбах Люблино, Лефортово и многих других ансамблях не только Москвы, Петербурга и их окрестностей, но и отдаленных губерний.

Следует отметить, что в наше время интерес к оранжереям неуклонно возрастает. Свидетельства тому – публикации исторических материалов в различных изданиях²¹, работы по восстановлению оранжерей и целых оранжерейных комплексов, как например в Царицыно. Особое значение имеет реализация крупных проектов современности, таких как строительство новой оранжереи в Государственном ботаническом саду им. Н.В. Цицина РАН. В последние годы наблюдался рост строительства частных оранжерей и зимних садов. В такой ситуации углубленный подход к материалу, его систематизация могут оказаться актуальными и востребованными.

²⁰ Никитина А.Б. Архитектурное наследие Н.А. Львова. СПб., 2006.

²¹ См.: Дворянские гнезда России. История, культура, архитектура. Очерки/Ред.-сост. М.В. Нащокина. М., 2000; «Русская усадьба», №№ 1 – 14. М., 1994 – 2008.

Сады помещиков средней руки (по архивным документам 1820-х – 1840-х годов)

Благодаря сохранившимся планам, каталогам, живописным изображениям и свидетельствам мемуаристов мы имеем достаточно полное представление о том, как выглядели загородные резиденции царей и вельмож. А какими были сады среднепоместных дворян? Ответить на этот вопрос сложно. И сами сады, и их описания почти полностью утрачены.

Тем большей ценностью обладает архив помещиков Ковровского уезда Владимирской губернии Чихачевых¹. В нем хранятся дневники, письма, хозяйственные тетради владельцев усадеб Дорожаево и Бордуки Андрея Ивановича Чихачева (1798-1868) и его жены Наталии Ивановны, урожденной Чернавиной (1799-1866), а также шурина Чихачева Якова Ивановича Чернавина (1804-1845), помещика села Березовик. Как Чихачеву, так и Чернавину принадлежало около 300 душ, годовой доход каждого из них не превышал 5000 рублей серебром.

В документах содержится информация о размерах, планировке садов в Дорожаево, Бордуках и Березовике, перечень растений, описания садовых работ и развлечений. Это позволяет реконструировать внешний облик садов в усадьбах помещиков «средней руки» в 1820-1840-е гг. А главное – воссоздать духовный мир устроителей и владельцев садов: их представления о красоте и пользе, о природе и человеке, о гармонии и счастье...

Обитателям Ковровского уезда были знакомы замечательные образцы садово-паркового искусства. Отроческие годы Чихачева прошли в Москве. Вспоминая о них, дорожаевский помещик рисовал в своем воображении окрестности первопрестольной: Лефортово – бывшую императорскую резиденцию, а с екатерининских времен общедоступный сад; Девичье поле – любимое место загородных гуляний москвичей; Пресню, где располагались Садовничья слобода, парк Студенец и знаменитые Гагаринские пруды. «Хочу на Пресню, хочу в Лафертово, хочу под Девичье!» (Ед. хр. 58. Л. 70 об.), – восклицал он.

Во время пребывания в Москве в 1842 г. Чихачев вновь посетил Студенец, Петровский парк и Кремлевский сад. В оранжереях Унгебауэра, Финтельмана, князя Щербатова и на цветочной выставке в Голицынской галерее он приобрел саженцы и семена. «Садовые» впечатления Черна-

¹ Государственный архив Ивановской области. Ф. 107. Оп. 1. Далее ссылки на документы из этого фонда даются в тексте статьи с указанием единицы хранения и листа.

вина были еще богаче. Ведь в юности, служа на флоте, он побывал в Дании, Бельгии, Англии, Италии, Греции и Турции и, конечно, видел немало разных садов и парков. В сельском уединении помещики постигали азы науки о растительном мире по учебникам «Ботаника для юношества» и «Натуральная история в пользу детей», дополняли их сведениями, почерпнутыми из журнала «Библиотека для чтения» и других периодических изданий. И даже штудировали многотомный научный труд Ж.-Л.-Л. Бюффона «Естественная история». Правила изящного садоводства Чихачев и Чернавин изучали, руководствуясь знаменитой поэмой Ж. Делиля «Сады, или Искусство украшать сельские виды» (фрагменты из нее были включены в любимую их книгу – «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина). Также они пользовались составленным Н.П. Осиповым пособием «Новый и новейший русский садовник». Возможно, Чихачев был лично знаком с известным флористом А.К. Бошняком, который занимался ботаническими исследованиями в своей усадьбе Савиково Нерехтского уезда Костромской губернии. С его братом – К.К. Бошняком Чихачев дружил, а позднее и породнился, женив сына Алексея на его дочери Анне. Обладая весьма обширными для дилетантов познаниями в области садоводства, помещики средней руки обустроивали свои сады в Дорожаеве, Бордуках и Березовике по своему вкусу и по своим средствам. Эти сады очаровывали не пышностью и экзотичностью растений, не дорогостоящими затеями (гротами, фонтанами и проч.), а простотой, естественностью, живописностью.

Сады Чихачева и Чернавина были весьма невелики по размерам. Дорожаевский сад в 1824 г. имел 90 шагов в ширину и 125 шагов в длину, бордуковский – 104 шага в ширину и 127 шагов в длину, а березовский – 58 шагов в ширину и 83 шага в длину. Перед парадными фасадами домов были устроены небольшие палисадники.

Сады находились в окружении хозяйственных построек: дровяных, кормовых и каретных сараев, амбаров, бань, прачечных изб, погребов и проч. В подборе растений соблюдался тот же принцип сочетания полезного с приятным. Березы и липы соседствовали с плодовыми деревьями: яблонями, сливами и вишнями. Рядом с декоративными кустарниками: акацией, шиповником, воздушным жасмином (чубушником), синелью (сиренью), майским белым кусточком (спиреей) росли ягодные: малина и смородина. Недалеко от цветников находились грядки с овощами. И в самих цветниках сажали не только цветы, но и пряные, а также лекарственные травы: базилик, Melissa, иссоп, калужер (пижму бальзамическую), какалию, римскую ромашку. Это свидетельствует о том, что среднепоместные дворяне не противопоставляли друг другу пользу и красоту, утилитарную деятельность и творчество, любование природой и ее преобразование, быт и искусство.

Планировка садов была незатейлива. Так, в дорожаевском саду существовали две аллеи: «Главная», которая вела от садовых ворот к господ-

скому дому, и «Поперечная» (она же «Березки»). Аллеи образовывали крест. На их пересечении находилась круглая клумба, в центре которой были установлены солнечные часы. Эта композиция намекала о принадлежности Чихачева к масонскому братству. Солнечные часы напоминали вольным каменщикам о том, что «мир находится все время в переменах»². Вокруг них Чихачев сеял маки – цветы, обозначающие покой и сон. И все это было заключено в круг, символизирующий гармонию. Дневниковые и эпистолярные рассуждения Чихачева и Чернавина о времени подтверждают, что его восприятие было двойственным и вместе с тем гармоничным. В сознании обитателей усадьбы вера в прогресс, в развитие человека и человечества сочеталась с наслаждением покоем и стабильностью мироздания³.

Возле клумбы с солнечными часами располагались дерновые диваны. Здесь у Чихачева было любимое место для умственных занятий: «Сажу на одном из диванов, что близ солнечных часов. Допитую чашку чаю унесли, а принадлежность к письму принесли, и <...> я при веянии северо-восточного ветерочка и при шуме березовых листочков пишу сии строки <...>» (Ед. хр. 66. Л. 80 – 80 об.). Чернавин читал, размышлял и писал письма в небольшой – всего 5 шагов в диаметре – липовой беседке.

Для тех же целей в дорожаевском саду была выстроена «хатка» (купольный павильон) Эрмитаж, в котором находились письменный стол со стулом и диван, а в куполе были устроены «полати» для домашнего архива. Стены украшали купленные у разносчика по гривне меди гравюры с видами Москвы, Рима, Венеции, Лондона. Чихачев совершал воображаемые прогулки по этим городам: «Лишь захотел в Москву – шаг, два, три – на четвертом я уже там. Иду в Гостиный двор, оттуда в Опекунский совет. Обхожу весь Кремль» (Ед. хр. 57. Л. 51 об.).

Усадебный мир воспринимался его обитателями как пространство замкнутое и удаленное от центра. «Живем в самом глухом месте, где ни птичка, ни человек ни проезживают, ни пролетывают» (Ед. хр. 57. Л. 41 об.), – жаловалась Наталия Ивановна. Привыкший к морским просторам отставной капитан-лейтенант Чернавин сетовал на судьбу, «которая определила жить в лесу и быть окруженным горами» (Ед. хр. 57. Л. 15). Он вычислил расстояние в верстах от Березовика до «знатнейших городов»: до Берлина – 1708, до Вены – 1785, до Парижа – 2541, до Лондона – 2534, до Калькутты – 5101, до Пекина – 5421.

Но даже о поездке в Москву или в Санкт-Петербург, не говоря уже о заграничных путешествиях, приходилось только мечтать. Средством преодоления замкнутости и периферийности усадебного пространства служили уже упоминавшиеся гравированные картинки, а также книги о путеше-

² Турчин В.С. Взгляд русского масона на природу естественную и искусственную // Русская усадьба. М., 2002. Вып. 8. С. 45.

³ Подробнее см.: Головина Т.Н. Образы времени и пространства в домашней литературе // Поэтическая литература: исследования и материалы. Иваново, 2002. Вып. 3. С. 11 – 18.

ствиях, пробуждавшие воспоминания и оживлявшие фантазию. О службе на военном флоте хозяину Березовика напоминали находившиеся в саду четыре пушечки. Пред его домом было установлено подобие корабельной мачты, на которую водружались флаги разных морских держав, сшитые из «пожилых салфеток» (Ед. хр. 59. Л. 23). По примеру шурина Чихачев приказал поставить такую же мачту у себя в Бордуках и сшить «адмиральский белый флаг с Андреевским крестом» (Ед. хр. 60. Л. 99) из дочкиной простынки. В этих странных сооружениях воплотилась (впрочем, с изрядной долей иронии) «охота к перемене мест» (А.С. Пушкин), которая порой овладевала «безвыездными деревенскими жителями» (Ед. хр. 57. Л. 78 об.).

Чтобы избавиться от «ужасной скуки и тоски» (Там же. Л. 10 об.), в барских садах по праздникам устраивали «хороводы с песельниками и музыкантами» (Ед. хр. 71. Л. 10). Чихачев любил смотреть, как веселятся крестьяне: «А перед окнами у меня поют, играют, ну, словом, слух и зрение вполне наслаждаются. Отличные голоса мужские и женские составляют самую усладительную гармонию; родной русский напев я всегда предпочитаю всем ариям Россини, Моцарта, Бетговена (sic), и проч., и проч.» (Ед. хр. 57. Л. 94 об.). Отставному капитан-лейтенанту поначалу «праздники в деревне показались незанимательны» (Там же. Л. 39 об.). Однако вскоре он полюбил простые сельские забавы так, что даже сам принимал в них участие: «Вечером блестящий маскарад, хоровод, пляски и песни, хоронили золото, и вообще вечер был прекрасный. В хороводе участвовали, кроме меня, дворовые девицы, духовного звания женщины и сельские крестьянские девушки» (Ед. хр. 60. Л. 120 об.).

Забавная картина – хоровод вокруг корабельной мачты – заключает в себе нешуточный конфликт. Реальное пространство усадьбы – уютное, обжитое, однако тесное и оторванное от всего мира – сталкивается с воображаемым пространством – безграничным, притягательным, но доступным только в мечтах.

Помещики не только грустили или веселились, но и трудились в своих садах. Зимой Андрей Иванович собственноручно расчищал дорожки: «Я этим живу! Вспотеть – устать – подышать. Это самая лучшая микстура! Самый лучший порошок в моей аптеке» (Ед. хр. 57. Л. 3). Зимний моцион Чихачев совершал вместе с сыном Алешей, для которого была «сделана маленькая лопаточка и велено связать варежки шерстяные» (Ед. хр. 54. Л. 19).

Прогулки в саду доставляли удовольствие в любое время года. Ранней весной Чихачев находил в них особую прелесть: «Воздух и погода стоят заманчивы, что нехотя направляешь шаги на балкон, спускаешься к часам, туда-сюда, дышишь первым весенним воздухом... время летит» (Там же. Л. 52). Он мечтал о том времени, когда можно будет приступить к садовым работам: «С какою радостью встречу я тебя, о вожденнейший цветистый май месяц! Когда сильно желаешь чего или ожидаешь – кажется,

что уж несбыточно вовсе ожидание. Так и я, с нетерпением ожидая сухости в моем цветнике, не верю, так сказать, что буду ходить по золотым дорожкам, буду любоваться бархатною зеленью куртинных краешков, теплотою воздуха, арбузными и дынными всходами и, может быть, бальзамическим духом распускающихся березок. А теперь? Повсюду еще сугробы» (Там же. Л. 62).

Задолго до наступления теплых дней «любитель садов» (Ед. хр. 45. Л. 1) начинал обдумывать, «как искуснее разместить посадку цветов в цветнике» (Ед. хр. 54. Л. 55). Ежегодно он отмечал в дневнике тот счастливый день, когда ему доводилось «впервые испачкать руки в земле» (Там же. Л. 60). Посадку цветов и уход за ними «земледелец»⁴ Чихачев осуществлял всегда сам. Садовник Ларивон⁵ занимался только оранжерейми. Тяжелые работы выполняли дворовые люди. Они «вспушали» землю, выкладывали дерном «каемочки или бордюрки у работок» (Ед. хр. 59. Л. 60 об.), посыпали дорожки песком и толченым кирпичом.

Каждый день приносил Чихачеву новую радость, о которой он спешил сообщить своему родственнику, соседу и другу Чернавину. Из письма от 11 апреля 1835 г.: «Вчера, лишь я перешагнул порог, благоухание меня встретило самым приятнейшим образом. <...> Начинают показывать головки свои следующие зимующие цветы: тюльпаны, пионы, крокусы. Растение зоря также. Римская ромашка столь по нашему климату не капризна, что во все почти не вянет под снегом. <...> Внимал скворушкам» (Ед. хр. 57. Л. 94). Из письма от 28 июня 1836 г.: «Я пошел в сад. А на ту пору дождейчек. Да какой? Самый романтический. Тихо так, что не колыхнет ни один листочек. И он стоит мелок, что и не виден, а между тем довольно част» (Ед. хр. 58. Л. 143). Из письма от 1 июля того же года: «Барская спесь и бархатцы распускаются, турецкая гвоздика цветет. Красные розаны, кажется, скоро начнут распускаться, ибо из некоторых почек начинают показываться красненькие листочки, фиалка цветет давным-давно, и так как синели уже отцвели, то теперь фиалка хоть несколько их заменяет» (Ед. хр. 66. Л. 89 – 89 об.).

Оживленная переписка Чихачева с Чернавиным (четыре толстых тетради за три года!) говорит о том, сколь велика была потребность «делиться с другом ощущения и радости» (Ед. хр. 95. Л. 35 об.). Но в полной мере насладиться красотой цветущего сада мог только тот, кто создал ее своими руками. «Артист и флорист» (Там же. Л. 40), как шуточно именовал себя Чихачев, сумел приобщить шурина к любимому занятию. Еще в 1834 г. он писал только что вышедшему в отставку и поселившемуся в Березовике Чернавину: «Надобно, чтобы у тебя было два заступа, две ручных железных

⁴ Чихачев настаивал на том, что помещик не только землевладелец, но и земледелец. См.: Чихачев А.И. Патриотическое сочувствие к училищу сельского хозяйства для потомственных дворян // Владимирские губернские ведомости. 1849. 24 дек.

⁵ Один богатый помещик пожелал купить Ларивона. Но выгодная сделка не состоялась, потому что покупатель потребовал привезти садовника на показ. «Это что-то коровато, сиречь по-коровьи, сиречь как будто корову продаем» (Ед. хр. 66. Л. 146), – возмутился Чихачев.

лопатки и железные грабли. Ежели же ты не чаешь иметь утехы в копании земли, то сие – мимо. Но, кажись, как тому быть, чтобы живучи в деревне, не полюбоваться хоть цветком собственного сажения? Смотри, как он в неделю вырос! И уж цвет завязываться хочет. И вот уж и цветет. Сам сажал, сам поливал. Ухаживал. Землю под него приготавливал. Жизнь ему, так сказать, дал, воспитал и взлелеял!» (Ед. хр. 57. Л. 14)

Чернавин увлекся новым делом. А зятя попросил составить план цветника: «Цветничок будет делать прекрасный эффект. А что он будет красив, в этом я никак не сомневаюсь, твоя изобретательность и твой изящный вкус мне в этом порукою» (Там же. Л. 95 об.). Перед приятелями встал вопрос: пересаживать ли старые кусты сирени? Андрей Иванович рассуждал: «Конечно, можно было бы урвать лучше, и дать свободное действие собственному вкусу. Но дело в том, что от пересадки кусты будут хворать целый год. Да и понравится ли тебе переносить батюшкино саженье на другое место? Мысль делать приращение собственное, не касаясь уничтожения старины родительской, не лучшая ли?» (Ед. хр. 59. Л. 59). Чернавин согласился с доводами Чихачева: «Ты угадал мою мысль! Мне, точно, не хочется трогать и пересаживать то, что посажено покойным моим батюшкою, а если можно, не касаясь посаженных кустов, устроить цветник, то это куда бы хорошо было» (Ед. хр. 57. Л. 95 об.). Сад в усадьбе, так же как дом, храм, кладбище, хранил память о предках. Он связывал прошлое, настоящее и будущее. Чернавин и сам по совету зятя посадил несколько яблочных семечек. «Со временем, – писал Чихачев, – вырастут монументы, современные твоей отставке и 31-му дню твоего рождения. С этих яблонь удастся, может быть, и мне сорвать и скушать яблочко» (Ед. хр. 59. Л. 18 об.). Любое дерево в родовой усадьбе, по тонкому замечанию О.С. Евангуловой, «смотрело зримым воплощением семейного древа»⁶.

Отдых и труд в саду объединяли всех членов семьи. Дети Чихачева – Алексей и Александра – забавлялись в саду: качались на качелях, играли в волан, колечко и чижы. Отец заботился о том, чтобы сын рос смелым и ловким. В своем дневнике одиннадцатилетний Алеша сообщал: «Папенька приказал для моей гимнастики сделать шест, по которому я несколько раз влезал и с веревочкой прыгал» (Ед. хр. 71. Л. 5 об.). Чихачев приучал детей ухаживать за растениями, причем хотел, чтобы они делали это с таким же удовольствием, как и он сам. В дорожаевском саду был установлен детский насос, который, по мысли главы семейства, должен был служить детям «игрушкой гимнастической, а для поливания отдаленных гряд полезным водопроводом» (Ед. хр. 58. Л. 135 об.).

Между супругами обязанности распределялись так: Наталии Ивановне «предоставляется обширное экономическое поприще», а «Андрей Иванович все хватается за поэтическое» (Там же. Л. 43 об.). Хозяйка усадьбы занималась огородом и теплицами. Из ее дневников узнаем, что огурцы

⁶ Евангулова О.С. *Художественная «Вселенная» русской усадьбы*. М., 2003. С. 128.

сеяли в теплицах в начале февраля, а лакомились первыми огурчиками уже в первых числах апреля. В середине июля поспевали арбузы и дыни. Тогда же в оранжереях созревали персики и сливы, а осенью – лимоны. В открытом грунте выращивали репу, тыкву, пастернак (пастернак), лук, морковь, свеклу, белокочанную и цветную капусту, кочанный и красный салат и другие овощи. Рачительная помещица вела строгий учет всех овощей и плодов. Так, в ее дневнике 1835 г. отмечено, что 13 июля «из Бордуков привезли 3 арбуза и персиков 16-ть» (Ед. хр. 63. Л. 82), 8 августа в «огуречниках» было «560 огуречных зародышей» (Там же. Л. 93 об.), а 7 сентября «вырвали 375 редок» (Там же. Л. 102).

Ее супруг редко заглядывал в огород и в теплицы, разве только затем, чтобы полюбоваться «забавными всходами» (Ед. хр. 54. Л. 49 об.) растений. В оранжереях он проводил много времени, ухаживая за декоративными культурами: геранями, левкоями, желтофиолями, бульденежем, гортензиями и розанами. С началом цветения в январе и феврале их переносили в комнаты. Чихачев мечтал прямо в доме устроить «оранжерейку», которая бы служила ему кабинетом, как у богатого соседа – владимирского губернского предводителя дворянства А.П. Хметевского. Но за неимением средств он не мог «дозволить себе сей причуды» (Ед. хр. 59. Л. 45 об.). Тем не менее при «проектировании» нового дома в Дорожаеве Чихачев предусмотрел, «первое, чтобы сход был в сад; второе, чтобы зал был сколь можно благоприятнее для цветов» (Там же. Л. 58 об.).

Увлеченный садовод неустанно заботился о пополнении своего Царства Флоры. В дорожаевском саду насчитывалось около 60 видов и сортов декоративных растений. У Чернавина в Березовике их было чуть меньше. И все это многообразие подлежало строгому учету и систематизации. В усадебном архиве имеются перечни цветов с указанием времени посева, появления всходов, начала цветения, а также с описаниями внешнего вида растений, рекомендациями по уходу за ними, сведениями о способах борьбы с болезнями и вредителями. Чихачев взял за правило, что «у всех цветов должны быть тычинки с номерами (колышки с номерами, под которыми цветы значатся в списках. – Т.Г.), и оные должны стоять все лето» (Ед. хр. 54. Л. 66 об.).

Таким образом принципы разнообразия и упорядоченности, которые были характерны для садово-паркового искусства эпохи классицизма, продолжали соблюдаться среднепоместными дворянами и в XIX веке. Рациональный подход к обустройству сада дополнялся эмоциональным его восприятием в современном духе романтизма. Ярким подтверждением этого могут служить описания цветников в домашней словесности (записных книжках, хозяйственных тетрадях, дневниках и письмах). Так, в документе под названием «Цветам записка на 1834 год» характеристики растений расположены в строгом алфавитном порядке, но как они поэтичны! «*Касатик* (ирис. – Т.Г.) уважается за величественную лентообразную свою

зелень, цвет палевый, хотя и крупный, но неважный. *Колокольчики* уважаются в саду за романтическую их зелень, имеющую кругленький листочек небольшой, а цвет простой. *Кореопсис*. Зелень очень мелкая, узенькая, но цвет в виде тысячи крестиков, у коих серединка масаковая, а краешки чистого золота. *Крокус*. Растет елочкой. Цвет большой ранжевой (оранжевый. – Т.Г.), делающий хороший вид. *Крыжанты* (хризантемы. – Т.Г.). Зелень хорошенько припомнить не могу, а цвет как бы в миниатюре шапочки (бархатцы. – Т.Г.) палевые» (Ед. хр. 57. Л. 82 об.).

При разбивке цветников соблюдались требования живописности, гармонического многообразия форм и расцветок, смены настроений. Клумбы были круглыми, а рабатки – треугольными, прямоугольными и «амебообразными». Посадка растений осуществлялась с учетом их высоты, цвета, запаха и времени цветения. Каждая группа имела свою цветовую или силуэтную доминанту. В этом качестве выступали амарант, дельфиниум, роза, пион, мальва или георгин. Остальные цветы подбирались в единой гамме, например в меланхолической сине-сиреневой: дельфиниум, денная красавица (ипомея), ирисы, колокольчики, флоксы, фиалки. Были также веселенькие «пестрые» рабатки, радующие глаз сочетанием белого воздушного жасмина (чубушника), розовых и белых мальв, синих ирисов, ярко-красной барской спеси (лихниса), лимонных и оранжевых бархатцев. Кроме того, для «усладительного благоухания» (Ед. хр. 54. Л. 82 об.) в каждой рабатке росли какие-нибудь ароматные цветы: нарциссы, ландыши, резеда, душистый горошек, флоксы, гелиотроп, ночные фиалки.

Ковровские помещики, вероятно, знали язык цветов. Некоторые рабатки представляли собой зашифрованные тексты. В рабатке у девичьей в Березовике находились цветы, характеризующие поведение и чувства молодой девушки: турецкая гвоздика (улыбка), денная красавица (кокетство), дельфиниум (легкомыслие), мальва (чувство). Другие цветы в этой рабатке служили предупреждением для юной особы: медвежье ушко (вас пытаются соблазнить), флоксы (страшись любви), мелисса (шутка), нарциссы (обманчивые надежды). Наконец, третьи предрекали судьбу той, которая не прислушается к советам: колокольчик (постоянство, горе), римская ромашка (терпение, грусть), мак (найди утешение во сне).

Цветочная композиция перед окнами бильярдной и кабинета Чернавина заключала в себе подобающий этому месту смысл. Барская спесь (путешествие), пион (честолюбие) и нарциссы (обманчивые надежды) напоминали о службе Чернавина на флоте и о ранней отставке. Ирис (печаль), левкой (тоска) и мак (сон) отражали нынешнее душевное состояние «ленивого и скучливого» (Ед. хр. 57. Л. 40) Якова Ивановича. Жасмином (дружба) и ландышами (возвращение счастья) автор «проекта» цветника Чихачев выражал шурина свое сердечное участие и вселял в него надежду на лучшее.

Но даже если обитатели усадеб и не владели сложным флористическим кодом, они умели с помощью цветов и плодов передать главное – родственные и приятельские чувства к окружающим. В качестве презента могли быть преподнесены не только поэтические маргаритки, но и прозаические огурцы. Так, 2 апреля 1831 г. Чихачевы сорвали первые пять огурчиков и отправили по одному Измайловым в Чернцы-Воротынские, Иконниковым в Горки, Черепановым в Вильцево, дядюшке Т.И. Крылову в Березовик и лишь один сами съели за обедом.

Цветочные семена и луковицы выписывали из Москвы и Риги, но чаще получали в подарок от знакомых помещиков: от Измайловых – левкои, от Секерина – бальзамины, от Калакуцкого – настурции, от Писемских и от Шереметевой – тюльпаны. И сами делились с соседями, чем могли. Такой обмен, как и обмен книгами, укреплял добрые отношения между помещиками. В их садах росли живые доказательства взаимной симпатии.

Садоводство было любимым занятием помещиков средней руки, ибо оно соответствовало их главным жизненным задачам. Одна из которых – преобразование природы по законам пользы и красоты, а другая – физическое и духовное самосовершенствование. Сады Чихачева и Чернавина несли отпечаток личности своих создателей и владельцев: их простоты, естественности, безмятежности, поэтичности, трудолюбия, изящного вкуса и доброго сердца.

Путешествие в Индию. Влияние ландшафтных пейзажей Уильяма Ходжеса, Томаса и Уильяма Дэнилла на распространение элементов стиля хинди в творчестве английских архитекторов

Термин хинди (или индийский) стиль употребляется, как правило, зарубежными исследователями для определения тенденций, характеризующихся использованием элементов индийского зодчества в архитектуре ряда европейских стран в конце XVIII и на протяжении XIX века. В случае, когда в зданиях эпохи эклектики использовались элементы индо-мусульманского зодчества, применяется также термин стиль Моголов, хотя более точным будет употребление термина стиль неомоголов, так как речь идет об одном из многочисленных неостилей XIX века.

Мода на стиль хинди возникла в Англии, что во многом было связано с деятельностью Ост-Индской компании. Путешественники и коммерсанты, побывавшие в Индии, оставляли наполненные яркими образами описания индийских дворцов, храмов, мечетей и мавзолеев, воспоминания о колоритной придворной жизни и быте вельмож. Многие из участников Ост-Индской компании, такие как известный губернатор Мадраса Илайхью Йель (1649-1721), проявляли живой интерес к искусству Индии и коллекционировали предметы искусства этой страны. Была широко известна коллекция миниатюр, собранная И. Йелем.

Со временем экзотическая индийская культура становится необычайно популярной на берегах туманного Альбиона. Расцвет моды на стиль хинди определяется 1800-1820 гг., иллюстрируя один из самых интересных периодов британской архитектуры. Хотя, нужно признать, что первые примеры обращения к индийской архитектуре можно встретить, начиная уже в 1780-х гг. (проект реконструкции южного фасада ратуши в Лондоне, архитектор г. Дэнс Младший).

Логическую цепочку зарождения стиля хинди прослеживает Джон Меккензи в книге «Ориентализм: История, Теория и Искусство», он пишет следующее: «быстро разбогатевшие в Индийской компании навабы, желая показать истоки своего нового статуса и состояния, предпочитали ис-

пользование элементов индийской архитектуры при строительстве своих резиденций»¹.

Важнейшая роль в популяризации индийской культуры принадлежит английским ландшафтным пейзажистам: Уильяму Ходжесу Томасу и Уильяму Дэниеллу. Они открыли для европейцев неповторимую красоту произведений искусства Индии, став пионерами Индийского Возрождения у себя на родине.

Участие художников-пейзажистов в различных научных и культурологических экспедициях для сбора материала и фиксации происходящих событий было в ту пору весьма распространенным явлением. Так, Уильям Ходжес в качестве художника участвовал в Антарктической экспедиции Джеймса Кука в 1772-1775 гг. Художник получил широкую известность благодаря своим наброскам и живописным изображениям мест, которые он посетил во время совершенных путешествий, включая Таити, остров Пасхи и Антарктику. После своего возвращения в Лондон, он даже получал специальное жалование от Адмиралтейства для завершения своих живописных и графических работ.

Именно У. Ходжес стал первым английским художником, посетившим Индию. Это событие произошло в 1778 г. В Индии он работал под патронажем известного английского колониального деятеля, первого генерал-губернатора Бенгалии Уоррена Хейстингса (1732-1818), который стал не только патроном художника, но и его близким другом вплоть до самой своей смерти. Возвратившись в Лондон, Ходжес устроил персональную выставку своих живописных работ и позднее опубликовал серию из 48 акватинт под названием «Избранные виды Индии»². Его разнообразные впечатления были подробно описаны в изданном в 1793 г. дневнике под названием «Путешествия в Индию в 1780, 1781, 1782 и 1783»³. Индийские сюжеты во многом способствовали возросшей популярности художника в качестве ландшафтного пейзажиста. В 1789 г. ему присвоили звание члена Лондонской Королевской Академии. Первый Президент Академии известный художник и теоретик искусства Джошуа Рейнолдс (1723-1792) характеризовал Ходжеса как весьма интеллектуального и колоритного художника. Увидев первые опубликованные акватинты Ходжеса, Рейнолдс писал: «Варварское великолепие азиатских зданий, возможно, послужит кому-то из архитекторов не то чтобы моделью для копирования, но позволит составить представление о композиции и общем впечатлении архитектуры»⁴.

¹ Mackenzie John M. *Orientalism: History, Theory and the Arts*, Manchester, 1995. P. 80.

² William Hodges. *Select Views In India: Drawn on the Spot In the Years 1780, 1781, 1782 and 1783, and Executed In Aqua Tinta*, Printed for the author and sold by J. Edwards, 1786.

³ William Hodges. *Travels In India, during the years 1780, 1781, 1782, & 1783: During the Years 1780, 1781, 1782, and 1783*, Colaborador James Edwards, printed for the author, and sold by J. Edwards, 1794.

⁴ Цитата по книге: Hermione De Almeida, George H. Gilpin. *Indian Renaissance: British Romantic Art and the Prospect of India*, Ashgate Publishing, Ltd., 2005. P. 125.

Пейзажисты Томас Дэнилл и его племянник Уильям, жившие в Индии с 1785 по 1794 г., создали обширнейшую коллекцию графики и живописи. Этому способствовало использование в работе камеры-обскуры, которая часто применялась для точных натуральных зарисовок до изобретения фотоаппарата. После своего возвращения в Лондон художники опубликовали «Восточные пейзажи»⁵, куда были включены 144 акватинты. Это издание, также как и работы Ходжеса, оказало огромное влияние на писателей и архитекторов романтизма. Изображение Тадж-Махала становится общеизвестным во многом благодаря работам Ходжеса⁶ и Дэниллов⁷. Публикация серии их гравированных работ ландшафтной архитектуры в популярных изданиях «Избранные виды Индии, Восточные Пейзажи», «Индийские древности» способствовала новой волне интереса к индийской теме.

У. Ходжес и родственники Дэнилл были не единственными художниками, работавшими в Индии. Искусствовед Грехем Рейнолдс (Graham Reynolds) подсчитал, что в 1780-1800 гг. по меньшей мере тридцать пять английских художников совершили путешествие в Индию⁸.

В 1784 г. выдающимся ученым и специалистом по санскриту Уильямом Джонсом было основано Азиатское Общество в Калькутте. В 1823 г. был открыт филиал общества в Лондоне, получивший королевский статус. Членами этой организации наряду с У. Ходжесом и Т. Дэниллом стали художники: Джон Зоффени, Сэмюэл Дэвис, Озиас Хэмпфри⁹. Азиатским обществом с 1788 г. выпускался журнал «Азиатские исследования», на страницах которого публиковались работы, посвященные культуре, вопросам религии, литературе и искусству Индии. Зарисовки всемирно известного индийского храмового комплекса в Махабалиपुरаме, выполненные Уильямом Чэмберсом, посетившим это место в 1772 и 1776 гг., также были опубликованы на страницах этого журнала. Ландшафтные пейзажи были выполнены с такой глубокой проработкой деталей, что многие архитекторы, никогда не посещавшие дальних стран, начали использовать живописные образы в своих проектах, пытаясь удовлетворить вкусы своих заказчиков. Журнал *Monthly Magazine*¹⁰ отмечал научную точность и детальную скрупулезность работ Дэнилла. Об этом писал также известный ландшафтный архитектор Хэмпфри Рептон. В своей книге «Паркостроение и ландшафтная архитектура позднего Хэмпфри Рептона» он пишет следующее: «...Мистер Дэнилл собрал обширные материалы, касающиеся стиля индийских зданий, обме-

⁵ Thomas Daniell, William Daniell, James Wales. *Oriental Scenery*, [Robert Bowyer], 1808.

⁶ Живописные изображения Тадж-Махала, выполненные Ходжесом, выставлялись в Королевской Академии в 1787 и 1794 годах.

⁷ Hermione De Almeida, George H. Gilpin. *Indian Renaissance: British Romantic Art and the Prospect of India*, Ashgate Publishing, Ltd., 2005. P. 91.

⁸ Giles Henry Rupert Tillotson. *The Artificial Empire: The Indian Landscapes of William Hodges*. Routledge, 2000. P. 45.

⁹ Giles Henry Rupert Tillotson. *The Artificial Empire...* P. 124.

¹⁰ Hermione De Almeida, George H. Gilpin. *Indian Renaissance...* P. 91.

ры многих из которых выполнены им с большой точностью. Несмотря на то, что работы мистера Дэнилла, опубликованные до настоящего времени, касаются общих черт и живописных эффектов индийской архитектуры, архитекторы, которые обращаются к ним, имеют возможность изучить особенности этих зданий. Дэнилл предоставил мне уникальную возможность пользоваться его работами без каких-либо ограничений, поэтому для меня было бы непростительным относиться без должного уважения к деталям индийской архитектуры, представления о которой сложились благодаря собранным Дэниллом материалам»¹¹.

Нажив в Индии огромные состояния, чиновники компании, сохраняя в памяти яркие образы самобытного искусства далекой страны, возвращались на родину и, желая подчеркнуть свой статус, перестраивали родовые гнезда, используя элементы индийской архитектуры. Начинают появляться стилизованные в духе индийской архитектуры постройки садово-паркового характера в виде небольших храмов, павильонов или «минаретов», перестраиваются имения участников Ост-Индской компании, такие как: Престон холл в Шотландии, Мельчет-парк и Шотландский дом генерала Ост-Индской компании сэра Гектора Мунро Новарского. По его приказу в 1782 г. был построен Фириш монумент близ Евантона, (Истер Рос, Шотландия), который представлял из себя реплику Ворот Негапатама, портового города в индо-британском президентстве Мадрас, завоеванного в результате военных действий под предводительством генерала Гектора Мунро в 1781 г. В проекте реконструкции южного фасада Ратуши (Гиндхолл) в Лондоне Георг Дэнс Младший (1741-1825), также находившийся под влиянием Ходжеса и Дэнилла, гармонично синтезирует индийские и готические мотивы.

Одним из первых архитекторов, обратившихся к индо-мусульманской архитектуре, был Сэмюэль Пепис Кокерелл, который добавляет купол в стиле Моголов, завершенный лотосом, к неоклассическому дому упоминавшегося выше чиновника генерал-губернатора Уоррена Хейстингса в Дейлсфорде (Англия)¹². Использование лотоса с остроконечным шпилем в качестве навершия купола, безусловно, служило тонким намеком на участие Хейстингса в деятельности Ост-Индской компании¹³. Дом, построенный в 1788–1798 гг., считается одним из ранних примеров стиля пиктореск, где использовались элементы индийской архитектуры. Эту линию Кокерелл продолжает в Сезинкоте (1804-1805), перестраивая усадьбу своего брата Чарльза Кокерелла – также участника компании, вернувшегося на родину из Индии. Сам Кокерелл работал для Ост-Индской компании в качестве геодезиста и был, по сути, одним из немногих архитекторов, посетивших эту

¹¹ См. Humphry Repton, John Claudius Loudon. The landscape gardening and landscape architecture of the late Humphrey Repton, esq., being his entire works on these subjects. London, 1840. P. 371.

¹² Paul F. Norton Daylesford: S. P. Cockerell's Residence for Warren Hastings. // The Journal of the Society of Architectural Historians, Vol. 22, No. 3 (Oct., 1963). P. 127-133.

¹³ Fazio Michael W. Latrobe Benjamin H., Snadon P.A. The Domestic Architecture of Benjamin Henry Latrobe, JHU Press, 2006. P. 49.

страну и имевших возможность воочию созерцать прекрасные памятники индийского зодчества¹⁴. Тем не менее С.П. Кокерелл обращался к помощи Томаса Дэнилла, который принимал непосредственное участие в создании проекта Сезинкота. Личные консультации художника, который провел в Индии девять лет, став автором огромного количества живописных и графических работ с архитектурными видами Индии, в значительной степени помогли С.П. Кокереллу в создании ансамбля дворца и парка. Т. Дэнилл помимо работы над проектом дворца выполнил также проект моста и павильона, посвященного индийскому богу солнца Сурья¹⁵.

Главный корпус здания в Сезинкоте (илл. 8), внешне кажущийся прямоугольным, на самом деле на плане представляет собой латинскую L. Он объединен с восьмигранным зимним садом дугообразным павильоном. Над корпусом здание перекрыто луковичным куполом из меди цвета бирюзы, расположенным на подиуме. По углам этого подиума находятся каминные трубы, имеющие форму небольших на вытянутом основании шатров (чхаттри), перекрытия которых также выполнены из меди. Здание дворца прекрасно вписано в окружающий ландшафт, оно как бы слито с окружающим его парком. Этот прием издревле применялся в индийских архитектурных ансамблях. Гармония с окружающей природой, использование элементов индийской архитектуры, описанных выше, наряду с широким применением металла, живописность силуэта делают очевидным влияние архитектуры Сезинкота на работу английского архитектора Эдуарда Блора в Алушкинском дворце, построенном в Крыму для М.С. Воронцова (илл. 11). Эволюция идей индо-мусульманской архитектуры продолжается в королевском дворце в Брайтоне, где мы опять сталкиваемся с несомненным влиянием Сезинкота. Наряду со стилем хинди в Брайтоне использовались апелляции и к другим восточным стилям¹⁶.

Дворец, служивший приморской резиденцией для принца-регента, будущего короля Георга IV, является одним из замечательных примеров архитектурных стилизаций с использованием различных элементов индийской, китайской и английской готической архитектуры. Индийская история Брайтона начинается в 1803 г., когда Уильям Порден добавляет новое здание конюшен к северо-западу от Морского павильона, выполненное Генри Холландом в классическом стиле. Здание конюшен, построенное Порденом, известное в настоящее время как Dome и используемое в качестве концертного зала, представляло собой огромную ротонду, перекрытую куполом с окнами и проемами, стилистически близкими архитектуре Большой мечети в Дели. На сходство стилистических приемов, используемых У. Порденом, с архитектурой мечети в Дели Джами-Масджид обратил вни-

¹⁴ Hussey Christopher. English Country Houses. Late Georgian 1800-1840, v.3. Antique collectors club, 1988. P.66.

¹⁵ Danby Miles. Moorish style, London : Phaidon, 2002. P. 155.

¹⁶ Fazio Michael W. P. 23.

мание Мили Данби в книге «Мавританский стиль»¹⁷. Именно Порден, который был учеником С.П. Кокерелла и работал в его мастерской, убеждает принца использовать для конюшен и школы верховой езды стиль хинди, включающий многочисленные остроконечные арки, вытянутые тонкие башенки, увенчанные крохотными шатрами¹⁸.

Для будущего короля предложенный архитектором вариант декорации был столь необычен, что он был вынужден посетить Сезинкот¹⁹. Принц, оставшийся весьма довольным новым зданием конюшен в экзотическом стиле для своих арабских жеребцов, затмившим существующую виллу, принимает решение о её реконструкции. Дизайн внутренних интерьеров был подготовлен Порденом в китайском стиле. Возможно, это было продиктовано тем, что принц получил в дар коллекцию китайских шпалер²⁰.

Проект парка был также заказан в стиле Моголов. Для этого был приглашен один из крупнейших английских ландшафтных архитекторов Хемфри Рептон. Здесь мы опять сталкиваемся с влиянием живописных и графических работ Томаса Дэнилла, акватинты которого помогли архитектору в создании эскизов для проекта Королевского павильона в стиле Моголов. Рептон выполнил двенадцать акварелей с эскизным проектом для Королевского Павильона, а также птичника и загона для фазанов. Хэмпфри Рептон в своих теоретических работах предсказывал трансформацию британского вкуса «...накануне будущих больших перемен в искусстве архитектуры и паркостроения»²¹. Рептон пишет: «Незадолго до моего первого визита в Брайтон я консультировался с владельцем Сезинкота, который пожелал увидеть в архитектуре дворца и парка элементы архитектуры, которые ему довелось видеть в Индии. Предмет диалога был нов для меня, но длительный опыт пребывания Чарльза Кокерелла в Индии, его безупречный вкус и точность наблюдений в описании древней индийской архитектуры открыли для меня новое поле деятельности. Большую помощь в моей работе оказали наброски и рисунки моего гениального друга мистера Томаса Дэниелла, открывшие для меня новые источники красоты и гармонии, что позволило удовлетворить ту жажду новизны, поиски которой столь опасны в любой сложившейся системе, так как весьма важно учитывать характерные особенности каждого стиля, чтобы не допустить изменения в его пропорциях, что может привести к утрате его характера»²².

¹⁷ Danby Miles. Moorish style. P. 158.

¹⁸ Nigel R. Jones. Architecture of England, Scotland, and Wales, Greenwood Publishing, 2005. P.225.

¹⁹ Nigel R. Jones. Architecture of England. P.226.

²⁰ Danby Miles. Moorish style. P. 158.

²¹ Matthew Hargraves. Great British watercolors : from the Paul Mellon collection at the Yale Center for British Art. New Haven : Yale Center for British Art ; Richmond : Virginia Museum of Fine Arts, 2007. P. 86.

²² См. Humphry Repton, John Claudius Loudon. The landscape gardening and landscape architecture of the late Humphrey Repton, esq., being his entire works on these subjects. London, 1840. P. 367.

Несмотря на то, что предложенный Рептоном проект реконструкции в стиле Моголов принц посчитал совершенным, на его исполнение не нашлось необходимых средств, и была завершена только отделка интерьеров в китайском стиле по проекту Пордена. В 1813 г. идея реконструкции была возрождена советником будущего короля Георга IV в вопросах архитектуры Джоном Нэшем. Экзотичность, необычайная живописность силуэта, уравновешенность объемов сближают этот памятник с Алупкинским дворцом Блора и делают его влияние очевидным, как и в случае с Сезинкотом.

Таким образом, становится очевидным огромное влияние, которое оказали произведения художников-пейзажистов У. Ходжеса, Т. и У. Дэнилов, работавших в Индии, на распространение мотивов индийской архитектуры в творчестве английских архитекторов Георга Дэнса Младшего, Сэмюэля Пеписа Кокерелла, Хэмпфри Рептона, Джона Нэша, Эдуарда Блора.

О.Д. Волкова

Реставрационные работы в парках Петергофа (прошлое, настоящее и будущее)

Общеизвестна значимость петергофских парков в архитектурной, исторической и искусствоведческой научной среде. Как памятники ландшафтной архитектуры они обладают ценностями, среди которых особенно выделяются историко-архитектурная уникальность и природно-экологическая среда.

Сегодня Петергоф представляет собой не только богатейшее собрание коллекций искусства разных жанров, но в первую очередь это крупнейший культурологический центр, заповедник с уникальным природным ландшафтом, художественное богатство которого является бесценной основой для воспитания будущих поколений. Петергоф как целостное, многослойное по времени, гармонизированное пространство, используя свои культурно-исторические и природные феномены, создает широкие возможности для образования и воспитания населения. Загородная императорская резиденция на берегу Финского залива является выражением расцвета русской художественной культуры различных исторических периодов – в Петровскую эпоху, в Екатерининское время, в царствование императора Николая I и в последующие периоды российской истории. Необходимость сохранения культурного наследия сегодня не вызывает сомнений. Вопросы воспитания личности на лучших образцах искусства всех жанров переплетаются здесь с глобальными экологическими задачами и проблемами охраны уникальной исторической среды.

Рассматривая процессы, происходящие сегодня в дворцово-парковых заповедниках (в частности в Петергофе), следует особо выделить проблемы нарушения биоэкологического равновесия и визуальных архитектурно-планировочных связей, происходящие в результате изменения экологическо-ландшафтной обстановки на протяжении длительного отрезка времени. Вместе с тем возникают задачи восстановления нарушенных природных систем в относительно устойчивом, гармоничном состоянии. Исторические парки как часть природы подвержены естественному процессу старения и поэтому нуждаются в сложных, трудоемких работах по реставрации. Неизмеримо возросшие за последние годы затраты на проектные и в особенности реставрационные работы по воссозданию исторических парков требуют нестандартных решений и научных рекомендаций, тщательных всесторонних исследований объекта реставрации.

Результаты реставрационных работ в исторических парках С.-Петербурга и его пригородах с послевоенных лет до наших дней показывают не всегда продуманный и обоснованный подход к живому, постоянно изменяющемуся материалу. Зачастую игнорирование или недостаточная изученность архивных документов и исторических данных по созданию памятника дворцово-паркового искусства приводили к искажению его объемно-пространственной композиции. Впоследствии неправильная эксплуатация или ее полное отсутствие приводили к потере уникального исторического объекта, а затем к немалым затратам на его восстановление.

Проект реставрации района Марли в Нижнем парке был разработан институтами ЛенНИИпроект (9-я мастерская), Гипротеатр и Ленгипроинжпроект с тщательной проработкой исторического материала (в том числе графического), археологическими предпроектными изысканиями, на основе инвентаризации парка 1961-1962 гг. (автор – К.Д. Агапова). Проектом предусматривалось воссоздание объемно-пространственной композиции середины XVIII века (периода расцвета парка), планировочной системы, водоемов, фонтанов, малых архитектурных форм, дренажной сети. Однако из-за плохой координации действий субподрядных организаций, нечеткого контроля со стороны парковых служб музея-заповедника и Государственной инспекции по охране памятников, отсутствия экологических исследований в районе Марли, применения некондиционного посадочного материала возник ряд отступлений от проекта, которые привели к следующему:

- дренажная система на участке не работает;
- избыточное увлажнение в саду Бахуса не дало возможности растительности развиваться, формируя заданную композицию;
- разросшиеся ели на Золотой горе закрыли перспективу на дворец Марли и общую панораму участка;
- не закончена композиция верхней террасы «Елевой горы»;
- фруктовый сад Венеры развивался стихийно, без направленного ухода;
- растительный материал имел низкую приживаемость;
- отсутствовали четкие вертикальные акценты в саду Бахуса в виде формованных деревьев по углам боскетов, трельяжей и берсо;
- дороги и газоны участка находились в неудовлетворительном состоянии.

В результате отсутствия методики послереставрационного ухода и эксплуатации восстановленного архитектурно-ландшафтного комплекса участок Марли в начале 1990-х годов не являл собой образец русского садово-паркового искусства XVIII века, каким его задумывал Петр I и каким стремились воссоздать реставраторы. Сегодня при интенсивной эксплуатации и профессиональном уходе удалось частично исправить ситуацию и вернуть исторический вид объекту.

Исторически сложившаяся среда любого памятника почти всегда включает в себя природное окружение архитектурных объектов. Следовательно, необходимость сохранения единства архитектурного ансамбля, гармоничное сочетание памятника с его окружением являются важнейшим критерием ценности памятника при его восстановлении. Кроме того, памятники архитектуры (в том числе и ландшафтной) служат выразителями и носителями характерных черт и элементов определенных стилей. Тем значительнее становится вопрос глубины исследований по отдельным объектам, участкам парка, «микроансамблям», где каждая деталь приобретает характер подлинности и неповторимости.

Морской (или Самсоновский) канал в Нижнем парке – одно из первых гидротехнических сооружений Петергофа и центральная композиционная ось ансамбля – был создан по эскизам Петра I с 1714 по 1720 гг. Являясь вместе с Большим каскадом центром композиции и планировочной осью, Морской канал изображался на всех генеральных планах, включая первый план архитектора И.-Ф. Браунштейна 1716 г. Первые ели на канале появились в 1770 г. В архивном документе говорилось: «По каналу позади решеток между высокого ольхового шпалера елей требуемое число...и к тому земли заготовить»¹. После наводнения 1824 г. канал был реконструирован только в 1859-1860 гг. архитектором Н.Л. Бенуа. Вместо елей по берегам канала были высажены пихты, просуществовавшие до 1930-х гг. После Великой Отечественной войны при восстановлении канала и аллеиных фонтанов была проложена дренажная система и выполнены посадки елей колючих (форма «Серебристая») в количестве 68 штук. Разросшиеся ели со временем закрыли собой историческую перспективу на Большой дворец с моря. Испытывая сильное угнетение со стороны пешеходных аллей, а также от постоянного подтопления корневой системы со стороны фонтанов, в начале XXI века ели стали ослабевать. В результате ели были поражены короедом – вредителем древесины «дендроктоном». К настоящему времени большинство деревьев находится в умирающем состоянии. Аллеи больных деревьев представляют угрозу для посетителей парка во время штормовых ветров. Необходима полная замена хвойных деревьев вдоль канала, воссоздание газонов и дренажной системы, ремонт прилегающих дорожных покрытий. Работы находятся в начальной стадии (илл. 13). После посадки ели обыкновенные (98 штук) будут ежегодно подвергаться стрижке пирамидальной формы.

Отдельные элементы садово-парковой, или так называемой зеленой архитектуры все чаще привлекают к себе внимание в плане восстановления этих своеобразных участков исторических садов. Лабиринт – садовый орнамент, стилиевой элемент садового искусства, состоящий из нескольких витков дорожек, всегда приводящих к центральной точке. Однако разнообразные трактовки лабиринтов, распространенные в основном в средние

¹ РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 601

века, говорят о неоднозначности и изменчивости понятия этого элемента. Наиболее популярными были философские, религиозные, архитектурные и социальные трактовки лабиринтов.

Большинство лабиринтов в садах Европы не сохранилось. Некоторые были воссозданы в XX веке по историческим чертежам. Одной из самых трудных задач при восстановлении был выбор растительного материала для лабиринта. Здесь, как и в вопросе планировки, не существовало единого решения. Тис, самшит и граб были типичными представителями «зеленой архитектуры», которая создавала ощущение замкнутости и оторванности от окружающего мира. Зачастую внутри лабиринтов-боскетов находились фонтаны, бассейны, гроты, беседки, скульптура. Лабиринт в восточной части Нижнего парка Петергофа создавался «на пустом месте против Темпля в лесу со шпалерами». Образцом для него послужил рисунок из известной книги Леблона-д'Аржанвиля «Теория и практика садов». Он представлял собой прямоугольник 182 на 137 метров, обнесенный рвом с водой, с восемью лучами-дорожками, отходящими от овальной площадки, в центре которой находился бассейн с фонтаном. Внутри каждой из восьми частей прямоугольника располагались фигурные площадки с различным наполнением (пруды, цветники, партеры). Все дорожки и площадки были подчеркнуты высокими «зелеными стенами», шпалерами, в углах которых росли штамбовые деревья. Шпалеры создавались из липы и ольхи, боскеты заполнялись плодовыми деревьями и кустарниками, вертикали – из штамбовых лип. После смены садового стиля стрижка лабиринта была прекращена, и он быстро стал зарастать самосевом. Сильное наводнение 1825 г. уничтожило последние очертания лабиринта. Впоследствии он не восстанавливался.

Археологические раскопки, проведенные в лабиринте, установили ширину аллей, обнаружили борта бассейна, вымощенные булыжником, и установили общие размеры лабиринта – 151,2 на 115,6 м. С февраля 2008 г. на территории бывшего лабиринта идут реставрационные работы: восстановлены очертания пруда (сохранившиеся с XVIII в.) и мелиоративная сеть в виде обводных каналов, заново проложены дороги и установлены трельяжи, посажены шпалеры из кустовой липы и штамбовые липы на исторических местах.

Подводя итог приведенным примерам из реставрационной практики, необходимо отметить, что в каждом случае был выработан индивидуальный подход к восстановлению памятников ландшафтной архитектуры, вобравший в себя наиболее оптимальные приемы реставрации в данных условиях природной и социальной среды. В качестве универсальных подходов особого внимания заслуживают такие этапы предпроектного анализа, как археологические раскопки, изучение аналогового исторического материала и экологические обследования.

Сад Царицына острова: история создания

Сад Царицына острова – важная составная часть одного из петергофских дворцово-парковых ансамблей николаевского времени. Он был создан рядом и одновременно с павильоном в «помпейском» стиле по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера в 1843-1844 гг. Павильон и сад на острове стали частью нового озерного Колонистского парка.

В дореволюционный период его краткие описания и характеристики, излагались в путеводителях и описаниях приморской резиденции. Первое описание Петергофа вышло в свет в 1868 г¹. Его автор, А.Ф. Гейрот, написал об истории этой заросшей кустарником местности, которая носила название «охотного болота». Он отметил, что были здесь и овраги, и возвышенные места. А.Ф. Гейрот кратко охарактеризовал работы по созданию пруда и островов и, давая характеристику павильону, перечислил фонтаны, садовые скамьи, скульптуру, садовые растения, а также рассказал об истории появления на острове дуба Вашингтона и привел текст надписи на табличке этого дуба. Несколько ошибок и неточностей, допущенных в этом тексте, приобрели необычайно устойчивый характер и до сих пор часто воспроизводятся авторами, пишущими о Царицыном острове. Но эти детали не умаляют заслуги первого историка Петергофа.

В 1889 г. М.И. Пыляев кратко описал ансамбль островов в книге «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга»². В 1909 г. вышел в свет путеводитель по Петергофу М.М. Измайлова, в котором самому общему описанию Царицына острова посвящен небольшой фрагмент. Несколько слов посвятил Царицыну острову в своих книгах В.Я Курбатов³.

Исследование ансамбля началось в послереволюционные годы, когда дворцы Петергофа стали музеями. В 1926 г. научный сотрудник Музеев М.В. Андреева подготовила «Материалы по Царицыну острову в Петергофе»⁴. Исследовательница ввела в научный оборот значительный круг документальных источников по истории создания сада на острове. Именно она указала, что большие мраморные фрагменты, части отделки разобранного Исаакиевского собора, были перевезены на остров для создания композиции «Руины». Автор писала, что в ходе работы над проектом павильона Николай I внес в него изменения по совету прусского короля, и обратила внимание на то, что был переделан первоначальный план сада и

¹ Гейрот А.Ф. Описание Петергофа. СПб., 1868.

² Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889.

³ В.Я.Курбатов. Сады и парки. М., 1916; Курбатов В.Я. Петергоф. Л., 1925.

⁴ Андреева М.В. Материалы по истории Царицына острова. Петергоф, 1926. Рукопись//Архив ГМЗ «Петергоф» Р-130.

для его устройства была изменена форма острова. М.В. Андреева перечислила работы, которые были проведены для устройства сада: закупке деревьев, устройстве фундамента под «Руины», горизонтальной планировке острова, устройстве дорожек и фонтанов. Именно М.В. Андреева указала, что поначалу был сделан отвод воды для фонтанов на острове от «Нептуновой трубы», но в 1874 г. была осуществлена коренная переделка всей системы подачи воды. На крыше павильона был установлен водонапорный бак.

В 1931 г. вышел в свет единственный до недавнего времени путеводитель по музеям на островах Колонистского парка М.М. Измайлова⁵. В нем автор подробно перечислил многочисленную скульптуру на острове, в том числе и перенесенную на Царицын от Розового павильона в 1920-х годах⁶, впервые дал характеристику Южному, Внутреннему и Собственному садикам, определяя, что последний, когда-то засаживаемый цветами, был создан с правильно разбитыми дорожками, «как в старинных итальянских садах». Внутренний садик определялся автором как подражание «ксисту» помпейского дома. Несмотря на то, что М.В. Андреева уже установила, что композиция «Руины» на острове была создана из фрагментов убранства Исаакиевского собора А. Ринальди, М.М. Измайлов писал, что это были «мраморные обломки колонн, карнизов и других частей какого-то здания, присланные в подарок Николаю I римским папой». В путеводителе обращалось внимание читателей на то, что у современников Николая I острова вызывали сравнения с Борромейскими островами на озере Маджоре в Северной Италии. Через два года после выхода путеводителя в свет музей на острове был закрыт для посетителей из-за недостатка средств на ремонт и поддержание его в порядке.

В 1939 г. начался ремонт павильона. К этому времени сад уже перестал существовать. Научный сотрудник петергофских музеев С.Ф. Цитович в работе «Первичные паспорта парков Колонистского, Озерки и Бельведер» в 1940 г. писал о саде на Царицыном острове как о «несохранившемся»⁷. В этой работе автор, обращаясь к вопросу о создании всего Колонистского парка, утверждал, что Штакеншнейдер был автором проекта его приозерной части. Давая характеристику ансамблю в целом, С.Ф. Цитович указывал, что он «романтизирован под северо-итальянский парк». Он подчеркивал, что основным сооружением парка является павильон на Царицыном острове, с которым согласован и которому подчиняется ландшафт парка. Давая характеристику саду на острове, автор основывался на чертежах и делал вывод о том, что они «говорят об элементах декорировки там якобы итальянских или помпейских уголков»⁸.

⁵ Измайлов М.М. Петергофские павильоны. Прогулка по Царицыну острову. М.-Л., 1931.

⁶ Как и в предыдущих публикациях, в этой часто присутствует ошибочная атрибуция.

⁷ Цитович С.Ф. Первичные паспорта парков Колонистского, Озерки и Бельведер. 1940. Рукопись// Архив ГМЗ «Петергоф». Р-174.

⁸ Цитович С.Ф. Указ. соч. С.4-5.

В дополнение к приведенному М.М. Измайловым мнению А.Т. Гримма о сходстве ансамбля с североитальянскими Борромейскими островами Цитович привел подобное суждение мемуаристки Г. Блумфильд, супруги английского посланника в Петербурге. Автор определял, что «создание Колонистского парка отражало романтизацию господствующим классом Италии с ее прошлым, как идеальной страны «счастливой Аркадии», что имело место особого течения в русском искусстве 1840-1850-х годов. ...Колонистский парк является живым произведением этого вида искусства, созданным из озера, зеленых насаждений и архитектурных сооружений».

В путеводителе по Петергофу 1961 г. В.Е. Ардикуца приводит интересные факты из истории этого места, происходившие в XVIII веке, описывает фонтаны на острове и подробно останавливается на принципах их устройства. «В отличие от всех петергофских фонтанов, действующих под естественным напором воды, «Орел» и «Нарцисс» были устроены с применением водонапорных сооружений. На протяжении почти четырехсот метров были проложены в один ряд трубы от напорного трубопровода, питающего водой фонтан «Нептун» в Верхнем саду. Трубы шли по дну Ольгинского пруда. Но так как разность в уровнях между местом забора воды из Самсоновского бассейна и острова оказалась незначительной (около двух метров), то и высота струи фонтана «Нарцисс» была небольшой. В начале 1870-х гг. трубы, проложенные по дну пруда, пришли в негодность. Тогда в башне Царицына павильона на крыше над северной лоджией установили для снабжения водоемов деревянный бак емкостью триста ведер. Вода подавалась туда ручным насосом. Фонтаны включали лишь в дни прибытия «высокопоставленных особ». К концу XIX века они были заброшены». Автор также обратил особое внимание на богатство скульптурного убранства когда-то существовавшего сада.

Н.В. Вернова в работе «Царицын павильон в Петергофе»⁹, не останавливаясь специально на вопросе устройства сада, тем не менее дала подробную характеристику фонтанам на острове, заострив свое внимание на обсуждении заказчиком и архитектором вопроса об изменении формы острова, подробно описала скульптуру на острове и определила характер сада как подражание садам Древнего Рима¹⁰.

Колонистскому парку в целом и истории создания сада на Царицыном острове в частности посвящена очень интересная статья И.В. Новикова¹¹. Заслугой автора является подробное описание и точная характеристика Колонистского парка. На основе анализа хозяйственных документов он также сделал выводы о методах работы по созданию парковых ландшафтов, рас-

⁹ Вернова Н.В. Царицын павильон в Петергофе. 1972. Рукопись//Архив ГМЗ «Петергоф». Р-258.

¹⁰ И в этой работе по-прежнему повторяется ошибочная атрибуция многих скульптурных произведений.

¹¹ Новиков И.В. Колонистский парк.// Подготовка учителя на художественно-графическом факультете. Научные доклады. XXIX Герценовские чтения. Л. 1976. С.56-63

крывая роль главного садового мастера Петергофского дворцового правления (далее – ПДП) П.И. Эрлера. Автор опубликовал выдержки из документальных источников по истории создания Колонистского парка и сада на Царицыном острове. Исследуя приозерную часть парка, И.В. Новиков сделал важный вывод о том, что деятельность садового мастера «... состояла в формировании пейзажей по так сказать готовой схеме плана. Эрлер не сочинял проектов, но зато «исчислял» сметы, в которых указывалось, где, что и в каком количестве следует высадить. Такие сметы не позволяют определить точное местоположение отдельных деревьев и кустарников. Поэтому при производстве садово-парковых работ многое, вероятно, определялось и уточнялось по натуре»¹². Похоже, что только господствующие идеологические запреты не позволили автору изложить то, что он не мог не видеть, исследуя источники. Речь идет о важнейшей роли заказчика в создании парка. К сожалению, практическое исчезновение сада на острове в годы, когда писалась статья, привели к тому, что автор повторил несколько неточных описаний из работ его предшественников, что ни в коем случае не умаляет его заслуг. И.В. Новиков опровергает утверждение С.Ф. Цитовича о том, что Штакеншнейдер был автором проекта приозерной части парка, так как какие-либо сведения об инженерах или архитекторах, которым можно было бы приписать составление генплана парка, не были обнаружены. Он сделал вывод, что только документально подтвержденное свидетельство участия Штакеншнейдера в проектировании островов дает возможность предположить, что именно он был наиболее вероятным автором планировки Колонистского парка¹³.

Исследователи Н.И. Архипов и А.Г. Раскин приводят сведения об устройстве участка в XVIII веке¹⁴. Они отмечают, что Охотное болото было обнесено изгородью и невысоким валом. От полукруглой пади перед входом в Верхний сад к болоту были проложены мостки, которые завершались небольшим трельяжным люстгаузом. Авторы описывают работы по созданию озера и парка вокруг него. Г.К. Старицына в работе, посвященной Ольгину павильону, подробно исследовала историю устройства участка будущего Колонистского парка¹⁵.

Процесс работы архитектора А.И. Штакеншнейдера над генеральным планом острова кратко прослежен А.А. Беловым в статье, посвященной неосуществленным проектам этого архитектора в Петергофе¹⁶.

¹² И.В. Новиков. Указ. соч.

¹³ И.В. Новиков. Указ. соч.

¹⁴ Архипов Н.И., Раскин А.Г. Петродворец. Рукопись//Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ-5868.

¹⁵ Старицына Г.К. Ольгин павильона на Ольгином острове в Петродворце. Историческая справка. 1986. Рукопись//Архив проектно-сметной документации ГМЗ «Петергоф».

¹⁶ Белов А.А. Диалог архитектора и заказчика в неосуществленных проектах А.И.Штакеншнейдера в Петергофе.//Штакеншнейдеровские чтения. К 200-летию со дня рождения А.И.Штакеншнейдера. Петергоф.,2002. С.78-96.

Необходимо отметить, что несмотря на воссоздание сада на острове, которое прошло одновременно с реставрацией Царицына павильона, пока нет обобщающих работ по комплексному исследованию сада на острове.

НАЧАЛО СОЗДАНИЯ АНСАМБЛЯ

Преобразование Охотничьего болота в пруд, создание острова, павильона и сада на нем определялись желанием императора Николая I благоустроить эту часть Петергофа и создать здесь своеобразный райский уголок для супруги. Многообразные архитектурные и парковые ассоциации и цитирования должны были сформировать понятный и близкий ей мир. В родном императрице Потсдаме Павлиний остров существовал как мир островной мечты и место для идиллической жизни. Такую же роль должен был выполнять и новый петергофский парк.

Александра Федоровна всегда мечтала увидеть Борромейские острова, многократно описанные в литературе того времени. Именно с описания этих островов начинается роман ее любимого писателя Жан-Поля, посвященный ее матери, королеве Луизе. Эта мечта, как и вообще мечта об Италии, была у русской императрицы давней, сильной и почти уже несбыточной. Ее осуществление делали невозможным разные жизненные обстоятельства. Николай Первый, желая сделать очередной подарок супруге решает создать «маленькую Италию» в Петергофе¹⁷.

В год двадцатилетия свадьбы, в 1837 г., император повелел начать углубление болота, создание пруда и двух островов на нем. Планы благоустройства в этой части Петергофа существовали уже несколько лет.

Еще в 1831 г. была составлена первая смета – «на очистку охотничьего болота в Петергофе», на сумму 22 592 руб., но по указанию императора работа «отложена до времени»¹⁸. В следующем году южнее болота были построены дома для немецких колонистов. Эта колония в 1835 г. получила официальное наименование «Александринской» в честь императрицы Александры Федоровны. Аккуратные дома и ухоженные поля колонистов придали прежде пустынной и запущенной местности совсем иной вид. Вторичный запрос «во что чистка сего болота обойдется» датируется 1835 годом. Значительное увеличение суммы новой сметы (138 тыс. рублей), по-видимому, определялось большим объемом работ и их более сложным характером. Тогда эту смету «высочайше повелено было иметь в виду»¹⁹. В мае 1837 г. император повелевает отпустить деньги на отделку болотного

¹⁷ Подробнее об образах и аллюзиях, связанных с новым петергофским ансамблем см.: И.О. Пащинская. Царицын остров – остров мечты. Пространство и время воображаемой архитектуры. Синтез искусств и рождение стиля. Царицынский научный вестник. Вып.7-8. М. 2005. С.162-173.

¹⁸ По этой смете площадь болота определялась в 35 400 кв. сажен и назначались работы по выниманию напльвов среднею пропорцию 1 ½ аршина глубиною до материка дабы впредь нескоро могло прорасти». РГИА. Ф.490. Оп.2, 1837 г. Д.1176. Л.6.

¹⁹ Там же. Л.3.

пруда и руководство работами поручает чиновнику Петергофского дворцового правления С.М. Лихардову²⁰. Как докладывал в начале осени Лихардов, за этот небольшой срок было выполнено «более $\frac{3}{4}$ всей работы». И чуть позже, в ноябре, он доносил, что «вообще по всему озеру остается почти одна чистая отделка берегов»²¹.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПРОЕКТА САДА НА ОСТРОВЕ

Не подлежит сомнению тесная связь между ансамблями Царицына острова в Петергофе и Римских купален в Потсдаме. Комплекс построек в усадьбе Шарлоттенгоф (илл. 14) был создан по идее и под руководством старшего брата Александры Федоровны прусского кронпринца Фридриха Вильгельма в содружестве с архитекторами К.Ф. Шинкелем и Л. Персиусом в 1829-1840 гг. Царственная чета проявляла большой интерес к работам, которые велись в Потсдаме, и внимательно осматривала все новые постройки и парки во время своих визитов в Пруссию.

Эти работы, по-видимому, вдохновляли императора и императрицу. Не случайно Николай I поручил своему посланнику в Берлине А.И. Рибопьеру посоветоваться с К.Ф. Шинкелем и найти для Петергофского дворцового правления «хорошего архитектора для строения загородных домов в виде тех, как строятся в Берлине за городом для потсдамской дороги»²². В конце 1830-х гг. императорская семья начала строительство дворцов и павильона в «помпеянском» стиле. И не только в Петергофе²³.

В августе 1837 г. году императорская чета посетила Крым. Александра Федоровна, как пишет об этом ее дочь Ольга, путешествовала по прекрасному краю с книгой И.-В. Гете «Ифигения в Тавриде», погружаясь в знакомую и любимую ей античность. Восхищенная местностью в Ореанде, она страстно захотела иметь здесь «маленькую античную виллу», нечто подобное Римским купальням. Проект постройки для Ореанды был заказан К.Ф. Шинкелю²⁴. К работе с Шинкелем активно подключился кронпринц. Сохранились его наброски для Ореанды. В них первоначальная планировка будущего дворца восходит к плану виллы Диомеда в Помпеях²⁵.

²⁰ Там же. Л.14.

²¹ Там же. Л.26.

²² РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1428. Л. 1-2. Поручение выполнить не удалось.

²³ Б.Герес предположил, что именно в связи с желанием заказчика создать в Петергофе павильон на острове А.И. Штакеншнейдеру было поручено осмотреть Римские купальни в Шарлоттенгофе в 1835 году и во время его европейского путешествия в 1837-1838 гг. // Friedrich Wilhelm IV. Künstler und König. Zum 200 Geburtstag. Ausstellung vom 8 Juli bis 3 September 1995. Neun Orangerie Im Park Sanssouci, Frankfurt-am-Main. 1995. S.312.

²⁴ Он уже обладал необычным опытом создания проектов для российских заказчиков «на расстоянии». По его чертежам была построена архитектором А.А. Менеласом Готическая Капелла в Александрии.

²⁵ Karl Friedrich Schinkel – Lebenswerk / Bauten und Entwürfe für das Ausland. Deutscher Kunstverlag 1989 S.77.

Представленный в 1839 г. проект Шинкеля был монументален и, соответственно, дорог. Он не удовлетворил заказчицу. В нем не было учтено ее желание иметь маленький уютный дом в «античном вкусе». В 1840 г. создание нового проекта для Ореанды было поручено А.И.Штакеншнейдеру. Судя по всему, император предвидел всю трудность постройки резиденции в значительном отдалении от столицы. Сложность проектирования и строительства в столь отдаленном месте империи привели его к мысли о создании подобного небольшого ансамбля как «сюрприза» для супруги в любимом Петергофе. Работа поручается А.И. Штакеншнейдеру²⁶.

А.И. Штакеншнейдер почти одновременно занимается проектированием двух «римских домиков» для императрицы, начиная петергофскую работу чуть раньше. Важно отметить, что в это же время он уже разрабатывал проект и руководил строительством загородного дворца для великой княгини Марии Николаевны и ее мужа герцога Максимилиана Лейхтенбергского в Сергиевке, также сооружаемого в «помпеянском» стиле. В этом модном стиле по его проектам отделываются интерьеры петербургского дворца великой княгини Марии Николаевны – Мариинского. Архитектор создает разнообразные проекты, варьируя и сочетая элементы, детали, принципы планировки, учитывая назначение здания и потребности владельцев. Одновременно он проектирует сады рядом с дворцами.

Весьма далек от осуществленного варианта первый «Генеральный план Царицына острова с павильоном», датируемый 1839 г.²⁷ На нем павильон показан стоящим посреди острова. Башня располагается отдельно, пергола у западного фасада павильона протянулась с востока на запад. Архитектор создает перспективную линию: пергола «продолжается» через комнату павильона и внутренний садик, и с двух сторон эта линия замыкается полукруглыми скамьями в полукруглых же нишах.

С юга и севера от здания прорисованы круглые кустовые клумбы, обрамленные по краю узкой цветочной рабаткой. Более широкие прямые рабатки с геометрическим цветочным узором фланкируют эти клумбы, располагаясь вдоль фасадов павильона. Узорчатые прямоугольные цветочные клумбы архитектор планирует перед западным фасадом павильона с двух сторон от перголы, отделяя ими павильон от воды. Подобные рабатки, с летниками, высаженными четкими геометрическими узорами, существовали у Римских купален в Потсдаме. Перед лоджией западного фасада петергофского павильона Штакеншнейдер помещает фонтан на одной из клумб, в центре. Это решение также перекликается с расположением фонтанов у Римских купален и Шарлоттенгофа.

²⁶ Знакомство архитектора А.И. Штакеншнейдера с Римскими купальнями подтверждается и тем, что в его архиве в музее им А.В. Шусева хранятся два разреза Римских купален в цвете, выполненных Л. Персиусом. – Музей архитектуры им. А.В. Шусева. Фонд «Чертежи А.И.Штакеншнейдера» Р1-69, Р-71. Ниже подписи Персиуса разрезы подписаны А.И.Штакеншнейдером.

²⁷ Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 558 ар.

С восточной стороны павильона на плане прорисованы деревья, высаженные ровными рядами. Такой прием использован в парке у Римских купален в Шарлоттенгофе.

На Царицыном острове Штакеншнейдер предлагал оградить этот участок сада стеной с юга и колоннадой с востока и севера. С западной стороны этот огражденный участок сада примыкал к фасаду павильона. Многие элементы островного сада (внутренний садик и пергола, заросшие вьющимися растениями, прямоугольные клумбы рядом) очень похожи на сад около потсдамского павильона. Другие же имеют явное сходство с садом у дворца Шарлоттенгоф. Но если в Шарлоттенгофе напротив четырехколонного портика располагается Большая мраморная скамья, то для нового острова на линии портика павильона Штакеншнейдер планирует две скамьи напротив друг друга, между которыми – лестница-пристань, ведущая к воде.

Четкая планировка сада около павильона дополняется пейзажными участками в южной и северной частях острова, разделенными прямыми аллеями, отходящими от площадок у круглых клумб. Прямо по краю береговой линии проложена обходная дорожка.

Обращает на себя внимание не совсем обычная форма острова, напоминающая по форме Павлиний остров близ Потсдама. На плане виден выступ в его северо-западной части, расположенный перпендикулярно основному объему. Такую форму трудно объяснить случайностью, т.к. остров создавался под наблюдением архитектора и заказчика. Позволим себе предположить, что Николай Павлович планировал создать в Петергофе «маленькую копию» любимого острова императрицы.

Появление следующего плана А.И.Штакеншнейдера в 1840 г. отражает неудовлетворенность заказчика ранее предложенным проектом. Не касаясь изменений плана самого павильона, мы рассмотрим только те, которые касаются сада²⁸. По-видимому, все они выполнены по желанию заказчика.

На втором плане павильон передвинут к западному берегу острова. Его широкая терраса обрывается в воду. Пергола уменьшена, перенесена севернее и смыкается с внутренним садиком. Соответственно перемещена и скамья в этом садике, которая по-прежнему замыкает перспективу перголы, но теперь она приобретает прямоугольную форму. Перед ней архитектор рисует прямоугольный столик. На этом плане рядом со скамейкой появляется овальная чаша фонтана, примыкающая своей удлиненной частью к стене лестницы, ведущей на второй этаж башни. В Потсдаме у прямоугольной скамьи также расположен фонтан «Камбала». Уходящие вверх лестницы без перил около двух скамей также рождает два уголка сада. Во втором варианте исчезают две скамьи у лестницы-пристани.

На втором плане появляется еще одна пергола вместо части колоннады в восточной части острова. Она продолжается двумя колоннадами, окаймляющими прямоугольную зеленую лужайку, на которой уже нет де-

²⁸ Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 603 ар.

ревьев. Такая пергола с прямоугольной лужайкой создана рядом с Римскими купальнями. Подобный прием использован и при создании сада около Шарлоттенгофа, где пространство между главным фасадом и большой мраморной скамьей представляет собой зеленую лужайку с перголой вдоль нее. (Но оба потсдамских зеленых партера обведены узкими цветочными рабатками, а в центре их расположены фонтаны – это отличает их от проектных решений для петергофского острова на этом плане). В восточную перголу ведет узкий проход из еще одного нового внутреннего садика. На этом плане нет узорчатых работок, исчезли и круглые кустовые клумбы. Новым на нем является то, что в пейзажной части сада, который занимает большую часть острова, намечен рисунок тщательно прорисованных извилистых дорожек. Рядом с их поворотами или в местах их соединения намечены посадки деревьев и кустарников.

Значительно измененный план не стал окончательным. На нем карандашом прочерчено новое направление западной перголы, развернутой на 90°, увеличены размеры террасы с западной стороны, намечены кардинальные изменения во внутреннем садике. Все эти карандашные «указания» воплощены в третьем плане ансамбля, выполненном А.И. Штакеншнейдером в том же 1840 г. Весьма возможно, что карандашная правка сделана самим заказчиком или по его указаниям.

На третьем проекте план павильона приобретает тот вид, который был воплощен при его строительстве²⁹. Только несколько мельчайших деталей изменились в процессе воплощения проекта в жизнь. Но работа над планом сада продолжалась. Мы видим, что в этом проекте восточные пергола и колоннада убраны. Соответственно карандашным пометкам на предыдущем плане изменено направление перголы. Во внутреннем садике появляется фонтан у северной стены павильона прямоугольной формы (позже он станет полукруглым). На 90° к югу развернута скамья внутреннего садика. Ее расположение по отношению к лестнице на второй этаж башни еще больше приближается к уже упоминавшемуся проекту Шинкеля. Но на этом плане нет небольшого овального фонтана рядом со скамьей, прорисованного на предыдущем проекте и появившегося при устройстве сада. Остров распланирован без каких-либо черт регулярности. Только извилистые дорожки и свободно посаженные группы кустов и деревьев. Именно этот план был «Высочайше утвержден» 11 марта 1842 г., за несколько месяцев до начала строительства Царицына павильона.

Но позже он еще раз был изменен, и изменения, касающиеся сада, были радикальными. А.А. Белов при первой публикации планов А.И. Штакеншнейдера оценил карандашные наброски на третьем проекте как планировку будущего сада, позже воплощенную в жизнь³⁰. Но иной, более множественный характер линий, прорисовка отдельных деталей и фраг-

²⁹ Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 598 ар.

³⁰ Белов А.А. Указ. соч. С.85.

ментов плана на полях, указание размеров – кардинальное отличие этих карандашных набросков от встречающихся на планах острова раньше, заставляют усомниться в выводах А.А. Белова. К тому же карандашом намечено место паромной пристани, появившейся в 1844 г., домика сторожа, сарая, пристани на северном берегу острова. Все эти объекты не отмечены на следующем, четвертом плане сада, который и был воплощен в жизнь. К тому же карандашом указано и место расположения прямоугольного пьедестала в западной части Южного садика. Но на окончательном, четвертом плане на этом месте – бассейн фонтана. Скульптурная группа «Амазонка, сражающаяся с барсом» появилась здесь позже. Этими же пометками указано также и место установки Хрустальной колонны, появившейся на острове только в 1855 г. Учитывая вышесказанное, мы можем утверждать, что карандашные наброски сделаны после 1855 г.

Уже после утверждения третьего плана обсуждались способы изменения формы острова и предлагались разные пути решения этой задачи. К сожалению, неизвестен план, на котором архитектор отмечал свои предложения по изменению формы площади, изложенные в письме в ПДП. В переписке речь идет о «распространении сада, как назначено карандашом Его Величеством», о том, чтобы «сделать по берегу дорожку и обсадить ее деревьями средней величины»³¹. Возможно, это было нужно для размещения большого цветочного партера в северной части острова, планировка которого была тесно связана со структурой северного фасада павильона. Именно он изображен на четвертом плане острова. Как могло возникнуть новое решение устройства сада на острове?

Летом 1842 г. в Петергофе праздновали двадцатипятилетие со дня свадьбы Николая Павловича и Александры Федоровны. Поздравить императорскую чету прибыло много гостей. Самым почетным был прусский король Фридрих Вильгельм IV, старший брат Александры Федоровны. Страстный любитель архитектуры он с огромным интересом знакомился с постройками, появившимися в Петергофе после его предыдущего визита в 1834 г. В тот раз именно к его визиту было приурочено освящение Капеллы в Александрии. В 1842 г. в его присутствии был освящен дворец герцога Лейхтенбергского и его супруги в Сергиевке³². Во время пребывания короля в Петергофе Николай I обсуждал с ним проект Царицына павильона и внес по его совету в уже утвержденный проект А.И. Штакеншнейдера некоторые изменения, касающиеся башни павильона³³.

Возможно, в это же время появилась и идея создания регулярного цветочного садика на острове. Прусский король активно занимался созданием своих парков в Потсдаме совместно с директором потсдамских парков П.-Й. Ленне и, конечно, мог дать совет по устройству острова для

³¹ Андреева М.В. Указ. соч. С. 40; Вернова Н.В. Указ. соч. С. 11.

³² Дневник вел. кн. Константин Николаевич// ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 80. Л. 31.

³³ Андреева М.В. Указ.соч. С. 20; Н.В. Вернова. Указ. соч. С. 5-6.

любимой сестры в Петергофе. Ему более всех были понятны те идеи, ассоциации и цитаты, которые использовались при создании ансамбля. Нельзя исключать и возможность пожеланий самой императрицы. Возможно, в будущем будут обнаружены новые документы, которые прольют свет на этот вопрос.

Новый проект сада предполагал создание цветочных партеров строгой геометрической формы к югу и северу от павильона. Тесно связанные с архитектурой здания они «продолжают» его своими яркими «коврами» с рисунком дорожек, зеленых газонов и цветов. Подобные геометрические сады соответствовали архитектурному решению построек в «помпейском» стиле. При использовании общего планировочного решения сады у Шарлоттенгофа и у Царицына павильона отличны по устройству. На Царицыном острове рисунок северного партера, будущего Собственного сада, состоит из пяти одинаковых квадратных фрагментов, каждый из которых разделен дорожками на четыре части. В центре каждого квадрата располагается круглая клумба, окруженная дорожкой. Круг этих центральных клумб в каждом фрагменте передается рисунком высаженных летников на круг большего диаметра, располагающихся на четырех окружающих круглую клумбу сегментах. Такого же типа квадрат, но большего размера и с фонтаном сложной формы в центре находится перед южным фасадом павильона.

Совершенно по-новому выглядит на окончательном, четвертом плане, и дорожка вдоль берега острова. Она то приближается к воде, то уходит в глубь острова. Новым на этом плане является и то, что в восточной части острова предполагается посадка деревьев, которые создают рощицу сразу за павильоном. Участки леса рядом с домом, *bosco* – типичный элемент итальянских садов.

Анализ трех предварительных планов острова и павильона позволяет увидеть процесс поисков, используемых аналогий, влияний, самостоятельных решений и выработки окончательного варианта. При этом ярко видна роль заказчика, отвергающего, требующего и предлагающего новые решения.

ИСТОРИЯ РАБОТ ПО УСТРОЙСТВУ САДА

Торжественная закладка павильона состоялась 14 августа 1842 г. Пока разрабатывался проект, на острове не прекращались работы, и затраты рабочей силы в 1840 г. составили 95 человекодней³⁴. Приводилась в порядок вся территория, прокладывались пешеходные дорожки.

П.И. Эрлер в феврале 1841 г. представил в ПДП «Ведомость на устройство в Большом парке острова с пешеходными дорожками». Этот документ дает возможность понять характер и объемы предварительно произведенных работ. Рядом с дорожками шириной 1 ½ аршин (1 м) по обеим сторо-

³⁴ РГИА. Ф. 490. Оп. 2, 1841 г. Д. 1316. Л. 12, 49.

нам устраивались «дерновые койма в 12 вершков (54 см) с утрамбовани-ем». Для создания газонов было посеяно: «клеверу красного голландского, тимоти Гриссу английского, овса семянного», было посажено 300 ивовых «висячих» кустов³⁵.

В 1843 г., пока шло строительство павильона, остров интенсивно «отдельвался вчерне». Весною следующего на нем планировалось высадить высокие деревья³⁶.

На основе окончательного плана с регулярными цветочными партерами, утвержденного 19 ноября 1843 г., П.И. Эрлер составляет смету – «Исчисление о сумме, потребной на устройство сада на острове Большого пруда». Сметы и счета подрядчиков на выполненную работу дают практически полную картину планируемых работ и при отсутствии дополнительных документов к ним позволяют утверждать, что именно эти работы были выполнены. Планировалось «выровнять и выпланировать все место по ви-зиру таким образом, чтобы со всех сторон дворца имело самый плавный склон к озеру». Эрлер указывает, что выстилка «казенным лучшим луговым дерном с подсыпкою черною землею» должна быть произведена на площади 800 кв. саженей (3640 м²). Пешеходные дорожки шириною 2 аршина (1,4 м) должны были быть сделаны из «гравия среднего, несеемого». Откос вокруг озера шириной 2 аршина (1,4 м), длиной 150 саженей (320 м.) предполагалось выстлать булыжным камнем³⁷.

Для посадки планировалось доставить из садовой школы у Марли в Нижнем парке 10 деревьев «дубу отборного», «деревьев садовых отборных» высотой до 5,5 м, толщиной 28-38 см: тополя 30 штук, по 50 дубов, ясеней, лип, кленов. Дополнительно к этим большим деревьям по 100 тополей «разной меры» и 50 каштанов. Кроме этого П.И. Эрлер предусматривал посадку садовых кустов до 3-х аршин (2 м) высотой: по 50 штук – сирени белой и синей, самбукусу (бузины), корнуса (возможно, кизильник), жимолости – 80 кустов, 150 кустов акации и 100 кустов спиреи четырех сортов. Интересны две последние строки в этом документе – «прочих разноцветных кустов 100, ивовых кустов высотой до 1 ½ аршин (1 м) 200»³⁸. Не надо складывать эти цифры, чтобы понять, сколько всего деревьев и кустарников было посажено на острове. В смете указывалось, что необходимо выкопать 230 ям для деревьев «с насыпкою черной казенной земли, с отвозкою и распланировкою выкопанной из ям глины и земли, глубиной 1 аршин (71 см), диаметром 1 ½ аршина (1 м)» и 1130 – «для школьных кустов и дерев выкопать ям глубиной 12 вершков (около 0,5 м), диаметром 1 аршин (71 см)». Если вспомнить, что на острове уже были посажены 300

³⁵ Там же. Л. 25.

³⁶ Там же. Д. 1574. Л. 1.

³⁷ Там же. Л. 9. Важно отметить, что подчас сметы, составленные опытными садовыми мастерами, дают возможность «увидеть» детали, не зафиксированные на изобразительных материалах и со временем исчезнувшие.

³⁸ Там же

ивовых кустов, то крайне трудно представить, как все это могло расти на площади 0,7 га, где располагались павильон и большие цветочные партеры около него.

Как считает А.Л. Рейман, данный способ – первоначальная посадка большого количества саженцев, был типичен для тогдашних садов. Такая же ситуация повторялась при устройстве всех парков Петергофа этого периода. Позже оставлялись самые крепкие и красивые экземпляры из посаженных, другие пересаживались на новые места в парках.

П.И. Эрлер особое внимание уделял качеству посадочного материала, указывая в кондициях на поставку деревьев и кустов, что к 5 мая 1844 г. саженцы должны быть такими, «чтобы ни одни сучек поврежден не был, здоровые, с хорошими кореньями, почки еще не распутившись и весеннего вырытия». Специально было оговорено, что доставлять их должны «не вдруг, а по количеству вырытых мест»³⁹. Садовый мастер был озабочен, чтобы на остров привозили землю хорошего качества, и требовал, чтобы землю подрядчики брали «из-под разломки угольного сарая и из парника»⁴⁰. В декабре 1843 г. Эрлер приказал срубить две большие сухие сосны под корень⁴¹. По-видимому, сосны росли в этом месте давно. В документах нет сведений о посадке хвойных растений, но тем не менее они хорошо видны к востоку от павильона на акварели Е.Е. Мейера «Царицын остров и павильон в Колонистском парке» (1845)⁴².

На остров доставлялись парковая скульптура и мраморные фрагменты для создания композиции «Руина», устраивались фонтаны.

ЦВЕТОЧНОЕ УБРАНСТВО САДА

Время, когда создавался островной ансамбль, называют эпохой «цветочного сумасшествия» или «цветочного энтузиазма». В садовую культуру Европы вводилось огромное количество новых видов и сортов цветов. Их появление связано с ботаническим освоением мира, проходившим в ходе специальных экспедиций т.н. «охотников за растениями». Разнообразие и большое количество цветов в саду свидетельствовало о высоком статусе владельца, его богатстве, просвещенности и образованности. В Петергофе к этому добавилась любовь к цветам императрицы Александры Федоровны.

Любимая приморская резиденция императорской семьи занимала особое место среди парков и садов Петербурга и окрестностей по богатству цветочного убранства. Но даже в Петергофе Царицын остров находился на особом положении. Садовым мастерам выдавались предписания,

³⁹ Там же. Л. 11.

⁴⁰ Там же. Л. 22 об.

⁴¹ Там же. Д. 1572. Л.11.

⁴² В настоящее время на острове нет хвойных деревьев.

чтобы сад на острове был украшен «самыми лучшими и разнообразными цветами»⁴³.

Подготовка к устройству цветочного убранства Царицына острова началась с закупки ранней весной 1844 г. семян вербены, резеды, левкоя, астры, примулы, немofilлы, флокса Друммонда, элихризума, скабиозы, настурции, душистого горошка и др.⁴⁴. В начале мая того же года Эрлер приобрел для сада на острове рассаду пеларгоний, лилий, клубни «английских» георгинов, а также разнообразные розы и многие кадочные и горшечные растения для установки в саду⁴⁵. Уже в середине лета была закуплена у садовых мастеров Петербурга новая крупная партия горшечных, кадочных растений и летников: маргаритки (3000 шт), георгины, примулы, виолы триколор, левкои и др.⁴⁶. Часть цветочной рассады, горшечных и кадочных растений поступила из дворцовых оранжерей. Для сада на Царицыном острове весной и летом 1844 г. П.И. Эрлер приобрел 700 кустов самых разнообразных роз. Это несомненное свидетельство того, что здесь формировался розовый сад. Подобные произведения садового искусства незадолго до этого были созданы П.Й. Ленне на Павлиньем острове и около дворца Шарлоттенгоф. Анализируя план сада, можно предположить, что розы высаживались по периметру цветников и прямоугольных фрагментов партера. Именно здесь показаны однородные одиночные посадки растений на некотором расстоянии друг от друга. Возможно, как это было принято в те годы, розы выставлялись на лето на эти места в горшках, а зимой переносились в оранжерею⁴⁷.

Количество сортов и видов летников, высаживаемых на Царицыном острове, увеличивалось, пока была жива хозяйка острова. Об этом свидетельствуют сохранившиеся реестры садовых мастеров⁴⁸. К сожалению, подобные документы последующего периода неизвестны, что не дает возможности представить точную картину цветочного убранства сада во второй половине XIX – начале XX века. Фотографии этого периода, как и любые другие изобразительные источники, не позволяют увидеть сад целиком, подчас по ним невозможно точно идентифицировать растения и представить себе изменение цветочного убранства в течение сезона.

⁴³ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2740. Л.1.

⁴⁴ РГИА. Ф. 490. Оп.2, 1844. Д. 1574. Л. 44.

⁴⁵ Там же. Л.48 об.

⁴⁶ Там же. Л. 80.

⁴⁷ Отчет 1848 г. о состоянии оранжереи Внутреннего садика свидетельствует о том, что в ней находилось 575 кустов роз (наряду с 1200 кустиками маргариток, персидской и китайской сиренью, воздушными жасминами, каприфолиями, хедерой крупнолистной и «виноградом новоголландским»). РГИА. Ф. 490. Оп.2. Д. 2135. Л.7.

⁴⁸ Подробнее о цветочном убранстве Царицына острова в первый период его существования (до 1860 г.), принципах посадок и источниках поступления растений см. И.О. Пашинская. Реестры садовых мастеров как источник воссоздания цветочных партеров Царицына острова в Петергофе. //Русская усадьба. Вып.12(28). М. 2006. С. 690-696.

Множество кадочных и горшечных растений устанавливалось на острове. Существовали определенные трудности с их вывозом и завозом на остров перед началом и после окончания зимы. К тому же петергофские оранжереи не удовлетворяли потребностей растущего садового хозяйства загородной резиденции. В связи с этим П.И. Эрлер в 1844 г. предложил сделать сезонные укрытия над Внутренним садиком «на манер оранжереи»⁴⁹. Весь садик и прилегающая к нему пергола закрывались на зиму застекленными щитами. Ниже уровня пола были сооружены «одна большая печь и четыре нагревательных», а также дымоходы. На зиму устанавливалась временная труба. Топились печи семь месяцев в году⁵⁰. Множество цветов наряду с архитектурным решением и обилием скульптуры подчеркивало итальянский характер ансамбля и в то же время было модным элементом сада.

5 августа (по ст.с.) 1844 г. советник Петергофского дворцового правления Виммер сообщил А.И. Штакеншнейдеру: «Государь император завтра после обедни быть в новом павильоне на острове, изволили повелеть, чтобы и Вы были также там. Сообщая о такой Высочайшей воле Правление покорнейше просит ваше Высокоблагородие прибыть завтра к 10 часам утра в Петергоф»⁵¹. На следующий день императорская семья приехала на новый остров. Здесь был устроен «фриштык»⁵². Великий князь Константин Николаевич записал в этот день в своем дневнике: «В воскресенье, шестого числа после обедни Папа подарил Мама новый Царицын остров, и на нем греческий дом, с бездною фонтанов, пергола и разные разности, что в самом деле чудесно (но оно стоит миллион двести тысяч <...>). Мы там завтракали». Рядом с этой записью в дневник молодого человека вклеен листок с планом павильона, выполненный его старшей сестрой великой княгиней Марией Николаевной⁵³. Именно в тот день император распорядился остров и павильон называть Царицыными.

АРХИТЕКТУРНО-ЛАНДШАФТНАЯ КОМПОЗИЦИЯ САДА ЦАРИЦЫНА ОСТРОВА

Цельность архитектурно-ландшафтной композиции Царицына острова и отсутствие позднейших искажений придают особую ценность саду

⁴⁹ РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 1572. Л. 24.

⁵⁰ Там же. Д. 1753. Л. 6 об. Рамы, шпалы, прогоны и ставни разбороной «оранжерейки» не вывозились с острова на лето, а хранились в сарае, находившемся около караулки. В архиве ГМЗ «Петергоф» сохранились чертежи оранжереи. Археологические изыскания, проведенные в 2001 г. перед началом реставрационных работ, позволили обнаружить печи и дымоходы во внутреннем садике павильона. Операции по устройству «оранжерейки» и ее разбору совершались каждые осень и весну вплоть до тех пор когда в первые же послереволюционные годы не нашлось дров для ее отопления, и все растения вымерзли.

⁵¹ Там же. Д. 1746. Л. 103.

⁵² РГИА. Ф. 516. Оп. 1(120/2322). Д. 222.

⁵³ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 81.

на острове. Вместе с Ольгиным островом, созданным несколькими годами позже, он – главный элемент Колонистского парка. Высаженные в парке группы деревьев и кустарников, многочисленные ивы на берегах пруда, тщательно продуманное расположение дорожек в южной части парка создавали замечательную череду видов на острова и северный берег пруда, которые открывались для гуляющих. На южном берегу пруда была насыпана горка, необходимая для «оживления» ровности окружающей местности, придающая ей живописность и разнообразие. Самый эффектный вид на два острова открывается именно с ее верхней точки, где была установлена полукруглая скамья. Ансамбль островов был «раскрыт» к югу.

Царицын павильон и сад на острове являются единым ансамблем. Павильон и сад соединяются в единое пространство перголой, наружной лестницей на башню, широкой западной террасой, украшенной чугунными вазами с цветами и кадочными растениями. Цветы «входят» в павильон, украшая фонтан-клош атриума. Прежде горшки с цветами устанавливали на ступеньке бассейна атриума, они поднимались над верхним краем имплювия. Единство архитектурно-ландшафтной композиции подчеркивается видами из окон и застекленных дверей, ведущих из павильона в сад и, конечно, Внутренним садиком. Отделенный от остальной части острова высокой каменной стенкой, увитый зеленью, наполненный цветами, шумом фонтанных струй он стал «зеленой» комнатой павильона. Перед гуляющими по острову последовательно открываются эффектные виды и перспективы. Следование по разным, но predetermined архитектуром маршрутам создает ощущение необычайного многообразия видов, впечатлений и самых выигрышных перспектив. Их последовательность точно рассчитана на создание эффекта наибольшего воздействия на зрителей.

Если в начале своего пути по острову от паромной переправы посетитель идет по одной из двух тропинок к Южному садику, перед ним открывается цветочный партер с фонтаном-клош, украшенным цветами в центре, и статуей «Нарцисс», размещенной А.И. Штакеншнейдером прямо в бассейне фонтана. Входя в этот уголок сада по южной дорожке, зритель оказывается у Большой мраморной скамьи и видит обращенный к югу фасад павильона, ровную гладь пруда и соседний остров. Состоящий из двух объемов, южный фасад выглядит как парадный вход в дом жителя античных Помпей, к которому примыкает часть здания, похожая на небольшой античный храм. Если же гость подходит к садику по северной дорожке, то его взгляд обращается в первую очередь на цветочный партер с фонтаном и на большую скамью из белого мрамора. Ее крылья, раскинувшиеся точно по ширине цветочного партера, придают выразительный эффект и необычайную цельность этой части сада. Мраморные бюсты и статуи, украшающие скамью, – копии с античных оригиналов. Юпитер, Юнона, Церера и Флора определяют характер этого петергофского ансамбля.

Войдя в павильон, гость видит удивительной красоты перспективу – из Атриума на увитый зеленью внутренний садик и мраморную скамью в глубине. Эта линия через открытые двери атриума соединяет две мраморные скамьи сада в его разных частях. На этой линии расположены и два фонтана-клош, украшенные цветами, «Нарцисс» и фонтан атриума. Из экседры внутри павильона через атриум, гостиную, ее большие окна-двери прекрасно видны терраса павильона с украшающими ее лавровыми деревьями в кадках, цветами в чугунных вазах на ограде, и Ольгин пруд. Еще одна перспективная линия внутри павильона связала три его комнаты с перголой. Из столовой можно выйти на лестницу-пристань и на террасу. Огромные окна-двери гостиной соединяют террасу с комнатами павильона в единое целое. С террасы за поворотом и сразу за дверью из кабинета императрицы для гостя открывается весь Внутренний сад, который своей неожиданностью и красотой вызывает восхищение.

Поднявшись из Внутреннего садика на площадку второго этажа башни, посетитель видит сверху весь Собственный садик императрицы. Именно отсюда открывается лучший вид на четкий рисунок его цветочных партеров, Хрустальную колонну, Руины, песчаную скамью. Виды из кабинета императора на втором этаже и бельведера на третьем постепенно расширяют открывающееся пространство. Отсюда прекрасно видны цветочные партеры с южной и северной сторон павильона, в которые вписано само здание, высокие деревья с могучими кронами в восточной части острова, гладь пруда, Ольгин и Кроличий острова, весь Колонистский парк.

Спустившись с башни и выйдя в Собственный садик, гость окунается в буйство красок и ароматов разнообразных летников, высаженных в регулярных партерах. Песчаная скамья в восточной их части приглашает отдохнуть и увидеть замечательные виды. Место выбрано так, чтобы присевший на нее оказался в лучах мягкого закатного солнца и мог полюбоваться Хрустальной колонной, Руинами, горкой на берегу пруда, видом на Ольгин павильон вдаль. Эффектность, законченность и выразительность видов созданы точным соотношением размеров острова, павильона, пруда, высотой башни, окнами бельведера почти на всю высоту стен.

Если же, сойдя с паромы, гость следует по тропинке через лесок в восточной части острова, то ему превосходно виден глухой восточный фасад павильона. Именно с этой точки здание больше всего походит на дома древних итальянцев. Остров спланирован так, что павильон находится на некотором возвышении и именно отсюда он выглядит монументальным и даже величественным.

Эта дорожка идет вдоль берега острова, то приближаясь к воде, то удаляясь от нее. Это заставляет вспомнить замечание знаменитого немецкого мастера Ф.Л. Скелля: «дорожки... должны описывать совсем иную линию, чем край берега. Они не должны показывать озеро слишком часто и слишком расточительно; лишь в том месте, где озеро раскрывает самую

превосходную красоту, они должны неожиданно и приятно поразить наблюдателя. Затем они должны увести в прозрачные посадки, чтобы водное зеркало лишь просвечивало сквозь тонкие древесные стволы, и затем ввести в пышные кустарники, которые совсем спрячут озеро от взора, и лишь тихий плеск прибрежной воды будет выдавать ее присутствие»⁵⁴. Во время прогулки по этой дорожке с одной стороны создаются те самые эффекты, о которых писал Скелль, а с другой проглядывают через зелень солнечные лужайки и цветочные партеры. Она выводит к северо-восточному углу партера, откуда раскрывается вид на весь северный фасад павильона и перголу, увитые плющом, а также на Хрустальную колонну, стоящую в центре партера и окруженную беломраморными капителями на ярких клумбах.

Архитектор учитывал характер естественного освещения. Царицын павильон создан таким образом, что перспективные линии из его комнат выводят взгляд на запад, на гладь пруда и в меньшей мере на Южный садик. Водная гладь пруда – важнейшая составляющая всего ансамбля. Так было задумано для создания особых эффектов восприятия ансамбля длинными летними вечерами. Именно вечером чаще всего приезжали на Царицын остров. Закаты северного лета создают удивительные эффекты освещения. Небольшой остров и павильон искусно созданы как единое целое с тщательно продуманными точками обзора и видовыми перспективами.

В Колонистском парке дома жителей Петергофа на берегах пруда стали дополнительным элементом паркового ансамбля. Николай Павлович уделял большое внимание их облику, и ни один дом не строился без утверждения его фасадов императором. Он требовал, чтобы частные дома строились в два этажа и имели «хорошие фасады». Многие здания у пруда возводились с типичными элементами итальянской архитектуры в отделке фасадов, что придавало дополнительную целостность ансамблю. Архитектурные решения облика павильонов и домов петергофских обывателей на берегах пруда связывали и дополняли облик всего ансамбля, «итальянизируя» его, как это было задумано заказчиком. Вертикальные башни павильонов и окружающих домов усиливали «итальянский» колорит места.

История создания сада на Царицыном острове показывает длительный процесс проектирования, использование идей и образов, разработанных в Пруссии архитектором К.Ф. Шинкелем и венценосным любителем архитектуры Фридрихом Вильгельмом IV, а также выработки самостоятельных решений архитектором и заказчиком. Яркая ассоциативная насыщенность и ее четкое выражение в архитектурно-ландшафтной композиции позволили архитектору и заказчику создать замечательный ансамбль.

⁵⁴ Цит.по: M.Sailer. Skell und Lenne.//Gartenkunst.2002. Hefte 2 (14)/ S.308. (Перевод Е.А. Ганцевой).

Реставрация Летнего сада и судьба регулярных садов

Летний сад в русском садово-парковом искусстве занимает особое место. С ним связаны становление и первые шаги ландшафтной архитектуры в качестве нового для России вида художественного творчества, основанного на европейских правилах и опыте. Судьбе было угодно сохранить этот сад. Более того, во многом он остался садом XVIII века и именно в этом качестве всегда воспринимался его посетителями и воспринимается ими поныне.

Однако нет памятников, полностью сохранивших аутентичность. В той или иной мере все они подверглись трансформации – как искажающей памятник, так и пытающейся эти искажения исправить, вернуть ему ценный в историческом и художественном отношении вид. В особенности справедливо это для садов. Изменчивость во времени ставит сады в специфическое положение между художественными памятниками, порождая особые условия для оценки их аутентичности и создавая, следовательно, особые рамки для их реставрации.

На бытовом уровне отношение к Летнему саду как саду историческому, мемориальному связано с теми эпитетами, которые обычно приходят на ум всякому его посетителю: старый, тенистый, прохладный. Очевидно, что оценка по возрасту деревьев, качеству их крон и комфортным ощущениям не имеет ничего общего с исторической правдой. Однако нельзя и не считаться с устойчивостью представлений, ставящих знак равенства между понятиями «старый сад» и «исторический сад». Они порождены отнюдь не одним лишь дилетантизмом, но глубоко связаны с психологией восприятия. Для специалистов именно это противоречие часто становилось камнем преткновения при реставрации регулярных садов. Вернуться в XVIII век можно лишь возвратив вещественному организму сада тот юный возраст, в котором только и возможна его регулярность во всей полноте ее художественных качеств.

Стоит ли говорить о том, что Летний сад до середины XX века не подвергался научной реставрации. Его жизнь протекала естественным порядком. Положение сада со временем менялось. Сначала это было главное летнее городское местопребывание монархов, затем его открыли для публики. Но был ли он резиденцией или открытым городским садом, он всегда был притягателен для посетителей. Такое значение сада предопределяло частые перемены в нем. Изменения моды, капризы монархов,

хозяйственные нужды, потребности публики – все отражалось на его облике.

Обращение к истории Летнего сада показывает, что особенность его существования состояла в том, что он, по сути, никогда не обладал художественно законченным видом. Все целенаправленные попытки придать целостность его художественному организму, например проект А. Леблона 1717 г., заканчивались тем, что случай и господствующая мода отбирали из предложенной системы лишь отдельные моменты. Сад пребывал в состоянии непрерывной эволюции, изменения последовательно наслаивались. Причем даже значительные перестройки никогда полностью не перекрывали «нижних» слоев.

Обычно, говоря о судьбе регулярных садов императорских резиденций, упоминают об отданном Екатериной II в начале царствования распоряжении прекратить подстрижку деревьев. Сторонницу новой садовой моды раздражали прямые дорожки, фонтаны, «мучащие воду», стриженная зелень. В этом приказании видят судьбоносное для садов значение. После него регулярные сады начали утрачивать присущие им неповторимые черты. К тому же петровские сады подошли к возрастному рубежу, за которым черты их регулярности были обречены на постепенное размывание. Подстрижка разрастающихся крон давала все менее отчетливый эффект, и решение о ее прекращении основывалось не на одной лишь прихоти императрицы. Для сохранения «архитектурного» вида садов их следовало бы радикально обновить, но время требовало другого.

Если кроны деревьев Летнего сада начали с тех пор свободно разрастаться, то в остальном ситуация почти не изменилась. На планировку сада никто не покушался, сохранялись и возобновлялись шпалерные посадки, действовали фонтаны, стояли на своих местах статуи, павильоны, беседки. Более того, даже после наводнения 1777 г. фонтанная система была исправлена и поддерживалась. Ее судьбу решила необходимость капитальной реконструкции, связанная со строительством набережных Фонтанки. Екатерина не пошла на большие издержки, и фонтаны были разобраны. В последующие годы сад утратил все старые сооружения, за исключением дворца и грота (его перестроили в 1826 г.), зато его приобретениями стали ограда, павильон «Чайный домик», памятник Крылову, ваза шведского гранита и ряд некапитальных беседок и хозяйственных построек.

Советское время не изменило ситуацию радикально, но стало меньше порядка, ухода. Возникла стихийная спортплощадка, публика протаптывала дорожки на газонах. Исторические сады рассматривались властью преимущественно как места отдыха трудящихся. Спорт, концерты, общепит, мелкая торговля развивались в ущерб сохранению следов исторической самобытности. В 1920-е гг. здесь появились деревянные концертные эстрады, служебные постройки. Сад получил статус охраняемого памятника в 1935 г. Однако еще в 1925 г. беспокойство о его судьбе проявляли

Главнаука, музей города, Общество «Старый Петербург». Тогда совместная с Отделом коммунального хозяйства комиссия рекомендовала провести урегулирование планировки с ликвидацией нескольких случайных дорожек и восстановить цветник у Лебяжьей канавки, где тогда была спортплощадка.

Изучение прошлого Петербурга, его архитектурного наследия велось тогда очень интенсивно. Летний сад, дворец, коллекция скульптуры не могли не привлечь внимания исследователей. В 1929 г. выходит книга Н.Е. Лансере о Летнем дворце, а в 1936 г. монография Ж.А. Мацулевич «Летний сад и его скульптура». По-видимому, уже тогда начались научные изыскания архитектора Т.Б. Дубяго, связанные с Летним садом. Поиск в собраниях архитектурной графики привел к обнаружению нескольких планов сада первой половины XVIII века, широко теперь известных. Появилась возможность, сопоставив их с современной ситуацией, оценить масштаб и характер перемен, произошедших в саду за два столетия.

Между тем в 1939 г. в саду были проведены значительные работы по благоустройству: сделаны посадки деревьев, исправлены газоны, высажены живые изгороди по Лебяжьей канавке и Фонтанке. Однако только с 1940 г. работы в саду приняли научно обоснованный характер, сделались реставрационными по существу. Тогда Т.Б. Дубяго (Ленинградские архитектурно-реставрационные мастерские Управления по делам архитектуры Исполкома Ленгорсовета) был разработан и осуществлен проект разбивки партерного цветника в северо-западной части сада на месте, где партер существовал в XVIII веке. Проект опирался на исторические чертежи и образцы из старинных увражей. Сохранились также относящиеся к 1940 г. проекты Т.Б. Дубяго двух боскетов в Летнем саду¹.

В военный период на партере были устроены огороды, а после войны по распоряжению Отдела культпросветработы Ленгорисполкома здесь вновь была устроена спортплощадка. В 1945 г. была произведена инвентаризация сада, и вскоре дирекция музея подняла вопрос о масштабной реставрации. Проект был составлен Т.Б. Дубяго и в ноябре 1949 г. (илл. 15) представлен на рассмотрение Научно-экспертного совета ГИОП.

Позицию автора проекта можно назвать «культурным прагматизмом». Т.Б. Дубяго считала, что вернуться в прошлое можно, только вырубив всю старую растительность и начав посадки заново. Это не только уничтожило бы для целого поколения сад как место привычного отдыха, но вычеркнуло бы целый пласт культуры, связанный с видом сада в зрелом возрасте. «Обработка» ныне существующего сада приемами регулярного садового строительства с массивованным внедрением новодельных петровских затей не даст ни художественной цельности, ни исторической достоверности.

¹ Проектные материалы Т.Б. Дубяго и Н.Е. Тумановой, а также документы по послевоенной истории Летнего сада и его реставрации хранятся в научно-вспомогательном архиве бывшего музея «Летний сад и Летний дворец Петра I» в Санкт-Петербурге.

Однако деликатными внедрениями в сложившуюся ткань памятника можно усилить, вернее, сформировать акцент петровского прошлого. Такими добавлениями Т.Б. Дубяго мыслила шпалерные посадки вдоль аллей, партер, условно воссозданные «петровские уголки» на четырех центральных боскетах, фонтаны на Карпиевом пруду и центральной аллее.

Строго говоря, все, что можно было предложить при условии сохранения старого древесного массива, было лишь игрой в реставрацию, так как приводило к откровенно условному результату. Понимая это, Дубяго избегала называть предложенные работы реставрацией. Проект озаглавлен ею: «Восстановление Летнего сада».

Вокруг проекта завязалась дискуссия. Оппоненты настаивали на точной реставрации с воссозданием всех деталей. Возможно, тогда проявление такого радикализма было обусловлено послевоенным воодушевлением, требовавшим не только скорейшего и полного восстановления, но такого восстановления, которое исправило бы все исторические травмы и несправедливости, нанесенные памятникам за все время их существования.

Однако большинство членов Научно-экспертного совета ГИОП, на котором решалась судьба проекта, поддержали его (12 против 9). Была предложена небольшая корректировка, в частности решено было восстановить только фонтан на Карпиевом пруду (он показан на одном из ранних чертежей), а от остальных фонтанов отказаться. Возражение касалось также памятника Крылову, который, по-видимому, в ходе дискуссии предлагали перенести (на проектных чертежах, правда, такого предложения нет).

Следует отметить, что на рассмотрение было представлено тогда два варианта проекта. Первый, о котором шла речь выше, принимал за «оптимальное время» XVIII век. Но Т.Б. Дубяго был разработан и второй вариант «на пушкинское время». В нем предполагались более скромные преобразования – шпалерные посадки, газоны на месте партера. Создается впечатление, что разработку этого варианта автор рассматривала как выполнение формальной необходимости дать альтернативу главному проекту. И действительно, все обсуждение велось вокруг «петровского» варианта.

Тщательно проработанный проект осуществлялся с трудом. Были выполнены главным образом благоустроительные работы, разбит партер, «голландский садик» перед фасадом дворца. Но все то, что было призвано приблизить петровское прошлое, сделать его явным, так и осталось на бумаге. Ни высокие шпалеры, ни фонтан, ни боскеты осуществлены не были.

Ощущение незавершенности столь многообещающей реставрации осталось надолго. В начале 1960-х гг. вопрос о ней был поднят вновь. Главная идея повторяла позицию Т.Б. Дубяго: невозможно вернуться к первоначальному облику, восстанавливать надо некоторые элементы, а не в целом петровский сад. Идеологом и разработчиком научной программы рестав-

рации стала М.А. Тихомирова, а автором проекта архитектор Н.Е. Туманова. Положительно оценивая работу Т.Б. Дубяго, авторы видели себя продолжателями осуществления начатого за два десятилетия до них проекта. Однако они ставили вопрос о более глубоких преобразованиях. Помимо того, что было задумано в проекте 1949 г., они считали возможным и необходимым восстановление 4-х главных боскетов – не буквальное, но приближенное к историческому и стилистически достоверное, – реконструкцию фонтанов в Карпиевом пруду и на центральной аллее, раскрытие и обводнение гаванца, устройство беседок, «огибных дорог», трельяжных решеток.

Видно, что этот проект, продолжая линию «культурного прагматизма», идет несколько дальше проекта Т.Б. Дубяго и предполагает более существенные изменения в саду. М.А. Тихомирова подчеркивала и такую важную составляющую авторского кредо, как творческий подход при воссоздании утраченного. Существующая растительность, прочие перемены в саду настолько изменили характер и габариты тех мест, где планировалось воссоздание сооружений, что их буквальное повторение по старым планам и изображениям было бы ошибкой.

Проект реставрации сада, разработанный Н.Е. Тумановой в 1971 г., был дополнен архитектурным проектом воссоздания фонтанов на центральной аллее, составленным А.Э. Гессеном. В эти годы в саду развернулись масштабные археологические раскопки. Еще в 1963 г. в ходе реставрации Летнего дворца случайно были обнаружены в земле остатки петровского гаванца. Тогда же появилась мысль о его полном раскрытии. Спустя несколько лет позиция о воссоздании гаванца вошла в проект реставрации сада. Успех первых раскопок дал толчок к продолжению археологических исследований в саду. В начале – середине 1970-х гг. раскопки были проведены на месте большинства сооружений, существовавших в петровское время. В частности, тогда были раскрыты все крупные фонтаны. Это позволило убедиться в том, что проектные предложения А.Э. Гессена соответствуют действительности.

Однако проект Н.Е. Тумановой не был осуществлен даже в той малой степени, в какой реализовался проект Т.Б. Дубяго. Он был рассмотрен на Ученом совете ГИОП в июне 1971 г. и получил согласование. Но обсуждения на этом не закончились. Многие из задуманного оказалось технически трудноосуществимым. Специалисты сомневались в возможности обеспечить гидроизоляцию стен дворца при обводнении гаванца. Устройство фонтанов на центральной аллее неизбежно повлекло бы разрушение археологических остатков. В питомниках не было нужного количества и нужного качества посадочного материала для шпалер. Для Летнего сада требовалось было закладывать особый питомник, а это было делом непростым и в организационном, и в техническом отношении.

Кроме того, проектировщики и подрядчики отказывались включать предстоящие работы в свои планы, сверстанные на несколько лет вперед.

Сыграл роль и ропот общественности, которая не всегда была достаточно осведомлена о планируемых в саду переменах и считала проект покушением на уничтожение святого для ленинградцев место. Спустя 10 лет сделано ничего не было. Проект был давно утвержден, а дирекции сада-музея и авторам вновь предлагалось «продолжить работу над архитектурной частью» и «подготовить обоснование необходимости реставрации сада на период первой половины XVIII века!» Проект «утонул», так и не начав осуществляться.

Шли годы, сменялись поколения, споры разгорались и затихали, а Летний сад продолжал пребывать в состоянии блаженной «первобытной» дикости, которая, признаться, более всего дорога ленинградцам-петербуржцам. Последнее пятилетие ознаменовалось новым проектом реставрации сада². На этот раз архитекторы проявили редкостную самонадеянность и отказались от взаимодействия с музейщиками. Не было ни предварительных обсуждений, ни выработки осмысленной концепции, ни анализа предшествующего опыта, словом, никакой серьезной научно-методологической подготовки. Эскизный проект был предъявлен изумленной публике во всем «изяществе» компьютерных графических построений уже готовым.

На этот раз идея авторов не простиралась дальше утверждения о том, что «эпохой расцвета» сада была середина XVIII века, следовательно, необходимо воссоздать в саду все то, что его наполняло в то время. С предельной жесткостью защищалась мысль о том, что только последовательное осуществление приемов регулярного садового строительства является методически правильным. Но при этом старый зеленый массив предлагалось оставить. «Правильные» боскеты, партер и прочее оказывались, таким образом, в исторически и художественно недостоверном окружении, отрицавшем последовательную правильность примененного приема или воспроизведенной формы. Находясь в плену давно отвергнутых реставрационной наукой представлений об «оптимальном времени», авторы игнорировали целые эпохи жизни сада – исторически и художественно ценные наслоения, оставленные екатерининским, пушкинским, николаевским временем, – и своими проектными решениями с легкостью выбрасывали их из сада.

По мысли авторов, кроме тех минимальных преобразований, с которыми ранее соглашались и реставраторы, и наука (шпалеры, партер), в саду следовало буквально воссоздать (вспомним диаметрально противоположный подход Дубяго и Тумановой) четыре центральных боскета, фонтаны, лабиринт с эзоповыми баснями, растреллиевский каскад «Амфитеатр» в глубине партера, берсо на Школьной аллее. Ради чистоты метода предла-

² Архитектурная мастерская «Рест-Арт-Проект», главный архитектор Н.П. Иванов.

галось переместить из воссоздаваемого по историческим и археологическим данным боскета занявший его памятник И.А. Крылову.

Запланированы были значительные по размерам сооружения – Большая и Малая оранжереи. Предложение о воссоздании Большой оранжереи петровского времени имело под собой серьезные основания. В ней могли бы разместиться службы музея и выставочный зал. После реставрации усилилась бы техническая оснащенность садового хозяйства и выросли бы штаты. Потребность же в просторном выставочном зале усугубляется необходимостью экспонировать оригиналы скульптуры, заменяемые в саду копиями. Кроме того, здание вновь создало бы границу между Первым и Вторым Летними садами, которая давно уже не читается, в то время как различие характеров двух садов сохранилось.

Простая внешняя отделка оранжереи запечатлена на аксонометрическом плане Сент-Илера. Однако в числе вариантов, и едва ли не в качестве предпочтительного, архитекторы предлагали гибридное сооружение, часть которого воспроизводила формы старинной постройки, а часть была сделана в виде набившего оскомину модернистского стеклянного ангара.

Разумеется, новации, показанные в проекте, вызвали резкую реакцию. КГИОП, не решаясь согласовать самостоятельно столь значимый для города проект, передал его на обсуждение в Совет по сохранению культурного наследия. Последний же неоднократно на протяжении 4 лет возвращался к проекту, так и не дав безоговорочное «добро» на его осуществление. За это время как в результате указанных собраний, так и вследствие обсуждений музейщиков совместно с авторами проект очистился от наиболее одиозных объектов. Исчезли каскад и Большая оранжерея, Крылову разрешили остаться, несколько опростился лабиринт, которому более не навязывают фальшивых свинцовых истуканов – героев эзоповых басен. Спасена также чудесная перспектива Школьной аллеи – от невской ограды на Михайловский замок с видом на его садовый портик и Эльфдаленскую вазу (увы, более не существующую). Проектом на ней намечалась «огибная дорога», которая перекрыла бы вид.

Следует отметить, что садоводы-практики скептически высказываются об осуществимости проекта в части реставрации зеленого массива. Они сомневаются, что даже после прореживания сада и обрезки крон в нижнем ярусе будет достаточно света для удовлетворительного роста шпалерных посадок. Впрочем, эти соображения могли бы относиться и к прежним двум проектам, если бы дело дошло до их осуществления.

Итак, 60 лет послевоенной истории дали три проекта реставрации Летнего сада. Если их сравнивать, видно последовательное движение от умеренных и простых решений, нюансирующих сложившийся облик сада и щадящих слитную совокупность историко-культурных напластований, к преобразованиям глубоким и решительным, радикально меняющим лицо сада. Казалось бы, эту тенденцию можно объяснить накоплением знаний

о памятнике. Их объем и точность гарантируют достоверность новых воссозданий – средств погружения в вожденное для всех реставраторов петровское прошлое. Но можно ли говорить о качественно новом уровне знаний сегодня по сравнению со временем, когда работала Т.Б. Дубяго? Нет. Достижения последующих десятилетий заключаются в уточнении всего того, что исследовательнице было известно в 1940-е гг.

Вектор радикализма, просматривающийся в ряду проектов для Летнего сада, можно было бы проигнорировать, посчитав случайностью. Но в том-то и дело, что та же тенденция видна и в других проектах, в реставрационном деле в целом. Справедливо видя в этом опасность для культурного наследия, мы мало задумываемся о том, почему множество культурных и образованных людей во всем мире упорно стремятся разбирать памятники и сооружать на их месте муляжи, отвечающие их личным представлениям об исторической и художественной истине.

Причина, конечно, кроется в болезни сознания, его органическом поражении. Сущность и симптомы болезни «антиисторизма» хорошо описаны искусствоведам и публицистом М. Золотоносовым³. Имеется в виду концепция, согласно которой историю можно переписывать по своему произволу; она – не константа, а набор моделей, которыми можно играть. Эта картина дана Дж. Оруэллом в его романе «1984». Современный потребитель истории, в том числе и истории искусств, культуры в целом, не удовлетворен положением раба, оставленного без выбора. Ему хотелось бы властвовать жизнью, а недоступное прошлое вынуждает его принимать себя как неизбежность, от которой нет спасения. Для ощущения полноты обладания миром власть над настоящим должна сочетаться с властью над прошлым.

Названная болезнь духа не нова: то затухая, то разгораясь она идет с человечеством по истории. Но в полной мере захватила она цивилизованный мир с в эпохи Просвещения, поставившего разум началом всех начал и эталоном всех мер. В искусстве же она выразилась в классицизме. Разум должен обнять жизнь целиком, проникнув во все ее поры. То, что ему противится, он подчиняет или разрушает. Историю разрушить нельзя. По большому счету, ее нельзя и подчинить, но удовлетворительная видимость подчинения достижима через воздействие на артефакты. Произвольная реставрационная интерпретация памятников культуры – по большей части не злонамеренная фальсификация, а следствие бескорыстной веры в тождество Истины и результата умственного постижения ее затуманенного образа.

Не действие ли того же просвещенческого духа проявилось в стилизаторстве XIX века? Ведь историзм в искусстве вырос на самолюбивом чувстве освоения свободным цивилизованным человеком всей истории и всей культуры человечества. Если раньше каждая эпоха жила в своем куль-

³ Золотоносов М. Гунькина архитектура//«Дело». 14, 21, 28 июля 2008 г.

турном «теле», то человек XIX века захотел обладать всеми телами прошедших эпох как своими, ощутил обителью своего духа все культурные тела прошлого. Любование подлинным, как осколком истины, сделалось уделом знатоков, в массовом сознании подлинность оказалась ниже точности художественного попадания.

Реставрацию садов нельзя назвать наукой, трудно назвать ее даже принципиальным делом. Напротив, дело это вполне беспринципное. Можно ничего не трогать в саду – будет неплохо. Можно внести нюансы – будет хорошо. Можно наполнить сад «петровскими» затеями, это тоже может быть неплохо. Пока в саду есть деревья, кусты, травы, он будет радовать. Пока сохраняется его старая планировка, пока в нем есть статуи, старинные здания, сад может почитаться историческим.

Можно согласиться со всеми тремя проектами реставрации Летнего сада с одной только оговоркой: реставрация не должна обеднять организм памятника. Можно спорить о «чистоте метода» и прочих высоких материях, но математически доказать здесь что-либо невозможно. Рамки права на творчество для реставратора все же весьма широки. Кажется, Летний сад обречен быть опрокинутым в петровское прошлое. Даже сознавая недостижимость этого и условность получаемого результата, реставраторы настаивали на том, что только приближение к первой половине XVIII века оправдывает усилия.

В среде архитекторов-реставраторов по-прежнему бытует концепция «времени расцвета» и «оптимального времени». Для методического уровня времен Т.Б. Дубяго пользование ею было делом нормальным. Однако по мере осмысления опыта сделалась очевидной слабость этой концепции. Например, она не готова учитывать исторически и художественно ценные наслоения, относящиеся ко временам, следующим за расцветом памятника. В 1982 г. появилась на свет международная Флорентийская хартия, провозгласившая основы научной реставрации исторических садов. Пункт 16 этого документа говорит о том, что при реставрации сада следует учитывать все стадии его эволюции и нельзя отдавать предпочтение какому-либо одному историческому периоду в ущерб другим этапам формирования его облика. Остается только удивляться тому, с какой последовательностью документ международного сообщества реставраторов игнорируется российскими архитекторами. Может, он просто им неизвестен?

В более просвещенной среде мы видим сегодня противоположную тенденцию. Историко-вещественный подход, основанный на международных документах, отдает предпочтение консервации перед реставрацией, противится глубокому внедрению в памятник и почти отвергает инструмент воссоздания. В рамках этих представлений произведение искусства рассматривается лишь как исторический артефакт. Но это – тоже крайность, она игнорирует эстетику памятника, что в конце концов оборачивается так-

же и против декларируемой главной цели – сохранения исторической подлинности.

Неопределенность реставрационных установок обусловлена неоднородностью и сложностью феномена историко-художественного памятника. Сад же, как живой организм, еще более усугубляет ситуацию определения реставрационного подхода. Так, к нему совершенно неприменимо многое из того, что действительно для статичного произведения архитектуры, не имеющего возраста. В этом смысле внимание реставраторов садов к фактору времени закономерно, даже когда оно выливается в некорректные концепции вроде «времени расцвета».

В одной из своих работ М.А. Тихомирова в связи с подготовкой реставрации Летнего сада в начале 1970-х гг., мимоходом обронила очень глубокую мысль. Она писала: «Живя вместе с людьми, каждый старинный сад приобретает свое «главное время», когда он наиболее значителен для нас в связи с теми или иными событиями, и этот облик его не может и не должен быть безразличным (к примеру – пушкинское время в Екатерининском парке Царского Села) исследователю, подготавливающему материалы для его восстановления».

Действительно, «главное время» в противовес «времени расцвета» – вот, возможно, альтернатива тому тупику, в который зашли теоретизирования реставраторов садов. Именно этот путь был предложен Т.Б. Дубяго во втором варианте ее проекта, но как-то походя, негромко, несерьезно. Сейчас, оглядываясь назад, видно, что «пушкинский» проект реставрации Летнего сада имел важнейшее преимущество перед «петровским». Его осуществление привело бы к *действительному*, а не условному результату, то есть сад во всех отношениях получил бы облик начала XIX века.

Удивительно, но главное время Летнего сада – это, очевидно, не время Петра. Наверное, глядя из нашего исторического далека, таким временем можно счесть пушкинскую эпоху. Но таким, как при Пушкине, Летний сад был уже при Державине в конце XVIII века и затем на протяжении всего XIX столетия. Таким же примерно он вошел в XX век и явил себя Ахматовой. Да и сейчас, до реставрации, до новодельных птичников и оранжерей, он немногим отличается от «главного» – пушкинского. Но разве не тем же был дорог чувствительным сердцам Екатерининский парк Царского Села – той непреходящей стариной, которой нам сейчас видится пушкинская эпоха, а поэту в его время виделась в глубине тенистых аллей ушедшим золотым веком Екатерины. Возможно, регулярным садам, которые усилиями садовников не задерживались веками в их исконном виде, предназначено повзрослеть и в зрелом возрасте обрести свое главное время.

Н.Д. Кареева

Три лика Летнего сада. Из прошлого в будущее

Сад сопутствовал человеку с древнейших времен, начиная с участка земли, засаженного растениями рядом с жилищем человека, и заканчивая современными общедоступными садами для общения с природой в черте города. Стили и виды садов менялись с ходом времени. Вместе с тем менялось само назначение сада – то, ради чего человек туда приходил. Сады философов в Древней Греции, римские виллы, сады лекарственных трав средневековья, фруктовые сады и сады монастырские, английские пейзажные сады и сады со зверинцами для охоты, дворцовые сады и сады увеселительные, современные городские сады и сады, входящие в музейные комплексы, – все они отличаются друг от друга различным соотношением приятного и полезного, познавательного и развлекательного, мерой уединения и публичности. Но и один единичный сад в ходе времени меняет свой вид и свое назначение, примером чего может служить Летний сад в Санкт-Петербурге.

Закладывая во вновь основанном городе регулярный сад, Петр I преследовал определенные цели (илл. 18). Летний дом Е.И.В., в состав которого входили дворец и сад, сделался парадной царской резиденцией. Это первый лик Летнего сада. Гуляя по Летнему саду, иноземные гости замечали приятные рощицы и аллеи, фонтаны, беломраморные скульптуры из Италии, любовались пернатыми и редкими животными, содержавшимися в большой клетке. Строился Грот, украшенный раковинами, а затем и античными скульптурами. Еще при жизни Петра I в саду был затеян зеленый лабиринт, украшенный по образцу версальского фонтанами в нишах со свинцовыми скульптурами на темы басен Эзопа. В Оранжереях выращивались цитрусовые деревья. Летний сад Петра I, устроенный, как у европейских монархов, служил престижу Российского государства.

На праздниках, затевавшихся в Летнем саду Петром I по случаю важных дат и годовщин побед в Северной войне, русские гости – дамы и кавалеры – появлялись в европейских нарядах, свободно общались, танцевали, любовались огненными потехами – фейерверками. Для них это было школой нового светского этикета. Для русских подданных сад был местом приобщения к европейской культуре, к искусству, говорившему на языке аллегорий. Сад сделался центром общественной жизни Санкт-Петербурга.

Но Летний сад служил не только представительским целям. В южной его части, за Поперечным каналом, находились огородные грядки с различными овощами и травами, необходимыми для дворцового хозяйства. Обычно «при всех дворцах, существовавших как в Санкт-Петербурге и окрестностях, так и в Москве и ее окрестностях, находились сады как необходимая принадлежность этих дворцов. Служа увеселительными местами и для прогулок императорской фамилии, дворцовые сады вместе с тем имели немаловажное в то время значение и в хозяйственном отношении, доставляя свои произведения для царского «обихода»¹.

Преемницы Петра I внесли в образ Летнего сада некоторые дополнительные черты, но Летний сад продолжал оставаться императорской резиденцией, и принципиальных изменений в его содержании или в его облике не было. При Екатерине I в Летнем саду появилась Зала славных торжествований (1725), выстроенная для празднования бракосочетания Анны Петровны с герцогом Голштинским. В том же году Екатерина I распорядилась устроить в Летнем саду фонтан «Фаворитка» – такой же, какой имелся в Петергофе, – водная затея: четыре кричающие уточки, за которыми по кругу гонялась лающая на них собачка². При Петре II, который жил в Новых палатах в Летнем саду в 1727 г.³, была упразднена садовая контора, и содержанием сада стала заниматься Контора от строений⁴.

Прошло чуть больше семи лет после смерти Петра I, и во дворце в Летнем саду поселилась императрица Анна Иоанновна. Ее одноэтажный деревянный Летний дворец был выстроен вдоль Невы в 1732 г. по проекту архитектора Ф.-Б. Растрелли на месте разобранной Залы славных торжествований.

В Тронном зале этого дворца проходили блестящие приемы. Там было и помещение для театральных представлений – комедии. Летний сад при Анне Иоанновне был так же, а, может быть, и более красив, чем при Петре I. Вот как описывает его посетивший Россию шведский ученый и путешественник, Карл Рейнхольд Берк: «Сад обширен, и в нем много приятного – длинные аллеи, разные крытые дорожки и зеленые кабинеты; многочисленные водяные затеи и фонтаны, среди которых есть персонажи Овидия, выбрасывающие воду, как в Версале; бесчисленное множество мраморных бюстов и статуй, купленных в Италии графом Савой [т.е. С.Л. Рагузинским – Н.К.]. Некоторые из них античные, но покалеченные и расчлененные...»⁵ При Анне Иоанновне в западной части сада, примыкавшей к партеру, был выстроен архитектором Ф.-Б. Растрелли амфитеатр с

¹ Внутренний быт русского государства с 17-го октября 1740 года по 25 ноября 1741 года. Кн.1. М. 1880. С. 133-134.

² РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д.48 б. Л. 527.

³ Берк К.Р. Путевые заметки о России.// Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб. 1997. С.163.

⁴ Внутренний быт... С. 134.

⁵ Берк К.Р. Указ. соч. С. 164.

водным каскадом. Строительство началось в 1735 г. Принято считать, что амфитеатр был украшен скульптурами в рост, но это, скорее всего, было лишь в проекте. На самом деле по описи 1771 г. на амфитеатре находились бюсты Клавдия, Тиберия, Нерона, а также аллегии «Честь», «Страх», «Изобилие», «Слава», «Вулкан»,

Анна Иоанновна продолжала заботиться о Летнем саде, как и его основатель Петр I, но, скорее всего, воспринимала его как личную территорию для прогулок и уединения. Иногда Анна Иоанновна стреляла из ружья птиц, которых для этого выпускали из клеток⁶. Доступ для посетителей, простой публики в годы правления Анны Иоанновны был резко ограничен, вплоть до того, что знатым господам некоторое время воспрещалось входить в сад слуг, хотя пришлось все-таки в этот порядок ввести послабление⁷. Иногда «некоторому количеству простого народа» позволяли посещать сад в дни Комедии, когда действовали фонтаны⁸. При Анне Иоанновне в саду уже стояли скамьи. Определением Канцелярии от строений от 11 марта 1741 г. надлежало: «У крытой дороги разобранный портал вновь сделать, а старые в дорогах и прочих местах беседки, лавки и решетки починить»⁹. В 1740 г. Анна Иоанновна отдала приказ закрывать на зиму скульптуры, что и по сей день неуклонно соблюдается¹⁰.

Еще одна функция сада – удивлять и услаждать посетителя видом редких тропических растений в Оранжереях и демонстрировать различных мелких животных, желательных редких, необычных, содержащихся в клетках, – осталась со времени Петра I и при Анне Иоанновне. Берк пишет: «Весьма приятны маленькие беседки и птичник с орлами, журавлями, аистами, цаплями, павлинами и т.д. и т.п. Также и большой пруд для водоплавающих птиц с гнездами у берегов и беседкой посредине. Белые лисы, соболя и тому подобные небольшие звери тоже имеют в этом саду свои отгороженные места»¹¹. В Оранжереях Берка больше всего поразили плодоносящие кофейные деревца. А в особой, очень теплой теплице – «африканское растение» ананас¹². Итак, Летний сад продолжал служить славе его владелицы и, следовательно, славе государства. В нем можно было гулять, отдыхать, услаждаться пеньем птиц, удивляться различным затеям. Когда того требовали обстоятельства, в Летнем саду устраивались праздники. Например, празднество по случаю взятия Данцига (1724 г.) или в дни венчания Анны Леопольдовны с Антоном Ульрихом в 1740 г. Но все-таки Берк сравнивает обычаи при Петре и при Анне Иоанновне в пользу первого: «В правление Петра Первого, который был государем общедоступным, в саду

⁶ Внутренний быт ... С. 222.

⁷ Берк К.Р. Указ.соч. С. 166.

⁸ Там же. С. 165.

⁹ Внутренний быт... С. 156.

¹⁰ Кузнецова О.Н., Борзин Б.Ф. Летний сад и Летний дворец Петра I. Л. 1988. С. 94.

¹¹ Берк К.Р. Указ. соч. С. 164.

¹² Там же. С. 165.

устраивались большие застолья для простых людей, и сам он частенько пил круговую со шкиперами и строителями»¹³.

В краткое царствование Иоанна Антоновича через сад снова можно было свободно ходить и даже ездить, за одним исключением. В саду находился предмет особых забот и специальной переписки с Канцелярией от строений – «большая птичная клетка». «В первый и второй огороды именно в те места, где были клетки, вход был запрещен. Птичникам для входа выдавались билеты из Канцелярии от строений», которые нельзя было никому передавать, «а по прошествии летнего времени они (птичники – Н.К.) должны были возвращать эти билеты в оную канцелярию»¹⁴. Птицы требовались не только для содержания в саду, как было заведено еще при Петре I, но и для размещения певчих птичек в клетках в дворцовых комнатах¹⁵.

Во время царствования Елизаветы Петровны, которая старалась поддерживать память о своем великом отце, много было сделано для приведения в порядок его Летнего дворца и Первоначального дворца, более известного под названием Домик Петра I. На той территории, которая сейчас находится за пределами Летнего сада, а свое время именовалась Третьим Летним садом, для Елизаветы Петровны по проекту Ф.-Б. Растрелли был выстроен Летний дворец, при котором был устроен регулярный сад. Блеск маскарадов и гуляний был перенесен в этот новый регулярный сад при Летнем дворце Елизаветы.

Петр I мечтал о таком саде, который мог бы стать «лучше, чем в Версале». Но Летний сад не был сопоставим с Версалем ни по своим масштабам, ни по планировке, ни по многообразию видов. Все затеи Летнего сада так или иначе можно было осмотреть, делая небольшие экскурсии налево и направо от Главной аллеи – четыре боскета, каждый со своей «начинкой», Грот, партер, чуть позже – амфитеатр... Возможно, приехавший на службу к русскому царю архитектор Ж.-Б.-А. Леблон и мог создать для Петра русский Версаль, о чем свидетельствует составленный им план, но не задалась отношения между Леблоном и А.Д. Меншиковым, а значит, и с самим царем.

Наглядным свидетельством того, как выглядел Летний сад в начале своего существования, является гравюра А.Ф. Зубова «Летний сад» – часть большой Панорамы Санкт-Петербурга 1716 г. (илл. 19). Известно, что Зубов создавал Панораму по планам и чертежам, а жизнь вносила в эти планы коррективы. Поэтому не всем подробностям этой гравюры можно верить. Но в целом мы видим образ Летнего сада, каким он рисовался его создателям, и в первую очередь самому Петру I. Сад имеет протяженность с севера на юг, и эта протяженность подчеркнута прямыми линиями аллеи, которые, нигде не прерываясь, устремляются к южной границе сада. На самом

¹³ Там же. С. 166.

¹⁴ Внутренний быт... С. 147.

¹⁵ Там же.

деле, деление Летнего сада на Первый и Второй было зримо выражено. Границу создавали здание Большой Оранжереи и Поперечный канал. Сейчас, почти 300 лет спустя, взгляд наслаждается этими строгими линиями аллей, которые с одной стороны сада замыкаются Михайловским замком, с другой – оградой Фельтена. В конце Школьной аллеи находится ваза эльфдаленского порфира (подарок шведского короля Иоанна-Карла XIV Николау I), водруженная на это место в 1839 г. .

Огромную роль в первоначальном и нынешнем облике Летнего сада играют водные пространства. Внутри сада в петровское время было два пруда. Но основной эстетический и эмоциональный эффект производят водные артерии, отделяющие сад от города, – Нева, Фонтанка, Лебяжий канал. С южной стороны, поодаль от нынешней границы сада, – Мойка. Гладь могучей Невы у самой границы Летнего сада производит мощнейшее впечатление. Нева – это основание, над которым вырастает Летний сад. Не случайно в дальнейшем Летний сад часто изображали именно со стороны Невы.

Летний сад состоял в то время из рощ правильной прямоугольной формы. Вероятно, в боскетах в начальный период были цветники, которые позже сменились более сложной «начинкой». Внутри боскетов ровными рядами были высажены деревья, кроны которых росли свободно, а вдоль дорожек – подстригались. Зеленые стены шпалер составляли фон для бело-мраморной скульптуры. Задумывавшийся как летняя резиденция, то есть своего рода дача, Летний сад сразу стал превращаться в зеленый остров посреди подступающего к нему города. Как показало время, именно эта его функция – быть плотно сросшимся массивом деревьев в самом центре Петербурга – оказалась необходимой и востребованной потомками.

Начиная с конца 1770-х-1780-х гг. в саду стали происходить изменения. В 1777 г. случилось разрушительное наводнение, после которого сад надлежало приводить в порядок. Немного позже по указанию Екатерины II в течение 1785-1787 гг. были сломаны и засыпаны фонтаны, амфитеатр, гаванец, Менажерийный пруд, Поперечный канал и различные садовые постройки петровского времени. Любимым местом пребывания императрицы было Царское Село. Там и создавалась новая декорация в модном английском вкусе.

Когда царствующие особы оставили Летний сад своим вниманием и он окончательно перестал быть летней царской резиденцией, он стал приобретать то очарование, которое так ценят петербуржцы многих поколений XIX и XX веков, которое привлекало внимание писателей, поэтов, художников. Конечно, эти изменения происходили не без потерь в отношении культурно-просветительской миссии Летнего сада. В 1826 г. был перестроен Грот, из которого вывезли античную скульптуру. Изменилась расстановка статуй на аллеях. В XIX веке в количественных характеристиках коллекции регулярно происходили такие изменения, что расстановка

скульптуры по территории Летнего сада окончательно запуталась по сравнению с 70-ми гг. XVIII века.

На первое место выдвинулась прогулочная функция сада. Это второй лик Летнего сада. Огромную роль в этом преобразовании сыграл Николай I. При нем оградой Л.И. Шарлеманя была определена южная граница сада. Боковая аллея по периметру была открыта для верховой езды¹⁶. Некоторое время Летний дворец Петра I сдавался видным сановникам как дача. Сад сделался любимым местом для прогулок знати, обывателей, литераторов, художников.

«... Летней порой, когда солнце гонит с бульваров и набережных, гуляющие находят здесь прохладу и могут видеть ежедневно множество различных и любопытных явлений. Например, до 10 часов утра встречаются здесь одни немощные, прогуливающиеся по предписанию врачей. От 10 до 12 бархатные лужки покрываются группами детей, прекрасных, как Рубенсовы и Рафаэловы Ангелы, резвящихся под надзором миловидных нянюшек и кормилиц! В два часа пополудни сцена переменяется – и большая аллея представляет прелести и великолепии под другим видом. Это час предобеденного гулянья петербургских красавиц. В 8 часов мастеровые и рабочие люди часто отдыхают здесь от трудов своих...»¹⁷.

А.С. Пушкин пишет жене из Петербурга в Яропolec около 5 мая 1834 г.: «Летний сад полон. Все гуляют»¹⁸. И в ответ на ее упреки: «Нашла за что браниться! ... за Летний сад и за Соболевского. Да ведь Летний сад мой огород. Я вставши от сна иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома.»¹⁹. Нужно, конечно, понимать шуточный тон письма и то, что в халате в Летний сад Пушкин не ходил. Но жил он в это время в непосредственной близости от сада, через Фонтанку, в доме Оливье на Пантелеймоновской²⁰. (ныне ул. Пестеля, д.5) и действительно мог, при желании, уже с утра прогуляться в Летнем саду.

Для отдыха гуляющих была устроена «ресторация» – Кофейный домик на месте Грота. Появление Кофейного домика позволило уничтожить «ветхую деревянную палатку» – старую кофейню в центре сада и выстроить новое здание многопланового назначения. Это и кладовые для хранения песка, катков, садовых инструментов. Это и павильон минеральных вод, и помещение для отдыха, и убежище от дождя для публики²¹. (В наши дни павильон называется Чайным домиком)²².

¹⁶ РГИА. Ф. 470. Оп. I. Д. 39. Л. 5.

¹⁷ Свинин П.П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей.СПб., 1997. С. 32.

¹⁸ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 10. М., 1958. С. 483.

¹⁹ Там же. С. 491.

²⁰ Яцевич А.Г. Пушкинский Петербург. СПб., 1993. С. 57.

²¹ РГИА. Ф. 470. Оп. 86 520. Д. 4. Л. 10.

²² Цит. по: Хвостова Г.А. История строительства и реставрации павильона «Чайный домик» в Летнем саду». //Петербургские чтения – 95. СПб., 1995. С. 145.

Устройство в саду дороги для катания на лошадях, кофейни, павильона на минеральных вод были в русле требований времени. В книге «Все сады мира» Габриэла ван Зюилен освещает положение с публичными садами в Англии в это время. «В 1820 г. Гайд Парк был единственным в Англии местом для конной прогулки, правда, не очень благоустроенным. Сады отдыха в XVIII веке были открыты только для тех, кто записывался в члены клуба, внося плату. Что касается королевских парков, даже если в принципе они были открытыми, гуляющим там негде было ни присесть, ни укрыться от дождя»²³.

Хотя Летний сад был открыт для публики, он оставался императорским садом. Для присмотра за порядком присылали полицейскую команду. Иоганн Готтлиб Георги еще в 1794 г. сообщал, что «в сад во всякое время позволено входить всем порядочно одетым людям... В хорошую летнюю погоду собирается сюда для гуляния по воскресным и праздничным дням великое множество людей разного состояния, где бывают иногда забавляемы императорской роговою музыкой»²⁴. Вообще доступность сада на протяжении XVIII и XIX веков менялась, и в итоге критерием сделалось понятие «приличная одежда».

Акварели и живопись тех лет действительно запечатлели в саду многочисленное общество. На одной из литографий видно, что в саду идет бойкая торговля, множество гуляющих. Вдоль аллея расставлены лавочки – сидения без спинок на ножках-балахинах.

Фотографии более позднего времени показывают и скамьи со спинками, менявшие свою форму в зависимости от веяний времени.

Сад для гулянья должен был иметь соответствующие удобства. Его регулярно готовили к летнему сезону, а зимой, по свидетельству очевидца, по главным аллеям прокладывали мостки: «В настоящее время он, хотя и принадлежит придворному ведомству, но открыт для публики и составляет одно из любимейших петербуржцами мест прогулки как летом, так и зимою. Крайние аллеи сада шооссированы и по ним дозволяется прогуливаться верхом. Летом, начиная с Фоминой недели, он посещается по воскресным дням преимущественно средним классом, более всего купечеством. Самое многолюдное и нарядное гулянье бывает в Духов день, по традиции – день «смотрин» женихов и невест в торговом классе. Зимой по главным аллеям прокладывают мостки, и в эту пору, между двумя и четырьмя часами совершают здесь прогулку преимущественно лица высшего света. В последние годы в течение лета разными благотворительными обществами устраиваются в Летнем саду великолепные «народные» гуляния, с лотерей – аллегри, привлекающие огромные массы разнообразной публики»²⁵.

²³ Зюилен Г. ван. Все сады мира. М., 2003. С. 108.

²⁴ Георги И.Г. Описание российского императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей окрестностей оного». Ч. 1 – 3. СПб., 1794. С. 70.

²⁵ Михневич В.О. Петербург весь на ладони. СПб., 1874. С. 117-118.

На протяжении XIX века в саду от былых времен оставался высокий шпалерник, восстановленный после наводнений, который превращал аллеи сада в зеленые коридоры. Некоторые из этих коридоров упирались в архитектурные сооружения – Летний дворец, Кофейню или Михайловский замок. На фоне зеленых стен по-прежнему стояли беломраморные статуи. Остались без изменения основные членения сада. К экспозиции сада добавились в 1839 г. ваза эльфдаленского порфира, которая была поставлена при входе в сад у Карпиева пруда, а также памятник И.А. Крылову в 1855 г. (скульптор П.К. Клодт). Памятник Крылову был поставлен на том месте, где когда-то находился боскет с каскадом «Дельфиновым». Судя по акварели В.С. Садовникова, пространство вокруг памятника напоминало поляну посреди зеленых кущ.

В XX веке произошли новые перемены. В русском обществе проснулся интерес к истории Санкт-Петербурга. Вышли труды А.И. Успенского, И.Э. Грабаря, В.Я. Курбатова. Именно в это время на Летний сад стали смотреть как на сад исторический. Интерес к прошлому Петербурга вылился в создание Музея Старого Петербурга (1907) и затем Музея Города (1918)²⁶. Наступила эпоха научного изучения памятников Санкт-Петербурга, в том числе и Летнего сада. Это третий его лик.

Еще до того как Летний дворец с Летним садом стали музеем, вышли в свет книги А.В. Карлсона «Летний сад при Петре I» и Н.Е. Лансере «Летний дворец Петра I». Первая из названных книг была издана Петроградским экскурсионным институтом и давала материал для проведения экскурсии по Летнему саду по определенному маршруту. Хотя и небольшие по объему, обе эти книги до сих пор не утратили свою ценность. По владению материалом, ясному представлению об организации Летнего сада и Летнего дворца при Петре I при том, что еще не были произведены археологические раскопки в Летнем саду, эти книги поражают своей точностью.

В довоенные годы вышла книга Ж.А. Мацулевич «Летний сад и его скульптура» – поразительное по основательности и проницательности исследование. Многие атрибуты скульптур, данные на основе лишь стилистического анализа, в дальнейшем нашли свое подтверждение. Наконец, книга Т.Б. Дубяго «Летний сад», изданная в 1951 г., – итог многолетней исследовательской деятельности автора – является учебником для изучения сада и в наши дни. Приведенные примеры говорят о том, что Летний сад, сделавшись объектом научного изучения, экскурсионной работы, приобрел новые черты – просветительского учреждения, музея.

Процесс научного осознания истории Летнего сада шел параллельно с научной организацией экспозиции. В данном случае – с расстановкой садовой скульптуры. К началу XX века в топографии скульптуры Летнего сада образовалась полная путаница. Серии оказались разрозненными, а

²⁶ Франческо Бартоломео Растрелли. Архитектурные проекты из собрания Государственного музея истории С.-Петербурга. Каталог. СПб., 2000. С. 14.

подлинные названия скульптур позабытыми. Вопрос об упорядочении коллекции был поднят после наводнения 1924 г., которое добавило проблем, т.к. нужно было еще и реставрировать скульптуры. 1 июля 1925 г. состоялось заседание комиссии по вопросу размещения скульптур в Летнем саду. Было решено, что все скульптурное убранство сада следует сосредоточить на трех осях самой старой части сада – на аллее, параллельной Неве, по Главной центральной аллее и на аллее, ведущей к Кофейному домику. Наличие количество скульптур было сочтено достаточным для заполнения указанных аллей. Речь шла о восстановлении облика сада, близкого к 1771 г. В 1933 г. родился «Проект перепланировки мраморной скульптуры Летнего сада в целях выявления ее сюжетных группировок»²⁷. Из документа очевидно, что сад в это время уже воспринимался как музейный. В основу проекта новой экспозиции прежде всего было положено стремление «сделать художественный материал Летнего сада наиболее доступным пониманию массового посетителя». С 1934 г. Летний сад входит в состав музея «Летний сад и Летний дворец Петра I». Работе над планом новой расстановки скульптуры, в соответствии с ее аллегорическим содержанием и в соответствии с эстетическими нормами XVIII века, помешала война, но в 1950-1960-е гг. новая музейная расстановка скульптуры была осуществлена. В 1960-х годах была проведена серьезная реставрация Летнего дворца Петра I под руководством архитектора А.Э. Гессена. В саду проводились археологические исследования, которые помогли подтвердить и установить точные места расположения ряда фонтанов, а затем и других объектов.

Кроме того, дирекция Летнего сада и дворца-музея Петра I неоднократно поднимала вопрос о признании Летнего сада заповедником.

Безусловно, эта новая стадия жизни Летнего сада разительно отличается от первой, когда Летний сад был императорской резиденцией. Современный сад продолжает быть любимым местом прогулок жителей Санкт-Петербурга. В павильонах Кофейный и Чайный домики стали проводиться временные выставки. Сад остался местом проведения различных публичных мероприятий и праздников. Особенно популярными стали летние выступления военных духовых оркестров по воскресным дням. Таким образом, прогулочно-развлекательная роль сада соседствует с музейно-просветительской.

Внешний облик сада изменился как по сравнению с XVIII, так и XIX веком. Вытянулись вверх деревья. Исчезли высокие зеленые стены шпалер. Сад сделался более прозрачным, весной и осенью просматриваемым насквозь. Вместо высоких стен шпалерника – стриженный кустарник, над которым возвышаются скульптуры. Сильная затененность территории создала проблему для роста травы на газонах. На Центральной аллее вместо фонтана устроена клумба. Со стороны города Летний сад выглядит зеленым островом, массивом, по высоте соответствующим окружающей его за-

²⁷ Архив ГИОП. Ф. 165, Летний сад. Л. 176-184.

стройке. Летний сад начала XXI века является наследником и преемником сада, организованного Николаем I, – сада Пушкина, Крылова, Достоевского, Шевченко. Этот сад исчезнет – или почти исчезнет...

Флорентийская хартия по охране исторических садов, заключенная в 1982 г., предписывает при подготовке реставрации исторического сада учитывать все стадии его эволюции, не отдавая предпочтения ни одному периоду перед другим (§ 16). Один лишь этот пункт является достаточным основанием для существования специальной науки, изучающей историю садов.

Данный обзор явился попыткой выделить такие пласты в жизни одного исторического сада. Каков будет четвертый лик Летнего сада – вопрос остается открытым.

И.Г. Степаненко

Оранжереи и теплицы Царского Села: 200 лет жизни

Царское Село – пригород Петербурга, место летнего пребывания русских царей на протяжении почти двух веков, широко известно своими дворцово-парковыми ансамблями. Во все время существования царскосельская резиденция являлась богатейшим поместьем с огромным сложным хозяйством, в котором значительную роль играло тепличное хозяйство. Здесь существовали всевозможные виды приспособлений для выращивания и хранения растений: теплицы, парники, оранжереи, теплые и холодные грунтовые сараи, открытые летом и закрывающиеся зимой. Холодные оранжереи, предназначавшиеся для зимовки лимонных и апельсиновых деревьев, имели глухую крышу, так как зимой все породы цитрусовых отдыхают. А грунтовые сараи, в которых зимовали более нежные породы груш, испанских вишен, яблок и т.д., имели зимой временную крышу и в теплое время лишь затягивались сеткой – от воровьев¹. Теплицы зимой закрывали ставнями, под которые подстилали войлоки, парниковые ящики покрывали кулями и рожами.

В теплицах выращивали фрукты, ягоды, цветы для Высочайшего двора, а также ранние овощи и поваренную зелень; культивировали кадочные растения: померанцы, пальмы, араукарии и т.д., которые летом переносили во дворцы, в большом количестве выставляли в садах и возле зданий.

Начало Царскосельскому тепличному хозяйству положила жена Петра I Екатерина, которой он в 1710 г. подарил мызу Саари. Увлекавшийся садовым делом царь Петр, чтобы удовлетворить в суровом петербургском климате спрос богатых вельмож на «плоды заморские» в любое время года, на живые цветы и стриженные деревья в кадках для украшения садов, перенес первые оранжереи «для заморских растений, цветов и плодовых деревьев» в Петербург из подмосковного Измайлова.

Оранжереи, которые в боярских вотчинах встречаются уже в XVI веке, в XVIII веке стали непременной принадлежностью дворянских, в первую очередь петербургских усадеб. На их строительство подвигнуло прежде всего отсутствие в столице в XVIII веке регулярной торговли привозными фруктами и овощами. Закономерный для столичного города спрос на ранние и сверххранные (т.е. зимние) сорта овощей и ягод способствовал расцвету оранжерейно-тепличного хозяйства. Их выращивание стало исконно

¹ Регель И.Э. Типы теплиц, оранжерей, грунтовых сараев и шампиньонниц для северного климата. СПб., 1899.

петербургской отраслью огородничества, и только к концу XIX века привозная зарубежная продукция составила ей серьезную конкуренцию. Владельцы оранжерей в разгар зимы и ранней весной могли позволить себе такую роскошь, как зрелые ягоды и фрукты.

Невиданного расцвета оранжерейное дело достигло в Петербурге к концу XVIII века, чему немало способствовала императрица Екатерина II, подавая личный пример заботы об устройстве садовых дел. И.Г. Георги в 1794 г. писал, что по причине «дорогого образа жизни, требующего редких, ранних и лутчих садовых плодов... здешнее садовничество для поварни доведено до такой степени, что нет нигде совершеннее оно»². В Петербурге собирали не только спелые абрикосы и персики, но даже бананы и финики. В середине XIX века садовник императорских садов г. Эклебен знал некий «новоизобретенный способ», позволявший заставлять деревья плодоносить 2-3 раза в год, и в 1858 г. он получал в придворной оранжерее на Фонтанке близ нынешнего Михайловского сада по 60-70 бананов с дерева, как в Индии, в то время как «в знатнейших садах» Германии собирали всего по 10-30 плодов. У него же вызревали и плоды финиковой пальмы. Садовники на даче архитектора Н.А. Львова пригибали ветви оранжерейных деревьев так, чтобы они держались перпендикулярно к солнечным лучам, то есть получали как можно больше света и тепла.

Исследователь Горышина пишет³, что обилие и разнообразие растений, которые выращивали в оранжереях, и в целом развитие оранжерейного дела в старом Петербурге были таковы, что сейчас могут вызвать у нас лишь завистливое изумление. Так, из оранжерейных видов, предлагавшихся в 1863 г. в каталоге «торгового садовника Клаусена», половина отсутствует в наши дни даже в Ботаническом саду Академии Наук.

Что касается Царского Села, то на Сарской мызе будущей императрицы Екатерины I, как и в любой усадьбе, наряду с садом и хозяйственными постройками были заведены огородные грядки, парники, теплицы, зимние паровые гряды на навозе, которых требовала для теплолюбивых овощных культур холодная почва и короткое лето. Уже в 1710 г., как сообщает историк Царского Села И.Ф. Яковкин, здесь «существовала оранжерея с разными иностранными плодовитыми и древесными, кустарниковыми и травянистыми растениями, в кадках, горшках, отводках и отсадках числом более 5000»⁴.

Теплицы, где в кадках плодоносили фруктовые деревья, назывались «оранжерейными садами». Екатерина, стремившаяся угодить царственному супругу, не могла не последовать примеру петербургских «оранжерейных садов», таких, как содержавшаяся уже в 1710 г. садовником-

² Георги И.Г. Описание российско-императорского города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. Ч. I-III, СПб., 1794.

³ Горышина Т.К. Зеленый мир старого Петербурга. СПб., 2003. С. 313.

⁴ Яковкин И.Ф. История Села Царского. Ч. 1. С. 143.

голландцем оранжерея при Летнем саде с лимонными, апельсиновыми и лавровыми деревьями или целый «оранжерейный сад» при Ораниенбаумском дворце А.Д. Меншикова, занимавший пятнадцать виноградных, вишневых, персиковых, померанцевых и других оранжерей.

До наших дней сохранились в Царском Селе огромные, расположенные в 4-х линиях Фруктовые теплицы Верхнего сада, начало которым было положено в 1722 г. каменной и деревянной оранжереями, построенными «в две линии». Перед ними «расположено было множество огородных гряд сперва с одной поваренной зеленью, а потом начали садить и ягодные кустарники».

Самыми популярными для ранней выгонки фруктов в наших северных «оранжерейных садах» были косточковые плодовые деревья. Особенно выгодной культурой считался виноград. Сообщается, что в середине XVIII века в Царском Селе выращивали персики, абрикосы, ананасы, виноград, сливы, белые вишни и черную испанскую морель, яблоки, груши, малину и в большом количестве и круглогодично – огурцы и поваренную зелень⁵. Этот ассортимент плодовых культур оставался неизменным на протяжении всего времени существования царскосельских теплиц.

Вполне применимо для Царского Села описание, относящееся к оранжерее графа И.И. Шувалова на Мойке⁶: «Всегда в начале марта – земляника, клубника, а скоро после того малина, вишни, сливы, огурцы в нарочитом изобилии поспевают»; к Пасхе «как белые, так и синие наилучшие виноградные кисти бывают совершенно зрелы». В 1761 г. в построенных «при Новом саде» взамен старых оранжерей новых и в теплицах при них было 50 ананасных горшков, 11 кадок с виноградом, 36 горшков винограда черенками, 6 кадок запасных белых вишен, 10 кадок испанской морели, 9 кадок и 4 горшка с яблоками, 12 яблонь в ящике, 6 груш в кадках и 24 в ящиках⁷. В кадках («горшках») выращивались не только персики, абрикосы, вишни, сливы, груши, но и кофейные деревья, что не должно вызывать особого удивления, поскольку известно, что уже в 1735 г. императрица Анна Иоанновна варила себе кофе из зерен, выращенных в ее собственных оранжереях⁸.

С завершением строительства дворца и сада связано интенсивное расширение тепличного хозяйства: появляются первые строения еще одного тепличного комплекса – фруктовых теплиц напротив Большого сада. Для содержания многочисленных деревьев в кадках – лавровых и обильно плодоносивших цитрусовых – рядом с ними возводятся Большие оранжереи.

⁵ Яковкин И.Ф. Указ. соч. Ч.2. С.238. Ч.3.С. 15; Бенуа А.Н. Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1910 С. XXX. Прим. 613.Я.

⁶ «Санкт-Петербургские ведомости», 1756 г.

⁷ Яковкин И.Ф. История Села Царского. Ч. 2. С. 238.

⁸ Берк Р.К. Путевые заметки в России // Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб, 1997. С. 111-302.

Эти два комплекса, расположенные рядом с парком, занимают два городских квартала.

Во второй половине XVIII века значение оранжерей, связанных с «рокошной» стороной дворянского быта, начало меняться. Строившиеся при дворцах знати каменные оранжереи становились уже не просто подсобным хозяйственным помещением, но престижным признаком богатства и вельможности.

Разумеется, царские оранжереи должны были в этом отношении показывать пример. Проектированием и строительством оранжерей и теплиц в Царском Селе занимались видные архитекторы Д. Кваренги, В. Стасов, А. Менелас, В. и И. Нееловы, А. Кокорев, А.Ф. Видов, С. Данини, А.Р. Бах. Архитектурное решение тепличных комплексов и оранжерей выдержано в стиле классицизм. В XVIII веке тепличным хозяйством заведовали главные садовники, отвечавшие за устройство всех садов резиденции, такие как Т. Ильин, оба Буша – отец и сын. В дальнейшем садовые мастера приобретают специализацию: мастера М. Кононов, И. Тикстон, например, отвечали за ананасы, Оксенкопф, Э. Барлов возглавляли цветочное хозяйство. Это были специалисты высокой квалификации: принятый в 1851 г. австриец В. Ремпен, в будущем – «главный садовод», был успешно проэкзаменован профессором, доктором ботаники Мейером; возглавлявший теплицы более 20 лет садовый мастер Г. Зорт, благодаря «строгой исполнительности» и «знанию дела» заслужил репутацию одного из лучших столичных садоводов, его дело успешно продолжил Зорт-младший. Высокий уровень садовников подтверждается тем, что в описи по передаче теплиц все растения были поименованы по латыни, а в числе имущества, находившегося при теплицах, имелась большая подборка выходившего в Лондоне «Ботанического журнала», несколько каталогов, в том числе и каталог камелий, поднесенный Его Величеству Ф. Коста, 13 томов «Флоры европейских оранжерей и садов»⁹. В теплицах наблюдался строгий порядок: постоянно дежурили садовники. Предписывалось «в каждом отделении непременно иметь на стенах у дверей реестры растениям, дабы каждый подмастерье и садовник знал, что у них в отделении и отвечал за утрату чего-либо. За самым маленьким растением иметь такой же тщательный присмотр, как и за большим и ценным деревом; словом, ничего не должно быть в забвении и все делаться в свое время»¹⁰. В отчетах садовников указывался возраст и состояние каждого дерева, место поступления.

Одной из «специальностей» царскосельских теплиц было выращивание ананасов. Возможно, что первые ананасы в горшках были выписаны по особому указу Петра еще в 1719 г. из Гамбурга, откуда и в последующие годы выписывали различные плодовые деревья¹¹. Эти плоды быстро стали

⁹ РГИА. Ф. 487. Оп. 18, 1851 г. Д. 6631. Л. 41 об.

¹⁰ Там же. Оп. 6. 1851 г., Д. 6631. Л. 6-6 об.

¹¹ Питер де ла Кур – лейденский торговец полотном, крупнейший собиратель произведений

популярными. Ананасные теплицы, как отмечали историки, были во всяком уважающем себя дворянском доме. При Екатерине II культуру выращивания ананасов вознесли на большую высоту садовые мастера Иоганн и Иосиф Буши. Они принадлежали к числу тех особо искусных садовников, которые получали с апреля до января 800-граммовые (2-фунтовые) плоды от однолетних растений. Выращивая ананасы и померанцы, традиционно смешивали белый песок с землей, набивали ананасные (а также дынные и арбузные) ящики кожаной корой с конским навозом¹². Если в середине XVIII века в оранжереях Царского Села было немногим более ста растений ананаса, то в первой половине XIX века уже тысяча (впрочем, сильно уступая теплицам при Таврическом саде, где их было уже около 4000).

В 1856 г. «Журнал садоводства» утверждал, что «у нас в России воспитание ананасов достигло совершенства». Петербургский завод Ф.К.Сан-Галли наладил выпуск специальных печей с водяным отоплением для оранжерей, благодаря которым тепло в них сохранялось круглые сутки. Как раз в это время с ананасами в Царском Селе возникли сложности. К их выращиванию (в двух отделениях теплиц Большого сада) был приставлен после смерти опытного И.И. Кононова (награжденного в 1841 г. «за особое усердие в службе и приведение в лучшее состояние ананасной теплицы») садовник И. Тикстон. В 1852 г., когда ананасов уродилось всего 330 штук, он выписал из Англии еще 74 ананасных планта десяти лучших сортов. Пострадавшие в дороге от мороза растения смогли дать плоды только через год, причем ананасы прежних сортов «родились весьма мелки», и Тикстон объяснил, что причиной этого была неудачно составленная им земля и обещал, что в следующем году «произрастание ананасов будет щегольское». Но, к несчастью, их состояние не улучшилось, и пересаженную было в грунт молодую рассаду вновь переместили в горшки. Садовника заподозрили в невнимании к своим обязанностям, либо в недостаточном познании в «сей части». Комиссия, созданная из садовых мастеров Миллера, Барлова, Гейдорна и «известного своей опытностью по части фруктовой» Эрлера из Петергофа, исследовала причины «дурного произрастения» ананасов и нашла грунт, в который высажены были ананасы, негодным и температуру в теплице «более зависящей от внешнего воздуха». После предсказания, что в будущем году плодов не будет вовсе, Тикстона уволили от должности. Оборудование в ананасной паровой теплице к этому времени (к 1854 г.) было самое допотопное: из механизации присутствовали лишь вентилятор – «машинка чугунная для втягивания свежего и вытягивания сырого воздуха» и поливальная машинка на тачке. Заменивший Тикстона Э. Барлов, проручив-

искусства в первых десятилетиях XVIII в., консультант комиссионеров Петра по вопросам закупки картин в Голландии, послал Петру ананас и снабдил царя чертежами для постройки парника и инструкциями по выращиванию этих экзотических плодов. См. Йозин Дриссен. Царь Петр и его голландские друзья. СПб., 1996. С. 148-149. (Любезно сообщено председателем ландшафтной секции Санкт-Петербургского Союза архитекторов А.Л. Рейманом).

¹² РГИА. Ф. 487. Оп. 6, 1824. Д. 2727. Л. 7.

шись несколько лет, в 1860 г. указал на виновника неудач с ананасами – ветхий паровой аппарат, устроенный в 1830 г., который требовал массу дров и давал +24° вместо требуемых +38°, притом температура падала до +14° и была «весьма для плодов вредна». Происходила «большая неровность в теплоте грунта и плоды ананасов неровно и большей частью слишком поздно созревали»¹³. Садовник просил о новом водяном аппарате вместо парового (аппарат, способный заменить 6 топков, находящихся в ананасной теплице). Его поддержал архитектор Монигетти, представивший рисунок и смету «на устройство отопления водой по системе механика Седелерунда». После того как Высочайшего позволения на работу не последовало, Барлову пришлось заявить, что он не может отвечать за надлежащее качество фруктов. Добиваясь решения дела, царскосельский градоначальник Я.В. Захаржевский подтвердил министру императорского двора графу А.В. Адлербергу необходимость нового устройства, без которого «культура ананасов должна будет приостановиться», добавив, что теплицы по удобству их конструкции (вместо ананасов) «можно будет занять ценными тропическими растениями, каковых у нас значительно размножено». Государь император повелел культуру ананасов продолжать и приступить к устройству парового отопления. Заказ был передан Ф.К. Сан-Галли, тогда купцу 2-й гильдии.

Попытки выращивать арбузы в Царском Селе предпринимались, вероятно, с того самого времени, как в 1757 г. императрицу Елизавету Петровну угостили местным зрелым арбузом как диковиной. Вполне вероятно, что тогда же заведены были и дыни, о выращивании которых упоминается еще в «Домострое». В Москве парниковая культура дынь была хорошо известна в XVI-XVIII веках, а в Петербурге выращивалось «множество сортов дынь, которые поспевают уже к середине лета». В 1860-е гг. дыни и арбузы из местных «огородных заведений» потреблялись в Петербурге «несравненно в большем количестве, чем за границей»¹⁴. Что касается Царского Села, то сообщалось, что «в парниках ... разводятся ... дыни и арбузы, из сортов с приятным вкусом и созревающие в нашем климате, и несмотря на это нередко арбузы из означенных видов приходится недозревшими выбрасывать, если лето неблагоприятно»¹⁵.

Десерт, которым некий вельможа угощал в 1800 г. «весь Синод», вполне могли подавать и в Царском Селе – «...ананасы, абрикосы, арбузы, дыни, бергамоты и проч. преисполнили стол, а вишня шпанская, усыпанная плодами, поставлена была деревом посреди гостиной»¹⁶.

¹³ Там же. Д. 2361, 1869 г. Л. 1 и др.

¹⁴ Горышина Т.К. Указ. соч. С. 298.

¹⁵ Богданов М.М. Сады и садоводства в окрестностях Санкт-Петербурга. VII. Садоводства Царского Села. – Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. 1893, 24 ноября. С. 501-512.

¹⁶ Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македонцу// Русский архив. 1870. Т. 8. С. 769-880.

Выращивалась в Царском Селе и ранняя клубника. Уже в XVIII веке зрелую землянику и клубнику предлагали через «Санкт-Петербургские ведомости» в марте, а огурцы уже начиная с декабря-января. Тогда выращивались такие сорта, о которых сегодня ничего не известно (поскольку утрачены как секреты выращивания, так и генофонд): в руководстве по огородничеству 1837 г. описаны неизвестные ныне сорта клубники, употреблявшиеся только для ранней выгонки, «чтобы была по крайней мере с февраля»¹⁷. Кусты клубники этих специальных сортов в горшочках весной и летом держали в тенистом месте, срезая цветоносы, осенью переносили в погреб при температуре не выше +2°, а с ноября содержали в теплице, где они цвели и плодоносили.

Деятельность «фруктовых теплиц Дворцового ведомства» описывается следующим образом: «С глубокой осени фруктовые деревья начинают мало помалу готовить к приостановке, их подрезают, обмывают, увеличивая постепенно тепло. Таким образом, уже в апреле месяце из теплиц поступает к Высочайшему столу земляника, в мае – персики, за которыми следуют: виноград, абрикосы и поздние сливы. Вишни перезимовывают в грунтовых сараях. Персики и абрикосы растут шпалерами, виноград в грунту и кроме того в горшках, доходящих числом до 200. Виноград горшечной культуры нежен и вкусен, уступая, однако, в изобильном плодоношении грунтовому. Все ... хорошо вызревает и прекрасно на вкус». Сорта плодовых деревьев десятилетиями сохранялись одни и те же. Виноград (сортов сирийский, гамбургский, мускатный, белый ранний, кишмиш, фронтиньяк) был в основном уже своей разводки, самой старой лозе насчитывалось 95 лет и она была перепривита, со 197 лоз было снято 25 пудов, 55,5 фунтов). Ассортимент винограда 1893 г. включал сорта: Muscat Alexandre, Black Hamburg, Forsters Seedling, Isabella, Precoce de Malingre и др. Сливы выращивали сортов Рейнклад, Мирабель, красная, черная, желтая, с 72 деревьев было собрано 3316 слив. Персики содержались сортов Монтань, Рояль Жорж, Адмирабль, Гросс-миньон, Магдален, обыкновенный, гладкий, желтый (в 1893 г. мы видим здесь те же сорта – Madelaine rouge, Royal George, Amsden). С 90 персиковых деревьев было собрано 6886 плодов. Абрикосы выращивались в основном двух сортов: Оранж и Бред, с 46 деревьев было снято 6816 плодов. Самым старым деревьям было 75 лет. С 212 вишневых деревьев сортов Морель, Лейпцигская, Владимирская, черная, белая было снято 35675 штук вишен. В горшках культивировались саженцы многих других сортов (в том числе персики сортов Цвельх, Эндель, Виктория, Дубль-монтан, сливы Катерина, Виланс, абрикосы сортов Бубль, Абразия, Импириал), привезенные из разных мест, в основном из Гамбурга в 1840-х гг. Почти все они чувствовали себя «посредственно». В куртине находилось также 446 яблонь разных сортов, в основном Гольд-Пипинс, Гольд-ранет,

¹⁷ РГИА. Ф. 487. Д. 2358, 1853 г. Л. 27. Цветочное хозяйство обслуживали: зимой 22 месячных рабочих и 8-12 поденных, летом до 24-х месячных и до 15-ти поденных.

Наливное. Ранней земляники было снято 20087 ягод, поздней – 5 пудов 8 фунтов, клубники – 3 пуда 30 фунтов. В 1893 выращивалась земляника сортов Duchesse, Kronprinzessin, Laxtons Noble, Precose, Roseberry maxima и др.) Садовники отчитывались также об урожае редиса, огурцов, салата, малины, крыжовника, красной, черной и белой смородины¹⁸.

Постепенно на развитии тепличного хозяйства все более сказывалось увлечение цветочным убранством дворцов и садов: цветы летом высаживались не только в Собственных садиках при обоих дворцах и на Висячем саду, но в Нижнем и Верхнем садах в Большом саду, в трех «китайских» куртинах в Верхнем саду и других местах. Здесь предписывалось иметь в летнее время цветы лучших сортов, с приличным бордюром, убирая все так, чтобы показывался вкус и знание своего дела мастером¹⁹.

В первой трети XIX века увеличиваются цветочные теплицы позади Большой оранжереи и часть помещений Фруктовых теплиц Большого сада отводится для разведения цветов²⁰. Охватившее в это время верхушку общества увлечение геранями вызвало строительство новых маленьких пеларгониевых теплиц. Эта мода со временем распространилась настолько широко, что «ерань» за кисейной занавеской, надолго став синонимом меццанского Петербурга, ушла из дворцового быта. В Царском Селе пеларгонную теплицу приспособили под семена.

В середине XIX века в парках заметно возрастает количество клумб, а во фруктовых теплицах строятся новые деревянные парники для выращивания «летних растений к украшению садов». В 4-х отделениях 1-й линии вместо земляники и слив размещаются «разные теплые и холодные цветочные растения»²¹. В их числе была «нюксерная» теплица (для рассады), семенная; отделение для розанов, которые разводили и в померанцевом отделении 3-й линии. Для ведения цветочного хозяйства был назначен специальный садовник. В должностных инструкциях садового мастера по Оранжереям и цветочным теплицам говорилось: «Поелику красивые установки в оранжерее и теплицах: деревьев, растений и цветов, а также убранство оными дворцовых комнат выражает хороший вкус, сметливость

¹⁸ Плоды, которые выращивались в теплицах, в горшках и в грунте, подсчитывались поштучно. В 1852 г. урожай был не очень богат: со старых 13 абрикосовых деревьев сняли 2583 шт. плодов, с 14 персиков – 1264, с 9 слив – 1994 шт (остальные сливы, пересаженные, в тот год не плодоносили), с 79 виноградных лоз (состояние которых, в основном, было «худое») – 9 пудов 3,5 фунта. С 6 вишен сорта «испанская морель», растущей в грунте, было собрано 3093 шт.; с 16 кустов красной смородины было собрано 36 фунтов ягод, с 15 черной – 14 фунтов. Не подсчитывалось количество белой смородины (7 кустов), крыжовника (95 кустов) и яблоч (49 яблонь разных сортов). Помимо этого было получено 8392 шт. ранней земляники (весом 4 пуда 4,5 фунта), 3 фунта клубники. И совсем уже удивляет количество ранних бобов – 6,5 фунта, 20 штук огурцов и 30 штук редиса. Заметно выбывали старые растения.

¹⁹ РГИА. Ф. 487. Оп. 6, 1851. Д. 6631. Л. 6 об.

²⁰ Там же. Оп. 8. Д. 6631. Л. 6 об.

²¹ Там же. Оп. 6. Д. 2357. Л. 1.

и знание дела садового мастера, то он должен употреблять всевозможные на сей предмет старания»²².

В Цветочных теплицах, предназначенных для тех цветов, которые летом высаживались в садах, находились отделения камелиевое, питтоспоровое, акациевое, рододендроновое, новозеландское²³. Некоторое количество цветов выращивалось во Фруктовых теплицах: гортензия, перларгония, махровые георгины, левкои, фиоль, садовые гвоздики; больше всего было роз, сортов центифолия и роза месячная. Здесь же содержались в четырех кадках шелковицы и в горшках – земляника (7000 кустиков). В 1872 г. подмастерье П.Я. Яковлев доставил на выставку в Главном Адмиралтействе в Петербурге казенные розы: «выдержанные культурой 15 новейших сортов» и получил от Императорского Российского общества садоводства серебряную медаль «за труды по садоводству»²⁴. В 1893 г. роз воспитывалось до десяти тысяч; летом для незначительной постановки, зимой – для резки цветов, посылаемых к Высочайшему Двору в период балов. Обращали на себя внимание бегонии, некоторые из них были получены из семян собственного сбора, при посредстве перекрестного опыления. Эти разновидности были «превосходны и по колерам, и по форме цветов». В парниках при теплицах разводилось множество летников, которые шли на устройство цветников.

Рост увлечения разведением азалий и роз вызвало строительство в конце XIX – начале XX века двух новых Розановых теплиц, двух парников, превращение цветочной теплицы в розановую, а ананасной – в оранжерею для культивирования роз. При их устройстве применялись металлические конструкции. Была построена огромная Пальмовая оранжерея (1899-1901 гг.; А.Р. Бах), в расчете на ее строительство за границей были куплены пальмы и многолетние декоративные растения. В 1908 г. в тепличных комплексах появилось электрическое освещение, а в квартирах садовых работников водопровод и канализация. Пальмовая оранжерея теперь в Ботаническом саду, но остальные теплицы, устройство большинства которых было «старинное», дошли до нашего времени, хотя свою функцию фруктовых теплиц они утратили уже в послевоенное время.

²² Там же. Оп. 8. Д. 6631. Л. 4.

²³ Там же. Оп. 6. Д. 2355. Л. 14 об.

²⁴ Там же. Оп. 21. Д. 1101. 1873 г.

Парк Монрепо: к вопросу о национальной идентификации

К проблеме национальной идентификации паркового ансамбля исследователи обращаются нечасто, как правило, речь идет, скорее, об идентификации стилистической. Помещение памятника европейского садово-паркового искусства в контекст «национального» значительно усложняет анализ тех мультикультурных тенденций, суммой которых и является ансамбль Монрепо¹.

В формировании Монрепо принимали участие итальянские, французские, английские, немецкие, русские, датские, финские архитекторы, скульпторы и садовые мастера. В Монрепо присылали саженцы из Варшавы и из знаменитого английского Que-Garden, семена из Северной Америки, скульптуры из Италии. Вместе с тем северный национальный колорит присущ уже самому месту, где расположено Монрепо. Недаром в середине XIX века скальные ландшафты Монрепо получили название «облагороженной Финляндии»², или «Финляндии в миниатюре»³. Владельцы парка сумели сохранить и подчеркнуть эту особенность Монрепо, создав «дикое, странное и живописное произведение природы и искусства [...], идеал северного сада, полгода спящего под горами снега и, с оживлением природы, блестящего самыми яркими красками жизни»⁴.

Название «Монрепо» (mon heros, фр. – «мой отдых») месту дал принц Фридрих Вильгельм Вюртембергский (1754-1816), младший брат великой

¹ Тезис автора единственной монографии о Монрепо на русском языке А.А. Кищук, согласно которому в Монрепо «сохранилась для потомков самобытность русской культуры» (Кищук А.А. Парк Монрепо в Выборге. СПб., 2001.С.103), представляется скорее игнорированием проблемы, чем ее решением. Ср. более раннее утверждение того же автора: «Одно можно сказать – усадьба, как и парк, были типичны для России своего времени» (Кищук А.А. Прошлое и будущее парка // Выборгский коммунист. 1982. 12 августа). Д.С. Лихачев также называет Монрепо «великолепны[м] образ[цом] русского садово-паркового искусства конца XVIII – начала XIX в.» (Лихачев Д.С. Это нужно нам и потомкам // Советская культура. 1984. 16 октября). В книге «Поэзия садов» Д.С. Лихачев пишет о Л.Г. Николаи: «Свой дом в Монрепо он построил в типично русском усадебном устройстве» (Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. Изд. 3-е, исправл. и доп. М., 1998. С.354)

² Гренхаген К.Б. Спутник на Иматру, Пунка-Харью, в Нюслот, Выборг, Вильманстранд и Сайменский канал. Изд. 4. 1908. С.83-90. Цит. по: Материалы научного архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо». Т-3. С.74.

³ Новый путеводитель на Иматру (сост. А.А.Анников). СПб., 1887. С.15-17. Цит. по: Материалы научного архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо». Т.3. С.63-64.

⁴ Путеводитель по Финляндии с описанием городов и замечательных в ней мест. СПб. 1862. С. 33. Цит. по: Материалы научного архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо». Т. 3. С.66.

княгини Марии Федоровны. Само название в достаточной мере свидетельствует о намерении принца создать здесь загородную резиденцию в духе европейских традиций: в юности принц Фридрих жил в имении под Лозанной, которое также называлось Монрепо. Будучи генерал-губернатором Финляндии, принц Фридрих Вильгельм проявлял интерес и к местной культуре, в частности к финскому языку. Впрочем, его пребывание в Монрепо под Выборгом было весьма кратким и следа в формировании парковой среды принц не оставил.

В современной финской исследовательской литературе устойчиво бытует выражение «Европейское Монрепо»⁵. При внешней неуклюжести оно довольно точно выражает тот импульс, который был придан парку Монрепо его третьим владельцем, бароном Людвигом Генрихом Николаи (1737-1820). Л.Г. Николаи был свидетелем и современником важнейших событий европейской истории второй половины XVIII века⁶ и естественным образом получил у той эпохи свой историко-культурный лексикон⁷. Античность как вневременной идеал, зарождающийся культ Севера⁸, идеи просветителей – все это было усвоено и впитано Л.Г. Николаи еще задолго до переезда в Россию. Позднее, став учителем цесаревича Павла, а затем личным секретарем его супруги Марии Федоровны, Николаи принимал участие в решении вопросов, связанных со строительством великокняжеских дворцов в пригородных резиденциях Петербурга. «Лирический пейзаж» эпохи сентиментализма, соотносящийся с душевными переживаниями и эмоциями человека, был понятен и близок Николаи. В Монрепо он нашел то «сырое вещество красоты»⁹, которое стало для него идеальным объектом для материализации идей, волновавших и вдохновлявших европейские умы в конце XVIII века. Он ощущал себя не только создателем паркового ансамбля, но и творцом истории Монрепо, и в этой истории нельзя было обойтись без местного колорита.

Как отмечает профессор Матти Клинге, в 1808-1809 гг. вышли три книги с названием «Финляндия», которые решающим образом повлияли на

⁵ См., напр.: Eurooppalainen Monrepos = Det europeiska Monrepos = Monrepos – a European haven / [toimittajat = redaktörer = editors: Sirkka Havu, Inkeri Pitkäranta] ; [kirjoittajat = författare = authors: Sirkka Havu... et al.] ; [kääntäjät = översättare = translators: Christoffer von Bonsdoff... et al.]. [Helsinki] : Helsingin yliopiston kirjasto, 2006.

⁶ См.: Heier E. L.G.Nicolay (1737-1820) and his contemporaries. The Hague, 1965.

⁷ Показательно, что Райнер Кнапас назвал свою книгу о Монрепо «Аркадия эпохи Просвещения» (Knapas R. Monrepos: une arcadie des lumières: Saint-Petersbourg – Vyborg – Helsinki / Rainer Knapas ; [version française: Paul Paran]. Helsinki : Société de Littérature Finnoise, 2008 Karisto Oy) (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia).

⁸ Отметим, что в Библиотеке Монрепо (ныне – в Национальной библиотеке Финляндии, Хельсинки) было сочинение Поля-Анри Малле (Paul-Henri Mallet) «Monumens de la mythologie et de la poésie des Celtes, et particulièrement des anciens Scandinaves, pour servir de supplément et de preuves à l'introduction à l'histoire de Dannemarck» (1756) (номер в Библиотеке Монрепо – Н Монрепос 1046), во многом способствовавшее росту интереса европейцев к Северу.

⁹ Николаи Л.Г. Имение Монрепо в Финляндии. Пер. с нем. Глазковой О.М.//Санкт-Петербург. 1994. № 4(10). /Спец.выпуск, посвященный Монрепо /. С. 9.

формирование понятия «Финляндия». После поэмы на греческом языке, опубликованной в Упсале в XVII веке, это слово не появлялось в заглавии ни одного печатного издания, теперь же оно трижды появилось в изданиях, напечатанных за пределами Великого Княжества Финляндского.

Одно из произведений написал генерал Гагарин, чье «Тринадцать дней, или Финляндия» вышло в Петербурге в 1809 г., годом позже – в переводе в Стокгольме [...] Совершенно иной и более значительной была [...] написанная померанским профессором Фридрихом Рюсом «История Финляндии», превратившая профессора в первопроходца в этой исторической теме [...] Полностью работа вышла под названием «Финляндия и ее жители» только в 1809 г., в шведском переводе – в 1811-1813 гг. [...] Еще до появления работ Гагарина и Рюса в Петербурге была опубликована длинная поэма «Финляндия», имевшая очевидную связь с событиями того времени. Автором [...] был инспектор школ Выборгской губернии Август Тим [...] Интерес к истории Финляндии в Выборге был проявлением идей немецкого неогуманизма и был инспирирован известным местным писателем бароном фон Николаи, владельцем поместья Монрепо. На автора поэмы «Финляндия», очевидно, повлияло произведение Николаи «Имение Монрепо в Финляндии» – Август Тим использовал интонации, которые в будущем станут центральными в его творчестве»¹⁰.

То, как Л.Г. Николаи использовал финляндский «couleur local», помогает понять поэма «Имение Монрепо в Финляндии», написанная им в 1804 г. Представления Николаи о Финляндии, ее геологии, народе, культуре кажутся наивными, и совершенно очевидно, что поэт облекает их в хорошо усвоенные с юности формы. Допустимо предположить, что Николаи находился под влиянием типологии наций, изложенной Монтескье в его «Духе законов». Также немаловажно и воздействие Ж.-Ж. Руссо с его идеей «благородного дикаря», неиспорченного порочной цивилизацией. Это следование «риторическим фигурам» приводит к своеобразной «игре в Финляндию», в которой почти нет места историческим и этнокультурным реалиям. Вот, например, что пишет Л.Г. Николаи о крае, опустошенном русско-шведской войной 1788-1790 гг.:

«Благость Всевышнего проявляется здесь,
в селянах любовь, это спокойствие и счастье;
Финляндия бок о бок от тучных нив,
которые Феб приветствует со своей близкой колесницы»¹¹.

¹⁰ Клинге М. Имперская Финляндия/Пер. с финск. И.Соломеща, В.Мусаева и А.Рупасова. СПб., 2005. С.41-42.

¹¹ Подстрочный пер. с нем. Камкина А.К. В существующих переводах поэмы в интересующем нас фрагменте содержатся искажения смысла авторского текста.

Концепция пейзажного сада в Монрепо при Л.Г. Николаи типична для европейских пейзажных парков второй половины XVIII века. Она, в частности, заключается в «путешествии вокруг света», сочетая в себе элементы, отсылающие к культуре античности, средневековья, Востока. Можно сказать, что парк становится своеобразной «этнографией в картинках». Не следует преуменьшать значение этого открытия и освоения «другого» в европейской садово-парковой культуре, однако необходимо отметить и известный редукционизм подобной практики. Этнографизм как мода в равной степени использует и экзотический, и местный материал. При этом характерно, что географически близкий «местный колорит» трактуется часто столь же условно, как и экзотический, т.е. с применением общеупотребимых культурных шаблонов.

Так, в парке Монрепо есть два объекта, которые волею владельца наделены местным колоритом. Расположенный в западной части усадебного парка родник назван Николаи «источником Сильмии». В поэме «Имение Монрепо в Финляндии» есть сюжет о нимфе источника Сильмии и влюбленном в нее пастухе Ларсе. Сюжет этот, сочиненный Л.Г. Николаи, не столь примечателен сам по себе, сколько интересно имя главной героини, образованное от финского слова «silmä», «глаз». Сам Николаи указывает на это в отдельной сноске, а также сообщает, что «[п]о финским преданиям, текущий на восток источник обладает целительной силой и излечивает близорукость после того как в него бросят какое-либо скромное приношение. По-фински глаза называются сильми»¹². Факт обращения Людвигом Генрихом Николаи не к античной или экзотической, а к локальной топике примечателен. Это очевидное признание собственной истории и мифологии этого места, существующих помимо авторской воли Л.Г. Николаи¹³. Характерна также и трактовка местной легенды: Николаи приводит ее в соответствие с жанровыми конвенциями сентиментализма, а не опирается на финский фольклорный материал, к тому времени уже известный. Примечательно, что позднее, когда в 1820-х гг. источник получил архитектурное оформление, отсылка к финскому преданию исчезла, уступив место вполне традиционному неоклассическому решению. Павильон над источником был украшен мраморной скульптурой, изображающей Нарцисса, а источник, соответственно, стал называться «источником Нарцисс».

Подобным же образом изменилась после смерти Л.Г. Николаи интерпретация образа «старинного замка на скале», задуманного еще в 1790-х годах как «замок-руина». Традиционный для парков пейзажного стиля мотив Николаи трактует в связи с событиями шведской истории. Замок должен был напоминать об отстраненном от власти шведском короле Эрике XIV.

¹² Николаи Л.Г. Имение Монрепо в Финляндии. Пер. с нем. Городинского И.И./Кишук А.А. Парк Монрепо в Выборге. СПб., 2001. С. 113.

¹³ Отметим, что позднейшие экспертизы воды источника отчасти подтвердили ее целебные свойства.

Николаи, в соответствии с собственным замыслом, искажает историческую действительность и привязывает описанные события к Монрепо: «Эрих, сын Густава Вазы. В нем сочетались жестокость и безумие [...] Он победил своего брата Иоганна в Финляндии, пленил его и выпустил только через много лет. Наконец он решил открыто повенчаться со своей возлюбленной Екатериной, подлой женщиной, и во время свадьбы убить своих братьев; те, будучи предупреждены, осадили его. Он сдался, и еще девять лет прожил в плену. Но даже там он подстрекал к бунту, и король Иоганн в конце концов повелел его отравить. Ради своей башни поместил я пленного в нее и дал ему здесь умереть»¹⁴. Тема руины¹⁵ трактована в Монрепо традиционно. Прогуливающийся по парку путешественник, по замыслу Николаи, должен при виде старинного замка ужаснуться, задуматься о бренности и изменчивости мира, исполниться сочувствием к тому, кто, испытав безграничность власти, был вынужден провести долгие годы в заточении и погибнуть наконец от руки брата. Привязка сюжета об Эрике XIV к Монрепо является поэтическим вымыслом и все же имеет под собой некоторые основания¹⁶.

При жизни Людвиг Генриха Николаи чертежи замка-руины для Монрепо составляли Д. Мартинелли, П. Гонзага, Т. де Томон, но все эти проекты остались неосуществленными. Только в 1820-х годах, когда владельцем Монрепо стал Пауль Николаи, псевдоготический замок был наконец построен по проекту Ч.Х. Тэама. Но эта новая достопримечательность парка была уже не тем таинственным «Замком Эрихштайн», который мечтал увидеть Людвиг Николаи, а капеллой на острове, превращенном в семейный некрополь. Капелла получила наименование Людвигсбург («замок Людвиг») (илл. 23).

Факт наследственного владения Монрепо баронами Николаи и биографии его владельцев часто заслоняют от исследователя необходимость увидеть эволюцию культурной топографии Монрепо. Между тем эта эволюция значительна уже при следующем владельце имения – Пауле Николаи (1777-1866). Так, важнейшей вехой в развитии Монрепо как исторического места при Пауле стало отнюдь не строительство капеллы Людвигсбург или обелиска братьям Броглио, а установка скульптуры, изображающей главного героя Калевалы, рунопевца Вяйнемейнена (илл. 22). Если не считать барельефа работы Эрика Кайнберга (1810-е гг.) в здании Турусской Академии, это было первое в Северных странах изображение Вяйнемейне-

¹⁴ Николаи Л.Г. Имение Монрепо в Финляндии. Пер. с нем. Городинского И.И. – В: Кищук А.А. Парк Монрепо в Выборге. СПб., 2001. С. 116.

¹⁵ См.: Соколов Б.М. Руина как граница культурных миров // Тема руин в культуре и искусстве. Царицынский научный вестник. Вып. 6. М., 2003; Соколов Б.М. Язык садовых руин//Arbor mundi/Мировое древо № 7/2000. С. 73-75; Матюшина И.Г. Руины: становление топика в средневековой европейской лирике // Arbor mundi/Мировое древо № 7/2000. С. 11-37.

¹⁶ Король Эрик XIV бывал в Выборге в 1560-х гг., в период его правления был перестроен донжон Выборгского замка, а в самом замке находились королевские апартаменты.

на. Появилось оно в Монрепо в 1831 г., т.е. за четыре года до публикации первого издания «Калевалы» Элиаса Леннрота. На открытие памятника выдающийся финский поэт Яакко Ютейни (Jaakko Juteini) написал короткое стихотворение:

«Вяйнемёйнен, исполненный силы,
радостный отец песен,
любимый, несущий мир!
Добро пожаловать в Выборг,
Крепость Карелии!»¹⁷

Автором гипсовой скульптуры был датский мастер Готтхильф Боруп, с которым Пауль Николаи познакомился в Копенгагене, где проходила его дипломатическая служба. Пауль был действительным членом Общества антиквариетов (любителей древности), а в огромной – около девяти тысяч томов – библиотеке усадьбы Монрепо был, например, знаменитый труд Кристофрида Ганандера «*Mythologia fennica*». Представления о национальной культуре Финляндии оставались еще настолько поверхностными, что ни автора, ни заказчика скульптуры, ни посетителей парка, вероятно, не смущало, что «вековечный песнопевец» северных преданий изображен в короткой римской тунике и держит в руке инструмент, больше напоминающий кифару, чем кантеле. Вяйнемёйнен представлен в работе Борупа как герой античной мифологии, «северный Аполлон», и никак не связан с традиционной народной культурой Финляндии. Вместе с тем сам факт появления в ландшафтной среде парка героя народной финской поэзии осязаемым образом изменил культурную конфигурацию Монрепо. Парк начал превращаться в место национальной памяти. Фигура Вяйнемёйнена в Монрепо олицетворяла не только факт существования финского национального самосознания, но и его историчность. Все описания парка второй половины XIX века обязательно упоминают эту скульптуру, и часто как главную достопримечательность парка: «Но лучшее место в конце сада, где на берегу залива, в небольшом ущелье, обставленном высокими скалами, поставлена статуя Вяйнемёйнена. Нельзя найти более поэтического места для финского бога поэзии: кругом виднеются вековечные граниты, одетые серым и зеленым мохом, мрачные сосны и ели, густо переплетенные вет-

¹⁷ Цит. по: Ruoff E. Monrepos: muistojen puutarha. Helsinki, 1993. S.77 (пер. с фин. Мошник Ю.И.). Ср. стихотворение, написанное в 1809 г. пастором Карлом Теодором Стрельманом, которое начинается обращением к Вяйнемёйнену (как и поэма А.Тима) с последующим переходом к прославлению воссоединения Финляндии: «Проснись же, старый Вяйнемёйнен! // Восстань, старик, от сна...// Во славу воссоединенья // Финляндии – она // Прекрасней всех на Севере...» (цит. по: Клинке М. Имперская Финляндия / Пер. с финск. И. Соломеща, В. Мусаева И.А. Рупасова. СПб., 2005. С. 43).

вами, а внизу неподвижные воды извилистого залива. Здесь в малом виде вся Финляндия, с ее мрачной поэзией»¹⁸.

Однако с течением времени восприятие статуи Вяйнемейнена в Монрепо менялось. Работа Боруа, призванная символизировать финский национальный дух, стала восприниматься как чужеродная самому ландшафту. Сказалась и условность художественного решения Боруа: его Вяйнемейнен превращается в эстетический анахронизм. Так, посетитель Монрепо в 1870 г. писал: «я [...] прямо пошел к статуе Вяйнемейнена, этого мрачного бога финской поэзии. Увы! Новое разочарование ждало меня. Тому назад лет 12 [...] я посещал эти места, и обставленное гранитными утесами ущелье с белой фигурой бога поэзии, стоящей на гранитном обломке, произвело на меня почти потрясающее впечатление. Утесы те же, та же гипсовая фигура смотрит вдаль, держа в руках свою лиру, но я уже не тот. Двенадцатилетний период притупил чувствительность и восприимчивость, различные виды всех стран Европы и суровые виды Сибирских гор затушевывают финляндские красоты»¹⁹. Однако еще в 1858 г. журналист и педагог Я.И. Григорьев (псевдоним «Тан») писал в «Сыне Отечества» о статуе Вяйнемейнена: «Идея недурна, место хорошо выбрано и даже не очень много расчищено. Поставьте тут статую из того же или из другого гранита, обтесанного хоть с малым археологическим толком, чтоб было какое-нибудь правдоподобие, что-нибудь похожее на настоящего финского идола, и эффект был бы очень хорош. Но этот гипсовый болван, подкрашенный белою масляною краской, в аполлоновой позе, в аполлоновой мантии, с инструментом вроде скребницы в руках, тут, между финскими природными скалами, так жалок и нелеп, что возбуждает уже не смех, а отвращение и досаду. После этого все дотоле виденные деревянные украшения еще резче бросаются в глаза и в душе невольно возникает подозрение, что и мох-то на скалах приколочен гвоздями. <...> Вот отчего до сих пор даже очень умные люди восхищаются выборгским садом, не замечая, что он плачевно обезобразен украшениями, которые столько же сообразны с местностью, как и французское «Монгерос» с финским языком»²⁰. Как видим, автор, говоря о «сообразности», имеет в виду не только эстетическую, но и национальную составляющую²¹.

¹⁸ Милюков А.П. Очерки Финляндии // Морской сборник. 1856. №9. Т. XXIII. С. 435-447. Цит. по: Материалы научного архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо». Т. 3. С. 52. Ср. также: «Нельзя было придумать лучшего места для статуи Вяйнемейнена, бога поэзии, первого языческого бога Финляндии, как поставя ее в этом необыкновенном саду, среди мрачных скал и угрюмых сосен с недвижным зеркалом вод извилистого залива внизу» ([Б/а] // Нива. СПб. 1874. №32 С. 498. Цит. по: Материалы научного архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо». А-16а. С.46).

¹⁹ Dime. Поездка на Сайменский канал // Всемирная иллюстрация. 1870. №83. С. 539-540. Цит. по: Материалы научного архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо». А-16а. С.52.

²⁰ Тан. Прогулка на Иматру // Сын Отечества. 1858. № 27. С. 781. – Цит. по: Материалы научного архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо». А-3. С.48-49.

²¹ Ранее автор, говоря о названии парка, замечает: «Жаль, что мы с вами не знаем финского языка и не можем почувствовать настоящего чухонского эффекта этого французско-

Стремление к подчеркиванию национального, специфически финского элемента проявилось в 1870-х годах после того, как скульптура работы Борупа была разбита вандалами, и новый памятник Вяйнемейнену создавался на средства выборжан финским скульптором Йоханнесом Таканеном²². Этот памятник Вяйнемейнену был утрачен в годы Второй мировой войны²³.

В начале XX века, при Пауле Эрнсте Георге Николаи (1860-1919), Монрепо постепенно, но неуклонно финнизировалось. К этому времени Монрепо воспринимается в Финляндии как единственный в стране исторический парк, его статус принципиально отличен от статуса других многочисленных приусадебных садов. П.Э.Г. Николаи хорошо владел финским языком, в своей деятельности христианского миссионера он часто обращался к финскому сообществу. Парк стал общедоступным: П.Э.Г. Николаи отменил входную плату. Идея Людвиг Генриха Николаи о том, что парк Монрепо создается «для тебя, для себя, и для каждого»²⁴ наконец воплотилась в жизнь, но это стало началом упадка садового ансамбля. В этот период парковые павильоны только поддерживались в нормальном состоянии, но в пространство сада не вводилось ничего нового. Земли имения Монрепо постепенно передавались владельцами в собственность муниципальных властей²⁵.

Судьба Монрепо, сохранившегося в годы Второй мировой войны, в советский период – один из ключевых моментов в культурной истории парка. Среди первых утрат паркового ансамбля были скульптура Вяйнемейнена и фамильное кладбище Николаи, подвергшееся разорению. Эта советская судьба Монрепо напрямую связана с советской историей Выборга, лишённого при Советской власти своей исторической памяти, своего права на нее, потерявшего свое довоенное население и заселенного как колонизованная территория. В этом – одно из существенных отличий Монрепо от знаменитых петербургских пригородов, принадлежащих российской истории. Перестав быть имением и парком с европейской известностью, Монрепо потерял свое имя в буквальном смысле и был превращен в ЦПКиО им. Калинина. «Парку культуры и отдыха» (илл. 24) по определению никакая культурная память не требовалась. Здесь в полной мере проявилась хрупкость историко-культурного ментального ландшафта, который на исторический ландшафт проецируется.

классического прозвания в стиле рококо» (Тан. Прогулка на Иматру // Сын Отечества. 1858. № 27. С. 781. – Цит. по: Материалы научного архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо». А-3. С.48-49).

²² См.: Мошник Ю.И. Скульптура в Монрепо. – В: Монрепо. Альманах. Вып.3. Выборг, 2009 (в печати).

²³ Скульптура «Вяйнемейнен» была восстановлена петербургским мастером К.Н. Бобковым в 2007 г. по инициативе российской стороны.

²⁴ Николаи Л.Г. Имение Монрепо в Финляндии. Пер. с нем. Глазковой О.М. – В: Санкт-Петербург. 1994. № 4(10). /Спец. выпуск, посвящённый Монрепо/. С.11.

²⁵ Знаменитая частная библиотека усадьбы в 1915 г. была передана владельцами Хельсинкскому университету.

Для многих жителей Выборга ЦПКиО им. Калинина был не только местом массовых гуляний – парк по-прежнему был притягателен именно в силу своего ландшафта и планировки²⁶. Вместе с тем настойчиво звучали голоса, призывавшие к нивелированию историчности самого места, и эта позиция находила поддержку у городских властей: «Теперь о главном – о наглядной агитации. В парке отдыха она представлена очень бедно. А разве нельзя создать здесь «Аллею передовых людей города и района – ударников коммунистического труда»? Разве нельзя рассказать языком плакатов и рисунков о замечательных делах выборжцев? Очень необходимы щиты, которые отражали бы ход соревнования трудящихся Выборга и Красной Пресни, зарубежные и выборгские новости»²⁷. «Ход соревнования трудящихся» делал какую-либо национальную специфику места избыточной, а порою – попросту запрещенной.

Монрепо в советский период стало частью финской культурной истории и культурной памяти и одним из символов финского культурного сознания²⁸. Безусловно, этот символ травматичен, чем и объясняются существующие и возможные эксцессы этой памяти²⁹. Но в самом Советском Союзе голоса в защиту исторического Монрепо раздалась тогда, когда место исторической памяти уже переживало катастрофу³⁰.

Получение статуса музея-заповедника пришлось на 1988 г., который ознаменовал начало не столько периода культурного возрождения, сколько величайшей общественно-политической нестабильности. Распад Советского Союза, многообразные контакты с Западом, изменение официального статуса Монрепо – всё это в полной мере выявило тяжесть проблем, связанных с воссозданием Монрепо как исторического места. На сегодняшний день отсутствует ясный ответ на вопрос – «Музеем чего, памятником чего быть Монрепо в будущем?» Двадцать лет существования музея-заповедника дали лишь предварительные варианты частичных ответов. Сегодняшнее положение вещей ждет комплексного решения.

²⁶ Ср.: «В такой хороший день – большое удовольствие покататься на лодке вдоль живописных, покрытых свежей зеленью берегов залива» (Владимиров В.В. Воскресный день (Открытие городского парка культуры и отдыха) // Выборгский коммунист. 1962. 29 июня. С.4).

²⁷ Грановский Н. Парк отдыха?... // Выборгский коммунист. 1961. 28 июля. С.4.

²⁸ Неслучайно название работы финской исследовательницы Ээвы Руофф – «Финское Монрепо» (Ruoff E. Das finnische Monrepos. «Ein Garten für das Herz, ein Garten für den Geist» // Die Gartenkunst. 1992. №1. S. 35-53).

²⁹ Ср. высказывание первого директора музея-заповедника «Парк Монрепо» И.В. Лямина: «Исторический парадокс заключается в том, что в большом и разнообразном по своему насыщению усадебно-парковом ансамбле Монрепо собственно финского мы ничего не находим. Монрепо космополитичен по сути своей: это плод высокой евро-русской культуры XVIII – первой половины XIX вв. Единственное, и весьма достойное исключение являет нам памятник герою финского народного эпоса «Калевала» Вяйнемеинену, утраченный после Второй мировой войны» (Лямин И.В. Бескорыстие // Ленинградская правда. 1990. 7 августа).

³⁰ См. статью Д.С. Лихачева «Это нужно нам и потомкам...» (впервые опубликована в газете «Советская культура», 16 октября 1984 г.), сыгравшую важнейшую роль в процессе образования музея-заповедника «Парк Монрепо».

Возрождение усадьбы Марьино: проблемы старинного пейзажного парка

На тосненских землях сохранилось, и то частично, только одно из дворянских имений – Марьино, где из обширного усадебного комплекса уцелели барский дом и церковь. Марьинский «дворец» и разрушенная Троицкая церковь находятся в селе Андрианово. Хозяевами усадьбы были два древних русских рода: сначала Строгановы, потом Голицыны, соединенных родственными узами. Остатки ее взяты под охрану как памятник архитектуры и садово-паркового искусства конца XVIII – первой половины XIX века, а также как образец сотрудничества русских и итальянских мастеров и, наконец, как страница истории русского зодчества, вписанная талантливыми крепостными художниками.

Марьинская усадьба взята на учет после революции 1917 г. среди наиболее ценных дворянских поместий. И не только из-за своей пышности, архитектурных и ландшафтных достоинств, но и потому, что в ней сохранилось много художественных ценностей: богатейший фамильный архив, библиотека, картинная галерея.

Название свое усадьба получила от имени первой владелицы – баронессы Марии Яковлевны Строгановой (1678–1734), жены «именитого человека» Григория Дмитриевича Строганова (1656–1715). В 1726 г. баронесса купила 10 деревень и 2 пустоши на берегах извилистой реки Тосны. По одной версии название имению Марьино дал Павел Александрович Строганов (1772–1817) в честь своей прабабушки. Однако чаще цитируется письмо его жены графини Софьи Владимировны: «Марьино, это имя, которое я даю тому, что мы называем Тосной»¹.

Выйдя в 1793 г. замуж за П.А. Строганова, Софья Владимировна (1775–1845), урожденная Голицына, взяла с 1801 г. на себя управление тосненским имением. Именно ей принадлежит заслуга превращения его за 34 года неустанных забот в уникальный, хорошо организованный комплекс построек, умело вписанных в окружающую природу, с образцовым хозяйством².

Возможно, из-за близости этого имения к Петербургу и к шоссе между столицами (а оно проходило тогда совсем рядом) молодые супруги вы-

¹ Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. СПб., 1903. Т. 1-3.

² Трубников А. Княгиня Голицына в Марьине и Городне // Старые годы. 1910. № 7-9.

брали его для своей загородной усадьбы во время путешествия по многочисленным строгановским имениям.

Потомки баронессы М.Я. Строгановой увеличили имение за счет покупки соседних земель. А.С. и П.А. Строгановы в 1791–1803 гг. покупали земли с крестьянами у помещиков Гурьева, Головачева, Волковой и Можайской. Семь купчих было оформлено графиней Софьей Владимировной в течение 1810–1818 гг. на деревни и угодья Рахмановой, Ильиной, Фока, Мусина-Пушкина, Волковой и Гиргаса³.

У поворота с Московского шоссе к строгановскому владению стоял межевой столб с обозначением названия – Марьино, отсюда начиналась проселочная дорога, покрытая щебнем. Она вела к господскому дому мимо хвойных лесов, расчищенных под луга опушек и деревень Усадище, Острецово, Сидорово и Тарасово. Раскинувшееся на возвышенном участке имение с селом Андриановым напоминало остров, так как с запада и севера от него протекала река Тосна, с востока – ее приток Пяля, а с юга подступало большое Жаровское озеро.

Господский дом, как и вся усадьба, не раз перестраивался, приобретая все более привлекательные черты. Для этого старались и бывшие крепостные Строгановых – Голицыных: А.Н. Воронихин, его ученик и помощник в строительстве Казанского собора в Петербурге И.Ф. Колодин, П.С. Садовников, А. Никитин, П. Кузнецов, П. Иванов, и создатели царских дворцово-парковых ансамблей.

Существует предположение, что первый усадебный дом, каменный (двухэтажный), был выстроен в конце XVIII века А.С. Строгановым и выглядел скромно, но к 1819 г. облик его совершенно преобразился. По замыслу новой хозяйки, Софьи Владимировны, дом следовало увеличить и придать ему парадный вид. Искусствоведы высказывают разные точки зрения на выбор Строгановыми стиля застройки имения и на участие в этом архитекторов. Н.В. Мурашова ссылается на первоначальный проект марьинского особняка, разработанный А.Н. Воронихиным, но из-за его смерти не осуществленный и измененный его преемником И. Колодиным⁴. По версии С.О. Кузнецова, усадьба Марьино создавалась как памятник Отечественной войне 1812 года, роль Воронихина в проектировании сомнительна, воплощением же замысла господ Строгановых занимались архитекторы Х. Мейер, И.Ф. Колодин, А.А. Менелас, А. Никитин, П.С. Садовников⁵.

Постройка дома началась в 1813 г. Старый дом планировалось сделать ядром нового сооружения. К 1816 г. появился двухэтажный дом, подковообразной формы, в центр композиции вошел ранее существовавший особняк, надстроенный до трех этажей. Но в течение следующих трех лет дом опять перестраивали: нужно было увеличить помещения для приема

³ Аничков И. В. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. Новгород, 1916.

⁴ Мурашова Н. В. Марьино // Нева. 1988. № 3.

⁵ Кузнецов С. О. Дворцы Строгановых. СПб., 1998.

многочисленных гостей. С 1819 г. до конца 1820-х гг. перестройки не производились.

Начиная с 1823 г. плодотворно работал в Марьине крепостной архитектор Петр Семенович Садовников (1796–1877). Здесь он построил 15 каменных и деревянных зданий, внес изменения в интерьеры усадебного дома, перестроил церковь. В письмах графини С.В. Строгановой к управляющему имением Ф.С. Мельникову отражено ее доверительное и уважительное отношение к Садовникову⁶.

Кардинальные изменения внес Садовников и в облик дворца. К обоим крайним павильонам, завершающим полуциркульную дугу здания, под прямым углом к ним, были пристроены двухэтажные крылья⁷. В итоге получился подковообразный дом, с высокой центральной частью, с пятью входами, охраняемыми фигурами львов (скульптор П. Трискорни). По некоторым описаниям, помимо львиных статуй, перед домом находилась ограда из соединенных цепью чугунных столбов со львиными головами⁸. Стены здания, обращенного в сторону Поваренного ручья, были окрашены в палевый цвет, а орнамент, колонны и веночки – в белый. Такое сочетание цветов придавало ему нарядный вид. В центре парадного двора был устроен газон и цветочный сад с прудом, обставленный померанцевыми, лимонными, апельсиновыми и редкими хвойными деревьями. В середине круглой клумбы возвышался обвитый растениями пьедестал, а на нем – вертикальные часы, показывавшие время с четырех сторон и венчавшиеся флюгером. Хозяйственная зона южной части усадьбы формировалась в 1816–1824 гг. Между ручьями, лугами и зелеными рощами стояли скотный, рижный и птичий дворы. Садовников выстроил здесь новые каменные здания: ригу, черепичный завод, скотный и конный дворы, шале (небольшую загородную дачу), деревянный «лесной» домик для лесовода в русском стиле.

В 20–30-е гг. XIX века в России распространилась мода на псевдоготику, отдала ей дань и Софья Владимировна. Самым значительным памятником творчества П.С. Садовникова в Марьинской усадьбе является перестроенная им в 1828–1831 гг. в формах ложной английской готики старая церковь, освященная 7 октября 1831 г. в честь Святой Троицы. По художественным достоинствам марьинская церковь может считаться значительным памятником отечественной архитектуры. На месте села Андрианово возвели теплицы и оранжереи с отделениями для винограда, для персиковых и абрикосовых деревьев. Справа от дворца, на высоком берегу Пяльи, находился ансамбль «Зеленая мыза» с людскими, кладовыми, кухнями, прачечными, ледниками, каретниками и конюшнями. По откосу Пяльи шла

⁶ Положение для управления вотчин графини Строгановой, урожденной княжны Голицыной, составленное самой помещицей. СПб., 1832.

⁷ Безсонов С. В. Крепостные архитекторы. М., 1938.

⁸ Нестеров В. В. Львы стерегут город. Л., 1971.

лестница к гроту, устроенному в виде источника. За дорогой, разделяющей сад и оранжереи, в отдельных зданиях помещались лазарет, вотчинная контора, дома для духовных лиц, для управляющего имением, а также дом для заседаний крестьянского третейского суда. Церковь, выстроенная еще в конце XVIII в. вблизи барского дома, сохранилась на прежнем месте.

На крутом, противоположном от дворца, берегу Пяльи в 1814 г. по проекту Х. Мейера соорудили парковый павильон «Руины». Отсюда Строгановы любили смотреть на панораму окрестных деревень⁹.

С 1816 г. по приглашению графини Софьи Владимировны в Марьино работал талантливый планировщик садов и парков, в том числе в Царском Селе и Петергофе, архитектор А.А. Менелас (1753–1831). За два года он преобразил прилегающую к дворцу территорию: отвел шоссе Петербург–Москва за Поваренный ручей, на нем устроил систему прудов, мосты, разбил сады и парк, упиравшийся на юге в Крутой ручей, построил парадные въездные ворота из землелитного кирпича по технологии архитектора Н. Львова на пересечении Крутого ручья с главной дорогой¹⁰. В садах и парке куртинами были насажены тысячи деревьев и кустарников различной породы, проложены затейливые дорожки. Небольшие рощицы чередовались с зелеными лугами, что придавало пейзажам особую живописность. Окраины парка органично сливались с естественным ландшафтом. Через весь парк тянулся пруд, венчавшийся довольно высоким искусственным каскадом. Сад площадью до 20 десятин с одной стороны ограничивался рекой Тосной, с другой – живой изгородью из таволги и сирени. Справа от Большого пруда над каскадом возвышался насыпной мост, а слева – каменный, однопролетный, ведущий прямо ко дворцу.

Большие преобразования в имении провел инженер-гидролог и ученый-землемер А.И. Зандроком: осушены почвы (Жаровское озеро заболочивало земли), была выстроена система плотин, каналов и прудов для сбрасывания воды из озера в реку Тосну. Вдоль дороги от Жаровского озера до Поваренного ручья проложили многокилометровый канал. Осушительные работы дали возможность соорудить во дворце водопровод. В 1885 г. в усадьбе работал газопроводный мастер Ю.И. Боровиков. Через Тарасовский ручей, впадающий в Пялью, перекинули пешеходный горбатый мостик, прозванный Чертовым. Мостов в Марьино было немало, но достоверно имена их архитекторов не установлены. Только главный мост через Пялью, трехпролетный, арочный, приписывается А. Воронихину. Река в этом месте была запружена и образовывала озеро.

Петр Семенович Садовников с архитекторским помощником Павлом Ивановым помогал владелице Марьино в организации ею «практической школы земледелия и ремесел»: составлял проекты и сметы на строи-

⁹ Рахманина Е., Трубинов Ю. Усадьба Марьино // Строительство и архитектура Ленинграда. – 1973. № 2.

¹⁰ Брайцева О. И. Строгановские постройки рубежа XVII–XVIII вв. М., 1977.

тельство школы, мельницы, риги, строил «птичный двор»¹¹. В результате неустанных забот просвещенной хозяйки заурядное марьинское поместье приобрело завершенность и превратилось в уникальный дворцово-парковый ансамбль с образцовым хозяйством.

Виды усадьбы Марьино запечатлены в акварелях Е. Есакова и картинах А. Рубцова. Ермолай Иванович Есаков (1790–1840), выпускник ландшафтного класса Академии художеств, академик, был приглашен графиней С.В. Строгановой в качестве домашнего учителя живописи, так как она сама занималась живописью и хотела приобщить к ней своих детей. За 14 лет работы у Строгановых (1810–1824) Есаков создал серию видов дачи П.А. Строганова на Выборгской стороне Петербурга, а также Марьино. Изображенные Есаковым марьинские виды представляют не только пейзажи, но и жанровые сцены, сельский быт того времени (илл. 26). Они позволяют проследить перемены в облике имения после перестроек 1813–1819 гг. Всего альбом № 5 «Марьинские виды» включает 12 акварелей. Разные планы, рисунки множества садовых украшений, беседок, скамеек, мостиков, пейзажей, выполненные художником, собраны в альбоме № 4. Альбомы сейчас хранятся в Русском музее. Другой живописец, Александр Александрович Рубцов (1884–1949), окончивший Академию художеств в 1912 г., писал интерьеры Марьинского дворца. На дипломной картине «Ампир» он изобразил центральную гостиную с двумя женскими фигурами. Посетители имения отмечали, что «Марьино изобилует множеством живописных видов, оно простирается слишком на 15 верст, изрезано прекрасными дорогами, по которым можно совершать прогулки в каком угодно экипаже».

Большие площади в марьинском имении были заняты лесом. Правильное, научно обоснованное лесоустройство являлось предметом заботы владельцев, так как лес давал большой доход. Им занимался тоже бывший крепостной Строгановых Александр Ефимович Теплоухов (1811–1885)¹². По заключению Теплоухова, Марьинские леса находились в плохом состоянии и требовали бережного отношения, чтобы «не превратиться в пустыню». Оказалось, что лесная площадь имения составляла 5209 десятин, болот – 2878, пашен – 65, под речками, строениями, дорогами – 40, всего 8332 десятины. Теплоухов произвел учет лесных деревьев по породам и качеству. Он обратил внимание на богатые запасы торфа в имении, намечал создать в Марьине лесной сад – дендрарий, провел опыты по искусственному разведению леса. В 1841 г. «Лесной журнал» опубликовал статью А.Е. Теплоухова «Некоторые сведения об учреждении правильного лесного хозяйства в имении графини С. В. Строгановой – Марьине»¹³. Три раздела статьи описывали способы создания образцового лесного хозяйства, с одной сторо-

¹¹ Маслов Г. Обзорение школы земледелия и горнозаводских наук графини С.В. Строгановой и земледельческого училища для удельных крестьян // Земледельческий журнал. 1837. №3.

¹² Бейлин И., Парнес В. А.Е. Теплоухов. М., 1969.

¹³ Теплоухов А. Е. Некоторые сведения об учреждении правильного лесного хозяйства в имении гр. С. В. Строгановой Марьине // Лесной журнал. 1841. № 5.

ны, для практического обучения воспитанников земледельческой школы, с другой – для опытного применения в России тех правил лесоводства, какие используются в других странах. Теплоухов считал, что хороший лесохозяйственный план должен сочетать в себе требования науки в части правильного хозяйства с выгодами для леса. Марьинским лесам посвящены еще несколько работ А.Е. Теплоухова: наставление по лесохозяйству, сведения об опытах, замечания и наблюдения, сделанные при введении правильно лесного хозяйства. Работал Теплоухов в Марьине до 1847 г.

При наследниках С.В. Строгановой в Марьине уже ничего не строилось, но произошли изменения в управлении имением. В 1848 г. к нему относились 13 деревень. Управлял имением князь Павел Васильевич Голицын, старший сын Аглаиды Павловны (дочери Софьи Владимировны) и Василия Сергеевича Голицыных. По свидетельству современников, он серьезно изучил хозяйство и начал специальное межевание крестьянских полей, чтобы наделить крестьян землей навсегда, без изъятия, в соответствии с их повинностями в пользу помещика. По сведениям Департамента земледелия, к 1897 г. в Марьинском имении состояло 9304,5 десятины земли, из них пашни 75 десятин. Хозяйство велось управляющим. Здесь использовалась десятипольная система севооборота, сеялись травы, выращивались кормовая свекла, рожь, овес, ежегодно продавались семена овса и ржи хорошего качества. В «громадных размерах» культивировались различные сорта роз и множество других цветов для продажи в Петербурге, поставлялись цветы также в Лисинскую лесную дачу. Имелась паровая мельница, зерно перерабатывалось на муку и крупу. В 1902 г. 620 десятин земли отдавалось в долгосрочную аренду, около 1200 десятин находилось под лесными покосами, до 4000 десятин – под лесом, остальные – под болотами.

После кончины П.П. Голицына в 1914 г. опекунами имения стали его жена Александра Николаевна (урожденная Мещерская) и брат Петр Павлович Голицын (род. в 1869 г.), полковник (с 1902 г.), адъютант принца А.П. Ольденбургского. При последующих владельцах созданная Софьей Владимировной великолепная марьинская усадьба теряла свою целостность, доходность и образцовость в устройстве. Вырубались леса, строения ветшали, озера и пруды заболачивались. В 1920-е–1930-е гг. в усадьбе размещались Дом отдыха ученых и опытная станция геологоразведочного геофизического института. Марьинский дом отдыха посещали писатель А.Н. Толстой (1926), академик С.Ф. Ольденбург, искусствовед В.Е. Левинсон-Лессинг и художники З.Е. Серебрякова (1924) и А.А. Рылов (1925), изобразивший на своих картинах несколько поэтических пейзажей усадьбы: «В Марьино», «Деревня Марьино», «Деревня на берегу р. Тосны, Марьино», «Река Тосна, Марьино». Долгое время в Марьинском комплексе располагался детский дом (1935–1940 и 1946–1977). В 1960-х гг. по проекту архитектора М.А. Сементовской были отреставрированы и частично воссозданы

фасады дворца. В 1990-х годах усадьба отдана под профилакторий одного из предприятий Ленинградской области. Был произведен ремонт дома, оборудованы медицинские кабинеты. В настоящее время усадьба Марьино является частной собственностью.

Старинный парк исторической усадьбы со временем существенно изменился как в отношении флористического состава, так и соотношения открытых и закрытых пространств. Старые насаждения утратили свой декоративный облик вследствие частичного отмирания деревьев, появления самосева малоценных пород, зарастания полей. В результате изменилась композиция садово-парковых пейзажей, утрачен первоначальный замысел исходных ландшафтных картин. Возникла необходимость восстановления первоначального исторического облика. При воссоздании усадебного парка в Марьино следовало досконально изучить условия местопроизрастания, чтобы иметь возможность согласовать процессы развития лесных сообществ и процессы проектирования и ведения хозяйства парка.

Исторически при создании усадебного парка в Марьино использовались местные виды древесных и кустарниковых пород с незначительным введением интродуцентов, устойчивых к местным условиям. Естественное зарастание малоценными мелколиственными породами привело к образованию жизнеспособного древесно-кустарникового массива, но и к полной потере пространственно-композиционного решения парка.

Рекогносцировочное обследование территории усадьбы было проведено с целью определить общее состояние объекта, установить качественный и количественный состав зеленых насаждений и других парковых элементов для составления проектной документации.

Территория парка была условно разделена на шесть ландшафтных участков:

- 1 – центральный участок;
- 2 – участок Большого пруда;
- 3 – участок Поваренного ручья;
- 4 – участок Зеленой мызы;
- 5 – участок Романтического парка;
- 6 – участок церкви Святой Троицы.

Центральный участок (№ 1)

Центральная часть усадьбы – на ней расположен усадебный дом (илл. 27).

С западной стороны находится современная котельная, имеющая малодекоративный вид. Своих прежних функций данное строение на сегодняшний день не выполняет и находится в аварийном состоянии. Рекомендуются демонтаж здания.

Центральная и объездная дороги заасфальтированы. Асфальтовое покрытие в удовлетворительном состоянии. Курдонер дворца оформлен зеленым газоном.

Рельеф ровный, имеет уклон в сторону пруда. Берег со стороны реки Тосна крутой – 11,5 м. Склон, заросший кустарниками – ольхой, черемухой, акацией, в настоящий момент расчищен. Берег пруда более пологий, в западной части берега растут деревья (возраст 100–150 лет), создавая красивые группы. Два дуба, растущие перед главным домом, отнесены к историческим деревьям. Восточный дуб находится в удовлетворительном состоянии. Тем не менее было проведено лечение дупел, кронирование и обрезка сухих ветвей. Западный дуб находится в неудовлетворительном состоянии – живые только две ветви, ствол был обломлен на уровне второго этажа. Было принято решение временно дуб у западного флигеля сохранить, для чего было обработано дупло, а верхушка срезана и зашита металлом. Самосев лиственных пород на участке убран.

Участок Большого пруда (№ 2)

Участок Большого пруда расположен южнее усадебного дома и ограничен: с севера – прудами, с востока – главной входной дорогой, с юга – поселковой дорогой, с запада – липовой аллеей. На участке отсутствуют постройки. В этой части исторического парка великолепно сочетаются группы старинных деревьев, имеются молодые посадки дуба черешчатого. Много хвойных деревьев, в основном ель колючая.

Мосты, ранее существовавшие, на сегодняшний день отсутствуют. Археологические исследования, проводившиеся в 1982 г. с целью выявления остатков конструкций мостов, не увенчались успехом. Имеются иконографические материалы внешнего вида мостов.

Участок Поваренного ручья (№ 3)

Участок ограничен основной прогулочной дорогой с севера, рекой Пяльей с востока, проезжей автодорогой с юга и дорогой к усадебному дому с запада. Участок имеет значительный уклон к Поваренному ручью. Сам ручей в летнее время почти не существует, а русло представляет собой пониженный, очень увлажненный участок. В остальное время года ширина русла может составлять до 2 м. Уклон значительный и начинается от дороги к Поваренному ручью. Исторически участок интересен существовавшей здесь каменной беседкой, построенной по проекту Христиана Мейера, и видовой площадкой на водопад, который располагался рядом с каменным мостом. Для восстановления видовой площадки необходимо берегоукрепление. На ее месте сохранились посаженные полукругом липы. Каменный одноарочный мост сохранился, но находится в аварийном состоянии из-за постоянной нагрузки от автомобильного транспорта. В настоящий момент

движение по дороге и мосту закрыто. Из исторических насаждений кроме дубов сохранились кустовые липы, возрастом 150–200 лет, участок сильно зарос сорными деревьями, угнетающими ценный исторический древостой. Кустарники – дерен, ольха. В настоящий момент проведена полная расчистка от малоценной лиственной поросли самосевного происхождения.

Участок Зеленой мызы (№ 4)

Расположен в севере восточной части территории, ограничен с востока рекой Пяльей с севера рекой Тосной и проезжей дорогой с юга и запада. В настоящее время этот участок представляет собой ровное пространство, покрытое луговой травой. Рельеф имеет уклон в сторону реки Тосна и реки Пяля. Берега рек крутые. Постройки Зеленой мызы отсутствуют, но имеются небольшие возвышения, поросшее травой, на месте остатков фундаментов мызы. Археологические исследования, проведенные в 1982 г., показали остатки фундаментов и мостовой.

Вдоль берега реки Тосна проходит тропинка, которая в прошлом представляла собой прогулочную дорогу, вымощенную красным кирпичом. На сегодняшний день она имеет покрытие из бетонных плит.

К северу на берегу реки Пяля сохранился грот-колодец. Вся декоративная часть (маскароны и туфовая отделка) утрачена, но грот до настоящего времени использовался как источник родниковой воды. Грот предполагается восстановить.

Зеленые насаждения участка представлены в основном березами и липами. Сохранились липы, возраст которых достигает 200 лет. Кустарники – ольха, спирея, бузина, ирга, кустарниковые ивы. Большая часть малоценных лиственных пород убрана в процессе расчистки территории.

Участок Романтического парка (№ 5)

С востока ограничен липовой аллеей, с севера – главной дорогой и территорией школы, с запада и юга проезжими дорогами. Участок имеет довольно ровный рельеф с понижением к руслу Поваренного ручья. Северный берег более крутой, южный – более пологий. Постройки на участке отсутствуют.

Насаждения представлены старовозрастными липами и березами, молодыми деревьями дуба, липы, ели, единично встречаются старые деревья ивы белой. Имеется значительное количество пихты самосевного происхождения. Малоценные породы представлены ольхой, ивами. Кустарники – спирея, дерен, ирга, жостер, единично жимолость, карагана кустарниковая. Вдоль проезжей дороги рядовые посадки жостера, боярышника, караганы желтой, единично ели, березы.

Данный участок к моменту начала работ был наиболее заросшим, т.к. в этой части парка уход за последние 25–30 лет не проводился. Поэтому са-

нитарные рубки в данной части парка планировались в два этапа: в 2008 г. и в 2009 г.

Участок церкви Святой Троицы (№ 6)

На настоящее время эта территория юридически усадебному парку не принадлежит. Предполагается присоединение данного участка к парку. В начале XX века на этой территории кроме церкви Святой Троицы стояла часовня и было кладбище, которое существовало еще до 1960-х гг. В настоящее время на территории бывшего кладбища перед церковью открытое луговое пространство.

Рельеф данной территории примерно в середине участка имеет перепад 5–7 м. Уклон рельефа на север – в сторону реки Тосна. В районе существующего жилого дома – крутой откос также к реке. Откос занят огородами, принадлежащим жителям дома. Из построек на данном участке имеются: исторические – церковь Святой Троицы в псевдоготическом стиле; неисторические – 2-этажный жилой дом, гаражи, теплицы, деревянная беседка, школа. Основные дороги имеют асфальтовое покрытие.

Озеленение участка выражено древесно-кустарниковыми посадками по периферии участка, газоном. Большую часть участка занимает газон из луговых трав. Школа находится в зоне исторической застройки, ранее на месте школы существовали оранжереи, в которых выращивали тропические фрукты.

Следует также отметить ряд других проблем. С видовой площадки у западного крыльца дворца открывается вид на Большой пруд, на заднем плане которого фоном для исторического каменного моста служит труба ТЭЦ. Было предложено несколько вариантов размещения посадок для того, чтобы прикрыть такой урбанистический «акцент». Кроме того вдоль южной границы парка и вдоль липовой аллеи проложена наземная теплотрасса. Черные, большого диаметра трубы существенно портят облик парадной части парка. Предлагается задекорировать их посадками кустарников.

К проблемам парка надо отнести и состояние старовозрастных деревьев. Большая часть лип поражена сердцевинной гнилью. В парке присутствуют грибные заболевания, повреждения энтомофитными вредителями. На некоторых участках в прошлом прошли низовые пожары, поэтому часть деревьев с ожогами коры нуждается в дополнительном наблюдении. В парке проведены санитарные рубки, прочистки, осветление. Порубочные остатки частично вывезены, частично сожжены. Выполнено прокашивание территории. Произведена инвентаризация зеленых насаждений. В основном древесная растительность парка страдает в результате различных заболеваний, связанных с отсутствием необходимого ухода и изменением почвенных условий вследствие изменения гидрологического режима (па-

дение уровня грунтовых вод, в связи с тем, что пруды не заполняются водой, плотина разрушена и нет подпора воды).

Марьинский парк создавался как пейзажный и был насыщен малыми архитектурными формами. На сегодняшний день сохранился каменный однопролетный мост и грот-колодец. Сохранился рисунок основных дорог. Не дошли до нас парковые беседки, павильоны, тем не менее уцелевшие отдельные элементы садово-парковой композиции позволяют с уверенностью говорить о возможности воссоздания пейзажного парка и сохранения его как памятника садово-паркового искусства.

Е.В. Цветкова

Усадебный парк Щелькова: исторический обзор

Усадьба Щельково известна как место, тесно связанное с именем великого русского драматурга А.Н. Островского. В настоящее время – это Федеральное государственное учреждение культуры «Государственный мемориальный и природный музей-заповедник А.Н. Островского «Щельково».

Трудно переоценить значение, которое имело Щельково в жизни и творчестве Островского: оно было местом отдыха, работы, источником вдохновения, кладезем неисчерпаемого фактического материала для его многочисленных пьес.

В имение Александр Николаевич приезжал на протяжении 38 лет сначала как гость своего отца, затем мачехи, а с 1868 г. как полноправный владелец усадьбы. В Щелькове он много и успешно работал, создавая шедевры драматического искусства: пьесы «Волки и овцы», «Бесприданница», «Таланты и поклонники», «На всякого мудреца довольно простоты», «Поздняя любовь», «Лес» и многие другие. Красота природы Щелькова являлась для Островского чудесным стимулом творческих раздумий, обостряла его чувства и мысли. Именно живописная природа этих мест навеяла писателю замысел поэтического произведения «Снегурочка».

Александр Николаевич искренне считал, что «если бы этот уезд был подле Москвы или Петербурга, он бы давно превратился в бесконечный парк, его бы сравнивали с лучшими местами Швейцарии и Италии...»¹ Приезда в усадьбу драматург всегда ожидал с нетерпением. С ранней весны до поздней осени Александр Николаевич жил со своей семьей в Щелькове, где «каждый пригорочек, каждая сосна, каждый изгиб реки – очаровательны»².

Музей-заповедник расположен в Островском районе Костромской области на левобережной террасе Волги, недалеко от города Кинешма. Территорию усадьбы пересекают глубокие овраги, служащие водосбором для паводковых вод. По направлению основных водосборов располагаются пруды, имеющие не только утилитарное, но и декоративное значение. Через имение протекают три речки: Кукеша, Мера и Сендега.

¹ Островский А.Н. Полн. собр. соч. в 12 т. / Под общей ред. Г.И. Владыкина, И.В. Ильинского, В.Я. Лакшина и др., М. 1979. Т. 10. С. 360.

² Там же. С. 359.

Ландшафтная ценность территорий заповедника определяется своеобразными рельефами местности: верхние участки рельефа создают прекрасные видовые точки на исконно русские пейзажи. Именно рельеф местности во многом определил характер планировочного решения территории щельиковского имения. Усадебные дома со службами и хозяйственными постройками располагались на возвышенной части. Территория по склонам была использована под парк.

В настоящее время площадь заповедника состоит из четырех разрозненных участков общей площадью 240 га: основная часть с двумя усадьбами и парком, ансамбль села Николо-Бережки, территория урочищ Порботное и Ивановское. Природная ценность заповедника заключается в сохранности на его территории участков старовозрастного хвойного и хвойно-широколиственного леса со структурой растительности, приближенной к естественной. В усадьбе сохранилась часть парка мемориального значения.

Историей усадьбы Щельиково, жизни его владельцев в разное время занимались многие исследователи: Мария Михайловна Шателен – внучка драматурга, Виктор Николаевич Бочков, работавший заместителем директора музея-заповедника, Александр Александрович Григоров – известный костромской краевед, Александр Иванович Ревякин – исследователь жизни и творчества драматурга, сотрудники ВО «Леспроект» под руководством Валентины Александровны Агальцовой, занимавшиеся разработкой проекта организации и ведения лесопаркового хозяйства на территории музея-заповедника и другие.

Щельиково – усадьба, имеющая богатую историю. Наш край «до середины XVI века был малонаселенным. Хозяйственное освоение этих мест началось только к концу XVI века. После «смутного времени» по Сендеге и ее притокам одна за другой возникли усадьбы Балакиревых, Полозовых, Ляпуновых, Яковлевых, Ратьковых и других»³. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют выделить в развитии усадьбы «Щельиково» несколько этапов. Первый этап, так называемый кутузовский период, – время закладки и формирования усадьбы. «В 1620 году боярин Иван Кутузов был пожалован поместьем в Костромском крае. От него и пошла костромская ветвь рода Кутузовых»⁴. Сельцо Щельиково впервые упоминается в архивных документах в 1719 г. как «владение Федора Михайловича Кутузова (первого), офицера лейб-гвардии Преображенского полка»⁵. «По ревизской скаске» 1762 г. Щельиковом владеет его сын – Иван Федорович. Он умер бездетным, и имение перешло к племяннику – Федору Михайло-

³ Проект зон охраны Государственного музея-заповедника А.Н. Островского «Щельиково». Кострома: ЭНПО Костромагражданпроект. 1988. С.9.

⁴ Там же.

⁵ Щельиковский сборник: Материалы и сообщения по фондам Государственного музея-заповедника А.Н. Островского. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд. 1972. С. 5.

вичу Кутузову»⁶ (второму). Именно в это время в Щелькове начинает формироваться барская усадьба, типичная для периода расцвета дворянской культуры. Федор Михайлович вышел в отставку в чине генерал-майора, вернулся в свою усадьбу, стал губернским предводителем дворянства. В то время он ведет активное строительство. Храм Святителя Николая, построенный им в 1792 г., сохранился до наших дней. В настоящее время храм находится в совместном пользовании музея-заповедника и Костромской епархии.

Во время центра усадьбы был смещен несколько к западу, где на склоне между двумя оврагами и стоял «господский каменный дом с колоннами»⁷. На этой площадке сейчас находится двухэтажная беседка. Невдалеке были «конюшни, псарня, скотный двор, так же из камня»⁸. М.М. Шателен в своей работе «Прошлое и настоящее Щелькова» пишет: «Во второй половине XVIII века Щельково представляло собой богатую усадьбу знатного вельможи, <...> об этом свидетельствуют обнаруженные в разных местах усадьбы остатки кирпичных фундаментов старинной кладки»⁹.

В композиционном отношении место, выбранное для строительства первого усадебного дома, было эффектным. Дом, «вероятно, имел черты крепости или замка, окруженного с трех сторон глубокими оврагами. В те времена местность была открытой, и дом красовался на всю округу»¹⁰. Предположительно по оси дома располагалась большая лестница, спускавшаяся к нижней площадке склона. Ниже по склону был разбит парк. Единственное, что сохранилось с тех времен, – это так называемая «нижняя дорожка», которая, согласно исследованиям «Леспроекта», имела грунтово-улучшенное покрытие и вела, вероятно, к усадебному дому. На террасе южного склона, «примыкающего к нижней дорожке, был разбит сад с элементами регулярной планировки, он уступами спускался к большому пойменному лугу»¹¹. Сотрудниками «Леспроекта» обнаружены площадки округлой формы, выложенные кирпичным боем и расположенные в шахматном порядке. Предполагается, что на них росли яблони. С востока и запада сад огибали грунтовые и гравийные дорожки. В рельефе до настоящего времени читаются искусственные террасы. М.М. Шателен в своих исследованиях ссылается на воспоминания старожилов о том, что здесь в XVIII веке располагались «парковые павильоны, гроты и т.п.»¹². При зондаже исторической планировки в 1986 г. обнаружены остатки фундаментов

⁶ Цит. по: Проект зон охраны... С.10.

⁷ Проект организации и ведения хозяйства на территории Государственного музея-заповедника А.Н. Островского «Щельково». Всесоюзное объединение «Леспроект». 1987. С. 135.

⁸ Шателен М.М. Прошлое и настоящее Щелькова. Машинопись. Музей-заповедник «Щельково». Ф.1. Оп.1. Д. 879. Л. 6.

⁹ Там же. С. 5-6.

¹⁰ Проект организации и ведения хозяйства... С. 136.

¹¹ Там же.

¹² Шателен М.М. Прошлое и настоящее Щелькова... С.6.

парковых сооружений. Сведений о том, как они выглядели, не сохранилось.

Каменный усадебный дом просуществовал недолго. В 70-е гг. XVIII века в усадьбе произошел пожар. В.Н. Бочков в книге «Заповедная сторона» пишет: «На месте пожарища рачительный Кутузов, не желая оставлять развалины и учитывая, что отсюда открывается красивый вид, возвел внушительное парковое сооружение, использовав пригодный кирпич. Однако ко времени появления в усадьбе Островского этого паркового сооружения уже не было, уцелели лишь руины»¹³.

Сотрудниками «Леспроекта» при обследовании в 1972 г. был фрагментарно обнаружен фундамент большого паркового павильона: «Можно полагать, что это были два квадратных в плане здания, соединенных галереей с двумя декоративными беседками в виде двух десятиколонных ротонд. Диаметры колонн у основания не были одинаковыми и равнялись 60 и 75 см, причем колонны чередовались между собой»¹⁴. И сейчас в том месте хорошо видны две ямы, сохранившиеся от усадебных строений этого периода, в склонах которых можно обнаружить фрагменты старинной кладки.

При Ф.М. Кутузове (втором) на месте ныне существующего строится деревянный усадебный дом (илл. 29). Этот факт подтвержден в примечаниях к генеральному плану 1777 г. – «дом господский деревянный».¹⁵ Выбор места для этого дома можно считать удачным: удобный подъезд с северной стороны, а с южной – крутой склон и прекрасный вид на окрестности, так как в те времена преобладали еще открытые ландшафты. Согласно генеральному плану межевания земель 1777 г. в Щелькове и окружающих его землях значится 823 десятины 907 сажен. В экономических примечаниях к плану межевания сказано: «Сельцо на суходоле, <...> деревни Лобаново, Субботино, Василево <...> и по обе стороны от столбовой дороги, лежащей из города Кинешмы в город Кадый»¹⁶. Позднее Федор Михайлович территориально значительно увеличивает имение (более 1000 десятин), присоединяя имение брата, Алексея Михайловича Кутузова¹⁷, которое тот продает, уезжая за границу.

Ссылаясь на изыскания «Леспроекта», а также на воспоминания старожилов Щелькова, собранных М.М. Шателен, можно предположить, что в конце XVIII – начале XIX века у деревянного усадебного дома возводятся хозяйственные постройки: флигель, баня, беседка-павильон внизу южного склона, а за ней – оранжерея.

По южному склону формировалась регулярная часть парка. По мнению специалистов «Леспроекта», вероятно, тогда же появляется и камен-

¹³ Бочков В.Н. Заповедная сторона. Ярославль, 1988. С.5.

¹⁴ Цит. по: Щельковские чтения. А.Н. Островский и современная культура. Кострома, 2000. С.69.

¹⁵ Проект организации и ведения хозяйства... С. 135.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Алексей Михайлович Кутузов – сотрудник Н.И. Новикова, близкий друг А.Н. Радищева. Именно ему Радищев посвятил знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву».

ная лестница, которая представляла собой ось симметрии. Далее эта часть парка переходит в ландшафтную, где уже тогда были пруды.

Со смертью Ф.М. Кутузова (второго) в 1801 г. активный период в жизни усадьбы заканчивается. Имение наследуют дочери. В 1831 г. владельцем Щелькова становится сын одной из них, Александр Егорович Сипягин. Кутузовы, не жалея сил, служили отечеству. Потомки их такого рвения не обнаруживали. Сипягин имел чин губернского секретаря, за злоупотребления по службе и мошенничество был судим, лишен дворянства и приговорен к ссылке в Сибирь. Разорение усадеб тогда уже было не редкостью, что и произошло со щельковским имением. Территория без должного ухода начинает зарастать лесом, что совпадает с периодом упадка усадьбы. Имение было заложено в Московском опекуновском совете и в 1847 г. продано с торгов Николаю Федоровичу Островскому.

Таким образом, на примере Щелькова, мы видим характерное для того времени явление: «во второй половине XIX века происходит смена владельца, и даже смена типа владельца: <...> потомки знатной дворянской фамилии теряют имение. А приобретает его Николай Федорович Островский, происходивший из духовного сословия, получивший дворянство, дослужившись до чина надворного советника, человек образованный, деятельный, практичный»¹⁸.

При покупке Н.Ф. Островским имение было довольно большим. «Общая площадь имения с входящими в него деревнями, пашнями и пустошами равнялась 1318 десятинам»¹⁹. Досталось оно семье Островских в сильно запущенном виде, но за короткий срок стараниями Николая Федоровича было приведено в должный вид. В 1850-1851 гг. отец драматурга произвел в доме ремонт, возвел навес над южной верандой, заложив полуциркульный выступ над итальянским окном-дверью гостиной. В результате постройки получилась трапециевидная терраса, удобная для отдыха в любую погоду: для чаепития, дружеских бесед с гостями, а иногда, в жаркие дни, и для творческой работы драматурга. Терраса связала пространство дома с парком. Владельцы усадьбы строго следили, чтобы панорама, открывающаяся с террасы, не закрывалась зелеными насаждениями: просеки прощались, липы на склоне перед домом регулярно подстригались.

А.Н. Островский впервые посетил Щельково в 1848 г. Это посещение знаменует собой начало нового этапа, связанного с мемориальным периодом.

Щельково пленило Островского в первое же посещение усадьбы и сыграло важную роль в его дальнейшей судьбе и творчестве. Прожив в Щелькове всего три дня, он записал в своем дневнике: «Я начинаю чувствовать деревню. У нас зацвела черемуха, которой очень много подле

¹⁸ Тугарина Н.С. «Вот мне приют...» // Щельковские чтения. А.Н. Островский и современная культура. Кострома, 2000. С. 69.

¹⁹ Проект организации и ведения хозяйства... С. 142.

дома, и восхитительный запах ее как-то короче знакомит меня с природой... Я по несколько часов упиваюсь благоуханным воздухом сада. И тогда мне природа делается понятней, все мельчайшие подробности, которых бы прежде не заметил или счел бы лишними, теперь оживляются и просят воспроизведения»²⁰. Впечатления первого знакомства с этим местом с годами не изгладились из памяти драматурга. Первая влюбленность укрепилась и переросла в глубокое постоянное чувство. Сюда до конца дней своих с надеждой и верой в целительное и вдохновляющее влияние «миллого Щелькова» стремился Александр Николаевич. Здесь ему работалось и отдыхалось лучше, чем в любом другом месте.

Щельковское имение занимало территорию, ограниченную с юга поймой реки Куекши, с востока – подъездной дорогой, с севера – объездной дорогой, с запада – большим оврагом у деревни Лодыгино. Усадьба на этот период включала: двор, сад, огород, нижний парк, верхний парк «Овражки», луг, участок Гостевого дома.

Красный двор располагался с севера от усадебного дома. Там находились основные строения, сохранившиеся еще со времен Кутузовых – флигель с мезонином, где размещались кухня и прачечная, избы дворовых крестьян, скотный двор.

При отце драматурга на территории двора появляются рядовые посадки березы. Перед фасадом дома располагался палисадник, окруженный живой изгородью из желтой акации. В палисаднике росли «8 пихт и 1 ель. Пихты образовывали круг, а в центре этого круга росла ель»²¹. Других подтверждений факта, что при отце драматурга здесь росли пихты, нет. Согласно исследованиям «Леспроекта», «пихты, сохранившиеся до 1975 г., имели возраст около 90 лет, т.е. были посажены в 1885-1890-х годах. Были ли они высажены на месте утраченных деревьев – неизвестно»²². В настоящее время перед мемориальным домом-музеем А.Н. Островского растет ель, окруженная 10 пихтами. Эти деревья были посажены в 1977 г. взамен удаленных по санитарному состоянию в 1975 г.

В 1868 г. Александр и Михаил Островские выкупают у мачехи имение, становясь совладельцами усадьбы. С этого времени Щельково служило Островскому местом постоянного летнего пребывания. Драматург интересовался ведением хозяйства, вникал во все детали.

По его распоряжению ремонтировались старые и строились новые служебные помещения, удобрялась земля, покупались в Москве лучшие сорта семян пшеницы. Например, в записках работ и расходов по Щелькову, хранящихся в архиве рукописного отдела музея им. А.А. Бахрушина, упоминаются американский овес и американский лен²³, а в счете семенно-

²⁰ Островский А.Н. Полн. собр. соч. в 12 тт. Т. 10. С. 359.

²¹ Шателен М.М. Прошлое и настоящее Щелькова. С.8.

²² ВО «Леспроект» от 16 сентября 1971г. «О состоянии деревьев пихтового круга перед домом-музеем А.Н. Островского».

²³ ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, фонд А.Н. Островского, № 200 инв. № 3506.

го Депо господину Островскому перечисляются: клевер красный, пшеница озимая, тимофеевка, полба, семена огородные и горох полевой белый крупный²⁴. Приобретались нужные машины, улучшалась порода скота, рядом с мельницей строилась маслобойня, библиотека пополнялась литературой по сельскому хозяйству. Активно велось строительство: в начале 70-х годов по проекту архитектора Елагина построен дом для брата, Михаила Николаевича, так называемый Гостевой флигель. Тогда же в парке строятся деревянные беседки, мостики. На южном склоне к реке Куюкше, вблизи усадебного дома, был заложен новый фруктовый сад с яблонями, вишнями, сливами. Для посадки деревьев были устроены небольшие террасы. Однако выращивание плодовых деревьев, особенно косточковых, в открытом грунте в условиях Костромской области требовало больших затрат и специальных районированных сортов. Вероятно, эти условия не соблюдались, и сад находился в запущенном виде. К сожалению, заложенный Александром Николаевичем в 1872 г. фруктовый сад вымерз в одну из холодных зим. По воспоминаниям М.М. Шателен, садом называли территорию, непосредственно примыкающую к усадебному дому с восточной, южной и западной сторон. Известно, что уже при Н.Ф. Островском под окнами дома размещались цветники, а край откоса был оформлен кустарниками. Такое оформление территории сохранялось и в 70-80-е гг. XIX века.

Драматург всегда был неравнодушен к цветам. Несмотря на наличие садовника Александр Николаевич сам уделял много внимания цветочным насаждениям. На клумбах вдоль фасадов дома росли табак, флоксы, петунии, много резеды, душистый горошек, портулак, настурции. Против южной террасы дома лестница спускается вниз, к нижней площадке, где располагался парковый павильон (позднее – беседка), а за ней – «кирпичная оранжерея, оставшаяся еще от Кутузовых. В ней, по словам сестры драматурга, Надежды Николаевны, у их отца росли абрикосы и даже персики»²⁵. Однако уже к 1870-м годам оранжерея обветшала и была разобрана. Начало лестницы с каждой стороны украшали цветочные вазы с настурциями. Справа и слева от лестницы располагались беседки в виде буквы «П», обсаженные желтой акацией и хмелем, внутри них находились скамейки. Учитывая большое внимание, которое Александр Николаевич уделял цветам, можно предположить, что ассортимент и сочетания цветов на клумбах неоднократно менялись. Например, наряду с другими цветами в Щелькове культивировались махровые георгины. Но в 1884 г. драматург решил поменять их. Своей жене, Марии Васильевне, он писал: «Вместо георгин посею в это лето новые георгины – не махровые, но кустовые, очень декоративные»²⁶. Через 3 дня он указывает и источник добывания этих георгин: «Сейчас у меня был знаменитый Регель, он тебе вышлет земляники

²⁴ Там же. Инв. № 3510.

²⁵ Шателен М.М. Прошлое и настоящее Щелькова. С.9.

²⁶ Островский А.Н. Полн. собр. соч. в 12 тт. Т. 12. С. 237.

и клубники целые сотни кустов, 8 кустов крыжовника, 12 лучших георгинов»²⁷. 30 марта георгины вместе с крупноплодной земляникой совершенно бес­ платно, из уважения к драматургу, были высланы Регелем из Петербурга и 3 апреля получены в Кинешме.

За последние годы у мемориального дома силами сотрудников музея высажены с учетом имеющихся исторических сведений кусты чубушника, сирени, шиповника, живая изгородь из акации. Восстановлены цветники и рабатки перед южным фасадом. С западной стороны дома высажены куртины пионов, у южного балкона – девичий виноград, а перед окнами кабинета драматурга – флоксы, лилии, летники. Ассортимент посадочно­ го материала соответствует описанию усадьбы, составленному внучкой Островского: ирисы, георгины, розы, настурции, петунии, душистый табак и душистый горошек, резеда, гелиотроп.

Предметом особого внимания и заботы Александра Николаевича являлся огород, расположенный к северо-западу от усадебного дома, на территории между скотным двором и оврагом. В центре огорода была не­ большая теплица. В ней выращивали ранние огурцы, помидоры, различ­ ные сорта редиса и салатов. Время ее появления в усадьбе пока остается неизвестным. Однако, по утверждениям М.М. Шателен, теплица существо­ вала еще при Н.Ф. Островском. При зондаже сотрудникам «Леспроекта» в 1986 г. удалось обнаружить фундамент из кирпичной кладки и большое количество горшечного и оконного боя. Территорию к северу от теплицы занимали гряды. Это хорошо видно на плане, составленном сыном управ­ ляющего именем, Н.Н. Любимовым. Парники размещались к югу от те­ плицы. Сильно оплывшие ямы от парников прослеживаются до настоящего времени.

Садовник Феофан Сметанин, многие годы работавший в усадьбе, был большим мастером огородного хозяйства. Помимо обычных овощей он выращивал всевозможные сорта капусты (цветную, брюссельскую, савой­ скую и пр.), горошек, стручковую фасоль, артишоки, спаржу, всевозмож­ ные душистые травы, до десяти сортов салата и даже декоративные тыквы. В парниках вызревали арбузы и дыни, чем Александр Николаевич очень гордился. Юго-западную часть огорода занимал ягодник. Здесь в изобилии росли всевозможные сорта клубники, малины, смородины, крыжовника.

Во времена А.Н. Островского украшением усадебного парка были разнообразные перспективы и виды, открывающиеся на окрестные дере­ вни, леса и луга. Согласно исследованиям «Леспроекта», возрастной анализ деревьев на территории усадебного парка показывает, что первыми здесь появились сосна и береза. Это, в свою очередь, подтверждает предполо­ жение о том, что территория усадьбы прежде была открытой, так как сосна и береза – светлюбивые породы и поселяются только на открытых местах. Сад вокруг дома и парк содержались в большой чистоте. Каждую весну

²⁷ Там же. С. 240.

расчищались дорожки, закапывались прошлогодние листья. Нижним парком в семье Островских называли территорию к югу от усадебного дома. Напротив лестницы в нижнем парке, на месте утраченного каменного павильона, была построена беседка. Александр Николаевич «после купания или катания на лодке, иногда после рыбной ловли, <...> частенько отдыхал в этой беседке перед утомительным для его сердца подъемом по каменной лестнице к дому»²⁸.

Основу планировочного решения Нижнего парка составляли аллеи и рядовые посадки. В настоящее время очень трудно сказать, какие именно из этих аллей были посажены отцом драматурга, а какие – самим Александром Николаевичем. Документальных сведений об этом нет. Исследования «Леспроекта» подтверждают, что «липовая аллея на средней части склона появилась при Н.Ф. Островском. В 80-е гг. XIX века для сохранения обзора от усадебного дома липы приходилось уже стричь. На деревьях на высоте шести метров сохранились характерные следы стрижки. Судя по высоте стрижки, возраст лип при первой обрезке был не менее 20-25 лет»²⁹. М.М. Шателен в своих воспоминаниях пишет об этой аллее: «Нижний парк после перехода Щелькова во владение Александра и Михаила Николаевичей Островских претерпел мало изменений: те же аллеи, те же подстригаемые липы, позволяющие любоваться из дома чудесным видом...»³⁰. Заметную роль в насаждениях Нижнего парка играли кустарники: сирень, черемуха, желтая акация, бузина. Рядовые посадки сирени и акации оформляли южную и восточную границы нижнего парка.

К западу от усадебного дома располагался Верхний парк, или «Овражки», созданный на основе естественного лесного массива. К моменту приобретения Островским усадьбы эта территория находилась в запустении. Существовавшие здесь строения и планировочная структура XVIII века были уже утрачены. Крутой склон, пересеченный оврагами, начинает зарастать соснами, позже елью и березой. По воспоминаниям внучки драматурга, во времена Николая Федоровича это был первозданный лес, тянувшийся до реки. Место это братья Островские очень любили. Именно после перехода усадьбы во владение Александра Николаевича и Михаила Николаевича, начинается благоустройство этих поросших лесом оврагов. Получив название «Овражки», это место превратилось в парк: прокладываются грунтовые дорожки, в наиболее живописных местах устанавливаются скамьи, на крутых склонах устраиваются «дёрновые диваны». На краю откоса, на месте, где прежде располагался старый усадебный дом Кутузовых, строится двухэтажная беседка, прозванная детьми Александра Николаевича «Снегурочкиной», так как, по их словам, именно здесь Александр Николаевич

²⁸ Шателен М.М. Прошлое и настоящее Щелькова... С.18.

²⁹ Проект организации и ведения хозяйства... С. 148.

³⁰ Шателен М.М. Описание усадьбы-музея А.Н. Островского в 70-80-е годы XIX века по рассказам современников и личным воспоминаниям. Машинопись. 17 июля 1964. Копия. С. 17.

обдумывал свою весеннюю сказку. Отсюда открывался чудесный вид на поросший густым хвойным лесом правый берег реки Куекши и стоявшую за ним деревню Василево. Теперь деревья на склоне перед беседкой выросли и, к сожалению, закрыли перспективы.

К востоку от усадебного дома располагался Гостевой дом, построенный в 1870-е гг. для брата драматурга, Михаила Николаевича. К дому и службам подходили две дороги с покрытием из щебня. Согласно исследованиям сотрудников «Леспроекта», на площадке перед южным фасадом дома были высажены два остролистных клена и разбиты две цветочные клумбы в форме четырехконечной звезды. Большой интерес представляет собой акварель А.И. Садкевича (илл. 28), выполненная уже после смерти драматурга. На этой акварели изображен южный фасад Гостевого дома и цветники перед ним. С восточной стороны дома лично Михаилом Николаевичем в последней четверти XIX века была посажена небольшая липовая рощица. По утверждению М.М. Шателен, деревья подстригали шапками. Рощица сохранилась до настоящего времени. К северу от дома, на поляне, была площадка для игры в крокет. Позднее, уже в начале XX века, вдоль подъездной дороги к Гостевому дому по распоряжению старшей дочери драматурга была высажена еловая аллея, получившая название дуговой.

От Гостевого дома открывался прекрасный вид на заливной луг левого берега Куекши, пруды и мельницу с маслобойней. Один из прудов был с островком. Управляющий именем Н.Н. Любимов в своих воспоминаниях пишет: «На лугу был вырыт <...> пруд четырехугольной формы, размером 50×50 аршин. <...> Посреди пруда был остров круглый с посаженными на нем березами. Посреди острова <...> деревянная беседка с лавочками. На остров со стороны усадьбы был сделан узкий на сваях мосток <...>. В пруду было много напущенной рыбы: окунь, плотва, голавль и карась. Кругом пруда <...> посажено много деревьев ивы»³¹. Из пруда с островком была прорыта канава до другого пруда, имевшего, как пишет внучка драматурга, «вид лунного серпа и расположенного в непосредственной близости от реки»³². Этот пруд возник, вероятно, еще во времена Кутузовых. Первоначально от реки он был отделен дамбой. В середине XIX века этот пруд был уничтожен в сильное половодье промывом перемычки и превратился во вторую протоку Куекши. В настоящее время эта протока затянута.

В парке Овражки ниже и левее двухэтажной беседки был еще один небольшой искусственный пруд-садок, сохранившийся еще со времен Кутузовых. По сведениям Шателен, за этим прудом при А.Н. Островском производился постоянный уход, он регулярно расчищался, в нем водились крупные караси. В настоящее время от пруда осталось лишь небольшое по-

³¹ Описание разных воспоминаний из жизни А.Н. Островского по усадьбе Щельково. //Щельковский сборник: Материалы и сообщения по фондам Государственного музея-заповедника А.Н. Островского. Ярославль. Верхне-Волжское кн. изд. 1972г. С.41.

³² Шателен М.М. Прошлое и настоящее Щелькова... С.29.

росшее ряской «оконце». Помимо декоративной, пруды играли и важную гидрологическую роль, так как располагались они по направлению основных водотоков, к прудам были проложены мелиоративные каналы, по которым вода стекала из многочисленных источников на склоне луга.

Александр Николаевич гордился всем, что произрастало в Щелькове и что входило в состав его природных богатств. Он говорил, что «Костромская губерния одна из лучших губерний в России; несмотря на то, что она северная, хлеб и все остальное поспевают в свое время. Грозы бывают красивее, чем в Альпах...»³³. Друзья и родственники часто бывали гостями щельковской усадьбы. Занятия хозяев и гостей были традиционными: рыбная ловля и охота, сбор грибов и ягод, купание, выезды на чаепития с самоваром. Отдыхать здесь было хорошо: общение с приятными и интересными людьми, налаженный быт, возможность уединения.

Островский восторгался ярко выраженным национальным колоритом щельковской природы. В 1876 г. он пишет художнику М.О. Микешину: «Жалко, что ты не пейзажист, а то побывал бы у меня в деревне: подобного русского пейзажа едва ли где найдешь»³⁴. Любя природу, драматург возмущался и расстраивался, когда видел зря погубленную березку или варварски срезанную с нее кору. Александр Николаевич не позволял зря убивать даже ужей, заверяя, что в природе все целесообразно, а белки, обитавшие в парке, были совсем ручными, они спрыгивали с веток на террасу, чтобы получить угощение. По изустным преданиям, птиц в щельковской усадьбе не только охраняли, но и разводили. «Старики рассказывали, что жившие в окрестностях Щелькова дети не разоряли птичьих гнезд: «Гнезда – не трожь, Александр Николаевич обидится»³⁵.

Щельково оказывало на драматурга действие благотворное и целительное. Чистейший ароматный воздух, тишина, девственная природа, прогулки, купания успокаивали нервы, рассеивали тревоги и заботы. Под влиянием живительных сил природы драматург веселел, расцветал, и тон его писем, усталый и мрачный перед отъездом в Щельково, снова приобретал привычную для него живость и бодрость. Островский через всю жизнь пронес восторженную любовь к природе. Он всегда обладал удивительным даром ее тонкого чувствования и проникновенного понимания. «У нас действительно рай» – писал он своему старинному приятелю Н.А. Дубровскому³⁶.

После смерти драматурга в 1886 г. в развитии усадьбы наступает другой этап. Он характеризуется прежде всего большим объемом посадочных работ, которые во многом определили современный облик усадьбы. Александр Николаевич завещания не оставил. А в 1901 г. умер и М.Н. Остров-

³³ А.Н. Островский в воспоминаниях современников. / под общ. ред. В.В. Григоренко, С.А. Машина, С.И. Машинского и др. М.: «Худ. лит.». 1966. С. 373.

³⁴ Островский А.Н. Полн. собр. соч. в 12 тт. Т. 11. С. 517.

³⁵ Ревякин А.И. А.Н. Островский в Щелькове. / под ред. Н.С. Гродской. М.: 1978. С.61.

³⁶ Островский А.Н. Полн. собр. соч. в 12 тт. Т. 11. С. 397.

ский, брат драматурга и совладелец усадьбы. Михаил Николаевич был холостым и завещал свою часть имения старшей дочери Островских – Марии Александровне (по мужу Шателен). В 1902 г. был произведен раздел имения. Мария Александровна, отказавшись в пользу братьев от своей доли отцовского наследства, получила так называемый верхний парк, или Овражки. Территория старого усадебного дома и Гостевого дома отошла к другим наследникам.

Мария Александровна разобрала Гостевой флигель и начала активные строительные работы в западной части парка Овражки. По собственному проекту в 1902-1903 гг. она строит новый деревянный усадебный дом с голубыми резными наличниками, за что он впоследствии и получил название Голубого дома (илл. 30). Дом двухэтажный, с широким балконом вдоль южной и восточной сторон, а с северной – большим парадным крыльцом. Рядом строится кухня (так называемый «охотничий дом»). Эти постройки сохранились до настоящего времени.

Территория вокруг дома благоустраивается. В 1905-1908 гг. высаживается подъездная рябиновая аллея, проводятся посадки липовой аллеи и березового ряда. К востоку от Голубого дома на поляне появляются две купы пихт, лиственница, рядом с которой строится небольшая березовая беседка. В эти же годы производится посадка большой березовой аллеи вдоль всей северной ограды усадьбы, а параллельно ей высаживается еловая. В насаждениях по склону были сделаны так называемые «окна», через которые с балкона Голубого дома открывались дальние перспективы. Вокруг дома были разбиты красивые цветники. С северной стороны располагался великолепный розарий, а перед южным фасадом вдоль дорожек свободной конфигурации были устроены цветочные рабатки. Современная конфигурация цветников соответствует исторической. Голубой дом, или «новая усадьба» представляет собой редкий памятник усадебной культуры и садово-паркового искусства начала XX века. Мария Александровна в своей усадьбе старалась возродить тот же уклад жизни, который в свое время существовал при ее отце. «Дом всегда был полон народу, гостей созывали к обеду звоном колокола, <...> кормили диковинными овощами и салатами со своего огорода, возили на пикники, рыбную ловлю, в дальние леса за грибами, из гостиной по вечерам <...> раздавались музыка и пение...»³⁷.

В «старой усадьбе», по завещанию перешедшей к среднему сыну Островских – Сергею, жизнь была иной. Сергей Александрович старался ничего не менять, а только поддерживать то, что имелось. Он приезжал в Щельиково лишь во время своего отпуска, поэтому дом частенько пустовал. Уже тогда дом драматурга напоминал музей: «Комнаты были по-прежнему полны цветов, светлые, но в них стало тихо»³⁸. Сохранившиеся отчеты Н.Н. Любимова, управляющего имением в то время, свидетельствуют о за-

³⁷ Щельиковский сборник: Материалы и сообщения... С.10.

³⁸ Там же. С.11.

ботливом отношении к усадьбам. В хорошем состоянии поддерживались цветники, в парке регулярно прочищались дорожки. И Сергей и Мария Островские хранили память о своем знаменитом отце. Оба продолжали традиции усадебной жизни и семьи, но каждый по-своему.

Сложилось так, что Щельково имеет статус не только мемориального, но и природного музея-заповедника. Сотрудники музея стараются не только сохранить это наследие, но и донести до посетителя важность значения этого прекрасного уголка земли, который Островский называл «места обетованные».

Усадьба Щельково привлекательна своей богатой историей, она дает возможность изучить во всей последовательности особенности усадебной жизни, проследить влияние личности владельца на ее формирование.

Усадебный парк в Вязёмах: современное состояние и некоторые аспекты лесоводственно-экологического мониторинга

1. Краткая историческая справка

Дворцово-парковый ансамбль XVIII века с частично сохранившимся регулярным парком, а также пейзажный парк являются частью территории бывшего усадебного комплекса князей Голицыных в с. Большие Вязёмы, входящего в настоящее время в состав Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина.

Начало формирования архитектурно-паркового ансамбля в Больших Вязёмах относится к 1766 г., когда усадьба перешла к Н.М. Голицыну. Первым в 1771 г. был построен левый (южный) флигель, затем – в 1772 г. – правый (северный) и несколько позже – в 1784 г. – главный усадебный двухэтажный дом. Однако закладка регулярного липового парка, который расположился на обеих сторонах пруда, как свидетельствуют некоторые источники, можно отнести к более раннему периоду (рис.1).

Сохранившаяся часть регулярного парка, находящаяся с восточной стороны главного усадебного дома, является частью регулярного липового сада, формирование которого происходило, судя по возрасту сохранившихся деревьев, предположительно от середины XVIII до начала XIX века. В настоящее время эта часть парка, составляющая вместе с главным усадебным домом, флигелями и находящимся между ними цветочным партером дворцово-парковый ансамбль, входит в состав центральной зоны музея и занимает площадь примерно 2,3 га.

Пейзажный парк, состоящий из двух обособленных и различных по составу древесных пород участков, в основном сохранил к настоящему времени свое местоположение в исторических границах и также входит в состав центральной зоны музея.

Его западная часть, расположенная по склонам восточного берега пруда и по склонам оврага вдоль Можайского шоссе до ограды музея, представляет собой разновозрастные смешанные по составу насаждения, которые формировались в основном уже после создания дворцово-паркового ансамбля. Исходя из возраста наиболее старых деревьев, посадки производились со второй половины XVIII века и продолжались в течение всего времени существования усадьбы. В породном составе преобладают

лиственница, липа, сосна, вяз. Площадь, занятая растительностью, составляет в этой части пейзажного парка около 1,2 га.

Восточная часть пейзажного парка расположена за въездной дорогой также по склонам оврага, утратившего свои очертания в восточной части участка. С севера данный участок примыкает к Можайскому шоссе, с юга и запада ограничен дорогами с твердым покрытием, а с востока его граница

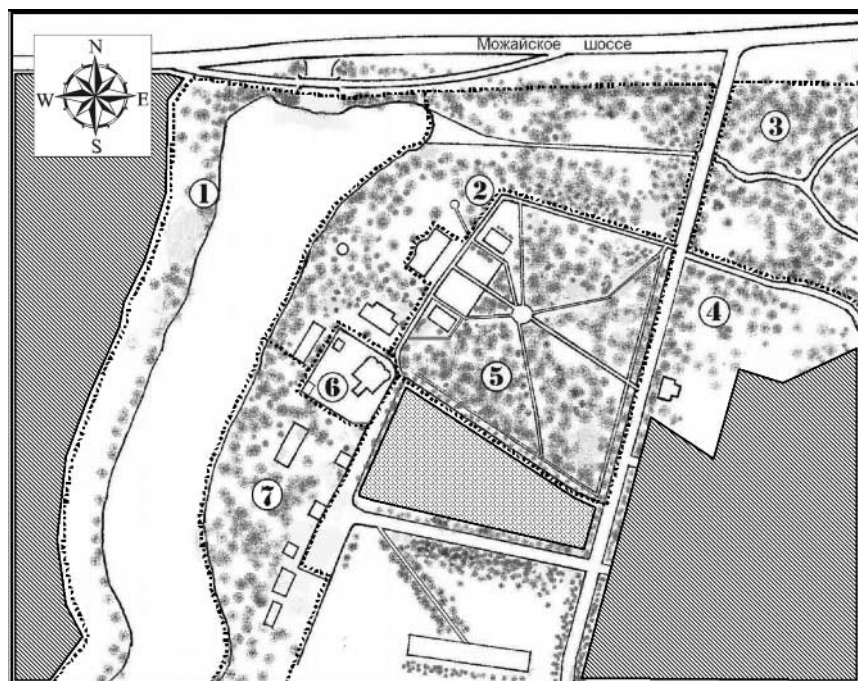

Рис. 1 Схема расположения участков пейзажного и регулярного парков и прилегающих к ним территорий, входящих в исторические границы усадьбы Вязёмы (рис. автора)

- 1 – левобережная часть усадьбы с остатками регулярного сада и пруд
- 2 – восточная часть пейзажного парка
- 3 – западная часть пейзажного парка
- 4 – территория бывшей «Поповки» с сохранившейся древесной растительностью исторического возраста
- 5 - дворцово-парковый ансамбль XVIII века с регулярным парком
- 6 - церковь Преображения и звонница, XVI век
- 7 - административно-хозяйственный комплекс музея-заповедника

 современная жилая застройка (границы показаны условно)

 спортивный комплекс

проходит по расположенному на дне старого оврага ручью. Насаждение представляет собой смешанные по составу лесные культуры с доминированием сосны. Посадки производились в основном рядами 2×2 м в конце XIX – начале XX века. Занятая насаждениями площадь составляет 1,1 га.

Территория так называемой «Поповки», не входящая в настоящее время в центральную зону музея и не относящаяся к пейзажному и регулярному паркам, но находящаяся в зоне памятника, отделена на западе и севере соответственно от регулярного и пейзажного парков транспортными путями и проездами, а в восточной и южной части непосредственно примыкает к современной жилой застройке. На этом изолированном участке, расположенном тем не менее в пределах исторических границ бывшей усадьбы и являющемся когда-то восточной границей регулярного парка, сохранились еще остатки древесной растительности, имеющей историческое значение. Расположены они главным образом в северной части участка в районе находящихся некогда на этом месте различных дворовых построек, в т. ч. дома управляющего, а также сохранившегося дома священника. Насаждениями здесь занято 0,13 га.

В исторических границах бывшей усадьбы Вязёмы находится также левобережная часть пруда с остатками регулярного липового сада в виде единичных деревьев и сохранившихся отрезков рядов в верхней части западного (левого) берега пруда, посадка которых производилась во второй половине XVIII – начале XX века. В настоящее время большая часть этой территории занята комплексом современной застройки различного назначения. К зоне музея относится только узкая полоса берега шириной 30 м вдоль уреза воды с частью бывшего «государевого» пруда и группами растительности.

Поскольку со времени осуществления работ по инвентаризации насаждений усадьбы Вязёмы, проводившихся в рамках лесостроительного проекта (1990 г.) [1], подеревный перечет больше не осуществлялся, точных статистических сведений по породно-возрастной структуре парковых насаждений в настоящий период не имеется. Произошедшие за последние 18 лет изменения, в том числе выпад определенной части деревьев и естественное старение насаждений, хотя и не отразились заметно на породном составе древесной растительности, но не могли не сказаться на распределении деревьев внутри возрастных групп. Кроме того, современные границы территории музея-заповедника также претерпели некоторые изменения и не совпадают с историческими границами бывшей усадьбы. Поэтому в приводимые ниже цифры, касающиеся различных процентных соотношений некоторых возрастных групп, необходимо вносить определенные поправки.

Приведенный в статье анализ современного состояния насаждений в парках усадьбы Вязёмы выполнен с учетом имеющейся проектной документации прошлых лет, включающей ведомости инвентаризации насаж-

дений и ландшафтной планировки с соответствующим картографическим материалом и схему функционального зонирования, а также результатов собственного лесопатологического обследования и наблюдений с фотофиксацией насаждений парков и других прилегающих к ним территорий в исторических границах бывшей усадьбы, проведенных автором в период с мая 2006 г. по сентябрь 2008 г. Указанный в тексте возраст сохранившихся деревьев, естественно, скорректирован на сегодняшний период времени.

2. Породно-возрастной состав и современное состояние насаждений на различных участках регулярного и пейзажного парков

Породный состав древесной растительности парков, представленной главным образом насаждениями искусственного происхождения, достаточно разнообразен. Из 29 выявленных в результате инвентаризации (1990 г.) на всей территории памятника древесных пород (в т. ч. 6 хвойных и 23 лиственных, включая плодовые), в пейзажном и регулярном парках произрастает в настоящее время 21 вид. В это число входят 6 видов, отмеченных и на остальной территории памятника, хвойных деревьев – сосна обыкновенная, ели колючая и обыкновенная, лиственница сибирская, пихта сибирская, туя западная, а также 15 лиственных пород – березы бородавчатая и пушистая, вяз гладкий, дуб черешчатый, ивы белая, козья и ломкая, клены остролистный и ясенелистный, липа мелколистная, тополя бальзамический и белый, черемухи обыкновенная и пенсильванская, ясень обыкновенный.

В состав насаждений парков усадьбы входят как представители местной флоры, как например сосна обыкновенная, ель обыкновенная, береза бородавчатая, липа мелколистная, так и интродуценты – лиственница сибирская, пихта сибирская, туя западная, тополь белый. В породном составе как по территории памятника в целом, так и по отдельным участкам преобладают лиственные породы. Возрастной состав насаждений также весьма разнообразен.

Около четверти от всего зарегистрированного на территории памятника количества деревьев, согласно данным последней инвентаризации, приходилось на долю деревьев, имеющих историческое значение (с возрастом более 80 лет), из которых около 7% составляли деревья, имеющие наибольшую историческую ценность (с возрастом 121–160 и более лет). Причем в основном это насаждения искусственного происхождения в регулярном и пейзажном парках.

В насаждениях регулярного и пейзажного парков на момент инвентаризации всего насчитывалось 1935 деревьев, из которых 865 деревьев – исторического возраста. Значительная часть деревьев исторического воз-

раста находится за пределами возраста естественной спелости, который под воздействием различных неблагоприятных внешних и внутренних факторов может снижаться. В частности, возраст естественной спелости лиственницы составляет 140 лет, сосны – 150–160 лет, березы – 100 лет, липы – 80–90 лет. Естественное старение насаждений сопровождается выпадением определенной части деревьев и перераспределением их количества внутри возрастных групп.

Видовой состав имеющих историческое значение древесных пород в регулярном и пейзажном парках усадьбы насчитывает в настоящее время 14 видов. Хвойные породы представлены сосной обыкновенной, елью обыкновенной, елью колючей (ед.), лиственницей сибирской, пихтой сибирской (ед.) и туей западной (ед.). В историческом фонде лиственных пород – липа мелколистная, береза бородавчатая, вяз гладкий, дуб черешчатый, тополь белый, тополь бальзамический, ясень обыкновенный и ива белая (ед.).

Видовой состав травянистых растений относится более чем к 30 семействам. К сожалению, в составе современного живого напочвенного покрова усадьбы отсутствуют красивоцветущие травянистые растения-интродуценты, характерные для многих усадебных парков XVIII-XIX веков. Их место заняли в большинстве своем обычные для нашего взора дикоросы лесов, лугов и полей. Но и среди них можно найти несколько нуждающихся в охране или даже входящих в Красную книгу Подмосковья видов таких, как ирис сибирский, чистяк весенний, ветреница лютичная, гусиный лук малый. Последние три вида относятся к группе так называемых эфемероидов (подснежников), вегетация которых начинается в почве еще задолго до схода снежного покрова, и являются украшением весеннего паркового ландшафта.

Регулярный парк (участок № 5 на схеме)

В настоящее время первоначальная планировка парка, представляющая собой расположение липовых аллей квадратно-диагональным способом, значительно утрачена.

На территории регулярного парка из более чем 450 зафиксированных деревьев, согласно ведомости инвентаризации насаждений, подавляющая часть имеет исторический возраст. Преобладающей древесной породой является липа мелколистная. Основным возрастом деревьев составляет ориентировочно 120-160 лет. Возраст отдельных наиболее старых сохранившихся в различных частях парка деревьев – всего около 25 деревьев – 200-240 лет. Одна из самых старых лип (240 лет) произрастает в рядовой посадке вдоль центральной аллеи парка около памятника А.С. Пушкину и находится в удовлетворительном состоянии. В юго-западной части регулярного парка до недавнего времени имелось два дерева вяза гладкого

возрастом около 240 лет. К сожалению, в прошлом году последнее из них перешло в категорию сухостоя. Рядом с южным флигелем, примыкающим к регулярному парку, сохранилось в удовлетворительном состоянии одно из старейших хвойных деревьев усадьбы – отдельно стоящая лиственница в возрасте около 190 лет.

Деревья, не имеющие исторического значения, представлены в регулярном парке находящимися во втором ярусе одиночно или в куртинах липой мелколистной, вязом гладким, березой бородавчатой, ивой козьей, дубом черешчатым (30-50 лет), а также черемухой обыкновенной (вдоль ограды с восточной его стороны). Три дерева дуба черешчатого среднего возраста в хорошем состоянии находятся в восточной и юго-восточной частях парка.

Подрост редкий, встречается под пологом насаждений и на открытых местах, в основном порослевого происхождения и представлен главным образом липой мелколистной. Кустарниковая растительность представлена в основном находящейся в подлеске бузиной красной естественного (био-генного) происхождения, встречающейся по всей территории регулярного парка рядом со стволами старых лип или отдельными небольшими куртинами, а также малиной. Подлесок из бузины в парке выполняет важную роль: кроме улучшения декоративных свойств насаждений способствует также повышению их устойчивости, накоплению мягкого гумуса, почвенного азота, а также привлечению насекомоядных птиц и поэтому подлежит сохранению. В обсадке внешней границы парка с восточной стороны используется акация желтая.

В северной части партера после его реконструкции сохранилось 5 деревьев ели колючей в возрасте 60 лет и одно дерево вяза гладкого (55 лет).

По типу лесорастительных условий сложившийся в регулярном парке музея-заповедника фитоценоз близок к липняку снытьевого типа. Такие насаждения обычно характеризуются довольно бедным живым напочвенным покровом. Основу его в затененных местах представляют сныть – многолетнее растение из семейства зонтичных с хорошо развитым корневищем и крапива глухая (яснотка), а на более освещенных участках к ним примешивается купырь лесной – также многолетнее растение из того же семейства, и злаки. Местами встречается вероника дубравная, несколько видов лютиков (кашубский, золотистый, едкий, ползучий), пустырник, яснотка пурпурная, звездчатка ланцетолистная, живучка ползучая, луговой чай, черноголовка, недотрога мелкоцветная и др.

В северной части регулярного парка, характеризующейся пониженным кочковатым рельефом и наличием открытых пространств, травяной покров более разнообразен. Здесь кроме основных растений встречаются различные виды злаков, герань, полынь, щавель конский, крапива двудомная, манжетка, репейник, будра плющевидная и др.

К сожалению, в настоящее время насаждения регулярного парка находятся в состоянии прогрессирующего распада, что обусловлено высоким возрастом деревьев, значительно превышающим возраст естественной спелости, и как следствие – распространением грибных болезней. Более половины обследованных деревьев поражены трутовиком настоящим, вызывающим центральную стволовую гниль, что ускоряет вывал деревьев в результате ветровалов. Значительная часть деревьев липы исторического возраста, особенно в северной, северо-восточной и северо-западной частях парка сильно ослаблены, имеют частично усохшую крону, фаутиность, обломы крупных ветвей и различные повреждения ствола в виде сухобочин, старых морозобойных трещин, дупел. Первоначальной причиной ослабления насаждений в северной части парка послужил, возможно, неблагоприятный гидрологический режим.

В настоящее время в парке проводятся работы по посадке в редицах и прогалинах крупномерных саженцев основных древесных пород.

Пейзажный парк, западная часть (участок № 2 на схеме)

Пейзажный парк усадьбы состоит из двух обособленных и различных по составу древесных пород участков и к настоящему времени в основном сохранил свое местоположение в исторических границах.

Западная его часть, расположенная в пределах современной музейной ограды – по правому (восточному) берегу пруда от бывшего конного двора и проходящему вдоль Можайского шоссе руслу оврага, представляет собой разновозрастные смешанные по составу насаждения, которые формировались в основном уже после создания дворцово-паркового ансамбля. Исходя из возраста наиболее старых деревьев, можно предположить, что посадки производились с начала второй половины XVIII века и продолжались в течение всего времени существования усадьбы. В породном составе преобладают лиственница сибирская, липа мелколистная, сосна обыкновенная и вяз гладкий.

Изменения состава и утрата планировки составляли в этой части пейзажного парка, по оценкам специалистов, 45–50%. Из сохранившихся на участке, согласно данным инвентаризации, более 300 деревьев почти треть приходится на долю деревьев исторического возраста. Преобладающими породами здесь являются липа мелколистная (140–170 лет), сосна обыкновенная (120 лет) и вяз гладкий (240 лет). Наиболее старовозрастными из сохранившихся в пейзажном парке деревьев являются несколько экземпляров вяза, лиственницы и липы, находящихся в разных частях парка. Две лиственницы в возрасте 190 лет находятся с южной стороны главного дома, а с противоположной его стороны – на кромке оврага – сохранилась 240-летняя липа. Несколько 170–180-летних лиственниц и 120–170-летних лип расположено в западной и северо-западной частях участка – вдоль

правого берега пруда и устья оврага. Несмотря на возраст, превышающий естественную спелость, и имеющиеся повреждения стволов, ветвей, вершин, хвои, лиственницы в целом сохранили эстетический вид и находятся в удовлетворительном состоянии. Из деревьев исторического возраста на этом участке пейзажного парка находятся также солитерный 120-летний тополь белый порослевого происхождения, произрастающий на зеленой лужайке с северной стороны главного дома, одно дерево ели колючей 140 лет – с противоположной стороны дома, несколько елей обыкновенных 100–120 лет по северной стороне оврага вдоль Можайского шоссе, а также 140-летний дуб на южной стороне оврага рядом с проходной музея. Одно из старейших деревьев усадьбы – 260-летний дуб – находится с южной стороны храма на примыкающей к пейзажному парку административной территории музея-заповедника. Верхняя часть ствола сильно повреждена, но несмотря на это дерево сохранило вполне жизнеспособный вид. Наибольшим изменениям за прошедшие годы подверглись 100–120-летние сосны, расположенные в основном в обсадке северной стороны оврага вдоль Можайского шоссе, а также находящиеся по обеим сторонам оврага 240-летние вязы.

Из имевшихся на данном участке на период инвентаризации 13 старовозрастных вязов осталось только 4 экземпляра. Одно из наиболее сохранившихся деревьев вяза гладкого, представленное, по всей видимости, так называемой букетной посадкой второй половины XVIII века, находится напротив северного флигеля на кромке южного склона оврага, а остальные – на противоположной его стороне. При этом одно из деревьев сильно ослаблено и имеет усохшую наполовину крону. Благодаря мощной хорошо развитой кроне некоторые деревья вяза даже в виде сухостоя сохраняют величественный вид и продолжают оставаться декоративной составляющей ландшафта в пейзажном парке. Еще три дерева вяза гладкого исторического возраста 160 и 240 лет сохранились на утраченных в настоящее время территориях бывшей усадьбы – вдоль подъездных путей к усадьбе, проходящих по границам современной жилой застройки и спортивного комплекса поселка.

Судя по характеру поражения деревьев и усыхания крон, основной причиной усыхания вяза гладкого на территории усадьбы является графиз (голландская болезнь ильмовых), протекающий в данном случае в хронической форме, для которой характерно медленное усыхание деревьев в течение нескольких лет. Возбудителем является гриб *Cetratocystis ulmi* (в конидиальной стадии – *Graphium ulmi*). Вследствие широкого распространения графиза вяз гладкий в настоящее время, к сожалению, уже не считается перспективной породой при создании парковых насаждений.

Из-за поднятия уровня воды в пруде и подтопления береговой кромки несколько лет назад было потеряно последнее из 10-ти деревьев пихты сибирской, имевшихся еще в 70-е годы прошлого века на территории пей-

зажного парка. Об их существовании в настоящее время напоминает лишь оставшийся рядом с лодочной станцией одиночный пенёк.

Древесные породы, не входящие в исторический фонд, представлены вязом гладким, тополем белым, липой мелколистной, кленом остролистным, черемухой обыкновенной, ивой козьей и ивой ломкой естественного происхождения, расположенными по береговой кромке пруда, а также современными культурами липы мелколистной 60 лет на площадке южнее дворца и в рядовых посадках вдоль дороги, разделяющей регулярный и пейзажный парки. Тополь белый 70 лет, несколько деревьев дуба черешчатого естественного происхождения 55–65 лет, береза бородавчатая 65–70 лет и ель колючая 56 лет находятся по берегу пруда с западной стороны главного дома. Состояние всех этих деревьев можно оценить как удовлетворительное. Ивы козья и ломкая естественного происхождения распространены также куртинами по дну оврага. По берегу пруда и на лужайке с западной стороны дворца встречается пневая поросль и самосев тополя белого, ясеня обыкновенного и сирени обыкновенной. Естественное возобновление дуба черешчатого, вяза гладкого, липы мелколистной и березы бородавчатой в виде самосева и пневой поросли отмечено также в восточной открытой части участка. Подлесочные породы на берегу пруда и северной стороне оврага представлены главным образом куртинами бузины красной, а также малиной и единично боярышником, а на южной стороне оврага – дёренем белым и шиповником, произрастающими локально.

Живой напочвенный покров в южной части данного участка пейзажного парка густой, представлен растительностью лугового типа. Преобладают злаки, встречаются также сныть, яснотка, крапива, одуванчик, полынь, герань, бодяк, подорожник, щавель конский, а ближе к урезу воды – осоковые. В прибрежной зоне и по берегу пруда – осоковые, яснотка, местами – мята перечная, сусак зонтичный, водяной ирис, ирис сибирский (ед.) – представитель Красной книги Подмосоковья, и др. растения. По склонам и в верхней части оврага – злаки, яснотка, купырь, манжетка, одуванчик, мать-и-мачеха, полынь, герань луговая, щавель конский, местами – иван-чай, репейник, зеленые мхи; по дну оврага – рогоз широколистный, осоковые и таволга. Из эфемероидов присутствует ветреница лютичная.

Пейзажный парк восточная часть (участок № 3 на схеме)

Сохранность планировки участка составляла на момент инвентаризации 45%, а облика растительности – более 50%.

На данном участке пейзажного парка подавляющая часть из более чем 350 зафиксированных в период лесоустройства деревьев приходится на долю хвойных пород. Преобладающей древесной породой является сосна обыкновенная 100–120 лет. Из других хвойных исторического возраста

встречается также ель обыкновенная 90–120 лет, расположенная в разных частях парка, а также лиственница сибирская 120 лет в рядовых посадках по южной кромке оврага и в обсадке так называемой «поляны управляющего», находящейся в юго-западном углу участка. Из лиственных пород исторического возраста сохранились липа мелколистная 100–120 лет в основном в южной и восточной частях парка, как в рядовых посадках, так и одиночные деревья, а также единично представленные 100-летнее дерево березы бородавчатой в остатках рядовой посадки у подъездной дороги и 120-летний вяз на кромке оврага рядом с дорогой. Санитарное состояние большинства деревьев исторического возраста удовлетворительное. Древесные породы, не имеющие исторического значения, представлены находящимися в подлеске несколькими экземплярами клена ясенелистного, а также ивой ломкой и ивой козьей среднего возраста естественного происхождения, растущими по руслу ручья. На краю поляны рядом с дорогой находится хорошо развитый куст сирени венгерской. Травяной покров в южной части участка на открытых пространствах густой, состоит из злаков, сныти, яснотки, одуванчика, манжетки, герани, купыря; в северной части преобладают злаки, сныть, зеленые мхи, яснотка; в понижениях вдоль русла ручья – сныть, крапива, яснотка, полынь обыкновенная, репейник и др. Местами отмечен гусиный лук малый.

Территория бывшей «Поповки» (участок № 4 на схеме)

На утраченной ныне территории так называемой «Поповки», не относящейся к пейзажному и регулярному паркам, но расположенном в пределах исторических границ бывшей усадьбы, сохранились еще остатки древесной растительности, имеющей историческое значение. Сохранность облика растительности на период инвентаризации была определена в 50%, а сохранность планировки всего в 30 %.

Из деревьев исторического возраста в настоящее время сохранилось несколько деревьев липы мелколистной (100 и 120 лет), лиственницы сибирской (120 и 160 лет) и сосны обыкновенной (120 и 140 лет), расположенных в остатках рядовых посадок в северной и северо-восточной частях участка и на границе с пейзажным парком. Сохранилось также одно дерево туи западной с частично усохшей кроной, возраст которого около 90 лет. В прошедшем году было удалено несколько деревьев вяза гладкого (120, 140 и 180 лет) и несколько остатков стволов 90-летних берез в западной части «Поповки» вдоль подъездной дороги.

Из деревьев, не имеющих исторического значения, в северной, западной и северо-западной частях участка по его периметру произрастают несколько экземпляров липы мелколистной 40 лет, ивы козьей, ломкой и белой 40–45 лет, а также клена остролистного и ясенелистного 50-ти лет. Подлесочные породы представлены бузиной красной и малиной. Напо-

чвенный покров густой, в его составе – злаки, яснотка, сныть, мать-и-мачеха, одуванчик, полынь, крапива, иван-чай, лютики кашубский и едкий, герань луговая, пустырник, и др. Из эфемероидов местами встречается гусиный лук малый и ветреница лютичная.

Причиной ослабления насаждения помимо большого их возраста являются также стволовые и грибные болезни, большие техногенные и рекреационные нагрузки, нарушение гидрологического режима (в северной части участка, характеризующейся пониженным кочковатым рельефом, систематически наблюдается избыточное и застойное увлажнение, особенно в весенний и осенний периоды).

Левобережная часть пруда с остатками регулярного липового сада (участок № 1 на схеме)

Подавляющая часть древесной растительности исторического возраста (в основном – липа мелколистная) на этом участке на момент инвентаризации была уже утрачена (на 80 %).

Наиболее старые липы 200–220 лет в настоящее время сохранились в остатках рядовых посадок в верхней части склона. В исторический фонд древесных пород входят также находящиеся в прибрежной полосе вдоль пруда, ближе к плотине, сосна обыкновенная в возрасте около 85 лет и ива белая 110 лет, а также находящаяся немного южнее пихта сибирская 90 лет. Причем и пихта сибирская, и ива белая представлены в парке в единственном экземпляре. Сильно поврежденный и имеющий большое дупло ствол ивы дал обильную поросль с образованием некоего подобия новой кроны. Пихта находится в удовлетворительном состоянии и в совокупности с береговой растительностью, в частности, имеющей шаровидную крону ивой ломкой 40–50 лет и хорошо сохранившимися соснами исторического возраста с широкой раскидистой кроной, является настоящим украшением берегового ландшафта.

Основную часть насаждений составляют деревья, не имеющие исторического значения, появившиеся на месте старых насаждений в районе современной застройки, – липа мелколистная, береза бородавчатая, ива ломкая, ива козья, клен ясенелистный, тополь бальзамический, осина, туя западная. Кустарники представлены бузиной красной, жимолостью.

Травяной покров на склоне пруда густой, представлен растительностью лугового типа: злаки (местами вейник), одуванчик, мать-и-мачеха, клевер, герань, манжетка, ромашка, пижма, в понижениях – осоковые, полынь. В прибрежной полосе у воды – осоковые, рогоз, кипрей, тростник.

3. Некоторые вопросы лесоводственно-экологического мониторинга на территории парковых насаждений музея-заповедника

Территория музея-заповедника государственного значения находится на землях, которые изъяты полностью или частично из хозяйственного использования и оборота и на которых в соответствии с существующей схемой зонирования установлен особый правовой режим. Эти земли имеют особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное значение.

Определенные ограничения в режимах пользования распространяются и на зоны охраны, созданные в целях сохранения исторической, ландшафтной и градостроительной среды в соответствии с существующим природоохранным законодательством.

Следует отметить, что старые парки, включающие в свой состав различные сообщества растительных и животных организмов, несмотря на рукотворный характер их возникновения, представляют собой сложнейшие биогеоценозические образования, которые постоянно развиваются под воздействием различных внешних и внутренних факторов – биотических, абиотических и антропогенных. Скорость происходящих в таких системах изменений и продолжительность их существования во многом зависят от возрастной структуры насаждений и интенсивности воздействия на экосистему. То обстоятельство, что усадебные парки, являясь объектами живой природы, в настоящее время часто входят в состав каких-либо природно-хозяйственных и природно-культурных комплексов, объясняет, видимо, отсутствие в настоящее время современной классификации и типологии парков.

Однако ни сложности музеефицирования подобных объектов, ни разность подходов со стороны специалистов различного профиля – историков, искусствоведов, ландшафтных архитекторов, лесоводов, ботаников, экологов – к концепции развития старинных парков в настоящих условиях не должны тем не менее отменять тех основополагающих направлений деятельности, которые уже давно определены существующим природоохранным законодательством в отношении любой территории с особым режимом пользования.

В этой связи представляется, что наиболее важными задачами деятельности на любой подобной территории, включающей в свой состав объекты живой природы, следует признать изучение, сохранение и воспроизводство всех имеющихся природных ресурсов, флоры и фауны, а также поддержание естественного биологического разнообразия в расположенных в их пределах природных ландшафтах и связанных с ними биоценозических сообществах.

В 1989–1990 гг. Центральным лесоустроительным предприятием В/О «Леспроект» был разработан проект восстановления парка бывшей усадьбы Вязёмы музея-заповедника А.С. Пушкина [1]. Проект разрабатывался в пределах выделенных зон охраны усадьбы, границы которых были утверждены Мособлисполкомом в 1987 г. Проект предусматривал проведение ряда мероприятий, способствующих восстановлению исторической планировки, сохранению видового состава древесных и кустарниковых пород, улучшению санитарного состояния насаждений парков и др. За прошедшее со дня окончания проекта время намеченная программа, несмотря на нехватку средств, была музеем частично реализована.

В частности, с целью сокращения рекреационных нагрузок на территории регулярного парка восстановлена сеть дорожек с улучшенным грунтовым покрытием, напоминающая планировку аллей, существующих при жизни хозяев усадьбы. Дорожно-тропиночная сеть включает проходящую через партер от центра усадебного дворца главную аллею, а также расположенные радиально и вдоль границ парка аллеи. В северной части регулярного парка и вдоль дорог обустроены дренажные канавы для предотвращения избыточного увлажнения. По периметру музея-усадьбы в современных его границах установлена металлическая ограда. Ограждение установлено также вдоль транспортных путей с оживленным движением, примыкающих к той части пейзажного парка, которая расположена с восточной стороны бывшей усадьбы.

В партере между флигелями и на площадке с западной стороны главного дома удалена нежелательная древесная и кустарниковая растительность, не имеющая исторического значения. В парках проводятся санитарные вырубki для удаления усохших, усыхающих или ветровальных деревьев, осуществляется обрезка сухих ветвей.

На территории пейзажного и регулярного парков усадьбы специалистами ландшафтного отдела музея-заповедника систематически проводятся уборка захламленности под пологом насаждений, лесовосстановительные мероприятия, включающие посадку саженцев основных лесообразующих пород вдоль аллей, в редианах и прогалинах. В партере и прилегающих к главному дому и флигелям участкам на предварительно спланированных территориях разбиты цветники и декоративные газоны, которые постоянно поддерживаются в хорошем состоянии.

В период 2006–2008 гг. автором данного обзора произведена фотофиксация практически всех участков пейзажного и регулярного парков усадьбы Вязёмы и связанных с ними прилегающих территорий в исторических границах бывшей усадьбы с учетом схемы функционального зонирования. Полученную фототеку, включающую изображения как отдельных видов биотопов, ландшафтов и пейзажных планов, так и всех встречающихся на территории древесных и кустарниковых пород, в т.ч. имеющих историческое значение деревьев, предполагается использовать для осу-

ществления мониторинга состояния парковых насаждений. Ведется также работа по составлению макета справочника-путеводителя по древесным и кустарниковым породам пейзажного и регулярного парков усадьбы Вязёмы, а также буклета по усадебному парку.

Как уже отмечалось выше, по типу лесорастительных условий сложившийся в регулярном парке музея-заповедника фитоценоз близок к липняку снытьевого типа. Подобные насаждения обычно характеризуются довольно бедным живым напочвенным покровом, основу которого в затененных местах представляет сныть – многолетнее растение из семейства зонтичных с хорошо развитым корневищем. Занимая в травяном покрове доминирующее положение и выполняя таким образом роль мощного эдификатора, сныть препятствует прорастанию семян и угнетает рост других конкурирующих растений, поэтому подсев каких-то иных видов декоративных газонных трав и других растений в данном случае вряд ли может привести к положительному результату. Поскольку каждому типу леса соответствует определенный тип лесорастительных условий, изменить существующие, включая состав живого напочвенного покрова, возможно только путем существенных изменений в верхних ярусах насаждений, включающих смену или удаление основной лесообразующей породы. Помочь в данном случае вряд ли может и сплошная минерализация верхнего слоя почвы, что недопустимо в условиях парка [2, 3]. Поскольку сныть и яснотка не являются газонными растениями, образовавшийся после сенокосения покров, состоящий из редкой стерни и остатков чернеющей ботвы, приобретает эстетический вид только через 15–20 дней, когда отрастают и смыкаются молодые побеги. Многократное выкашивание невызревших трав под пологом леса (сверх необходимой нормы, обусловленной введением режима пользования в условиях регулярного парка) способствует дальнейшему обеднению живого напочвенного покрова, сокращению видового состава энтомофауны и ухудшению почвенно-грунтовых и гидрологических условий: нарушению аэрации почв, ухудшению их механического состава, уменьшению гумусового горизонта и др. В условиях стареющего, находящегося в стадии распада и деградирующего древостоя, подавляющая часть деревьев которого находится за границами естественной спелости, этот фактор может оказывать значительное влияние на состояние насаждений. Следует также добавить, что оба упоминаемых выше растения, относящихся обычно к группе сорных, являются тем не менее отличными медоносами и привлекают в период цветения множество насекомых, в том числе энтомофагов (пчел, чешуекрылых, хищных ос, наездников, некоторых видов жуков и др.) [2].

Большое значение имеет также сохранение листового опада под пологом древостоя, так как опавшая листва липы быстро разлагается и способствует улучшению физических свойств почвы и повышению ее плодородия. Аналогичными свойствами обладает также и богатая кальцием хвоя

лиственницы. Лесная подстилка, населенная различными детритофагами, как известно, является неременным компонентом существования лесных экосистем [3, 4].

Судя по характеру поражения деревьев и усыхания крон, основной причиной усыхания вяза гладкого на территории усадьбы является графioз (голландская болезнь ильмовых), протекающий в данном случае в хронической форме, для которой характерно медленное усыхание деревьев в течение нескольких лет. Возбудителем является гриб *Cetratocystis ulmi* (в конидиальной стадии – *Graphium ulmi*). Поражаются, в основном, ослабленные деревья всех возрастных групп, в том числе средневозрастные и молодняки. Заражение происходит через различные повреждения ствола и ветвей, а в плотных куртинах и через пораженные корни. Однако основными переносчиками графioза являются короеды – большой ильмовый (*Scolytus scolytus*) и струйчатый (*Scolytus multistriatus*) заболонники. Как показало выполненное автором в течение двух последних лет обследование стволов усохших вязов, все они имеют следы поражения ильмовыми заболонниками. Удаленные весной 2006 и 2007 гг. в пейзажном парке в порядке санитарных рубок ряд сухостойных деревьев вяза обыкновенного возрастом 45–100 лет при обследовании оказались плотно заселенными по всей длине ствола и ветвям первого порядка большим ильмовым (в нижней и средней части) и струйчатым (в верхней части) заболонниками. Удалена была также целая куртина пораженных графioзом сухостойных вязов среднего возраста (45 лет) в юго-восточной части регулярного парка.

Ильмовые заболонники обычно имеют две генерации. Зимуют они в коре в фазе личинки. Весеннее поколение заболонника вылетает в начале мая, а летнее в июле-августе, расселяясь для прохождения дополнительного питания, которое проходит в развилках молодых ветвей и в пазухах листовых черешков в верхней части кроны дерева, где и происходит заражение. Поэтому важно своевременно производить окорку срубленных свежеселенных деревьев с последующим сжиганием коры, а в случае наличия графioза – уничтожать также и зараженную мицелием, конидиями и спорами гриба древесину и порубочные остатки, а также антисептировать пни [3, 5].

Наличие большого числа старовозрастных деревьев (липа, дуб, вяз) обуславливает присутствие в насаждениях парков нескольких видов птиц-дуплогнездников – обычных обитателей старинных садов и парков. В их состав входят большой и малый пестрый дятлы, черный дятел (желна), серая неясыть, поползень, несколько видов синиц. Постоянными обитателями усадебного парка до недавнего времени являлись белки. Для подкормки птиц и белок в парке рядом с партером установлено несколько кормушек.

В этой связи заслуживает внимания опыт немецких специалистов в области паркового искусства, которые в эстетических и экологических целях оставляют на корню часть мемориальных сухостойных деревьев, на-

ходящихся в стороне от прогулочных дорожек. Имеющиеся в старых деревьях дупла не подвергаются пломбированию и антисептированию – из дупла удаляется лишь влажный и рыхлый слой разрушенной древесины. Сохраняются также после антисептирования некоторые пни, остающиеся после удаления отдельных деревьев исторического возраста. Согласно же некоторым отечественным методикам после полной очистки дупла до слоя неповрежденной древесины и его антисептирования производится фиксация краев дупла специальными металлическими стяжками, а затем дупло без пломбирования закрывается специальной мелкоячеистой сеткой. [6, 7]

Показателем эффективности природоохранных мероприятий на территории музея-заповедника может служить экологическое разнообразие редких видов животных. Биоразнообразие в экосистеме тем выше, чем разнообразнее входящие в нее популяции редких видов по занимаемым ими экологическим нишам, трофическим уровням, а также по размерным классам необходимой для их существования территории.

Среди редких видов живых организмов, играющих особую роль для оценки естественного биологического разнообразия как фактора стабильности экосистем, особое место занимают представители отряда чешуекрылых, поскольку они в первую очередь исчезают из экосистем при нарушениях режима хозяйственной деятельности и, следовательно, обозначают своим присутствием наиболее сохранившиеся природные сообщества. Видовой состав бабочек для экологов служит обычно своеобразным индикатором воздействия человека на живую природу. В целом ряде случаев по тому, какие виды исчезли из определенных биотопов и какие появились в них, можно судить даже о характере и степени воздействия человека на данный конкретный комплекс живых организмов или ландшафт. В Государственном историко-литературном музее-заповеднике А.С. Пушкина в настоящее время имеется более 60 видов дневных (булавоусых) чешуекрылых, 11 из которых занесены в Красную книгу [8]. Однако значительная часть видов встречается за пределами парковых насаждений музея – в охранных зонах и прилегающих участках с растительностью лесного и лугового типа. Как неотъемлемая составляющая биоценозов музея-заповедника чешуекрылые также должны являться объектом для изучения и сохранения.

Происходящая повсеместно урбанизация ландшафтов приводит к исчезновению или сокращению площадей, пригодных для обитания насекомых. Поэтому последним прибежищем для многих видов чешуекрылых становятся сельские сады, лесопарки, городские скверы, газоны, обочины дорог, края полей, защитные лесополосы вдоль железных и автомобильных дорог, лесные опушки и, конечно, участки с особым режимом пользования. Эти объекты превращаются в места концентрации многих редких видов насекомых, в том числе и бабочек. Важно отметить, что в отличие от позвоночных животных беспозвоночным, к которым относятся и насе-

комые, для нормального существования популяций не требуется больших территорий.

Для сохранения видового состава чешуекрылых и поддержания численности популяций на необходимом уровне на территории регулярного парка в юго-восточной его части был организован импровизированный «микрозаповедник», представляющий собой небольшой участок с условно зафиксированными на местности границами, на котором постоянно поддерживаются подходящие жизненные условия, прежде всего за счет запрещения сенокоса и сохранения кормовых травянистых растений. Участок расположен в месте, характеризующемся наличием сочетания открытых и закрытых пространств с достаточным уровнем освещенности и наиболее разнообразным видовым составом травянистой и древесно-кустарниковой растительности с присутствием злаков.

Создание таких профилированных территорий позволяет сохранить, а, быть может, и восстановить на территории усадебных парков некоторые редко встречающиеся в урбанизированных условиях виды дневных чешуекрылых из семейств нимфалид, бархатниц, голубянок и др.

Опыт создания подобных микрозаповедников или микрозаказников, характеризующихся, правда, определенным статусом, уже имеется. На территории России первый такой микрозаповедник был создан в Омской области по инициативе известного популяризатора энтомологии и художника-анималиста В.С. Гребенникова. В начале 90-х годов XX века их насчитывалось уже сотни – в Омской, Новосибирской, Иркутской, Воронежской, Ростовской и других областях.

Одной из интересных и важных функций, выполняемых особо охраняемыми территориями, является эколого-просветительская работа, которая может осуществляться в различных формах: рекламно-издательская деятельность, организация временных или постоянных тематических экспозиций в рамках выставочного комплекса музея, проведение экологических экскурсий, экологический туризм и др.[9] Рекламно-издательская деятельность, являющаяся одним из способов распространения информации о музее и находящимся на его территории природных объектах, а также формирования у населения положительного и бережного к ним отношения, может выражаться в издании специализированных красочно оформленных информационных буклетов, брошюр, справочников и другой рекламной продукции. Традиционной высокоэффективной формой эколого-просветительской работы является проведение тематических экологических экскурсий, которые должны иметь не развлекательный, а познавательный характер. Проводимые мероприятия должны быть тщательно регламентированы с учетом существующих особенностей, традиций и местной музейной специфики, проводиться по специально организованным и оборудованным маршрутам и предусматривать максимальную сохранность природных комплексов. Прикосновение к миру живой природы

позволяет превратить многих посетителей музея не только в активных ее защитников, но и, быть может, в инвесторов.

Музей-заповедник в Вязёмах располагает уникальным дворцово-парковым ансамблем и природным комплексом с находящимися на его территории старинными природными объектами – прекрасными живописными ландшафтами и отдельными сохранившимися вековыми деревьями, которые сами по себе являются своеобразной «экспозицией под открытым небом». Однако немаловажной формой работы может являться также организация в выставочных залах музея-заповедника различных постоянных или временных специализированных выставок, фотовыставок или экспозиций, посвященных пейзажному и регулярному паркам, местной флоре и фауне. Подобная выставка под названием «Усадебный парк в Вязёмах. Времена года (древесные, кустарниковые и травянистые растения пейзажного и регулярного парков; виды ландшафтов)» была организована автором этого материала одновременно с выставкой научного сотрудника ландшафтно-паркового музея-заповедника А.Л. Калуцкого, посвященной местной энтомофауне.

Список литературы

1. Проект восстановления парка бывшей усадьбы Вязёмы ГИЛМЗ А.С. Пушкина Московской области. – ВО «Леспроект», 1990 (Архив ГИИЛМЗ А.С. Пушкина).
2. Славик Б. Растения полей и лесов. Прага, 1982.
3. Лесная энциклопедия. М., 1986. 2 т.
4. Шиманюк А.П. Биология древесных и кустарниковых пород СССР. М., 1957.
5. Новак В., Грозинка Ф., Стары Б. Атлас наскомых вредителей лесных пород. Прага. 1974.
6. Михайловская пушкиниана. Материалы конференций и семинаров по реставрации, восстановлению и эксплуатации старинных парков и памятников садово-паркового искусства (2001-2003 гг.). Пушкинские Горы. М., 2004. Вып. 35.
7. Потанькина И.Л., Константинова В.В. Об опыте комплексного подхода к лечению старовозрастных деревьев. Реликвия. 2006. №1
8. Калуцкий А. Л. Бабочки пушкинского детства. ГИИЛМЗ. 2006
9. Концепция работы государственных природных заповедников и национальных парков РФ по экологическому просвещению населения. М., 1998

Творчество английского садового мастера Фрэнсиса Рида в Царицыне

Основополагающий этап формирования царицынского пейзажного парка неразрывно связан с деятельностью Ф. Рида, посвятившего реализации этого грандиозного замысла последние 15 лет жизни. Здесь же, в Царицыно, вблизи собственного дома, на местном кладбище он и был похоронен в начале июля 1799 г.

Несмотря на обширнейшую литературу, посвященную самым различным вопросам становления, развития и следовавшей вслед за тем деградации царицынского дворцово-паркового ансамбля, деятельность английского садовника все еще остается крайне бегло и схематично освещенной. Даже выявленные в последнее время архивные свидетельства должным образом не проанализированы, по-прежнему оставляя множество ключевых вопросов создания и особенностей художественного облика царицынского Английского парка нерешенными¹.

¹ Любецкий С.М. Царицыно // Нива. 1870. № 1; Забелин И.Е. Сведения о Московских и подмосковных садах в XVIII–XIX вв. // Сб. Опыт изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 340-350; Торопов С. Окрестности Москвы. Царицыно // Новости дня. 1903. №7143; Детинов Н. Гибнущее Царицыно // Старые годы. 1910. № 11. С. 40-41; Згура В.В. Царицыно // Подмосковные музеи. М., 1925. Вып. 6. Отд. 1. С. 9-36; Казанцев В.В. Царицыно: Краткие исторические сведения об усадьбе. М., 1929; Стоянов Г.С. Путеводитель по художественно-историческим усадебным памятникам: Ленино-Дачное (бывшее Царицыно) М., 1936; Шемшурин Е.Н. Ансамбль Царицыно и романтическое направление в русской архитектуре второй половины XVIII – начале XIX вв. / Автореферат диссертации кандидата архитектуры. М., 1952; Денисов М.Ф. Основные архитектурно-композиционные приемы гидросистем парковых комплексов Подмосковья конца XVIII – начала XIX вв. / Автореферат на соискание ученой степени кандидата архитектуры. М., 1973; Минеева К.И. Царицыно: Дворцово-парковый ансамбль. М., 1988; Михайлов Б. Садовник Фрэнсис Рид в Царицыно и Останкине // Архитектура СССР. 1990. № 4. С. 104-109; Байбурова Р.М. Когда же появились царицынские пруды? // Московский журнал. 1992. №7. С. 26-29; Андреева Л.В. Царицыно Баженова – императорская подмосковная резиденция. Диалог с древними строениями Московского Кремля // Царицынский научный вестник. М., 1993. Вып.1. С.69; Докучаева О.В. Эмоционально-смысловой аспект восприятия пейзажного парка Царицына // Там же; Галашевич А.А., Колпакова Г.С. О назначении Третьего кавалерского дома корпуса в ансамбле Царицыно // Русская усадьба. М., 1999. Вып.5(21). С. 268-281; АLEXINA E.YU. Тема путешествия по усадьбе Царицыно времени Екатерины II // Там же. М., 2002. Вып.8(24). С. 77-83; Бахтина И.К. Новые исследования Царицынского парка // Там же. М., 2004. Вып.10 (26). С. 101-120; Андреева Л.В. Музей-заповедник Царицыно. Дворцовый ансамбль. Парк. Коллекции. М., 2005; Рахматуллин Р. Коломенское и Царицыно как Иерусалим и Вавилон // Русская усадьба. М., 2005. Вып.11 (27). С.17-21; Баранова А.А. Царицынские пруды в XIX – начале XX вв. // Там же. С.209-218; Андреева Л.В. Архитектурный ансамбль Царицына и его создатели // Там же. С.516-529; Кренке Н.А. Царицыно и его окрестности в XV–XX вв. // Археология парка «Царицыно». М., 2008. С. 120-131.

Формирование на данной территории усадебного комплекса было положено убежденным приверженцем западноевропейских новшеств князем В.В. Голицыным (1643–1714), который в период регентства царевны Софьи (1682–1689) являлся фактическим главой государства. При размещении усадебной застройки он в действительности первым определил наиболее подходящее для этого место: за «Городенкой, на правобережной пустоши Стеблевской», где впоследствии и был расположен практически весь императорский комплекс². Голицын по достоинству оценил совершенно уникальные особенности этой возвышенной территории, обеспечивавшей удивительное по глубине и живописному разнообразию восприятие окружающей местности. Закрепивший самую верхнюю точку рельефа вновь выстроенный главный усадебный дом, дополненный просторными гульбищами, предоставлял самый полный круговой ее обзор при ближнем, среднем и даже существенном отдалении³. Камер-юнкер Ф.В. Бергольц, лично ознакомившийся с голицынским домом в 1722 г., отмечал следующее: «Дом в Черной Грязи... построен на Китайский манер, с отлогими крышами на два ската, с галереями, по которым можно ходить перед окнами вокруг всего строения, и со многими маленькими башнями, со всех сторон открытыми и обтянутыми только парусиною для свежести воздуха и защиты от солнца»⁴. Соответственно и соседние деревянные объемы трехъярусных хором и близлежащей церкви также возводились с обязательным устройством обходных галерей. В окружении заповедной березовой рощи, позади двора и вблизи самого склона оврага Голицын разбивает обширный плодовый сад, с самого начала обладавший, вероятно, регулярной планировкой. Описание 1689 года подтверждает, что под наблюдением опытного садового мастера в нем произрастало одних только яблонь около четырехсот, а кроме того множество грушевых, сливовых и вишневых деревьев, среди кустарниковых культур преобладали смородина, малина и крыжовник⁵. Фактически за неполные шесть лет обустройства усадьбы Голицыну даже удалось произвести обширнейшие работы по реконструкции ветхой и устройству новой плотин, в результате чего определились местоположение и исходные габариты ныне существующих Шипиловского (Нижнего Царицынского) и Черногрязского (Верхнего Царицынского) прудов⁶. Впрочем, сентябрьская опала 1698 г. и последовавшая вслед затем высылка князя пресекли эти масштабные начинания этого весьма искушенного заказчика, увлеченно-

² Смирнова Т.Н. К вопросу о местоположении усадьбы Черная Грязь (Царицыно) в XVII в. // Русская усадьба. М., 2005. Вып. 11 (27). С. 361, 365.

³ Байбурова Р.М. Дом 1722 года «на Китайский манер» в Черной Грязи // Русская усадьба. М., 1999. Вып. 5(21). С.282-288.

⁴ Дневник камер-юнкера Ф.В. Бергольца. М., 1901-1902. Ч. 2. С. 165-166.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 832. Кн. (Д.) 9918. Л. 338. «Память ис Приказу Большаго Дворца за приписью дьяка Семена Комсина» об отписке на «Великого Государя» вотчины Стрешневых – Черная грязь (конец XVII в.)

⁶ Бахтина И.К. Новые исследования Царицынского парка // Русская усадьба. М., 2004. Вып.10(26). С.104.

го общей идеей формирования представительного усадебного комплекса в духе Нового времени.

В 1713 г. «за особые заслуги перед отечеством» в борьбе против турок Петр I жалует имение князю Д.К. Кантемиру. По долгу службы пребывая в основном в Петербурге, он не имел возможности вплотную приступить к давно назревшей его реконструкции. Возвращаясь в 1723 г. из Персидского похода, князь внезапно умер, и четвертая часть усадьбы отошла его молодой вдове, а три четверти сыну Константину. Являясь с 1729 г. владельцем Черной Грязи, Константин лишь в 1745 г. приступил к строительству нового господского дома в характерном для времени стиле барокко⁷. Показательно, что его постройка по оси запад–восток четко соответствовала сохранявшемуся голицынскому дому. Очевидно, что и композиционная структура, очевидно, одновременно создававшегося регулярного парка основывалась на сугубо фронтальном расположении двух этих смежных объемов. Совмещенный с центральным ризалитом самый большой парадный зал, размещенный на 2-м этаже вновь выстроенного здания, был целиком на него раскрыт; при этом ориентированная непосредственно к прудам западная его часть содержала лишь второстепенные помещения.

Датированные 1766 г. генпланы подтверждают, что фактически со второй половины 1740-х гг. при главных домах располагались два регулярных сада, упиравшихся в кромку сильно понижающегося естественного рельефа⁸. Так, прямоугольный в плане западный сад, отвечая типологии сравнительно небольших барочных композиций, показан существенно вытянутым по главной зрительной оси север–юг. Его планировочная структура учитывала тесное взаимодействие с вновь сформированным садовым фронтом усадебных домов. Второй сад, близкий в плане к квадрату с отсеченной из-за оврага северо-восточной угловой частью, обладал в это время подчеркнута центричной композицией. Относительно усадебных домов он был сильно смещен к востоку и не обладал планировочной связью ни с ними, ни с новым парком. По всей вероятности, это был все еще сохранявшийся голицынский регулярный плодовый сад, претерпевший незначительную

⁷ Байбурова Р.М. Новопостроенный деревянный дом 1745 г. в Царицыне, бывшей Черной Грязи // Памятники культуры. Новые открытия. 1992. М., 1993. С. 424-434. Это строительство было начато на следующий год после смерти его брата – князя А.Д. Кантемира (1708-1744), служившего российским посланником в Англии с 1732 по 1738 г. Все свое состояние он завещал братьям.

⁸ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 879. Д. 1к. «Геометрический специальный план Московского уезда Ратуева стану села Черная Грязь с принадлежащими ко оному деревнями Хохловкою Шаидоровою и деревни Ореховой... межевания учиненного в 1766 году в августе 27 числа». Копия 1834 г.; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 69342. Л. 1. «Геометрический специальный план Московского уезда Ратуева стану села Черная Грязь с принадлежащими ко оному деревнями Хохловкою Шаидоровою и деревни Ореховой... межевания учиненного в 1766 году в августе 27 числа». Копия 1807 г. См. также: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 57. Д. 80. 1-я половина XVIII в. План села Черная Грязь и специальный геометрический план Астрединовой пустоши, принадлежащей селу; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 57. Д. 92. 1767 г. Геометрический специальный план луга в селе Черная Грязь, принадлежащего капитану-поручику князю М.Д. Кантемиру.

перепланировку уже во второй трети XVIII в. Вблизи северо-восточной береговой линии Черногрязского пруда на генпланах также обозначено и местоположение квадратного в плане островка, являвшегося своеобразным продолжением сильно вдававшегося в воду искусственного мыса.

В январе 1747 г. князь К.Д. Кантемир скончался, и усадьба перешла в 1755–1757 гг. к двум его братьям – Матвею и Сергею. Именно в этот период прежде сложившаяся садово-парковая среда усадьбы претерпела ряд существенных изменений, вобрав в себя некоторые элементы пейзажной планировки. Эти новшества хорошо просматриваются на фиксационных генпланах, составленных в 1775 г. в связи с предстоящей ее продажей⁹. В то время, отвечая южным фасадам усадебных домов, планировка регулярного парка основывалась на двухцентральной композиции с двумя общающимися регулярными частями, включавшими в себя в целом привычные для середины XVIII в. партеры и боскеты. От шедшей несколько наискось его южной планировочной границы отходили три аллеи, обсаженные березами и стриженной шпалерной липой. Все они расходились в разные стороны исключительно в южном направлении. Так, западная (будущий глухой Березовый проспект) шла вдоль берегового склона, проходила через участок Березовой рощи, пересекала открытое луговое пространство с группой курганов и упиралась в лесистый мыс. Вторая совпала с центральной осью обширного по площади плодового сада, также отделявшегося от «увеселительного сада» этой Березовой рощей. Сад этот имел строго геометрическую планировку, будучи разделенным дорожками на шесть идентичных квадратных участков. Южнее него находилась еще одна Березовая роща, также дополненная курганами. Наконец, третья аллея, отделяя увеселительный сад от голицынского, проходила вдоль восточной границы кантемировского плодового сада и упиралась в Большой березовый проспект, проложенный по оси запад–восток.

Таким образом, эта полностью сложившаяся в 1740-е–1760-е гг. достаточно целостная садово-парковая среда, подступавшая к усадебным домам исключительно с южной стороны, в целом учитывала искусное совмещение преимущественно регулярных и отдельных пейзажных элементов. Причем пейзажные были в первую очередь представлены разнообразными по величине и очертанию луговыми пространствами и непосредствен-

⁹ РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 22812. Л. 1. «План селу Черной грязи лежащему от города Москвы по Каширской дороге в 17 верстах. Находящийся при нем пруды по западную сторону селения которые наполнение водою имеют их рек Городянки и Черепишки простирающихся от ZW-вой стороны и Язвенки от восточной стороны все оные втекают в верхний пруд называемой Черная грязь а речка Чертановка от западной стороны течет меж деревень Шандоровой и Беляевой впадает в пруд нижней от Черной грязи которой... прозывается Шипиловской и соединение оных речек наполняет доволную воду высота воды пруда Черной грязи против Шипиловскаго 10 фут выше а вытекают оные в пруд Чарборисовской. Положение берегов описаны и вымерены глубины их с наблюдением штурмана поручческаго ранга Алексеем Лычным. 1775 года майя 22 дня»; РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 19682. Л. 1. «План селу Черной грязи с принадлежащими ко оному деревнями и землею». 1775 г.

но с ними связанными пригорками (курганами) и березовыми рощами, а также уплотненными периметральными посадками вдоль верхних кромок оврагов, сохранявших свое первозданное живописное очертание. Вместе с тем освоение всей восточной береговой части Черногрязского пруда, также принадлежавшей Кантемирам, по-прежнему оставалось крайне неразвитым. Его естественный береговой склон подвергся лишь локальным изменениям благодаря устройству своеобразных террас, местоположение которых было определено центральной осью западного фасада барочного дома. В выступающих своих частях они приобрели циркульное очертание. Верхняя площадка была закреплена постановкой беседки, обеспечивавшей панорамный охват местности в сторону прудов. Сами же террасы были периметрально обсажены молодыми березками, предполагавшими регулярную стрижку. Показательно, что эта «абрезная горка» по единой оси совмещалась с мысом и островком Черногрязского пруда. К ним же подступал и широкий лестничный сход, связывавший его пониженную береговую линию с размещенным на возвышенности регулярным садом.

После смерти брата Матвея постоянно проживавший в другом своем подмосковном имении князь С.Д. Кантемир сохранял за собой Черную Грязь в неизменном виде около трех с половиной лет, вплоть до 18 мая 1775 г., когда «по случаю» усадьбу приобрела Екатерина II¹⁰. Об этом чрезвычайно важном для себя событии императрица не преминула сообщить Ф.-М. Гримму со всеми мельчайшими подробностями: «Дорога привела к огромному пруду, рядом с которым был еще пруд больше и живописнее; и этот пруд принадлежал не Ея величеству, а соседу ея, князю Кантемиру. Ко второму пруду примыкал еще третий с извилистыми берегами. Вот гуляющие, направляясь от одного пруда к другому, то пешком, то на лошадях, на расстоянии семи верст от Коломенского, начинают завидовать чужому имению, хозяин которого, старик за 70 лет, совершенно равнодушен к водам, и к лесам, и ко всем живописным видам, приводящем в восторг посетителей. Он только и делал, что играл в карты и бранился, когда проигрывал. Вот все придворные, с повелительницей во главе, начинают весьма осторожно и ловко пронюхивать насчет его светлости, выигрывает ли он или проигрывает, не продает ли имение, очень ли дорожит им, часто ли там бывает, не нуждается ли в деньгах, кто его друзья, через кого у него все выведать. Мы не желаем принимать одолжений, и чужого добра нам не надо; мы покупаем, но отказ не сочтем за преступление: Как вам угодно, милостивый государь; хоть нам и сильно нравится это поместье, но можно и без него обойтись. Придворные мои хлопочат; один говорит: он мне отказал, не продает. Ну, тем лучше! Другой доносит: денег ему не нужно, он счастлив. Третий докладывает: он говорит, я не могу продать, я один, наследников у меня нет, имение получено от казны, я в казну отдам после

¹⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 115. Д. 62114. 1775 г. «О покупке Черной грязи и прикосновенных к оной деревень».

смерти. Гм, гм! Приходит пятый и рассказывает, что Кантемир говорит: я продам имение только казне – Ах! Вот это мило. Тотчас же отправляют чрезвычайного посла узнать, любит ли он это имение. Нисколько, отвечает он; вот доказательство: я живу в другом имении, а это досталось мне от брата, я в нем никогда не бываю, оно может годиться только Государыне. Что вы желаете взять за него? – говорит посол кланяясь. 20000 рубл. Государь мой, я уполномочен предложить вам 25000 рубл. Тотчас по совершению купчей, принялись за стройку, и через две недели, благодаря нашим деревянным сооружениям, я уже могла переселиться сюда. Уф, вот так комментарий! Но мое новое владение не называется; я его назвала Царицыным, и по общему мнению это сущий рай»¹¹.

Само намерение Екатерины II сформировать здесь свою главную подмосковную императорскую резиденцию окончательно укрепилось тем же летом во время продолжительного пребывания в Царицыне, где для нее был спешно выстроен деревянный дом¹². Изначально задумывалось радикальное преобразование Царицына, где наряду со строительством дворцовых объемов предполагалось формирование обширного пейзажного парка.

Показательно, что отвечавшие его обустройству предварительные работы были проведены уже в июне 1776 г. архитектором К. Бланком, представившим проект Новой плотины на «аглинском пруду в замен прорванной». Согласно замыслу, «спуск весь из дикого камня, и берег внутренней чрез всю плотину вместо деревянного обруба обделан должен быть белым камнем». Причем помимо сугубо восстановительных работ планировалось проведение мероприятий и по раскрытию ряда перспективных панорам, «дабы берег с горою остающейся за сюзом очищен был от всякого строения; и тем бы виду не закрывало»¹³. Тому же Бланку одновременно поручалось «спустить и вычистить пруд».

Саму же разработку проекта «аглицкого парка» с последующей его реализацией императрица намеревалась поручить специально выписанному из Англии садовнику, приурочивая его приезд уже к весне 1777 года. Об этом становится известно из ее собственноручной записки, адресованной Н.И. Панину: «Граф Никита Иванович, за садовника поблагодарить Гуннинга, попросить, чтоб он его прислал весною с уговором ехать в Москву, ибо в Царицыне он надобен. Пребываю вам благосклонно. Декабря 27 дня

¹¹ Письмо Екатерины II барону Ф.-М. Гримму. 1775 г. // Русский архив. 1878. Кн. 3. С. 19-22. Цит. по: Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII вв. М., 1892. Вып. 8. С. 176-177. См. также: Андреева Л.В. 1775 год – Екатерина II в Москве. Лето в Царицыне // Памятники Отечества. М., 2000. № 45-46. С. 27-37.

¹² РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 243. 1775 г. Записка о лицах, бывших при строении в селе Черной Грязи и донесения оттуда управителя Карачинского. См. также: РГИА. Ф. 796. Оп. 56. Д. 400. Л. 1-3. Д. 462. 3 Л. 1775 г. Дело о переименовании села Черная Грязь в Царицыно.

¹³ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 51. Ч. 3. 1776 г.

1776 г. Екатерина»¹⁴. Однако в деловой переписке имя этого английского садовника не упоминается. Остаются также до сих пор неизвестными и причины его неприбытия в Царицыно.

Сложившаяся ситуация с отсутствием садовника некоторым образом проясняет появление вполне конкретных предложений архитектора В.И. Баженова относительно восстановления существующего регулярного парка и даже устройства пейзажного¹⁵. Обращаясь непосредственно к статс-секретарю императрицы А. Безбородко в том же году, он прямо заявлял о своем намерии возглавить и все садово-парковые работы: «Заборы кругом сада весьма уже ветхи, то несоблаговолено ль будет сделать им прожект согласной вкуса с производившимся строением каменной по примеру чужих государств!». Берега прудов, продолжал он, «ветхие и оползлые», «видом нехорошим, не позволено ль будет отделать их со временем в виде *rocher* (...) а по пристойным местам всадить кустики и деревца, как мною уже насажены на построенном месте по приличности на башенках, и перапете на вкус англичан. Берески молодья, кои по полуциркульной абрезной горе и дороге бывали подстрижены; а ныне без онаго побеги в три лета дали близ оглобли толстою, а высоту до есми аршин многия; чем строения красоту свою с противного берега, много теряют то не повелено ль будет! Их хотя и не стричь но мелкие в них отростки вырезывать, дабы дать им способ ростить хотя в дикости но порядочней, а редкость скрость их, пестротю кирпича, с белым камнем, меж зеленью в глазах играла б приятностью больше»¹⁶. Крайне встревоженная императрица, ясно осознавая, что в результате этих инициатив уникальное живописное своеобразие Царицына будет безвозвратно утрачено, своей резолюцией от 17 октября 1777 г. на этот счет строго предписывала: «Ни до строения заборов, ни отделания берегов ни же до обрезывания березок отнюдь не касаться, а оставить все так как есть»¹⁷. Спустя два года, в 1779 г. Баженов вновь возвращается к этой же теме и снова получает от Безбородко исчерпывающий ответ: «Что до зделания заборов новых или вместо их каналов, також до посажения вновь деревьев у плотин и по Московской дороге, то Ея величество соизволяет удержаться, покуда приедет к вам английский садовник, который вскоре отправлен быть имеет»¹⁸. Речь в данном случае шла о шотландце Д. Ме-

¹⁴ АВПР. Ф. 35. Оп. 6. Д. 591. 30 декабря 1776 г. Л. 3. Это следует из документа: «Отпуск письма Н.И. Панина бывшему английскому послу Геннингу (Gunning) о приглашении английского садовника на службу в Царицыно» (фр. яз.).

¹⁵ В мае 1778 г. Баженов докладывал императрице, что усадебный дом Кантемиров снесен.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Ч. 5. Д. 51. Л. 367 об.–368. «Памятная записка что доложить Ея императорскому Величеству, в рассуждении строения села Царицына на будущий 1778 год».

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 118. Д. 64980. Л. 80. По просьбе Екатерины II деятельное участие в приглашении очередного британского садовника принял русский представитель в Англии А.С. Мусин-Пушкин, заключивший с ним 17 марта 1779 г. контракт непосредственно в Лондоне: «...что как в сделанном с ним Мидерсом в Лондоне договоре минувшего марта 17 дня...» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 101. Д. 50110. Л. 13).

дере, который по прибытии в Петербург весной того же года был в конце концов все же командирован в Петергоф, где и приступил к формированию еще одного императорского Английского парка.

Отправка «аглинского» садовника в Царицыно в очередной раз откладывалась на неопределенный срок. Впрочем, императрица могла хотя бы временно командировать сюда своих придворных садовников – Бушаршего или того же Медерса, однако более предпочтительней все же оставалась присылка в Царицыно еще одного высококлассного английского специалиста. И только в 1782 г., когда строительные работы вступили в свою завершающую стадию, решение этого вопроса приобрело особую остроту. Именно тогда в Англии стало известно о намерении императрицы пригласить на службу еще трех-четырёх садовников. Российский консул в Лондоне А. Бакстер в этой связи подчеркивал, что на этот раз желающих выехать оказалось не менее полутора ста. В результате тщательного отбора, произведенного в том же 1782 г., четырехгодичные контракты на этот раз удалось подписать только двоим садовникам – Д. Манро и Ф. Риду, о которых тот же Бакстер замечал: «Манро и Рид еще не готовы для собственных проектов, но могут, изучив конкретную местность, на которой предполагается создать английский парк, начертить планы»¹⁹.

В специально изданном на этот счет указе императрицы, адресованном Кабинету и датированном 19 сентября 1782 г., говорилось следующее: «Выписанным по велению НАШЕМУ из Англии Садовникам Иону Мурно и Франциску Риду повелеваем производить из Кабинета жалование первому в первый год пять сот, во второй год шесть сот, в третий и последующие потом годы, покуда он в службе нашей останется по семи сот рублей; второму первый год четыреста, во второй пять сот, в третий и последующие по том годы покуда он в службе нашей останется по шести сот рублей. Сверх того на содержание стола, переводчика и на все прочие расходы по девяти сот рублей на год каждому»²⁰.

Чем занимались эти садовники в последующие два года – неизвестно. В конце 1784 – начале 1785 г. Манро, обладавший, судя по назначенному жалованию несколько большей квалификацией, находился в императорской Пелле под Петербургом, где занимался закладкой обширного английского парка. За определенный период 1785 г. ему было выплачено 200 рублей²¹. Вероятнее всего предположить, что по завершении контракта он покинул Россию, ибо его имя в деловой переписке более не встречается²². Сведения же о Риде возобновляются спустя полтора года. Так, 16

¹⁹ АВВР. Ф. 35. Оп. 6. Д. 695. Л. 1–4; Кросс Э. Британцы в Петербурге... СПб., 2005. С. 303.

²⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 118. Д. 64986. Л. 252-252 об.; РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 31. Л. 388 об.; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 118. Д. 62117. 1782 г. «О выплате жалования садовникам Иону Мурно и Франциску Риду».

²¹ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 31. Л. 30 об. 1785 г.

²² Рейман А.Л. Английские садовые мастера в России. К составлению словаря // Россия – Англия. Страницы диалога. Краткое содержание докладов V научной конференции. СПб., 1999. С. 29.

марта 1784 г. Безбородко сообщает в Кабинет повеление императрицы: «Выписанному из Англии и определенному в Царицыно Садовнику Францису Риду Ея императорское величество высочайше повелеть соизволила выдать из Кабинета подорожную и прогонные деньги на четыре лошади с будущим при нем отсюда чрез Москву до села Царицына». А через день он уже информирует управителя Царицына Василия Карачинского: «Выписанного из Англии садовника Франциса Риды Ея императорское величество высочайше указать изволила отправить в село Царицыно для снятия на план положения тамошних мест и для учинения проекта на тамошние сады во вкусе Английском; с которым планом должен он предстать пред Ея величеством»²³. Уточнив, что англичанин планирует поселиться здесь непременно с семьей, Карачинский одновременно хлопотал и о получении денег на строительство для него собственного дома.

Разработкой проекта Английского парка Рид активно занимался с начала апреля до начала июня 1784 г. Именно тогда была определена планировка обширной местности, предполагавшая радикальную трансформацию ее рельефа, береговых линий и практически всей системы существующего озеленения. Осведомленный о намерении Баженова ограничиться сугубо локальными на этот счет мероприятиями, он все это время был вынужден всякий раз уклоняться от рабочих контактов и консультаций с ним. В отправленной из Царицына докладной записке на имя А.А. Безбородко от 11 июня 1784 г. Баженов, крайне встревоженный сложившейся ситуацией, доказывал совершенно очевидный, по его мнению, непрофессионализм англичанина: «Здесь же осмелюсь и об англичанине садовнике донести, который вами отдан на попечение мое а особливо Ее императорское величество повелеть соизволила мне, при отпуске моем сюды, чтоб взять его с собою, зделать план всему саду Царицыну, привезть или прислать к Ее величеству, но в то время я ево не сыскал в Санкт Петербурге и ждять мне последней зимней путь и расплата с заготовлением потребного не дозволено мешкать: и для того единственно оставил помощника своего, дабы сыскать и привезть его ко мне; но и тот более недели жил и не сыскал его, а наконец видя я его здесь в селе Царицыне и что сначала объявил при первому свидании повеление Ее императорского величества и ваше приказание; а притом представлял ему свои услуги; и чтоб общее дело угодное Ее величеству советовать и делать со мною; но он не токмо чтоб со мною изъяснился по сему делу но все мое тут пребывание когда либо, но всегда со мною старался не встречаться, ныне же я уведомился что господин англичанин зделал прожект рубить сады и деревья некоторые и если паки чаяния оное опробуется, то к сожалению моему выдет село Царицыно испорченным; ибо оное в девятилетнее время столь сделося приятными рощами и видами разных картин, что едва ли и в самой Англии таковое место найдется. А просит только оное место несколько помощи в поправлении

²³ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 118. Д. 64991. Л. 50 об. – 51 об.

некоторых мест по положению самой природы. Со всем тем думаю я что он не те взял пункты и виды, кои благоугодны Ее императорскому величеству, естли так он сделал, как я слышел, то оное я дерзаю писать для того, естли не будет благоугодно Ее императорскому величеству прожект оной; то моих мыслей ниже о черте того прожекта нету; и моя неизвестность, и ниже он о чем либо со мною советовал, как я выше имел честь доносить; почему всепокорно прошу вашего превосходительства дабы при удобном случае доложить Ее императорскому величеству о успехах строениев; так и об агличанине; дабы я не понес гнева безвинного, чего боже сохрани»²⁴.

Судя по всему, ответной реакции на это обращение не последовало, и в июле 1784 г. проектные материалы Рида были доставлены императрице. «Для лучшего объяснения» она повелела садовнику вместе с Карачинским лично прибыть в Петербург. В начале августа она приняла их и одобрила проект, после чего незамедлительно последовали следующие высочайшие распоряжения: 7 августа о чистке пруда и «зделании в селе Царицыне в саду для птиц островка», 9 августа «о награждении Карачинского тысячью, а Рида тремя стами рублей, а 13 августа «на зделание в селе Царицыне в английском вкусе сада по апробированному Ея императорским величеством плану поднесенном садовником Ридом Ея величество высочайше повелеть соизволила отпустить из Кабинета на первой случай пять тысяч рублей»²⁵.

Проведение масштабных работ по Английскому парку было приурочено к весне следующего 1785 года. Тогда же Баженова уведомили о разборке дворца Ее Императорского Величества, в январе же 1786 г. его отстранили от должности на год, а в 1788 г. и вовсе уволили. Сменивший его придворный архитектор М.Ф. Казаков деятельность англичанина уже не оспаривал, что позволило Риду реализовать свой проектный замысел с наибольшей полнотой уже без прежнего весьма жесткого служебного давления.

Тщательно произведенный садовником сметный расчет показывал, что в действительности отпущенных на сезон 1785 г. 5000 руб. оказалось явно недостаточно. По подсчетам Рида, только на летний период потребовалось привлечь к запланированным работам не менее ста человек. Именно поэтому он заблаговременно распорядился увеличить выделенную сумму как минимум вдвое. Недостающие деньги вскоре выдали, и в июне 1785 г. управляющий Царицына майор Василий Яковлевич Карачинский (1751-1792) смог отчитаться за трехмесячный период с начала производства работ: «Повелено в селе Царицыне зделать аглинской сад на что отпущено 10.000 р. – садовая работа зачата пятидесяти человеками Марта с 1-го числа а в апреле работало сто в Мае сто пятьдесят – и ныне тож»²⁶.

²⁴ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 51. Ч. V. Л. 439-440 об.

²⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 118. Д. 64991. Л. 122-122 об., 138-138 об., 139-140 об.

²⁶ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 51. Л. 28-28 об.

В этот же сезон Рид распорядился заложить аллею между Царицыным с Коломенским, причем ветловые колья для этого специально доставлялись «из Новослободского дома, что у Салтыкова моста»²⁷.

На следующий год «на производство в Царицынском Аглинском саду работ» Карачинскому, согласно именному указу от 8 июля, было выдано 5000 руб²⁸. Впрочем, отпускавшейся на год этой стандартной суммы по-прежнему не хватало, и в апреле 1787 г. Карачинский вынужден был вновь обращаться к Безбородко: «Простите дерзновение мое, что я уже третий раз утруждаю ваше Сиятельство о предоставлении Ея Императорскому величеству об отпуске денег на производимые работы в аглинском села Царицына саду. Я доносил вашему Сиятельству, что прежде отпущенная сумма вся издержана, желая ж, чтоб она я работа и ныне действие свое иметь могла, принужденным себя нашел нанять хоть небольшое число работников на отпускаемую ежегодно 5000 р. села Царицына сумму. Не осмеливался б толь частым о сем донесением ваше Сиятельство беспокоивать, когда б не требовал того с великою доукою садовник агличанин, который усердствуя в своей должности, желал бы дальнейшия оказать в трудах своих успехи»²⁹. В результате 10 июля 1787 г. было дополнительно перечислено 2000 руб.³⁰ Тогда же в июле Карачинский хлопочет и об увеличении жалования Риду ввиду незапланированных с самого начала его транспортных издержках: «и паче имеет ...езда по два и три раза в неделю, не соблаговолено ли будет приказать на жалование оному садовнику отпускать означенную сумму ежегодно»³¹. 30 октября 1787 г. последовала очередная выдача 8000 руб., предназначавшаяся как для устройства сада, так и строительства оранжереи³². Соответственно, и садовые работы под руководством Рида осуществлялись с неменьшей интенсивностью и в последующие годы, что вынуждало Карачинского, уступая напористости садовника, в очередной раз писать Безбородко об увеличении финансирования: «Я бы не осмелился ваше превосходительство о требовании денег беспокоить если б не имел от англичанина ежедневных приступов»³³. Это, в конечном счете, смогло повлиять на увеличение расходов в 1788 г., по поводу чего Карачинский 26 июля информировал С.Ф. Стрекалова: «что именным Ея императорского Величества высочайшим указом повелено, установить из кабинета на производство нынешнего лета работ, в аглинском села Царицына сада пять тысяч рублей»³⁴. Можно полагать, что из этой суммы

²⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 340. 1785 г.

²⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 62114. Л. 23; Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 109. Д. 53839. Л. 141.

²⁹ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Ч. 6. Д. 51. Л. 125.

³⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 62114. Л. 24. В письме от 28 июля 1787 г. «...на продолжение работ в Аглинском села Царицына саде и на окончательную отстройку там же каменных оранжерей потребных, восемь тысяч рублей...» // РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 51920. Л. 3.

³¹ Там же. Д. 5120. Л. 58 об.

³² Там же. Д. 62114.

³³ Там же. Д. 53606. Л.16.

³⁴ Там же. Д. 51920. 23 июля 1788 г.

не планировалось выделить средства для «окончательной отстройки оранжерей, также и на содержание одного села»³⁵.

О том, что основной массив земляных работ в царицынском английском парке был выполнен окрестными крестьянами, становится известно из датированной июлем 1787 г. докладной записки Д. Попова, где, в частности, сообщалось: «Крестьяне села Царицына Булатникова... ныне работу производят в садах тех селениях. (...) С начала обрабатывания аглинского сада отпущено только 1500 руб., которые в прошлом году все издержаны, не соблаговолено ль будет отпускать еще некоторую сумму дабы при нынешнем довольно дешевом найме работных людей могла она работа с лутчим успехом и дешевле производима быть»³⁶.

После завершения отделки каменных оранжерей в 1787-1788 гг. царицынское оранжерейное хозяйство возглавил немецкий садовник П. Рэкк, служивший прежде у графа Н.П. Шереметева³⁷. Рид нашел в нем своего ближайшего помощника, хорошо разбиравшегося в самых различных вопросах садоводства, в том числе и пейзажного. Об этом можно судить по тем объявлениям, который Рэкк на протяжении пяти лет (1787-1791) с должной регулярностью размещал в «Московских ведомостях». Наряду с предлагавшимися к продаже из царицынских оранжерей плодовыми деревьями (персиковыми, грушевыми, сливовыми, абрикосовыми и яблоневыми), а также плодами и цветами, включая самые экзотические («китайские розаны» или «жасмины Арабские»), Рэкк, видимо, хорошо уже к тому времени владевший русским языком, одновременно предлагал свои услуги и в качестве педагога, по поводу чего заявлял: «Желающим из Господ отдать для обучения садовой науке и для рисования планов и как содержать оранжерею своих людей»³⁸. Относительно же назначенного ему денежного содержания становится известно из письма Карачинского к тому же Стрекалову, датированного 14 февраля 1790 г., где, в частности,

³⁵ Там же. Д. 51920. 23 июля 1788 г. «Об отпуске надворному советнику Карачинскому на продолжение в селе Царицыне работ в Аглинском саду и на окончательную отстройку оранжерей, также и на содержание одного села».

³⁶ Там же. Л. 58-59.

³⁷ Андреева Л.В. Музей-заповедник Царицыно. Дворцовый ансамбль. Парк. Коллекции. М., 2005. С. 49. На момент покупки императрицей оранжерейный комплекс размещался также на периферии комплекса, к востоку от усадебных домов. При оранжерее в 1775 г. служили садовник Яков Федоров и огородник Иван Лукин, а в 1782 г. их было уже трое: Петр Аргамаков, Михаил Иванов и Яков Федоров с жалованием 60 руб. в год. См.: РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 243. Л. 3, 13.

³⁸ Московские ведомости. 1787 г. (13, 16, 20 января, 10, 21 июля); 1788 г. (10, 17 мая, 7, 10 июня, 13, 20, 27 сентября); 1790 г. (6, 9 и 13 февраля, 1, 11 мая; 1791 г. (5, 12 апреля, 11, 14, 18 июня). В Москве Рэкк считался одним из лучших садовников. Впрочем, Рейман причисляет его к английским садовникам. См.: Рейман А.Л. Английские садовые мастера в России. К составлению словаря // Россия – Англия. Страницы диалога. Краткое содержание докладов V научной конференции. СПб., 1999. С. 33.

отмечалось: «да на жалование садовнику при оранжереях за сентябрьскую 1789 года пятьсот рублей»³⁹.

С начала 1790-х гг. общий объем работ по Английскому саду, а стало быть и их финансирование, существенно сокращается ввиду завершившейся его отделки. Среди сравнительно небольших работ 1794 г. следует назвать лишь починку плотины с разборкой располагающейся при ней мельницы, так как от нее «происходит всегдашний вред плотине и берегам которые делаются агличанином от накопления мельниками воды»⁴⁰. Подготовленный на утверждение императрицы проект, предварительно согласованный с Ридом, разрабатывал подполковник И.К. Герард, который, стремясь сохранить единое образное содержание Царицына, особо подчеркивал, что «при украшении плотины подражал я Аглинскому вкусу тамошних садов, а при мостах и мельнице Готическому»⁴¹. Одновременно сокращалось и жалование Рида. Это следует из письма Карачинского Стрелкалову от 13 сентября 1792 г., где на этот счет приводились вполне четкие указания Екатерины II: «По сим именно Ея императорское величества высочайшего указа, объявленного чрез почтеннейшее ваше письмо в ...788 года марта от 18 дня об отпуске в село Царицыно на годовое содержание по пятисот да на жалование садовнику при оранжереях по триста следует получить на будущий 1792 год.»⁴²

К этому времени облик парка полностью сложился, о чем свидетельствует, пожалуй, самое раннее о нем упоминание, датированное 1789 г.: «Царицыно, село в Московском уезде, лежит на речке Городенке, так названо по именному Ея императорского величеству Екатерины II указу от 1775 г. из села Черной Грязи, купленного у Бригадира Кн. Сергея Кантемира. В нем строится по повелению великолепный Дворец, при коем разведены пространной регулярной и Аглинский сады, поделаны обширные пруды с каменными везде плотинами и наполнены всякого множеством рыбы»⁴³. Посетивший Царицыно в ноябре 1793 г. профессор оксфордского колледжа Магдалины Д. Паркинсон относительно самого Английского сада и непосредственно связанных с ним необычных построек отметил: «Земли вокруг

³⁹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 51920. Л. 41.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 14. Д. 51. Ч. 7. Доклад М.М. Измайлова от 11 января 1794 г. Л. 168-168 об.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 57951. Донесение М.М. Измайлова императрице от 7 марта 1795 г.; Судя по документам, ряд гидрологических работ с самого начала устройства парка был произведен под непосредственным руководством того же И.К. Герарда. Так, Д. Попов еще в июле 1787 г. докладывал: «Имеющаяся при верхнем пруде села Царицына плотина пришла в ветхость хотя ежегодно оную починаяю... господину Герарду повелено зделать оной плотине проект...» // РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 51920. Л. 58.

⁴² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5120. Л. 9. «Об отпуске денег надворному советнику Карачинскому (московский директор экономии) и полковнику Воейкову на продолжение работ в Аглинском саду в селе Царицыне и на окончательную отстройку там каменных оранжерей, там же и на содержание села Царицына».

⁴³ Царицыно // Новый полный географический словарь Российского государства... Изд. Н.И. Новикова. М., 1789.

покрыты лесом, а ландшафт такой, о каком мечтал бы любой садовник. Что касается собственно Царицына, то извилистая долина, по которой раньше протекал маленький ручеек, благодаря запрудам превратившийся, как в Бленхейме, в широкое озеро или реку, имеет один очень крутой берег, а другой представляет собой отлогие склоны; по обе стороны растет лес. Дворец расположен на одной стороне местности, где берег более крутой. (...) Эти строения располагаются так тесно, что можно было вообразить, что цель архитектора была закрыть как можно больше естественную красоту места (...) Если это не какой-то дикий каприз архитектора, то можно было бы этот стиль определить и как «мавританский», и как «готический», которые, по мнению Уолпола, часто смешиваются. (...) жалко того труда и особенно прекрасного камня, которые попросту выброшены на эту пеструю и безвкусную затею»⁴⁴.

После смерти императрицы отпуск средств на формирование Английского парка производился вплоть до конца 1797 г., видимо, еще некоторое время по инерции⁴⁵. И только в начале января 1798 г. для проведения «ревизии» Кабинет затребовал «две шнуровые книги с описью и расчетами аглинского садовника Рида» относительно расходования им средств, выделенных из казны на производство работ по «Англинскому при селе Царицыне саду» за прошлый год⁴⁶. В действительности эта проверка стала формальным поводом к прекращению финансирования, в том числе и на поддержание парка. Впрочем, Павел I возобновил его в следующем году, видимо, уже после смерти садовника⁴⁷.

О том, что проживавший с семьей в собственном доме близ царицынских оранжерей Рид скончался, 4 июля 1799 г. сообщил императору князь Кольцов-Масальский: «находившейся в собственном Вашего имп. Величества Селе Царицыне при Аглинском саде садовый мастер Агличанин Рид был несколько времени болен, сего 1-го числа жизнь свою кончил; а

⁴⁴ Parkinson J. *Tour of Russia, Siberia and the Crimea 1792–1794* / Ed. by W. Collier. L., 1971. P. 211–212; Кросс Э. Британцы в Петербурге... СПб., 2005. С.304.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 62114. Л. 6 об.

⁴⁶ «...две шнуровые книги с описью и расчетами аглинского садовника Рида, к образованию оной экспедиции при сем препровождаю. 4 января 1798 г. Воейков» // РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 53643. 4 января 1798 г. «О предстоящих Гот находящегося у смотрителя при Царицынском дворце в Москве г. артиллерии полковника и кавалера Воейкова, учиненные им для записки за прошлый 1797 г. прихода и расхода денежной казны по Аглинскому при селе Царицыне саду две шнуровые книги»; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 53643. 1798 г. Л. 1. О представлении на ревизию в Кабинет от находящегося при Царицыном Дворце в Москве артиллерии полковника Воейкова двух книг по Аглинскому саду...»; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 53686. 1800 г. По представлению той же Экспедиции, при коем внесли на утверждение свидетельство по счету артиллерии полковника Войкова 1797 г. по Аглинскому саду и саду Царицыну суммой в 2533 руб. 64 коп.»

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 116. Д. 62869. 1799 г. «О назначении денег на устройство сада в селе Царицыне»; См. также: «... на производство в аглинском... саду работ 1500 рублей... да на содержание садовника при оранжереях за сентябрьскую 1799 года треть ста рублей...» // РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 109. Д. 51920. Л. 41.

чтоб сад не мог остаться без продолжения начатых в нем работ, то до воследования всевысочайшего... повеления и препоручил я производить оныя садовому его Подмастерью, который с начала прибытия его всегда находился при нем и в своем искусстве довольно сведущ». ⁴⁸ Разделяя подобную точку зрения император, со своей стороны, лишь подчеркнул: «садоваго подмастерья оставить при Аглинском саде... ежели оной достаточен по званию своему к занятию сего места» ⁴⁹. В ответ на это князь счел нужным добавить, что и сам «бывший садовый мастер онаго подмастерья агличанин Рид представлял мне его совершенно сведущим, только для поддержания онаго саду; но ежели последует всевысочайшее... повеление прибавлять вновь в оном саду, тогда его сведение не может быть для онаго довольно достаточно» ⁵⁰. Несомненно, речь шла о садовом подмастерье Сергее Махове, который и в первые годы александровского правления продолжал оставаться в Царицыне в той же должности ⁵¹. Впрочем, соглашаясь с мнением Рида, управляющий дворцовым ведомством граф П.С. Валуев в августе 1804 г. полагал, что для этой императорской дачной резиденции все же следует приискать садовника «из иностранцев» ⁵². Он же, видимо, также следуя рекомендациям английского садовника, одновременно предлагал для полной сохранности Английского сада оградить его рвом, валом и оградой: «...в аглинском саду, кроме умножения по приличным местам дорожек, газонов, разных приятных для удовольствия гуляющих видов и клумб, наполненных самыми лучшими произрастаниями (...) для входа в сад зделан из дикаго камня мост с железными между двух колонн воротами ...окружен сей сад прошедшим летом рвом и земляным валом, а будущим по зделанному уже подряду в пристойных местах около дворца обнесен будет железною решоткою» ⁵³.

Наиболее полно судить о десятилетней царицынской деятельности Рида позволяют два своего рода итоговых генплана – «Плана Английскому саду при селе Царицыне» и «Геометрического плана селу Царицыну», датированных 1795 г. ⁵⁴. В рамках складывания целостной структуры Английского парка здесь отчетливо просматриваются два основополагающих направления, непосредственно связанных как с реконструкцией уже существующей

⁴⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 57669. 1799 г. Л. 2-2об.; См. также: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 3. 118. Д. 64991. Л. 50 об.-51 об. Л.122-122 об. 138, 138 об., 139-140, 140 об.; Д. 64986. Л. 252-252 об. См. также: Михайлов Б. Садовник Фрэнсис Рид в Царицыно и Останкине // Архитектура СССР. 1990. №4. С.104-109; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 3. 115. Д. 62114. Л. 17, 20.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 57669. 1799 г. Л. 3.

⁵⁰ Там же. Л.3 об.

⁵¹ Там же. Д. 5552. Октябрь 1802 г.; Д. 5557. 1803 г.

⁵² Там же. Д. 5563. Л. 56. Август 1804 г.

⁵³ Там же. Д. 58139. Л. 5 об.–6. 1804 г. Датированный 1810-и гг. акварельный рисунок О.И. Бове «Вид с западной стороны села Царицыно» подтверждает, что часть этой высокой металлической ограды связывала Фигурный мост с Плотиной Верхнего пруда. См. Минеева К.И. Царицыно: Дворцово-парковый ансамбль. М.,1988. Илл.92.

⁵⁴ РГИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 158. Л. 1; РГИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 157. Л. 1.

парковой части, так и с комплексным формированием новых, еще более обширных.

Радикальной реконструкции с фрагментарным использованием лишь отдельных первоначальных элементов подверглась вся повышенная юго-восточная часть комплекса, которая к середине 1770-х гг. была уже полностью спланирована. Взяв за основу протяженный южный фасад казаковского дворца, Рид сохраняет все внешние габариты регулярного (увеселительного) сада, максимально упрощая его регулярную планировку. Прежняя мелкая нарезка партеров и боскетов полностью заменяется укрупненными элементами, образованными геометрически выверенной дорожной сетью. Каждый из них был трактован в виде небольшого периметрально обсаженного лужка, отмеченного в центре повышенными пейзажными группами или единичными крупномерами⁵⁵. Полная ликвидация всех регулярных плодовых садов и фланкировавших их березовых рощ позволила садовнику существенно укрупнить все составные части этого фактически заново формировавшегося Верхнего пейзажного парка. От прежней планировочной организации Рид считал возможным сохранить лишь четыре протяженные аллеи, ставшие в новой композиции пространственными рубежами разновеликих и разнообразно трактованных его частей. Так, упразднение лишь одного голицынского плодового сада позволило ему сформировать самый обширный восточный район, подступавший к Хлебному дому с южной стороны. Центральная и связанная с верхней кромкой рельефа западная части наделялись общими чертами пейзажной планировки с весьма развитой сетью прогулочных дорог. В частности, одна из них, непосредственно начинаясь от Фигурных ворот, по периметру охватывала все периферийные участки Верхнего парка, создавая самые впечатляющие панорамные раскрытия в сторону прудов. Впрочем, наибольшей своей плотностью эта дорожная сеть активно выделялась в удаленном от дворца пейзажном районе, ограниченном с юга Большим березовым проспектом, что существенно ослабляло его линейное восприятие. Радикально расширяя пространственные габариты Верхнего парка, Рид к югу от этого «проспекта» формирует еще одну весьма обширную его пейзажную часть, простиравшуюся в юго-западном направлении вплоть до отдаленной плотины речки Язвенки. От всех других она отличалась панорамным охватом не менее обширного пространства пахотной земли, занимавшей в дворцовом комплексе весь южный периферийный район. Находившемуся здесь сильно разветвленному рваному оврагу садовник придавал мягкое плавное очертание, трактуя его в виде насквозь просматривающейся весьма протяженной, но неглубокой лощины с минимальной плотностью посадок.

⁵⁵ Устройство на этом месте обширного луга последовало в мае 1804 г. Именно тогда у московского купца Девича было куплено «в Царицынской сад для засыпки против главного корпуса дворца семена, как то: клевер белой красной и рейграсс» // РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 42217. Л. 14. То же подтверждают и относящиеся к началу XIX в. генпланы. См.: РГВИА. Ф.846 (ВУА). Оп. 16. Д. 19684. Л. 1. Около 1810 г.; ГНИМА. Фототека. Нег. V-26271. 1816 г.

Устройству этого пейзажного района предшествовала массовая вырубка деревьев с последующей высадкой новых в четком соответствии с вновь создаваемой живописной планировкой. Преимущественное использование здесь получают мелколистные липы и дубы, которые также широко применялись и для солитерных посадок. Среди вспомогательных крупномеров не менее активную роль также играли клен, вяз, ясень и сосна обыкновенная. В ряде же случаев применялась и массовая высадка исключительно хвойных деревьев. Искусное чередование сгущенных и разреженных посадок, широкое использование взаимодействующих между собой обширных открытых пространств придавали этой максимально приближенной к дворцовым объемам местности в целом равнинный характер.

Столь существенного увеличения территории Верхнего парка Рид смог достичь за счет вывода всех «утилитарных» составляющих усадьбы на прежде пустовавший участок, находившийся за вытянутым восточным оврагом (ныне названным Большим), которому он придал плавное лучковое очертание. Именно здесь, на существенном отдалении от дворцовых строений, возникает оранжерейный комплекс, а к югу от него разбивается новый плодовый сад.

Подвергся реконструкции и оформленный при Кантемирах узкий отрезок восточного берегового склона. Его верхняя циркульная часть вместо прежней беседки еще в 1776 г. была закреплена императорским Малым дворцом, ориентированным своей овальной формой в западном направлении. Взяв за основу уже сложившуюся постановку этого объема, Рид счел возможным сохранить здесь террасную обработку, ликвидировав лишь существовавшую регулярную ее обсадку «стриженными березками». Прямым следствием устройства новой дорожной сети, предполагавшей на данном участке исключительно плавный спуск к Царицынскому (Черногрязскому) пруду, стала разборка и находившегося здесь же широкого лестничного схода. Обладавшим рубленой формой прибрежному мысу и островку Рид придает плавное скругленное очертание, органично связывая их с общим изысканным очертанием береговой линии.

Несравненно больший объем работ потребовался при комплексном освоении всех пониженных береговых районов, приведших к многократному увеличению кантемировской садово-парковой части и окончательно определивших планировочные рубежи вновь создаваемого царицынского Английского парка. Изначально задумывая существенно расширить усадебную территорию, императрица уже в 1775 г. распорядилась прикупить окрестные земли, главным образом с западной стороны, непосредственно за Черногрязским прудом (ныне Царицынским), что позволило Риду сформировать целостную пейзажную среду вокруг всего Царицынского пруда и не менее обширной южной части Шипиловского⁵⁶. Несомненно, самими

⁵⁶ В ряде документов вплоть до 1830-х гг. Царицынский пруд назывался не иначе, как «Английский». Архивные материалы также подтверждают, что некоторое время его украшала статуя

масштабными стали мероприятия по формированию эстетически выразительных береговых линий. Этому в полной мере отвечало и устройство земляных плотин на речках Язвенке и Черепишке, что позволило существенно увеличить общую водную поверхность. Прежняя крайне унылая естественная дробность и аморфность береговой линии заменяется необычайно плавными ее очертаниями, причем наибольшее распространение получают всякого рода лучковые формы самой различной протяженности. Скрупулезная проработка каждого фрагмента береговой линии носила исключительно комплексный характер, обеспечивая тонкое пластическое взаимодействие двух прямо противоположных их частей. Так, если восточная приобретала в ряде случаев вогнутую форму, то на западной обычно устраивались не менее выразительные выпуклости.

Стремясь преодолеть линейный характер Царицынского пруда и существенно разнообразить его очертание, Рид за счет запруды Черепишки создал довольно широкую его дополнительную часть целиком в западном направлении, одновременно активизируя примыкавшие к ней с севера и юга обширные пейзажные районы. Несомненно, самый выразительный свой изгиб этот пруд приобрел прямо напротив круглого островка и кантемировской «абрезной горки», откуда открывался наилучший обзор местности. Именно в этом месте его ширина, соответствуя Шпиловскому, достигла своего максимума. Такое композиционное решение необычайно обогатило визуальное восприятие из целого ряда парадных помещений баженовского Малого и казаковского Большого императорских дворцов, непосредственно связанных с их западными фасадами. Пытаясь сохранить особую значимость выразительных береговых линий в общепарковой структуре, Рид был вынужден в 1794 г. распорядиться ликвидировать все еще находившуюся в употреблении мельницу на Царицынской плотине.

Не довольствуясь наличием всего лишь единственного кантемировского островка и ставя себе задачу еще более подчеркнуть своеобразие отдельных «природных» элементов Царицынского пруда, Рид создал ряд дополнительных разновеликих островков исключительно овального очертания. Так близ максимально отдаленной от дворцовых построек плотины Язвенки из них формируется целая гряда, отличавшаяся живописной выразительностью.

Существенное приращение этой пониженной территории парка было обеспечено за счет включения находившегося на юго-западе обширного естественного лесного массива, примыкавшего к Царицынскому пруду непосредственно с западной стороны. Этот самый гущенный парковый район приобрел свою индивидуальную выразительность за счет контрастно отличавшихся друг от друга двух вновь сформированных сильно выступаю-

щих мысов. Не случайно сеть прогулочных дорог здесь была крайне неразвита и отвечала лишь береговой черте.

Совершенно иную образную трактовку получает не менее обширный северо-западный пейзажный район, который с юга ограничивался существенно расширенным руслом Городянки, а с востока весьма протяженной частью береговой линии Шипиловского пруда, которой Рид придал изысканное змеевидное очертание. Этот максимально открытый и насквозь просматривающийся парковый ландшафт, включивший в себя уходящий к югу от Каширки заключительный отрезок парадной трассы (нынешней Воздушной улицы), был сформирован благодаря самому активному взаимодействию пахотных и луговых пространств. Не исключено, что в таком решении выразилось исходное намерение самой императрицы, которая еще задолго до приезда Рида распорядилась высадить здесь особые рощи с сохранением основного массива пахотных земель. Незначительная плотность посадок была использована лишь при формировании периферийной западной части, что позволяло по пути следования не только панорамно охватывать практически весь этот парковый район, но и находившийся на существенном возвышении уже сформированный ранее живописный фронт застройки, образованный разновеликими дворцовыми строениями. Только две вновь проложенные в этом пейзажном районе прогулочные дороги, имевшие лучковую форму, сходились в точке пересечения основной дороги с традиционно разделявшей Шипиловский пруд от Царицынского самой протяженной плотиной. Причем одна из них именно отсюда уходила в сторону Круглого пруда и создавала самые оптимальные точки ближнего восприятия Кольцевого острова, размещенного Ридом во вновь сформированной миниатюрной бухте Шипиловского пруда. Судя по изображению на датированной самым началом XIX в. акварели крупного московского зодчего О.И. Бове под названием «Вид с западной стороны села Царицыно», этот остров изначально учитывал весьма разреженную, сквозную в своей основе, асимметричную высадку лиственных крупномеров⁵⁷.

В общей композиционной структуре царицынского Английского парка совершенно особой ролью наделялась достаточно узкая, но весьма протяженная восточная береговая часть. Рид создал здесь достаточно развитую плавно понижающуюся к прудам и отвечающую их береговым линиям дорожную сеть, обладавшую необычайно активными перспективными видами в юго-западном, западном и северо-западном направлениях. Сложность пластической проработки этой части заключалась еще и в том, что верхняя кромка ее откоса уже прежде была закреплена баженовскими сооружениями (Кавалерским дворцом с круглой залой, Кавалерским кор-

⁵⁷ См. Минеева К.И. Царицыно: Дворцово-парковый ансамбль. М., 1988. Илл.92. В этой связи заслуживает отдельного рассмотрения состоящая из 56 листов серия рисунков «Сада Царицына» (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 57. Д. 156. б/г.)

пусом, Крестообразным домиком, Фигурным мостом, Малым и Средним дворцами).

Разделяя концепцию исключительно чистых ландшафтов Л. Брауна, Рид изначально отталкивался от характерных особенностей разнородных природных элементов, сразу исключая использование в своем царицынском парке каких бы то ни было сооружений. Известно лишь о существовавших в конце XVIII в. нескольких деревянных мостиков, устройство которых было вызвано чисто практической надобностью. То же в 1804 г. подтверждал и начальник кремлевской экспедиции П.С. Валуев: «для входа в сад зделан из дикаго камня мост с железными между двух колонн воротами; поелику бывшие около сада заборы, поставленные прежним аглинским садовником, по смерти его, чему семь лет, от нерадения и запущения расхищены; от чего через сад сей толико природою украшенный гоняли скот и проезжали в повозках и верхами...»⁵⁸.

О первоначальной общехудожественной атмосфере царицынского Английского парка можно судить по пришедшимся уже на первую четверть XIX в. отдельным высказываниям современников, подведшим своеобразный итог многолетнего творчества Рида⁵⁹. Так тот же П.С. Валуев подчеркивал, что именно Царицыно «по множеству приятностей собранных природою достойно быть одним из лучших парков в Европе...»⁶⁰. П. Свиньин замечал: «Вступая в сад, зритель невольно забудет строения царицынские и пленится прелестью природы – обширные пруды, тенистые аллеи, зелень, с умением прибранная, бесконечные дорожки... беспрестанно занимая зрение, производят разнообразные впечатления, и прогулка в садах царицынских оставит в душе приятнейшее впечатление»⁶¹. Явно со знанием сложной специфики пейзажного дела А.Ф. Малиновский очень тонко в этой связи подмечал: «Нигде нет такой картинной разнообразности смеси холмов, долин, озер, рощ и заливов, нигде нет такого света и тени, таких переливов от самой темной до самой светлой зелени. Все как будто хитрою рукою Пусселя разрисовано, оттенено и подобрано»⁶². Н.М. Карамзин, большой знаток новейших тенденций в садоводстве и деятельный сторонник распространения английского пейзажного стиля в России, со своей стороны, однозначно заявлял, что «нелегко найти место, приятнейшее для сельского жилища царей»⁶³.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 58139. Л. 5 об. – 6.

⁵⁹ Шаликов П.И. Царицыно // Вестник Европы. 1804. №11. С. 219-229; Свиньин П.П. Странствия в окрестностях Москвы: Кусково, Коломенское и Царицыно // Отечественные записки. 1822. Ч.12. №30. С.26, 32; Войков А.Ф. Царицыно // Новости литературы. 1825. Кн.2. №1. С.1-12.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 3. Д. 58139. 1804 г., Л. 5 об.

⁶¹ Свиньин П.П. Отечественные достопамятности, или изображение русских исторических памятников и необыкновенных произведений Природы, Наук и Художеств, находящихся в России. М., 1823. С. 180-181.

⁶² РГАДА. Ф. 197. Оп. 1. Д. 35. Портфель Малиновского. Материалы к историческому обозрению Москвы и ее окрестностей. Царицыно // Исторический журнал. 1825. С. 229.

⁶³ Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. М., 1988. С. 319.

Ботанический сад в Царицыне. К истории замысла создания

В истории русского садово-паркового искусства Царицыно занимает достойное место. Еще в XVII веке здесь были «плодовитые» сады Черногрязской вотчины Стрешневых (1633-1673) и Голицыных (1683-1689). В середине следующего столетия при Кантемирах в имении возникли «регулярной» сад и небольшая оранжерея. А в последние десятилетия XVIII века в усадьбе, ставшей с 1775 года императорской «подмосковной» – Царицыным Селом, садовый мастер Фрэнсис Рид по желанию Екатерины II разбил знаменитый Английский сад. В те же годы были построены в заовражной части имения обширные каменные оранжереи. В 1800-х гг. по инициативе П.С. Валуева в Царицыне появились новые «воздушные» сады и оранжереи, пейзажный парк в левобережье Английского (Царицынского) пруда¹. Благодаря «неугомонному» Валуеву мог появиться в Царицыне и ботанический сад. Как и почему возникла идея его создания, какие меры были предприняты для ее осуществления и почему она не была реализована – вот вопросы, которые будут рассмотрены ниже.

Первое письменное упоминание о ботаническом саде в Царицыне относится к осени 1804 г. Во «всеподданнейшем докладе» императору Александру I Валуев написал: «По замеченному нерадению русских садовников нанят для сего (Английского – А.Б.) сада... весьма искусный иностранной садовник, которой в удобном месте разводит ботанический сад и устроил из набранных придворных сирот класс, в коем преподает в зимнее время теретическое, а в летнее практическое поучение садоводства. От сего должно ожидать разведения разных растений, а от продажи оных приумножения в Кассу Экономическую»².

Заметим, что в своих докладах Валуев иногда выдавал желаемое за действительное, представляя намерения уже свершившимся или сверша-

¹ Валуев Петр Степанович (1743-1814), действительный тайный советник, в 1801-1814 годах – главноначальствующий Экспедиции Кремлевского строения (ЭКС), в ведении которой находились дворцовые постройки, сады и хозяйство Царицынского «государева» имения. Валуев использовал Царицыно в летнее время как служебную «дачу» своей семьи и уделил большое внимание благоустройству имения и повышению его доходности. При Валуеве архитекторами ЭКС были возведены большинство павильонов и других построек Английского сада, а само Царицыно стало популярным местом публичных гуляний москвичей. Подробнее об этом: Баранова А.А. «Валуевский дом» в Царицыне // Царицынский научный вестник. 1993. Вып.1. С. 165-197.

² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5563. Л. 73 об.

ющим фактом. Вот и теперь – создание ботанического сада было проанонсировано, и только. А вот нанятый Валуевым Карл Сигизмунд Унгебауер был действительно не просто садовником, но настоящим мастером, к тому же очень предприимчивым и энергичным³. С первых дней службы в Царицыне прусский садовый мастер развил бурную деятельность, а дворцовые сады и оранжереи стали пополняться редкими растениями⁴. Для расширения видового состава оранжерей Унгебауер использовал самые разнообразные способы. Например, в сентябре 1807 г. он предложил Валуеву: «Так как в Царицынских аранжереях ботанических растений, кои бы украшали их и могли приносить казне желаемый доход, весьма мало, почему не благоволитель приказать отправить в Санктпетербург из оных аранжерей фруктовые деревья такие, кои есть в дурном виде и приносят плод весьма малой, <...> к известным мне промышленникам с тем, чтоб чрез посредство их выменять на такие растения, кои для аранжерей нужны»⁵. И этот обмен был совершен. Дошедшие до нас описи растений царицынских оранжерей 1802 г. и 1814 г. позволяют увидеть, как обогатился их состав и «ботаническими», и лекарственными, и редкими плодовыми культурами⁶.

Во «всеподаннейшем донесении» 8 февраля 1808 г. Валуев сообщил императору: «К сему обязанности считаю донести, что к будущему лету заготавливается в Царицыне обширное место для заведения различ-

³ Унгебауер Карл Сигизмунд (Карл Андреевич) (ок. 1775-1851) – садовый мастер, выходец из Пруссии. В сентябре 1804 г. был определён на службу в ЭКС на должность садового мастера при царицынском Английском саде и оранжереях. В предшествующие годы работал в имении Н.А. Дурасова Люблино. С 21 января 1805 г. принял в «смотрение» все московские и подмосковные дворцовые оранжереи, с октября 1806 г. фактически выполнял функции царицынского управителя. В Царицыне Унгебауер создал новый Воздушный сад (1805), пейзажный парк на Покровской стороне в левобережье Царицынского пруда (1806-1808), под его смотрением возводились Ореховская и Лазарева плотины (1806-1807), павильон Хижина и гроты в Английском саду (1807-1809). Оранжерейные плотины (1807), ров и вал вокруг Английского сада и парка Покровской стороны, а также ворота и караульные избы по их периметру (1807-1808). В сентябре 1809 г. по приказу Валуева Унгебауер был отстранён от обязанностей царицынского управителя и от надзора за дворцовыми оранжереями, оставлен лишь «при смотре аглинских садов», в 1812 г. уволен из ведомства ЭКС. В последующие годы Унгебауер успешно занимался частной практикой, в т. ч. выполнял парковые работы в Архангельском, Петровском-Разумовском. Подробнее об этом: Баранова А.А. Царицынские садовники // Царицынские научный вестник. 2003. Вып. 5. С. 5-31.

⁴ Уже осенью 1804 г. Унгебауер предложил ЭКС купить выписанные им ранее для публичной продажи «для аглинских садов американские деревья и кусты для оранжерей». РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5562. Л. 266.

⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5574. Л. 178-178 об. На обмен Унгебауером предлагалось «слив девяносто, персиков семдесят, абрикосов дватцать, вишен дватцать, а всего двести, полагая за каждое по рублю пятидесяти копеек, на триста рублей».

⁶ «Опись о числе деревьев и разных растений, имеющихся ныне в Царицынских аранжереях и теплице» представил в июне 1802 г. царицынский управитель Н.М. Козловский. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41597. Л. 3-4 об. Опись царицынских оранжерей 1814 года была опубликована И.Е. Забелиным. См.: Описи оранжерей и садов при Слободском дворце и в селе Царицыне, 1814-1825 г. // Забелин И.Е. Опыт изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 340-343.

ных российских растений, которые по различию климатов вашей империи должны быть многочисленнее и, есть ли смею по опыту утвердить, гораздо прелестнее и полезнее чужестранных, по каковому предмету я вошел уже в сношения со многими начальниками губерний»⁷.

Итак, намерение создать в Царицыно ботанический сад не было забыто Валугевым, и не только инициативы Унгебауера стали тому причиной. В начале XIX века эта идея, можно сказать, витала в воздухе. Достаточно упомянуть, что именно в 1800-х гг. возникли первые в России ботанические сады в современном понимании этого слова – при университетах Москвы, Дерпта, Харькова, Казани, чуть позже Никитский ботанический сад. На всю Россию и даже Европу славился основанный в 1798 г. частный ботанический сад графа А.К. Разумовского в Горенках под Москвой. В донесении Валугева от 8 февраля 1808 г. была еще одна интересная фраза: «Из подносимого при сем печатного каталога, изданного в пользу любителей садоводства, соблаговолите усмотреть, сколько в весьма короткое время в садах императорских заведено разных ботанических растений, о коих прежде и не думано, и какое число умножено плодовых деревьев»⁸. «Любители садоводства», «садовотцы» упоминались в других письмах Валугева и позже. Кто же были эти «садовотцы»? Несомненно, речь шла не об отдельных людях, а о какой-то организации. Общество любителей садоводства в Москве возникло позже (1835) из отделения садоводства при Московском обществе сельского хозяйства (МОСХ). В свою очередь МОСХ было создано в 1820 г. на базе Московского общества испытателей природы – одного из старейших естественнонаучных объединений России, действующего по сей день.

Московское общество испытателей природы (МОИП) было учреждено в 1805 г. с «высочайшего благоволения» Александра I, а с 1807 г. оно официально именовалось Императорским. Инициатором его создания стал попечитель Московского университета Михаил Никитич Муравьев⁹. Научным руководителем был избран профессор Московского университета, зоолог Г.И. Фишер фон Вальдгейм, президентом – меценат и государственный деятель А.К. Разумовский¹⁰. Одним из основателей МОИП и активным

⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5587. Л. 19 об. Можно предположить, что «обширное место» для ботанического сада было «заготовлено» в левобережье Царицынского пруда в активно осваивавшейся в эти годы местности Покровская сторона.

⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп.3, Д.5587. Л.19 об.

⁹ Муравьев Михаил Никитич (1757-1807), писатель, поэт, государственный деятель, один из воспитателей будущего императора Александра I. С 1802 г. товарищ министра народного просвещения, с начала 1803 г. – попечитель Московского университета. Один из авторов первого Устава Московского университета, инициатор создания при нем обществ Истории и Древностей Российских, Испытателей Природы, Соревнователей Медицинских и Физических наук. Для преподавания в университете Муравьев пригласил в 1803-1805 гг. 11 профессоров ведущих университетов Германии.

¹⁰ Фишер фон Вальдгейм Григорий Иванович (1771-1853), энтомолог, зоолог, палеонтолог, профессор Московского университета, организатор и первый директор (научный руководи-

участником его деятельности был Георг Франц Гофман (1760-1826), первый заведующий кафедрой ботаники и первый директор Ботанического сада Московского университета.

Принятый Устав ставил перед Обществом совсем новую научную, просветительскую и патриотическую задачу – «собирать в Географическом порядке все естественные произведения Российского государства по части Минералогии, Ботаники, Зоологии, земледелия и промышленности»¹¹. За первый год существования МОИП в его действительные члены было принято 14 москвичей, в почетные – более 40. К концу 1806 г. общее число членов (включая иногородних и иностранных) достигло трехста¹².

В октябре 1806 г. общество пышно отпраздновало в Английском клубе первую годовщину создания. В записи от 9 октября дневника С.П. Жихарева читаем: «вчера Общество испытателей природы праздновало день своего основания; президентствовал граф А.К. Разумовский, у которого в его селе Горенках такая богатая коллекция разных заморских растений, собранная с невероятными трудами и издержками во всех частях света. Были Иван Иванович Дмитриев, граф Хвостов, обер-полицеймейстер Балашов, Бекетов, много других особ»¹³.

Быть членом Общества теперь было модно и престижно. Вступил в его «почетные» ряды и П.С. Валуев. Несомненно, что его интересовали прежде всего заседания и деятельность ботанической секции общества – тех самых «садовотцев». И именно их советами руководствовался он, намереваясь создать в Царицыне сад «российских произрастений», они же указали, какие растения и где можно получить.

Для сбора коллекции будущего сада Валуев как профессиональный чиновник воспользовался привычными для него бюрократическими каналами. 9 июля 1808 г. он направил письма генерал-губернатору Новоростель) Московского общества испытателей природы с 1805 по 1853 гг.

Разумовский Алексей Кириллович (1748–1822), граф, государственный деятель, с 1807 г. попечитель Московского университета, в 1810-1816 гг. министр народного просвещения), президент Московского Общества испытателей природы (1805-1817). Ботаники, работавшие в саду Разумовского в Горенках, в частности Ф.-Б. фон Фишер (1782-1854) впоследствии директор Императорского ботанического сада в С.-Петербурге, играли большую роль в работе МОИП. Сам Разумовский активно помогал Обществу как своим влиянием в московских кабинетах, так и деньгами. Он платил членский взнос 500–1500 рублей в год, а также финансировал экспедиции.

¹¹ Подробнее об истории создания и деятельности МОИП см.: Чайковский Ю.В. Старейшее общество и его библиотека // Москва научная. 1997. С. 391-415.

¹² Там же. Почетные члены в большинстве своем не были вовлечены в непосредственную деятельность общества и принимались в него для повышения статуса и для привлечения денежных средств : действительные члены платили взнос 30 рублей, а почетные – 100 рублей в год.

¹³ Жихарев С.П. Записки современника. М., 2004. С. 248. Дмитриев Иван Иванович (1760-1837), поэт, баснописец, государственный деятель. Хвостов Дмитрий Иванович (1757-1835), граф, поэт и литератор. Балашов Александр Дмитриевич (1770-1837), государственный деятель, московский обер-полицеймейстер (1804-1807). Бекетов Платон Петрович (1761-1836), известный издатель, библиограф, иконограф, коллекционер.

сийского края герцогу Э. де Ришелье и Сибирскому генерал-губернатору И.Б. Пестелю¹⁴. Оба письма начинались с преамбулы, в которой Валуев пояснял, что «по званию» главноначальствующего Экспедиции он обязан «для усовершенствования принадлежащих ко дворцам садов заводить разные цветы, кустарники и деревья приносящие плоды и к украшению садов»¹⁵.

К герцогу де Ришелье Валуев обратился с просьбой «препоручить кому-нибудь... собрать от упражняющихся в садоводстве в губерниях, вам вверенных, сведения о виноградных лозах и о протчих произрастениях, особенное уважение заслуживающих, с описанием достоинства оных и способов, какия признаны будут лучшими для перевезения их в Москву и размножения; каковыя сведения по совету садовотцов, присоединяя к оным помянутых растений некоторых семена а других кусты, сучья или деревья весною или осенью, как будет удобнее, доставить на мое имя в Москву»¹⁶. Из письма становится понятно, почему Валуев обратился именно к Ришелье, в ведении которого находилась Таврическая губерния. Ведь в Крыму жил в то время знаменитый путешественник и естествоиспытатель П.С. Паллас. Валуев пишет: «В сем наиболее способствовать может профессор Паллас имеющий сколько известно наилучшия роды растений Крымских»¹⁷. Далее Валуев пояснял: «Из собрания таковых произрастений предполагаю я в Царицынском дворцовом саду по обширности онаго заводить совсем новаго рода ботанической сад произведений российских, к сему ободряет меня испытание, что не взирая на разные климаты Российской империи, растения оных выдерживают в Москве суровость зимы на открытом воздухе»¹⁸.

У сибирского генерал-губернатора Пестеля Валуев просил «препоручить кому нибудь... собрать от упражняющихся в садоводстве в губерниях вам вверенных сведения о произрастениях как то: рододендронов, неклея и всякаго рода пополей под различными названиями в Сибири находящихся, и о протчих особенное уважение заслуживающих», и доставить эти сведения к нему в Москву, «присоединяя к оным помянутых растений некоторых семена а других кусты, сучья или деревья»¹⁹. Еще одна особенная

¹⁴ РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Д. 5587. Л. 63об-67. Ришелье Арман Эммануэль дю Плесси (Эммануил Осипович) (1766-1822), герцог, в 1805-1814 гг. генерал-губернатор Новороссийского края, включавшего Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии. Пестель Иван Борисович (1765-1843), в 1806-1817 гг. генерал-губернатор Сибирского края, включавшего Иркутскую, Томскую и Тобольскую губернии.

¹⁵ Там же. Л.63-63 об, 65.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1239. Оп.3. Д. 5587. Л. 64.

¹⁷ Там же, л.64об Паллас Петер-Симон (1741-1811), учёный-энциклопедист, естествоиспытатель, географ и путешественник. Прославился научными экспедициями по территории России во второй половине XVIII века. С 1795 по 1810 год. Паллас жил в Крыму, исследовал его природу, занимался разведением садов и виноградников в Судакской и Козькой долинах.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп.3. Д. 5587. Л. 64 об.

¹⁹ РГАДА. Ф.1239. Оп. 3. Д. 5587. Л. 65об-66. Рододендрон (лат. Rhododendron) – род растений

просьба Валуева – прислать «каких нибуть растений с китайской границы <...> потому что растения китайцев славящихся искуснейшим врачеванием из собственных своих трав и кореньев и превосходством своих из оных красок для изделий всякаго рода, должны быть, по мнению моему, для заведения в России гораздо полезнее и для перевозу выгоднее, нежели растения из Южной Америки и других полуденных стран получаемыя, которыя большую частью не на пользу, а подобно другим книгам в больших библиотеках, занимают в аптеках место единственно для наполнения пустых шкапов, а в ботанических садах для умножения числа гряд, со всем тем выписывание оных и сбережение в суровом наше и климате сопряжено с великими издержками»²⁰.

Проанализировав содержание писем, можно с уверенностью сказать, что идея Валуева о создании в Царицыно ботанического сада очевидно подпитывалась беседами с членами МОИП. Популярной темой этих бесед, несомненно, была патриотическая идея собирания не заморских экзотических, а отечественных растений, столь же разнообразных, сколько еще не изученных. Заметим, что в 1805-1807 гг. в длительной экспедиции по районам Восточной Сибири и Дальнего Востока находился директор Горенского ботанического сада, ботаник и доктор медицины, член МОИП И.И. Редовский, присылавший в Москву как отчеты о своих наблюдениях, так и семена редких растений²¹.

Осенью 1808 г. Валуев отправил еще два письма, на этот раз с совершенно конкретными просьбами, и они несомненно были навеяны впечатлениями от бесед с «садовотцами», делившимися наблюдениями от своих поездок. В письме от 11 сентября Валуев обращался к коменданту Кизлярской крепости Гоколову: «По назначению Любителей Садоводства известно мне, что Кизлярской Край, где вы занимаете звание Коменданта, весьма изобилует кустами, называемыми Лаховник, растущими в Роще близ Кизлярской Крепости, и деревьями известными под названием

семейства Вересковые, объединяющий около восьмисот видов вечнозеленых, полулистопадных и листопадных кустарников и деревьев. Такие виды, как Рододендрон Адамса, Рододендрон Даурский, Рододендрон Золотистый, Рододендрон Редовского широко распространены только в Сибири и на Дальнем Востоке. Неклен («некли») – одно из названий Клена татарского (лат. *Acer Tataricum*), ареал его распространения – юг европейской России, Кавказ, Балканы, Турция, Иран. «Пополь» – так называли в начале 19 века Тополь (лат. *Populus*) – род растений семейства Ивовые. В Сибири были распространены Тополь душистый и Тополь лавролистный.

²⁰ Там же. Л. 66 об.-67.

²¹ Редовский Иван (Иоганн) Иванович (1773-1807), ботаник, доктор медицины, путешественник. В начале 19 века руководил ботаническим садом в Горенках, активно пополнял его коллекции редкими растениями, систематизировал гербарий, в 1803-1804 издал каталоги Горенского сада. В 1805-1806 гг. в составе прикомандированной к отправлявшемуся в Китай русскому посольству научной экспедиции, проводил ботанические исследования в Сибири, на Алтае и Дальнем Востоке. Подробно описывал свои наблюдения графу А.К. Разумовскому.

Неклин»²². Во втором письме, отправленном 18 сентября киевскому губернатору П.П. Панкратьеву (1757-1810), Валуев писал: «По познаниям Любителей Садоводства известно мне, что вверенной Управлению вашему край, а особенно у графа Бранницкаго в Белой Церкви, изобилует деревьями называемыми Серебряныя Пополы (оба слова подчеркнуты – А.Б.), которыя покорнейше прошу ваше превосходительство поставить ко мне в Москву воза два, или сколько удобность отправления позволит»²³.

Какова же была реакция на письма Валуева? От герцога де Ришелье ответа не последовало. Возможно, письмо Валуева и переслали из канцелярии генерал-губернатора профессору Палласу, но сей многоопытный исследователь не считал нужным ответить на показавшееся ему довольно несерьезным и странным письмо. Не ответил на письмо Валуева и комендант Кизлярской крепости²⁴.

Сибирский губернатор Пестель сообщил о невозможности выполнения просьбы Валуева в силу того, что в Иркутской губернии нет людей, которые «особенно упражнялись бы в садоводстве» и от которых можно было бы получить сведения о «любопытных тамошних произрастениях», а тем более нет возможности их «собрания»²⁵. Пестель переслал письмо Валуева на Алтай – в Барнаульский ботанический казенный сад, так как именно там, по его сведениям, находились «наилучшие растения сибирския и китайския». Ответить на письмо было поручено известному специалисту горного дела Карлу Бэру, в ведении которого и находился Барнаульский казенный ботанический сад²⁶. Письмо от него пришло к Валуеву нескоро – весной 1809 г., зато при нем были образцы семян некоторых редких растений, «уделенные» из «наличных семян из Барнаульского Ботанического казенного сада», согласно приложенному каталогу. На остальные просьбы Валуева Бэр отвечал: «Из кусточков же и деревцов разных родов, которых в том саду находится только по одному, а редких по два кустика или деревца, отделить никак невозможно; равномерно и для самого собирания в здешнем краю находящихся растений и семян я со стороны Колывановских заводов никакого не нахожу способа удовлетворить изъясненному требо-

²² РГАДА. Ф. 1239. Оп.3. Д.5587. Л.90. Интересно, что Валуев не знал даже имени и отчества коменданта и извинялся за это в конце письма («не смог отыскать сведений»). «Лаховник» – это Лох узколистный, по другому пшат, джида (лат. *Elaeagnus angustifolia* L.), растение семейства Лоховых, распространенное на юге Европейской части России, на Кавказе, Средней и Малой Азии. Черноклен (лат. *Acer tataricum*)

²³ Там же. Л. 91-91 об. Панкратьев Петр Прокофьевич (1757-1810), губернатор Киевской губернии в 1804-1810 гг.

²⁴ Комендантом Кизлярской крепости в 1806-1809 гг. был уже не полковник Михаил Антонович Гоколов, находившийся в этой должности с августа 1804 по февраль 1806 г., а полковник Петр Иванович Мистров.

²⁵ РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Д. 5586. Л. 211-212

²⁶ Бэр Карл Крестьянович (1739-1810), выходец из Саксонии, известный специалист горного дела, в службу в России на Колывано-Воскресенских заводах вступил в 1758 г. В 1800 г. назначен управляющим Барнаульским сереброплавильным заводом, в 1806-1809 гг. исполнял должность начальника Колываново-Вознесенских заводов.

ванию, по причине совершенного недостатка медицинских чинов, особливо по обширному и трудному по сей части занятию»²⁷.

Самым оперативным и результативным оказался ответ киевского губернатора Панкратьева. Всего через месяц он отправил Валуеву присланные к нему графиней Александрой Васильевной Браницкой два воза «пополей» – и не только тех «что с серебряными листьями», как просил Валуев, но и «италиянских»²⁸. Пополя – а это были тополя белый, или серебристый (*Populus Alba*), и пирамидальный (*Populus pyramidalis* Borkh.), завезенные совсем незадолго до этого в усадьбы малороссийской знати из Италии и потому часто называвшиеся итальянскими или ломбардскими, были высажены, очевидно, на оранжерейном участке. На этом история создания ботанического сада в Царицыно закончилась.

Почему так произошло? Очевидно потому, что для Валуева вся эта история была только лишь забавой, модной игрушкой, которая была порождена эмоциональными рассказами московских «садовотцев» о богатстве и красоте флоры дальних российских регионов вкупе с влиянием популярных в эти годы патриотических настроений.

Но как только Валуев понял, что доступными для него бюрократическими способами эту идею реализовать нельзя и что для воплощения ее нужна серьезная научная база и опытные специалисты-ученые, намерение это было отставлено.

И совершенно неведомым образом, значительно трансформировавшись, оно было воплощено в жизнь в середине XX века. Ведь именно в правобережье Язвенки, в непосредственной близости к царицынской Покровской стороне в 1938-1942 гг. появился Бирюлевский дендропарк – питомник, созданный для испытания в условиях Подмосковья новых, ценных в декоративном отношении деревьев и кустарников с разных концов России и других республик Советского Союза, в том числе из Сибири, с Дальнего Востока, Кавказа и Украины.

²⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп.3. Д. 5593. Л. 80-80 об.

²⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп.3. Д. 5586. Л. 213. Употребленные на отправку «для Царицынских оранжерей дерев» 144 рубля 33 копейки были по предложению Валуева от 11 ноября 1808 г. были возвращены Панкратьеву из Экономической суммы Экспедиции Кремлевского строения. Там же. Д. 5587. Л.100 об.

Н.И. Завьялова

Планировочные проблемы сохранения архитектурного наследия

АРХАНГЕЛЬСКОЕ

Создание зон охраны дворцово-паркового ансамбля Архангельское восходит к послевоенному периоду – началу 1950-х гг., когда охраняемой зоной было лишь само ядро усадьбы. На следующем этапе проект зон охраны был разработан в 1986 г. НПО-7 НИИПИ Генплана г. Москвы (руководитель авторского коллектива И.К. Бахтина) и прошел согласования в установленном порядке. В 1995 г. проект был скорректирован ОИГП «Экоград-Наследие» (руководитель авторского коллектива В.Н. Выборный).

В проекте хотелось бы подробнее остановиться на южной части территории, входящей в ценнейшую панораму, открывающуюся от Дворца вдоль главной планировочной оси, проходящей через партер. Речь идет о Лохине острове.

В соответствии с проектом 1986 г. на всей территории Лохина острова как уникального памятника природы был установлен режим территории памятника. Зоны регулирования застройки были установлены в границах поселений: г. Одинцово (высотная застройка которого из-за неграмотной градостроительной деятельности доминирует в панораме Архангельского), пос. Барвиха, Ильинское, Рублево, Глухово, Воронки и др. При этом для Барвихи, Ильинского, Рублева произведены расчеты по определению максимальной возможности высоты зданий с целью сохранения исторических панорам. Тогда же было выдвинуто предложение в Правительство РФ о придании музею-усадьбе Архангельское статуса историко-культурного заповедника.

1. Проектом 1995 г. были существенно изменены в сторону сокращения площади зон охраны, а Лохин остров рассечен на две части, при этом южная (ближняя к берегу Москвы-реки) из территории памятника была переведена в охранную зону. Лохин остров – это не только органичная часть усадебного ансамбля, но и памятник природы. Здесь сохранились луга, характерные для поймы Москвы-реки, распаханнные в других местах, и являющиеся местом произрастания и обитания нескольких десятков редких и исчезающих видов растений и животных, в том числе занесенных в Красную книгу Московской области и Красную книгу Российской Федерации. На острове представлено около 130 видов позвоночных, что составляет

более 30% всего биоразнообразия Московской области. Здесь расположено реликтовое ледниковое карстовое озеро Глухая Яма возрастом около 12 тыс. лет. Лесные формации представлены южно-таежными, хвойно-широколиственными и широколиственными, представляющими большой интерес как пионеры зонального образования, не имеющие аналогов в других районах Москвы-реки. Среди них – остатки пойменных вязово-липовых дубрав, исчезнувших на всем протяжении долины. Проектом Заказника «Верхняя Москва-река» здесь предусмотрен заповедный режим. Кроме того, согласно Решению Совета депутатов муниципального образования «Красногорский район» № 675/3 от 27.03.2003, Лохинский остров объявлен особо охраняемой природной территорией в пределах 1-го пояса зоны санитарной охраны источников питьевого водоснабжения г. Москвы. Он расположен между двумя водопроводными станциями – Рублевской и Западной. Его экологическое состояние играет исключительно важную роль в поддержании высокого санитарного уровня источников питьевого водоснабжения, в очистке речных вод перед крупнейшей Рублевской станцией. Режимом первого пояса на данной территории запрещается любая хозяйственная деятельность. В соответствии с заключением государственной экологической экспертизы, утвержденной Приказом Федеральной службы по надзору в сфере природопользования № 482-э/МО от 15.03.2006, в связи с выявленной большой экологической ценностью Лохина острова и необходимостью его сохранения как морфогенетически и биоценотически единого природного комплекса Правительству Московской области рекомендовано расширить границы памятника со 150 га до всей территории острова, а на прилегающих к нему поймах за его естественными границами установить охранную зону.

В соответствии с проектными проработками 1997-2001 гг. из зон регулирования застройки были исключены Барвиха, Одинцово и др. поселения. В 2001 г. Постановлением № 156/18 от 30.05.2001 г. Правительства Московской области были утверждены границы территории зон охраны и режимы содержания памятника истории и культуры – ансамбля усадьбы «Архангельское» Красногорского района Московской области.

2. Проект «Обоснование необходимости, возможности и допустимости малоэтажного строительства в районе дер. Раздоры Одинцовского района Московской области». Проектная организация ОИГП «Экоград-Наследие», руководитель авторского коллектива В.Н. Выборный, заказчик ОАО «Parcel». Участок общей площадью 199 га расположен в продолжение главной планировочной оси Дворцово-паркового ансамбля Архангельское, в районе дер. Раздоры, южнее Лохина острова между Москвой-рекой и Рублевским шоссе к востоку и северо-востоку от дер. Раздоры. Эта территория входит в историко-природный заказник «Верхняя Москва-река», установленный решением Объединенной коллегии органов управления

Москвы и Московской области от 21.06.1999 г., № 55-ПОК «О создании особо охраняемой природной территории».

В рассматриваемом проекте зона охраняемого ландшафта к югу от Москвы-реки предлагается к переводу в зону регулирования застройки, а вся территория правобережья, включая береговую защитную полосу и водоохранную зону, рекомендована для размещения на ней коттеджного поселка с инфраструктурой на 5 тыс. человек с домами до 4-х этажей высотой до 17–18 м. Мотивация подобного кардинального сокращения зон охраны важнейшего федерального памятника Подмосковья в рассматриваемом проекте отсутствует. Лишь в разделе «Проектное решение» отмечено, что по отношению к 2000 г., когда корректировался проект зон охраны, «ситуация изменилась коренным образом», что потребовало более детальной проработки этого участка зон охраны. Однако в чем состояли эти изменения, в проекте не указано. При этом игнорируется тот факт, что данная территория располагается между Рублевской и Западной водопроводными станциями. Генплан «Обоснований» предусматривается гибким, позволяющим корректировки по ходу развития проекта с изменениями плотности застройки и типов зданий. Генплан может изменяться с течением времени вслед за меняющейся тенденцией на рынке. Вот это уже просто безнравственно.

Для доказательства, что вновь создаваемый коттеджный поселок не нарушает главную панораму ансамбля Архангельское, автор в томе «Обоснования» приводит фотопанорамы, открывающиеся от партера усадьбы в сторону Лохина острова. Однако качество съемки не соответствует требованиям, предъявляемым к фотофиксации исторических ландшафтов и фотографии неубедительны. Так, глубина панорамы по главной оси ансамбля к югу составляет около 12 км до г. Одинцова, что показано на разрезе в ходе создания проекта зон охраны и опубликованного. Все новое строительство, которое попадает в эту панораму, будет хорошо просматриваться от усадьбы. Об этом свидетельствует тот факт, что построенные в Одинцове дома возвышаются над горизонтом и хорошо видны от партера усадьбы.

Проектная документация не содержит данных о вновь выявленных в 2000–2006 гг. объектах археологического наследия (они не отражены в Заклнении регионального археолога М.М. Гоняного от 17.06.2006 г.). Вместе с тем в северной части участка, согласно археологическим исследованиям, проведенным в 2003 г. в ходе рассмотрения Министерством культуры МО соответствующего землеотвода, расположено историческое поселение Дубровка. Вторым неучтенным объектом археологического наследия является селище Лужское, расположенное в зоне охраняемого ландшафта к юго-западу от Лохина острова на левом берегу Москвы-реки на возвышенном останце луга. В XIV–XVI вв. здесь располагалось великокняжеское село Лужское. Третьим таким объектом является селище Серебряные Ру-

чи (XV в., площадь 0,7 га), расположенное в одноименном поселке близ юго-восточной границы зоны охраняемого ландшафта.

Текст «Обоснований» не содержит ссылки на разработанную ранее проектную документацию, в частности на историко-природный заказник «Верхняя Москва-река».

В разрешительной документации отсутствуют согласования с экологическими природоохранными службами Московской области и Российской Федерации, несмотря на то, что речь идет о вторжении в берегозащитную санитарно-защитную полосу и водоохранную зону Москвы-реки, застройке ее поймы – экологического и природного каркаса вблизи двух водопроводных станций – Рублевской и Западной и крупного мегаполиса, что может обернуться санитарной катастрофой для многомиллионных г. Москвы и Подмосковья. В проектной документации отсутствует заключение Главного санитарного врача Московской области и РФ.

В графических материалах отсутствуют необходимые разрезы и сечения рельефа по главной планировочной оси и по всем направлениям сектора обзора от дворцово-паркового ансамбля, в том числе из овального зала и с бельведера.

Обсуждение проекта и сложившейся в районе усадьбы Архангельское обстановки на секции «Достопримечательные места и историко-культурные заповедники» НМС показало, что предложение проектантов о сокращении утвержденных ранее границ зон охраны является ошибочным. Более того, необходимо принять меры для исправления уже сделанных градостроительных ошибок и разработать новые проектные предложения, смысловым центром которых была бы защита шедевра отечественной ландшафтной архитектуры – дворцово-паркового ансамбля Архангельское – «русского Версаля». Таким образом, на заседании были приняты следующие решения:

1. Отклонить от согласования перевод зоны охраняемого ландшафта в зону регулирования застройки с размещением жилого комплекса возле дер. Раздоры.
2. Произвести археологические исследования Лохина острова.
3. Рекомендовать включение в территорию памятника всей территории Лохина острова и разработать паспорт историко-культурного и природного объекта.
4. Рекомендовать повышение статуса Лохина острова – памятника природы Регионального значения в памятник природы Федерального значения.
5. Учесть в планировочных документах памятники археологии: урочище Дубровка, селища Лужское, Серебряные Ручьи и выявленные к настоящему времени археологические комплексы Лохино-1 и Глухово-1. Лохино-1 – многослойное поселение эпохи

- раннего железного века. Глухово-1 – памятник эпохи развитого средневековья.
6. Считать необходимым сохранение границы зон охраны в соответствии с проектом 1986-1995 гг.
 7. Провести мониторинг уже выполненных землеотводов в пределах зон охраны на предмет их правовой правомерности.
 8. Произвести фотосъемку: с террас ансамбля, от дворца, из овального зала, с бельведера (круговую панораму) соответствующей фотоаппаратурой.
 9. Продолжить археологические исследования в районе урочища Дубровка.
 10. Продолжить крупномасштабные комплексные научно-исследовательские работы, включающие архитектурно-ландшафтные, палеоландшафтные, природоохранные, дендрологические, ботанические, лимнологические исследования карстового ледникового озера Глухая Яма, социо-культурные, социо-экономические исследования, обследование застройки исторических поселений.
 11. Представить «Обоснования необходимости, возможности и допустимости малоэтажного строительства в районе дер. Раздоры Одинцовского района Московской области» на экологическую экспертизу.
 12. Обратиться в Правительство Московской области с просьбой приостановки выделения участков в водоохранной зоне Москвы-реки на территории утвержденных зон охраны усадьбы Архангельское.

Корректировка зон охраны продолжается. Так, на протяжении двух последних лет продолжается конфликт между защитниками памятника с одной стороны, застройщиками и чиновниками – с другой, по поводу намерений размещения в районе дер. Глухово Красногорского района «Культурного, эколого-просветительского, социально-досугового и рекреационного комплекса» в южной части Лохина острова на площади 25 га, для чего остров с реликтовым ледниковым озером Глухая Яма возрастом 12 тыс. лет переводится в «земли поселений», в черту дер. Глухово сельского поселения Ильинское Красногорского муниципального района. Застройщик ООО «Геонит». Как уже было отмечено, Лохин остров входит в первый пояс зоны санитарной защиты Рублевской и Западной водопроводных станций, где запрещена любая хозяйственная деятельность. В настоящее время разрабатывается обоснование возможности этой стройки. Проектировщик тот же – ОИГП «Экоград-Наследие». Для обоснования этой стройки необходимо перевести уже второй раз южную часть Лохина острова из охранной зоны в зону регулирования застройки.

Перечислим другие проблемы этого уникального в архитектурном и природном значении объекта:

- часть территории усадьбы с давних времен занимает военный санаторий, где для отдыхающих оборудованы спортплощадки со спортивными сооружениями, зданием спортбазы, металлическими оградами, лестницей, спускающейся по склону с современными металлическими ограждениями;
- территория дворцово-паркового ансамбля открыта для проезда автотранспорта;
- между северным входом на территорию усадьбы и театром Гонзага проходит перегруженная автотранспортом трасса Ильинского шоссе;
- театр Гонзага находится вне пределов землеотвода усадьбы, он обнесен забором для создания условной физической защиты памятника;
- производится застройка Архангельской и Захарковской рощ;
- старинные насаждения Воронковской рощи помечены бумажками с номерами, вероятно, под рубку для освобождения площадки строительства;
- обследование застройки близлежащих поселений показало радикальную смену их архитектурного облика – сохранность традиционной застройки составляет в лучшем случае 10%, остальные 90% – коттеджи.

Дворцово-парковый ансамбль Архангельское и его окрестности представляют огромный интерес для застройщиков. Самым грандиозным проектом можно считать малый город на 4 тыс. чел. на площади 430 км², который создается к северо-востоку от усадьбы с использованием ее названия – «Рублево-Архангельское». При этом абсолютно не принимаются во внимание культурно-природные ограничения, принятые во всем мире и выраженные в недопустимости подобных «строек века» по соседству с уникальным памятником мирового уровня и двумя водопроводными станциями – защитными фильтрами питьевой воды вблизи мегаполиса.

Необходимо продолжить научно-исследовательские и проектные работы. А именно: заключение историко-культурной экспертизы составленных ранее проектных материалов и сложившейся планировочной ситуации с разработкой предложений по созданию музея-заповедника; проведение археологических и микротопонимических исследований Лохина острова, гидрологические исследования карстового ледникового озера Глухая Яма; обследование застройки исторических поселений; корректировку проекта зон охраны; составление паспорта достопримечательного места.

Проект корректировки зон охраны усадьбы Архангельское рассматривался на совместном заседании Ученого Совета по охране культурного наследия и Бюро Отделения градостроительства РААСН 25 января 2008 г.

Было установлено, что проектом понижается уровень охраны объектов культурного наследия путем резкого сокращения территории памятника с 675 га до 107 га за счет важных для целостности ансамбля частей: ландшафтного парка (рощ) на западе, вокруг театра Гонзага, на территории Лохина острова – его исторических лугов и рощ. Сказано, что проектные решения научно не обоснованы и не только не способствуют целям усиления мер, обеспечивающих сохранность объекта культурного наследия, но создают реальную угрозу его целостности и сохранности. Истинная цель проекта – путем снижения уровня охраны ансамбля узаконить допущенные нарушения и начать активное строительство объектов, противоречащих интересам сохранения объекта культурного наследия. Представленный проект имеет скрытую цель решить вопрос собственности на незаконно представленные земельные участки в пользу частных лиц и коммерческих организаций, т.к. изменение границ территории объекта культурного наследия лишает возможности зарегистрировать права собственности РФ на земельные участки, исключенные из границ территории ансамбля.

Было рекомендовано немедленно прекратить данные проектные проработки в связи с несоответствием цели и порядка проведения этих работ действующему законодательству РФ. Также было предложено включить ансамбль Архангельское в список особо ценных объектов культурного наследия народов РФ и в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Вместе с тем на заседании экспертного совета Росохранкультуры, рассматривавшего этот же вопрос (после внесения очередной правки, мало что изменившей), было вынесено достаточно обтекаемое решение и проект был принят.

ПУШКИНОГОРЬЕ

В 2007 г. на заседании секции Научно-методического совета рассматривалась «Концепция организации буферной зоны туристско-рекреационного типа Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» на левом берегу р. Великой за пределами заповедника в районе с. Селихово. Поводом для рассмотрения этого вопроса послужило обращение одного из ведущих научных сотрудников заповедника к министру культуры А.С. Соколову. Суть обращения заключается в обеспокоенности специалистов последствиями бурного развития туризма, негативно отражающегося на состоянии заповедной территории. Материалы прошли экспертизу и результат был доложен на заседании секции.

Уже в конце XIX – начале XX века пушкинские места стали восприниматься как явление русской национальной культуры, тогда же сформировалось понятие «Пушкинский уголок», а в 1899 г. к столетней годовщине

со дня рождения поэта Михайловское было выкуплено в государственную собственность у его наследников. В 1911 г. в Михайловском был открыт Пушкинский музей. Постановлением Совнаркома от 17 марта 1922 г. села Михайловское, Тригорское и могила А.С. Пушкина были объявлены заповедными, а в 1936 г. в его состав включены городища Савкина Горка и Воронич, усадьба Петровское и вся территория Святогорского монастыря. Постановлением Правительства РФ № 165 от 20.02.1995 г. Пушкинскому заповеднику придан статус «Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С.Пушкина «Михайловское». Территория увеличена с 665,6 га до 9173 га с охранной зоной 15219 га. В границы включены уникальные ландшафты по р. Сороть от Михайловского до Тригорского, оз. Белогуль, городища Врев и Велье, имения родственников и друзей Пушкина – Воскресенское, Голубово, Лысая Гора, исторические села Велье и др.

Система размещения прибывающих в Михайловское экскурсионных групп сложилась еще в 1936 г. с открытием турбазы и экскурсбюро в д. Воронич. С 1954 г. заповедник подчиняется Минкультуры РФ и своими структурами, обслуживающими туристов, не располагает. С 1960 г. здесь существовал «городок туристов» с проживанием в деревянных щитовых домиках, а летом устраивался палаточный лагерь как сезонная база ВЦСПС. С 1975 г. начала функционировать турбаза на 500 мест на границе Михайловского и пос. Пушкинские Горы. В 1995 г. музей преобразован в Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское», а границы его, как уже было сказано, расширены. В новых границах заповедник объявлен «Особо ценным объектом культурного наследия народов РФ» и любое новое строительство здесь строго регламентировано.

С ростом посещаемости, развитием форм деятельности заповедника увеличились нагрузки на исторический ландшафт и обострился вопрос об организации туристско-экскурсионной деятельности. При активизации коттеджного строительства последних лет новые дисгармоничные постройки появились во многих поселениях – напротив Михайловского, напротив Савкиной Горки, в Петровском, Ворониче, Дедовцах, Шаробыках и др. Возникли также частные и ведомственные гостиницы. У дер. Бугрово появился комплекс зданий для обслуживания туристов, построена новая гостиница на 100 мест. К 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина (в период 1996-2000 гг.) при каждом музее были выстроены ведомственные гостиницы на 20-30 человек, которые, несмотря на стилизацию фасадов, выделяются в исторической среде. Новое строительство в границах заповедника велось и в середине XX века – тогда появились дома сотрудников в дер. Савкино. Но это поселение восстанавливалось после войны, когда в сельской архитектуре еще бытовали строительные традиции прошлых времен. Современные застройщики рассматривают местность прежде всего

как дачную. При разрешенной продаже и покупке домов в мемориальной зоне (в т.ч. и в пределах строгой охраны) существует опасность нивелирования или полного искажения исторической среды. Многие приезжающие в заповедник проводят здесь свой отпуск, в частности, на турбазе. Территория памятника используется как рекреационная, что не согласуется с регламентом заповедника, резко возрастает антропогенная нагрузка. Негативные результаты уже сегодня наблюдаются по ряду позиций, поэтому серьезные возражения вызывает размещение на мемориальных территориях палаточных лагерей «доброхотов» – молодых людей, совмещающих помощь заповеднику с отдыхом. Интенсивные формы отдыха молодежи не согласуются со строгим заповедным режимом. Отсутствие инфраструктуры и инженерных сетей наносит вред ценным ландшафтам, создаются экологические проблемы. Так, летом 2005 г. был проведен эксперимент по устройству палаточного лагеря на поляне в Михайловском под названием «Лето в Пушкинской деревне». Такой вид отдыха и досуга в мемориальном пространстве нельзя признать целесообразным – это развлекательный тип отдыха, соответствующий любой другой курортной зоне, но не мемориалу великого поэта.

В последние годы также возросла транспортная нагрузка на заповедник со всеми вытекающими последствиями – загазованностью и шумом, а транспорт, проходящий по шоссе под стенами Святогорского монастыря, наносит также физический вред фундаментам монастырских строений и могиле А.С. Пушкина.

Безусловно, за 180 лет «пушкинская» природа претерпела изменения. Однако все также перед нами со ската высокого холма, на котором расположен пушкинский дом, открывается великолепный вид на широкую живописную долину, на извилистое русло р. Сороти, на «двух озер лазурные равнины», на «холм лесистый», на «нивы полосатые», на «вдали рассыпанные хаты», на луга с «бродящими стадами», на очертания Петровского парка с беседкой, хорошо видимой за оз. Кучане. Сохранившийся до наших дней «пушкинский» ландшафт и посвященные ему стихи – это важнейшая и единственно достоверная часть экспозиции музея-заповедника.

Еще в 1936 г. К.Г. Паустовский обратил внимание на традицию размещения мемориальных досок со стихами А.С. Пушкина в разных точках заповедника. До 1996 г. они наряду с оригинальными валунами-указателями были важнейшим средством маркировки мемориального пространства. Доски располагались около дома поэта («...господский дом уединенный...»), на берегу оз. Маленец, не доходя до Михайловского, («...холм лесистый...»), у часовни в лесу перед входом в Михайловское. В процессе проведения реставрационных работ мраморные доски убраны и не возвращены на прежние места. По объяснению администрации, их «при Пушкине не было».

Необходимо отметить, что в настоящее время нарушаются традиционные методы природопользования. Так, на протяжении 2005-2006 гг. вырубался подлесок и подрост, «сбривался» травяной покров с ягодником, хотя в старину траву косили, оставляя около 4 см. В 2005 г. уничтожена вся (кроме сосен) растительность «холма лесистого», воспетого А.С. Пушкиным, то же на полянах сосновых рощ, у аллеи А.П. Керн и у беседки в фруктовом саду и др. Уничтожение таких компонентов, как подлесочный ярус, второй ярус древостоя, травяного покрова ведет к ослаблению корневой системы оставшихся деревьев, одновременно уничтожаются места обитания орнитофауны, которая обычно гнездится на опушках. Меняется микроклимат внутри лесного участка, иссушаются и уплотняются почвы за счет внедрения злаков и формирования плотной дерновины, а сжигание порубочного материала на корнях деревьев наносит им непоправимый ущерб.

В настоящее время дирекция музея-заповедника рассматривает наличие подведомственных ей гостиниц вблизи музеев как один из главных источников дохода. Три гостевых дома уже построены. В печати декларируются идеи строительства гостевых домов на мемориальных территориях, а также строительство лагерей «доброхотов» на месте утраченных деревень XVIII-XIX века, в том числе на полянах между Михайловским и Петровским, у дер. Глазки возле усадьбы Тригорское, перед дер. Савкино у «трех сосен», (хотя на мемориальный период этой деревни не существовало). Для того чтобы узаконить свои действия, администрация пересмотрела хронологические рамки мемориального периода 1824-1826 гг., утвержденные специальной комиссией Пушкинского Дома АН в 1945 г. В настоящее время они «раздвинуты» в обе стороны, не ограничены годами, что равно их упразднению. Такой подход позволяет считать любое строительство на территории заповедника «восстановлением». Отсюда планы устройства гостиниц «различной емкости». Их предполагается приспособить для разных категорий посетителей.

Главной задачей и назначением заповедника является сохранение подлинности места как документа эпохи, а уникальный пушкинский ландшафт является единственно достоверной частью экспозиции музея-заповедника. Другой стороной является необходимость адаптации к последующим эпохам с их новыми условиями, в особенности к нашей, с современным туристским и строительным бумом. При этом возникает опасность вторжения в подлинную среду, создания бутафорий, превращения заповедника в хозяйственно-туристский комплекс. Пересмотр хронологических рамок потенциально таит в себе самую серьезную опасность, т.к. подрывает методологическую базу восстановления, охраны и использования памятника. С особой остротой стоят архитектурно-градостроительные проблемы исторических поселений, что связано с оборотом недвижимости – купли-продажи домов и земельных участков при сложной специфике воздействия на эти процессы.

Проблемы формирования устойчивой инфраструктуры заповедника, проблемы его экономической стабильности являются ключевыми проблемами «выживания» заповедника и его развития. *(В сегодняшних реалиях лучше употреблять термин «стабильность», а не «развитие»)*. По мнению экспертов, обсуждаемые проблемы Пушкиногорья коррелируются с подобными в других заповедниках и носят всеобщий характер. Придание заповедникам большей экономической самостоятельности – вопрос сложный, учитывая правовую неотлаженность и некоторые сверхинтенсивные экономические эксперименты с оттенком авантюриности. Примером может служить оперативное создание туристических гостиниц, идущее вразрез со сложившейся управленческой структурой заповедника и с нарушением планировочных регламентов, на территории ГМПЗ «Музей-усадьба Л.Н.Толстого «Ясная Поляна» между усадьбой и станцией Козлова Засека. Такой туристический бизнес, вторгающийся в заповедники и не связанный с ними ни идеологически, ни экономически, наносит только моральный и физический ущерб ландшафту.

Увязка перечисленных проблем является сложной методологической задачей и состоит из следующих разделов: организация туристско-экскурсионной деятельности с размещением туристов при условии сохранения мемориального пространства, жилое строительство в поселениях, реконструкция исторического ландшафта, экономическая выживаемость заповедника. Наиболее сложными из них и пока трудно решаемыми, как уже было отмечено, можно считать архитектурно-планировочные проблемы селитебных территорий, в частности исторических поселений.

В число архитектурно-планировочных проработок начала 1980-х гг. входит Генеральный план, разработанный институтом «Ленпроект» под руководством Т.В. Андоровой. Проектом была предложена организация нового туристического комплекса в границах заповедника на правом берегу р. Великой у дер. Новая Березовка и усадьбы Фоков Лысая Гора – памятника усадебного строительства XIX – начала XX века. При этом от объектов нового строительства открывался вид на усадьбу с противоположного берега реки.

Однако в современных экономических условиях весьма определенно возросла необходимость развития современной инфраструктуры туризма в районе, совмещения познавательных и рекреационных потребностей гостей заповедника. В то же время существует необходимость использования значительного туристического потенциала территории как средства включения заповедника и района в новую экономическую реальность. Принципиальное значение приобретает использование и интерпретация прилегающей к заповеднику территории как буферной для памятника и удобной для отдыха туристов и их обслуживания.

Данная территория, расположенная вне границ заповедника с левой стороны шоссе Новгородка – Пушкинские Горы перед мостом в дер.

Селихново, ограничена на левом берегу р. Великой, с запада – полосой леса. Здесь проходят основные пути следования приезжающих в заповедник по шоссе Велье – Пушкинские Горы и Новгородка – Пушкинские Горы. Площадь территории – 30 га, местность возвышенная и живописная. На правом берегу существовали утраченные на сегодняшний день усадьбы Фоков Лысая Гора и Осиповых Косорымы. Левый берег заселен слабо, сохранились фрагменты утраченных в XX веке деревень. Среди них бывшая д. Забоево представляется наиболее перспективной с точки зрения ее восстановления в качестве деревни для туристов. В Концепции содержатся предложения по организации здесь и в ближайших деревнях зоны приема различных категорий туристов разного возрастного состава, уровня образования и др. Рассматриваются предложения по их размещению, обслуживанию, экскурсионной деятельности как в самом заповеднике, так и за его пределами. В состав функциональных зон входят в том числе детская зона и зона ремесел. Предложена организация образовательного учреждения, в частности, по подготовке кадров работников заповедника. Управление новыми структурами предлагается вести в форме открытого акционерного общества, объединенного на добровольной основе юридическими лицами, занимающимися разными видами деятельности. Это способствовало бы решению вопросов трудоустройства населения и, в какой-то степени, решению экономических проблем депрессивного региона. Предлагаемая территория благоприятна для отдыха, имеет резервы для развития и является привлекательной для туристов.

Концепция была одобрена. Организация зоны приемов туристов на левом берегу р. Великой вне границ заповедника позволит сохранить от нежелательного вторжения «...приют, сиянием муз одетый...» – Михайловское, Тригорское, Петровское и прилегающие к ним мемориальные природные ландшафты, установив на них более строгий режим охраны.

Экспертами было рекомендовано освоение территорий, вошедших в состав заповедника в 1995 г. – Голубово, Воскресенское, Велье, Лысая Гора и др. по специально разработанным проектам реставрации и приспособления, в том числе, для приема посетителей. Было также поддержано предложение об установлении статуса особой заповедной зоны со строгим режимом охраны в центральной части заповедника, включая Михайловское, Тригорское, Петровское и прилегающие к ним ландшафты: дер. Савкино, укрепление X-XII веков Савкина Горка, озера Маленец и Кучане, р. Сороть, окружающие поля, луга, обрамляющий их лес, дер. Воронич, городище Воронич, историческую дорожно-тропиночную сеть.

Предлагаемый порядок и методы проведения научно-исследовательских и проектных работ:

- проведение историко-ландшафтных и ландшафтно-археологических исследований с целью выявления контуров исторических угодий – полей, лугов, лесов, а также разработка

методов ведения земле- и природопользования с использованием исторических черт на мемориальный период с целью реконструкции исторического ландшафта. Дирекции заповедника необходимо заказать аэрофотосъемку территории в границах заповедника и прилегающих к ним земель, учитывая, что на уставших съемках сер. XX в. невозможно выполнять планировочные работы;

- проведение обследования застройки исторических поселений с целью разработки альбомов традиционной типовой рядовой гражданской архитектуры для использования при разработке проектов воссоздания и нового строительства на сохранившихся фундаментах;
- при ведении лесопаркоустроительных работ необходимо обратить особое внимание на сохранение подлеска, подроста и травяного покрова;
- крайне нежелательно изменение хронологических рамок мемориального периода с. Михайловского. При всех восстановительных работах следует исходить из того, что мемориальным для Пушкинского заповедника является период ссылки поэта 1824-1826 гг.;
- не следовало бы отделять морально и экономически буферную зону от существующей управленческой структуры заповедника;
- воссоздание мемориальной пушкинской дороги от Михайловского вдоль р. Сороть, оз. Маленец и Кучане, и в Петровское;
- рассматривать мемориальные доски со стихами А.С. Пушкина как необходимый способ маркировки мемориальной территории. Было бы целесообразно восстановить на мраморе «каменные цитаты», помогающие ориентироваться в ландшафте и лучше его понять;
- проработать проблему транспортной перегрузки заповедника;
- предусмотреть ликвидацию шумовых загрязнений, создающихся музыкой из кафе, шумом сенокосилок, транспортных средств;
- идентифицировать заповедник как заповедник личности, а заповедник с превалированием хозяйственных форм целесообразно организовать в расположенной рядом усадьбе Львовых Алтун, которая в XIX веке отличалась развитым хозяйством. Аналогичный подход возможен при восстановлении усадьбы Голубово, входящей в границы заповедника;
- рекомендовать представить на рассмотрение секции «Достопримечательные места и историко-культурные заповедники Научно-методического совета по охране и сохранению культурного наследия при Минкультуры РФ» Концепцию проведения

- научно-исследовательских и проектных работ, а также программы туристско-экскурсионной деятельности заповедника;
- учитывая объективную сложность реализации подобных проектов и тот факт, что для музея-заповедника ландшафтное проектирование не является профильным направлением деятельности, было бы целесообразным создание специальной рабочей группы прямого подчинения МК РФ для детальной проработки проектных предложений И.Т. Будылина, исследования местности и т. п.

ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА НА НЕРЛИ

Те трансформации, которые происходят на протяжении последних нескольких лет с шедевром русского белокаменного зодчества начала XII века – церковью Покрова на Нерли, вызывают обеспокоенность. Это памятник федерального значения, входящий в список объектов культурного наследия ЮНЕСКО. Как известно, реставрация церкви Покрова на Нерли с расчисткой от позднейших напластований была произведена в середине XX века Н.Н. Ворониным. Он же занимался и археологическими изысканиями. Позже они были продолжены, но до полномасштабных исследований, которые должны были затронуть Боголюбовский луг, дело так и не дошло. После реставрации к нам вернулся облик, который и вошел в отечественную культуру как символ древнерусской архитектуры. Другой особенностью церкви Покрова на Нерли является ее местоположение. Так, необыкновенно стройная, гармоничная во всех своих параметрах, поднятая на искусственный пьедестал она царит в обширном открытом пространстве заливных лугов. Все это позволяет назвать этот памятник эталоном русской архитектуры в неразрывной связи с природой. Об этом же свидетельствует бесчисленное множество изображений памятника.

В 2001 г. на заседании Научно-методического совета по сохранению культурного наследия рассматривался «Проект зон охраны церкви Покрова на Нерли», выполненный Владимирской реставрационной мастерской. Проект содержал предложения по восстановлению облика окружения церкви на XIX век, когда существовала колокольня, была действующей церковь Трех Святителей, а территория была обнесена каменной оградой. Вместе с тем не был разработан историко-культурный опорный план на более ранние периоды. Содержалось предложение о воссоздании церкви Трех Святителей. В результате обсуждения было предложено:

- продолжить археологические исследования территории Боголюбовского луга для изучения системы землепользования в эпоху средневековья;

- с целью сохранения ценнейшего историко-ландшафтного комплекса срочно создать заповедник в границах предложенной зоны охраняемого ландшафта;
- по границам заповедника установить ограду, шлагбаумы, организовать охрану. В этом случае отпала бы необходимость ограждения церкви. Вся территория заповедника должна контролироваться штатом сотрудников, возможно, экскурсоводами-инструкторами;
- разработать Концепцию совместного пользования памятником Владимиро-Суздальским музеем-заповедником и Епархией. Принять во внимание, что организованный здесь скит может повлечь за собой потребность в дополнительных площадях.

Тогда же возник вопрос и с оградой в виде штакетника, которая установлена по одной стороне и не очень видна при подходе к памятнику со стороны железной дороги. Установка ограды была продиктована требованием безопасности – охраны территории церкви от непрошенных гостей – ведь в летнее время на берегу р. Нерли прямо напротив памятника разбивают палаточные лагеря туристы. Воссоздание церкви Трех Святителей – ее надстройка – было не рекомендовано, однако на первом существующем ярусе к тому времени уже был установлен крест и в храме проходили богослужения. Богослужения по праздникам проходят также и в церкви Покрова. Церковь находится в ведении Владимирской епархии и приписана к приходу церкви Иоакима и Анны пос. Боголюбово. Здесь организован скит Боголюбовского монастыря.

Посетив объект весной 2008 г., мы обнаружили следующее. Дорожка, ведущая по Боголюбовскому лугу от железной дороги, выложена камнем, правда, сохранился ее абрис. При подходе к церкви слева от дорожки вырублена роща старовозрастных насаждений, многие из деревьев были абсолютно здоровы, что видно по пням. Срублено дерево на углу подиума и подготовлены грядки для высадки цветов. Иными словами, производится «благоустройство» памятника без всякого обсуждения со специалистами. Думается, что этих фактов вполне достаточно для того, чтобы ведущим специалистам сильно обеспокоиться и подумать, какие же необходимо принять меры по спасению национального достояния – церкви Покрова на Нерли.

А.Ю. Литвинцев, Е.М. Шипулина, Т.Г. Сарманова,
Р.З. Фарманян, Е.Ю. Чикичева

Восстановление сада Бутиных в рамках проекта «Даурский Версаль»

Небольшой провинциальный городок на самом юге Сибири... Какими невидимыми нитями связан он с судьбою всей страны, да еще так, что известен во всем мире?

«Мощь России прирастать будет Сибири»... – это Ломоносов, а еще задолго до него Иван Грозный: «в полон сибирцев имати и в дань за нас приводити»... За долгую историю Нерчинска свой след на этой земле оставило множество людей, но, без всякого сомнения, самыми значимыми были и остаются представители семьи Бутиных, предок которой в конце 17 века в составе рудоискательной партии по указу Петра I был послан в Сибирь, да так и остался навсегда в «диких степях Забайкалья». Потомок его Михаил Дмитриевич Бутин – купец, крупный золотопромышленник, владелец винных, солеваренных, металлоделательных заводов, пароходов, магазинов, типографии, картинной галереи, замечательных нумизматической и минералогической коллекций занимался благотворительной деятельностью на благо города и оставил ему свою усадьбу с прекрасным дворцом в мавританском стиле, хозяйственными постройками и садом с оранжереями, фонтанами, беседками и скульптурами (илл. 37). После череды смен владельцев и исторических потрясений усадьба пришла в упадок, растения без ухода погибли, здания стали превращаться в развалины.

Руины в самом центре города выглядели плачевно. И в 2003 г. ко дню 350-летия города была восстановлена и открыта часть здания, куда переселился Нерчинский краеведческий музей (илл. 38). Совершенный, праздничный фасад естественным образом требовал соответствующего зеленого обрамления. Идея о воссоздании усадьбы напрашивалась сама собой, так как к нашему времени в Нерчинске не осталось даже парка «советского периода», который сменил усадебный садово-парковый комплекс.

Этим садом занималась сестра М.Д. Бутина Татьяна Дмитриевна Мауриц (илл. 35). Она относилась к этой работе очень серьезно, используя доступные научные достижения того времени. Именно благодаря ее публикациям (нами найдено 23 первоисточника и известно еще о 15), переписке с Мичуриным, с Императорским ботаническим садом, а также дошедшим до нас фотографиям стала возможной предпринятая нами попытка воссоздания сада на территории бывшей усадьбы купцов Н.Д. и М.Д. Бутиных. По опубликованным материалам выявлено более 100 видов растений,

произраставших там. К сожалению, план усадьбы не сохранился, и можно только частично ознакомиться с садом, пользуясь дошедшими до нас фотографиями.

Организационные мероприятия по сбору архивных материалов, агротехнические работы, ботанические исследования, взаимодействие со средствами массовой информации, общественностью, администрацией города, района и области сделали краеведческий музей центром консолидации усилий по восстановлению сада. Дважды проект, получивший название «Даурский Версаль», был поддержан губернаторским грантом, а в 2008 г. и президентским.

В основу проекта положен регулярный стиль (илл. 36). Основная идея сада предусматривает симметрию, ритмическую повторность элементов, использование топиарного искусства при формировании обрамления аллей и небольших комплексов разного назначения. Несомненно, мы пытаемся внести в проект русские элементы, а также не забываем прикладную сторону всего ансамбля. В саду запланированы участки, открытые для посещения горожан, с аллеями, скамеечками, беседками, ротондой, фонтанами, вазонами, детской площадкой. Для туристов планируется оборудовать смотровую площадку, кафе, накопители для экскурсантов и т.д. Вводится территория для создания 2-х экспозиционных участков: декоративных и охраняемых растений, посещение которых возможно только в присутствии работников музея. На этих участках предусмотрены экскурсии, освещающие разнообразие растительного мира Забайкалья, вопросы интродукции, историю ботанических исследований, работу научных сотрудников музея и других научных учреждений.

На сегодняшний день не только составлен ботанический проект сада с эскизами, разработана структура садовых участков, их назначение и видовой состав, ведется работа по наполнению растениями, согласно разработанным рекомендациям, работа по интродукции видов инорайонной флоры, испытание видов и сортов однолетников и многолетников. В течение 3-х лет проводились экспедиционные сборы семян и охраняемых растений. Попутно собран огромный гербарный и фотоматериал, на базе которого проводятся краеведческие и ботанические мероприятия, экскурсии, выставки, встречи, лекции, конкурсы.

Таким образом, используя найденные архивные материалы, мировой опыт садоустройства, современные ботанические знания по интродукции растений, фитогеографии, экологии, агрономии, а также, что немало важно, опыт работы с людьми, мы пытаемся воссоздать сад усилиями не нескольких человек, а способом народной стройки, формируя ощущение причастности к истории, объединяя усилия многих людей для достижения поставленной нами цели – воссоздания сада Татьяны Мауриц.

М.В. Куликова

Историко-культурный ландшафт Государственного Биологического музея: прошлое, настоящее и будущее

Государственный Биологический музей – комплексный естественно-научный музей, действующий как научно-образовательный и художественно-эстетический центр. Основная экспозиция музея, развернутая на площади 900 м², посвящена таким разделам современной биологии и экологии, как развитие жизни на Земле; антропогенез, многообразие современного мира животных и растений; анатомия и физиология растений, животных и человека; генетика и селекция; экологические основы охраны природы. Фонды музея насчитывают свыше 70 тыс. единиц хранения.

Немного об истории создания музея. Особняк был построен в 1891-1898 гг. по проектам архитекторов В.В. Фрейзенберга и А.И. Эрихсона. До 1905 г. строения (Старый и Новый музей, хранилище для архива музея) принадлежали известному коллекционеру и меценату П.И. Щукину, где он размещал собрания старинных гравюр, произведения русского народного творчества, предметы быта знати и купечества. В 1905 г. П.И. Щукин пожертвовал свою коллекцию вместе с землей и недвижимым имуществом Историческому музею. Усадьба стала называться отделением Императорского Российского Исторического Музея им. Александра III – Музеем П.И. Щукина, а сам ее бывший владелец стал хранителем собрания. В 1917 г. коллекция была перевезена в Исторический музей.

При строительстве музея участок открытого грунта, прилегающий к зданиям, был превращен в небольшой сад, который служил исключительно для декоративного оформления архитектурного ансамбля усадьбы. В нем насчитывалось около 250 плодовых и декоративных деревьев и кустарников: липы, березы, тополя, клены, ясени, яблони, груши, сливы, сирень, жасмин, боярышник, акации и др. Для убранства сада было посажено также 12500 травянистых растений. В это же время была построена каменная оранжерея, в которой насчитывалось 2318 растений, служивших украшением экспозиции музея.

В 1935 г. часть комплекса была предоставлена Государственному Биологическому музею им. К.А. Тимирязева. Музей основан при кафедре биологии Коммунистического университета им. Свердлова в 1922 г. под руководством академика Б.М. Завадовского. В 1934 г. он был выделен в самостоятельное учреждение и разместился в здании на Малой Грузинской

улице. В 1930-1940 гг. объемно-пространственная и планировочная структуры усадьбы были частично утрачены. Дворовая часть владения отошла построенному рядом заводу. В наши дни с двух сторон усадьбу окружают жилой многоэтажный дом и боулинг, которые полностью закрывают вид на архитектурный ансамбль. Перед усадьбой – оживленная улица с хорошо развитой торговой сетью. В 1950 г. между зданиями музея появилась теплица, которая служила подсобным помещением для выращивания растений с целью использования их в качестве демонстрационного материала и для проведения опытов. В настоящее время в здании Старого музея расположена экспозиция биологического музея, в Новом музее размещаются администрация и научные отделы, здание архива музея занимает сторонняя организация. Усадьба музея является памятником градостроительства и архитектуры федерального значения, охраняемым государством. К сожалению, полностью отреставрировать утраченное невозможно, но есть возможность заменить и дополнить растительность усадьбы новыми объектами.

Основная экспозиция современного музея представлена в 17 залах, из которых только 2 отведены под ботаническую тематику, а проводится в них более 20 тем экскурсий. Высокая востребованность данной тематики (из всех естественно-научных музеев г. Москвы ботанический раздел биологии представлен только в этом музее) поставила проблему качественно нового освоения музейного пространства и расширения экспозиционных площадей. Помимо традиционных форм экспозиционной работы (в помещениях) Биологический музей имени К.А. Тимирязева в последнее десятилетие активно осваивает приусадебную территорию бывшего музея-усадьбы П.И. Щукина и широко внедряет создание живых коллекций растений закрытого грунта в оранжерее и открытого грунта на территории прежнего сада.

В связи с частичной реконструкцией музея в 1998–2000 гг. на месте старой теплицы была построена новая оранжерея (илл. 40). Здание общей площадью 110 м² разделено на 2 секции: экскурсионную, где проводятся экскурсии по ботанической тематике, и рабочую, в которой выращивают растения для живой экспозиции в залах и проведения ботанических опытов.

До реконструкции теплицы коллекция комнатных растений включала 240 экземпляров и была представлена 162 видами, принадлежащими к 40 семействам. Климатические условия, освещение и оборудование современной оранжереи позволяют значительно расширить коллекцию комнатных растений как по разнообразию представленных видов (220), так и по числу экземпляров (350). В основу тематического комплектования новой оранжереи был положен биогеографический метод с показом растений из различных биотопов: тропический и субтропический лес, околородные пространства и субтропические пустыни. В ассортименте оранжереи

представлены не только видовые растения, но также сорта и культивары. В экспозиционной части проводятся экскурсии «Путешествие с домашними растениями» (в рамках программы «Семья в музее»), «Жизненные формы растений», «Комнатное цветоводство», а также освещаются более узкие темы для специалистов и любителей – «Тропические и субтропические папоротники», «Суккуленты» и др. В связи с возрастающим интересом посетителей, планируется создание новых тематических экскурсий по оранжерее: «Ядовитые комнатные растения», «Лекарственные оранжерейные растения» и др. В связи с этим разрабатывается дальнейший план комплектования. Коллекция живых растений – структура очень лабильная. Часть растений погибает в результате старения и болезней, другие временно теряют свою декоративность. Поэтому насущным становится вопрос постоянного пополнения коллекции. Оранжерея служит также помещением для выгонки луковичных растений, которые в дальнейшем размещаются в экспозиции музея.

Одновременно с перестройкой оранжереи начато формирование новой ландшафтной экспозиции на участках открытого грунта, расположенных на территории музея. Ранее эти участки служили исключительно для декоративного оформления архитектурного ансамбля усадьбы. К сожалению, восстановление прежней структуры сада невозможно, так как часть территории потеряна при глобальных перестройках в 1940-1950-х годах. До настоящего времени на участке сохранилось несколько вековых лип и ясеней, посаженных еще во времена первого владельца усадьбы-музея П.И. Щукина. Эти деревья сохранены и отреставрированы.

На одном из участков открытого грунта собрана коллекция растений Красной книги Москвы (илл. 39), насчитывающая в настоящее время 48 видов (вереск обыкновенный, купена лекарственная, ландыш майский, любка двулистная, медуница неясная и др.). Но показывать краснокнижные виды отдельно от их среды обитания нам показалось нецелесообразно. Поэтому экспозиция была построена по биотопическому принципу, когда охраняемые виды предстают в родных природных сообществах. Для этого на участке было высажено 193 вида дикорастущих растений природного комплекса Москвы, перенесенных из природных биотопов. Часть видов (эфемероиды) уже произрастала на территории музея до реэкспозиции. Эта коллекция дикорастущих растений дает возможность воссоздать фрагменты растительных ассоциаций следующих типов растительности: хвойный лес, смешанный лес, широколиственный лес, опушка и луговые растения, болото и околородные растения. Краснокнижные растения были взяты из природных биотопов в тех областях, где они не являются охраняемыми видами, или на местах запланированныхстроек и вырубок. В дальнейшем планируется ввести в экспозицию красочные задники – баннеры, которые помогут создать законченный образ того или иного растительного сообщества.

Подобная экспозиция под открытым небом позволяет проводить экскурсии по следующим темам: обзорная экскурсия по типам растительных сообществ природного комплекса Москвы, «Эфемероиды и раннецветущие растения», «Растения Красной книги Москвы и Подмосковья», «Жизненные формы растений», «Осенние явления в жизни растений» и др. Научный подход при комплектовании коллекции позволяет проводить экскурсии в любое время года. Экспозиция полностью соответствует всем требованиям для проведения по ней экскурсионных групп: размечены дорожки, предусмотрены площадки для остановки экскурсантов, проведен полный этикетаж всех растений. Для ухода за растениями предусмотрена автоматическая система капельного полива, поддерживающая необходимый уровень влажности почвы.

Конечно, такая экспозиция в условиях центра города не может быть долговечной. Она требует постоянного внимания со стороны сотрудников: замена выпавших растений, пополнение новыми видами. По экспозиции «Естественные растительные сообщества, редкие и исчезающие виды лесных, луговых и околородных растений природного комплекса Москвы» ведутся наблюдения за степенью выживания растений в городской среде для дальнейшего составления рекомендаций по выращиванию растений в условиях большого города.

На территории музея имеется еще несколько небольших участков под открытым небом. В связи с возникновением в последнее время интереса у населения к траволечению и выращиванию лекарственных растений у себя на приусадебном участке было решено создать коллекцию лекарственных растений Подмосковья «Лекарственный огород», где виды будут располагаться по систематическому и фармакологическому признаку. В настоящий момент коллекция лекарственных растений насчитывает более 60 видов.

Проводится работа по формированию коллекций декоративных видов, которые будут представлены в таких формах садово-паркового дизайна, как альпийская горка, водоем, клумбы, рабатки, миксбордеры и др. Подобные коллекции будут знакомить посетителей с разнообразием форм декоративных растений, с элементами ландшафтного дизайна и основными принципами их воплощения на своих садовых участках.

Таким образом восстанавливаются старые традиции музея по содержанию оранжереи и сада, частично сохранить первоначальный облик усадьбы, находящейся под охраной государства. Одновременно с этим, мы совершенно по-новому подходим к решению проблемы освоения музейного пространства, расширению экспозиции и тематики экскурсий музея и, что самое главное, привлекаем нового посетителя в наш музей.

Главный ботанический сад РАН: история нереализованных проектов

История ботанических коллекций насчитывает не одно тысячелетие: китайские императоры, египетские фараоны, римские патриции высаживали в своих садах редкие, заморские растения.

Появление ботанических садов в Европе относится еще к эпохе феодализма, когда при монастырях возникли первые так называемые «аптекарьские» сады и огороды. Одним из первых садов ботанических садах научного профиля был сад в Салерно (Италия), заложенный в 1309 г. Несколько позже, в XVII веке, ботанические сады строятся и в других городах Европы: при Парижском (1635) и Упсальском университетах (1655), в Берлине (1646), Королевский ботанический сад в Эдинбурге (1670) и др.

К началу XVIII века в нашей стране имелось много сведений о практическом использовании растений и в сельском хозяйстве, и в медицине. Особое значение в развитии ботанических знаний и организации первых ботанических садов в России имели знаменитые академические экспедиции 1768–1774 гг. по изучению русской природы, в которых участвовали П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.А. Фальк и другие собиратели ценнейших коллекций живых растений и гербариев. Со второй половины XVIII века в России наряду с государственными появляются и частные ботанические сады. Из простого увлечения коллекционированием растений возникли многие ботанические сады, в частности знаменитые сады П.А. Демидова, А.К. Разумовского и др. В некоторых из них были собраны большие, даже в современном представлении, коллекции интродуцированных растений.

До самого конца XVIII века и даже начала XIX века русские ботанические сады, несколько усложняясь в своей планировочной организации, но, как правило, устраивались по регулярному плану. Один из старейших отечественных ботанических садов, разбитый по такому же плану, располагавшийся на Воробьевых Горах, на берегу р. Москвы, принадлежал, как указывалось выше, известному промышленнику П.А. Демидову. Сад А.Г. Разумовского в Горенках тоже являлся одним из крупнейших ботанических учреждений своего времени – здесь было представлено около 12 тыс. видов и разновидностей русской флоры. В описании этого сада его современник П.П. Свиньин в 1822 г. отмечал, что «богатства природы, собранные в теплицах и оранжереях, приводят в восторг: невольно изумляешься, как частный человек мог соединить в немногие годы столько сокровищ природы из всех стран света». После смерти

А.К. Разумовского в 1822 г. Горенский ботанический сад пришел в упадок, и в 1826–1828 гг. прославленные коллекции оказались разрозненными. Оранжереи были частично разобраны. До настоящего времени сохранились все основные усадебные постройки и часть парка с лестницей и гротом.

К XVIII веку относится основание в России и других частновладельческих ботанических садов – сада в Соликамске, заложенного П.А. Демидовым, и сада в Пензенской губернии, принадлежавшего С.Т. Аксакову, где работал крупный русский ботаник Э.Л. Регель, позже – директор сада в Петербурге. Известны также оранжереи и сады подмосковных вотчин, принадлежавших в 1737 г. Д.М. Голицыну, Никольский сад П.П. Трубецкого около Москвы.

По мере увеличения ботанических знаний круг деятельности ботанических садов все более и более расширяется. Наряду с систематическими участками регулярной планировки, устроенными по системам Линнея и Жюсье, появляются все новые планировочные элементы территории. На этих участках сада экспонируемые растения размещаются уже по ботанико-географическому признаку, со свободной планировкой. Так устроены флористические экспозиции во многих ныне существующих ботанических садах: Никитском, ГБС РАН, саду МГУ и др.

В конце XVIII века в планировке ботанических садов отмечается влияние свободного пейзажного направления. В художественно-эстетическом плане реализуется задача создания идеализированного ландшафта. В связи с новыми художественными задачами, вставшими перед архитекторами садов, большое значение приобретают декоративные свойства растений.

Роль ботанических садов как научных и просветительских центров высоко оценивалась во все времена. Люди шли сюда, чтобы посмотреть на экзотические растения и необычные ландшафты. Ни один городской парк и тем более сад не может продемонстрировать ассортимент в несколько тысяч таксонов, что доступно только ботаническим садам. Безусловно, в эстетическом плане выигрывают те ботанические сады, где научная часть не является главенствующей и коллекции не нуждаются в четкой систематизации. Образцами таких садов можно без колебаний назвать Арборетум Кью в Англии или городской ботанический сад Пекина.

Главный ботанический сад РАН расположен на месте уникальных природных массивов на территории Москвы – это Ерденевская роща в составе Останкинской дубравы и Леоновский лес. Впервые эти территории упоминаются в 1584 г. как земли, принадлежащие князьям Черкасским, в охотничьих угодьях которых любил охотиться отец Петра I – царь Алексей Михайлович. В 1743 г. эти земли перешли во владение Шереметевых.

Владелец Останкино граф Николай Шереметев, в самом начале XIX века начал формировать в своих владениях Английский парк, пригласив садовника англичанина. Были выкопаны 5 искусственных прудов, питающих-

ся водой реки Каменки, одного из притоков Яузы. В настоящее время эти пруды, имея разную балансовую принадлежность, являются юго-восточной границей Главного ботанического сада.

В 1945-1969 гг. в соответствии с распоряжениями Правительства СССР, решениями Моссовета и постановлениями Президиума Академии Наук Главному ботаническому саду были переданы земли, на которых в настоящее время размещены основные ботанические и ландшафтные экспозиции. Согласно Государственному акту саду передано в бессрочное пользование 331,49 га.

Ботанический сад представляет собой огромный экспериментальный комплекс и входит в состав Отделения биологических наук Российской академии наук как научно-исследовательский институт. В саду собраны богатейшие коллекции живых растений практически всех континентов Земли, насчитывающие 17 тысяч таксонов (10 тыс. видов, разновидностей и форм и 7 тыс. сортов).

Официальной датой основания ГБС считается 14 апреля 1945 г., однако еще задолго до этого в рамках общего Градостроительного плана развития Москвы существовала программа создания Всесоюзного (впоследствии – Главного) ботанического сада страны, о чем свидетельствуют архивные документы – эскизные проекты 1938-1953 гг.

Проект Всесоюзного ботанического сада Академии наук СССР в Москве был разработан еще в 1938 г. (илл. 41). Для организации и устройства самого крупного в мире Ботанического сада Моссовет наметил Ленинские горы, имеющие своеобразный микроклимат, наиболее выигранный и удобный рельеф и связь со всеми частями г. Москвы. Отвод столь престижного места для ботанического сада показывает, какое большое значение Моссовет придавал его роли общей планировке Москвы. Планируемая площадь составляла 390 га.

Проект мастерской Академпроекта под руководством архитектора И.М. Петрова 1940 г. (илл. 42) соответствовал современным границам ГБС, за исключением существующей ныне производственной территории.

В проекте многократно применены приемы с использованием осевой планировки и лучевыми дорогами исходящими из единого центра и предполагалась непосредственная связь с территорией ВСХВ, чья основная ось продолжалась по территории ГБС, проходила через центр климатрона и заканчивалась на круглой площадке, к которой примыкала другая главная планировочная ось, идущая от современного главного входа. Насаждения Останкинской дубравы сохранялись. Экспозиции главным образом относились к периферийным зонам сада. Система рек – Яуза, Лихоборка и Каменка, включающая Шереметевские пруды должна была быть преобразована в единое Яузско-Лихоборское водохранилище, на левом берегу которого проектировались экспериментальные поля. Участок у современного главного входа по проекту имели строго регулярную лучевую

планировку, включающую два симметричных здания по обе стороны планировочной оси. Также регулярную планировку имели участки, примыкающие к розарию, фондовой оранжерее, климатрону. Главный вход в этом проекте планировался в юго-восточной части – у пересечения современных улиц Вильгельма Пика и Эйзенштейна. Участок главного входа также имел лучевую структуру. От главного входа открывался вид на Яузское водохранилище. Проектируемая площадь составляла 290 га. Проект не был принят, и заказ на проектирование был передан ленинградским проектировщикам.

Проект Ленинградской мастерской под руководством архитектора В.В. Степанова (илл. 43) был представлен на утверждение в 1945 г. По этому проекту территория ботанического сада должна была включать в себя полностью территорию ВСХВ, Останкинскую дубраву и всю современную территорию ботанического сада, совхоз Марфино с полями, усадьбу Останкино с парком и все земельные участки до ул. Академика Королёва. На западе подразумевалось соединить территорию сада с усадьбой Леоново, включив территорию усадьбы и рощу, а также микрорайон Свиблово и другие микрорайоны, прилегающие к улице Эйзенштейна. Элементы регулярной планировки, по проекту Степанова, использовались только в южной и юго-восточной частях сада. Они заключались в двух не пересекающихся осях, одна из которых – бывшая планировочная ось ВСХВ и вторая – новая ось, идущая с юга на север. Вся остальная территория ботанического сада проектировалась в пейзажном стиле с благоустроенными руслами рек Лихоборки, Яузы и небольшим участком реки Каменки, перетекающим в Шереметевские пруды. Основные экспозиции предполагалось разместить в юго-восточной части сада. Дорожно-тропиночная сеть проектировалась разветвленной, насаждения Останкинской дубравы подвергались бы существенным ландшафтным рубкам. Сад проектировался на огромной площади – 1200 га, но проект не был принят и заказ на проектирование был вновь возвращен в Москву.

Проект мастерской Моссовета под руководством архитектора М.П. Коржева разработан в 1948 г. (илл. 44). По этому проекту площадь сада составила бы более 690 га.

Основой планировки данного проекта являлись две пересекающиеся оси: первая – существующая ныне, идущая через ВВЦ, и вторая – от современного главного входа с запада на восток. В центре пересечения осей предполагалось строительство крупнейшей в мире оранжереи с управляемым климатом. В части проекта, относящейся к территории ВСХВ, явно видна регулярная планировка. Останкинский парк и территория музея оставались в их исторической планировке. В центре дубравы на оси запад-восток находился свой композиционный центр – круглая площадка с монументальной скульптурой и расходящимися по направлению к входам лучами. Русло реки Яузы в восточной части проектируемого сада рас-

ширено до размеров водохранилища, на водной глади предполагались острова, связанные мостами, на правом берегу проектировалась база отдыха с рестораном. Останкинская дубрава, по данному проекту, должна была подвергнуться серьезным ландшафтными рубкам. Производственные оранжереи и экспериментальные поля располагались по другую сторону современной Ботанической улицы.

Проект, по которому было начато строительство ботанического сада на площади 360 га, представляет собой совместную работу **мастерских «Академстроя» и «Моссовета» под руководством архитектора И.М. Петрова** (т.е. совместный проект Коржева и Петрова) (илл. 45). Он был утвержден и принят к осуществлению в 1951 г. В него вошли большая часть Останкинской дубравы, ограниченная с юга Шереметевскими прудами, часть Леоновского леса на востоке в пойме р. Яузы и производственный участок по Владыкинскому шоссе (ныне ул. Ботаническая), отведенный специально под питомник. Проект потерял практическую связь с территорией ВСХВ, основной луч идущий от современного главного входа заканчивался на здании климатрона, перенесенного на данном проекте к западной оконечности Яузко-Лихоборского водохранилища. Главный вход планировался с восточной стороны от современной улицы Вильгельма Пика. Вся восточная часть сада выполнена в регулярном стиле так же, как участки на западе и юго-западе. Экспериментальные поля, производственные оранжереи и хозяйственные постройки можно видеть на плане в западной части сада по другую сторону от Ботанической улицы. Единственное, что по расположению соответствует проекту – это экспозиционный розарий и старая фондовая оранжерея. Два лабораторных корпуса должны были стоять напротив друг друга – по обе стороны единственной планировочной оси, проходящей от Владыкинского входа до климатрона. Территория дубравы максимально сохранялась. Предполагалось организовать три основных и семь второстепенных входов.

Анализируя современную планировку ГБС, приходится констатировать, что ни один из разработанных ранее проектов не был воплощен. Местоположение производственной территории ГБС соответствует проекту архитектора М.П. Коржева, так же как и идея кольцевых маршрутов по основной экспозиционной территории. От предыдущих проектов на основной территории осталась единственная ось, идущая от главного входа до конца дендрария и упирающаяся в овраг. Начинается она не от самых ворот, а от центра водоема перед Лабораторным корпусом, которого нет ни на одном из предыдущих проектов. Единственное, что соответствует последнему проекту архитектора И.М. Петрова, – это конфигурация и местоположение старой фондовой оранжереи и экспозиционного розария. Также некоторые аллеи, в основном в центральной части сада, соответствуют варианту, разработанному Академстроем. Других примеров соответствия с ранее разработанными проектами нет.

В современной планировке Главного ботанического сада практически нет регулярных элементов (кроме реконструируемого ныне розария). Не воплотились ни идеи строительства климатрона, ни Яузско-Лихоборского водохранилища, ни проекты крупных профильных корпусов, ни предполагавшаяся в большом количестве монументальная скульптура, т.е. принятая к исполнению последняя версия проекта Главного ботанического сада РАН Петрова-Коржева не была осуществлена даже наполовину. Рабочая документация, хранящаяся до сих пор в архивах ГБС, не соответствует современному состоянию территории главного ботанического сада страны.

Вероятно, многие решения в развитии территории принимались если не стихийно, то прямо в процессе строительства, что и привело к перестановке акцентов в деятельности и функциях ГБС РАН.

Прежде всего была усилена научная функция и значительно снижена эстетическая и учебно-просветительская. Подавляющее большинство освоенных участков ботанического сада представляют собой более научные полигоны, чем территории, специально предназначенные для познавательного отдыха посетителей. В течении 60 лет существования сада этот дисбаланс только усиливался. Естественно, настал момент, когда не предназначенные и не приспособленные для массового посещения научные коллекции стали ощутимо страдать от усиливающийся рекреационной нагрузки. После окончания строительства Четвертого транспортного кольца и строительства новых жилых комплексов недалеко от северной границы Сада возникнет необходимость организации новых входов, в связи с чем потоки посетителей увеличатся и в северной части сада в районе Японского сада и поймы реки Лихоборки.

Данная работа была начата в связи с тем, что Российская академия наук поставила задачу произвести корректировку генерального плана развития ботанического сада для улучшения прежде всего эстетического облика территории. Законченные в композиционном и эстетическом плане участки находятся так далеко друг от друга, что посетитель не ощущает себя в культурном ландшафте ботанического сада, а в значительной мере – в диком лесу, где неожиданно открываются редкие вкрапления не связанных с данной действительностью пространств: руины розария, сад непрерывного цветения, Партер главного корпуса или Японский сад.

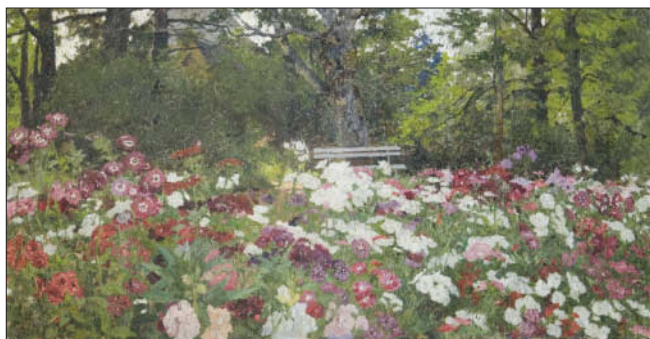
Изучая архивные материалы, мы видим много общего между замыслами архитекторов прошлого и нашими разработками по изменению территории сада. Конечно, многие архитектурно-планировочные решения требуют корректировки в силу произошедших изменений в окружающей местности, потребностях нашего научного сектора, нуждах населения и т.д. Но есть много интересных и актуальных идей, которые не были реализованы. Так почему бы не прислушаться и нам к архитекторам, которые этот сад создавали, хотели, чтобы он развивался и процветал.

Илл. 1: Абрамцево. А.М. Васнецов. 1884

Илл. 2: Аллея в Абрамцево. А.М. Васнецов. 1917

Илл. 3: Цветник в Абрамцево. А.А. Киселев. 1890-е

Илл. 4: Нескучное. Перспективный вид усадебного ансамбля. П.Р. Никитин. 1753. ГНИМА. Фрагмент

Илл. 5: Вид на Архангельское с юга. П.П. Свинын. 1824. Музей-усадьба Архангельское. Фрагмент.

Илл. 6: Кузьминки. Вид оранжереи и части парка. Неизвестный художник с литографии по рисунку Н.Н. Рауха 1841 года. ГИМ

Илл. 7: Усадьба посла барона Вольфа на Петербургском острове. Неизвестный гравер с рисунка М. Махаева. 1757

Илл. 8: Сезинкот. Глостершир. Архитектор С.-П. Кокерелл. 1804-1805

Илл. 10: Мечеть Чунар-Гур. Томас Дэнилл. Аквагинта. 1803

Илл. 9: Вид Масджида или гробницы в Джаунпуре. У. Ходжес. Акватинта. 1878

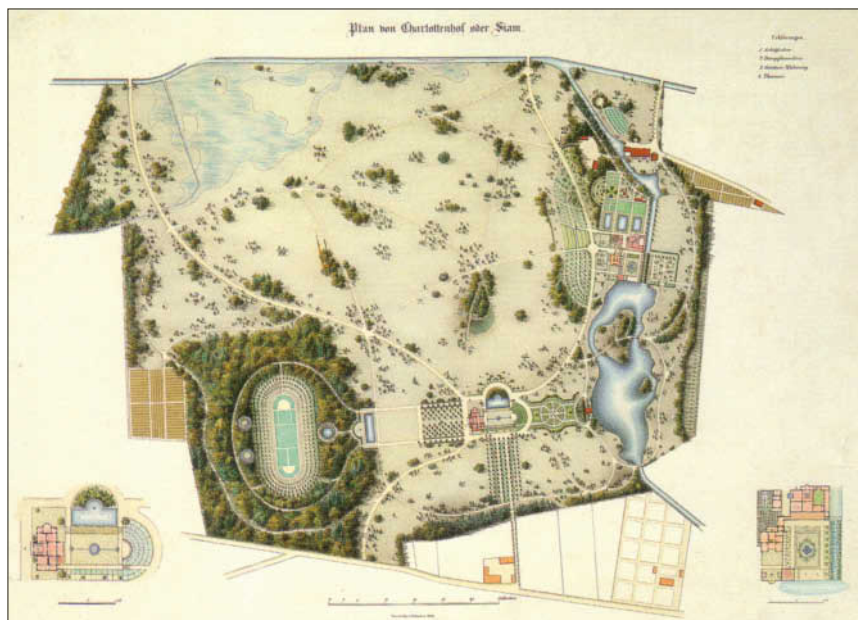
Илл. 11: Павильон в Брайтоне и южный фасад Воронцовского дворца в Алушке

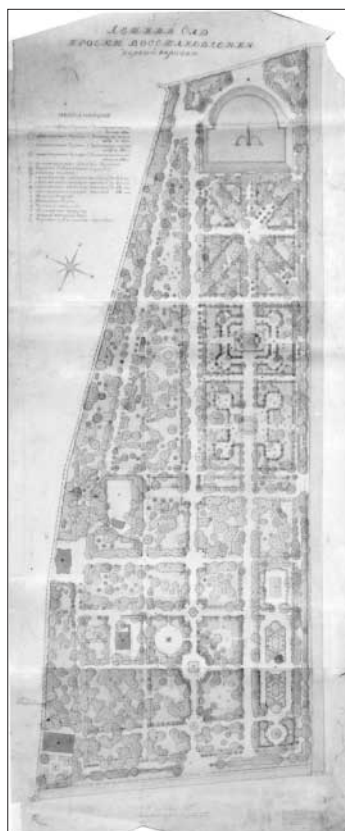
Илл. 12: Парк Марли в Петергофе. Аэрофотосъемка

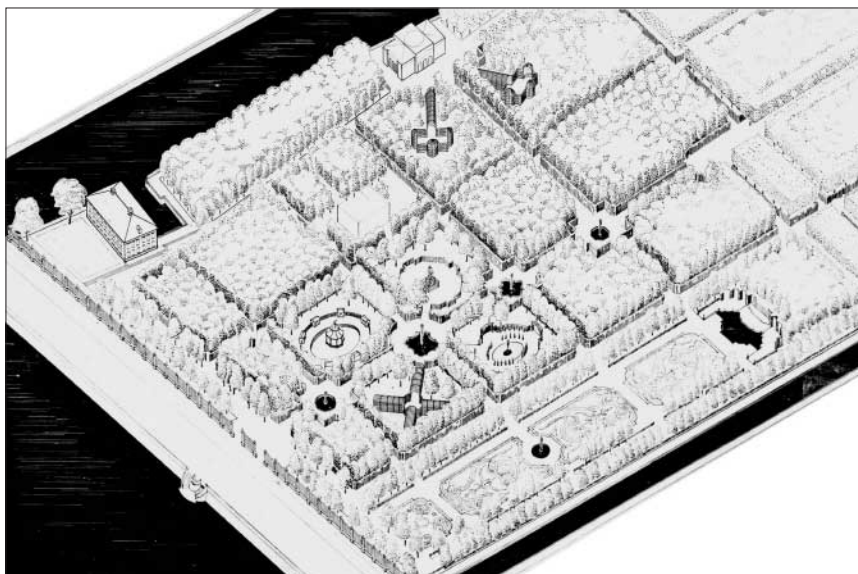
Илл. 13: Замена еловых посадок вдоль Большого канала в Петергофе

Илл. 14: План резиденции Шарлоттенхоф
Литография Г. Кобера с оригинала П.-Й. Ленне. 1839

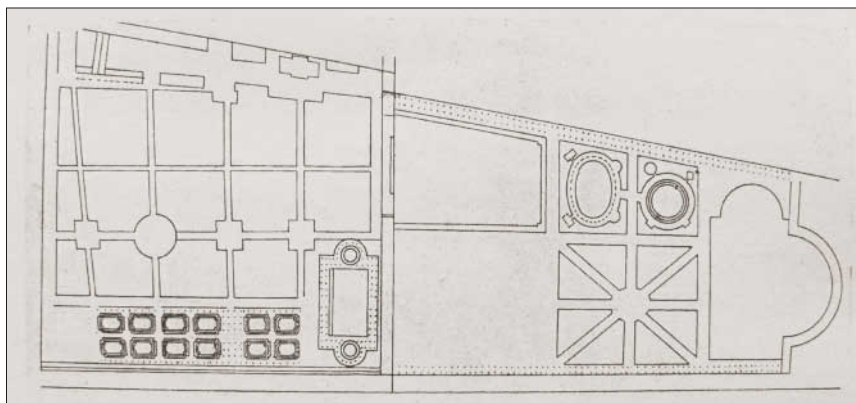
Илл. 15: Летний сад. Проекты восстановления. Т.Б. Дубяго. 1949

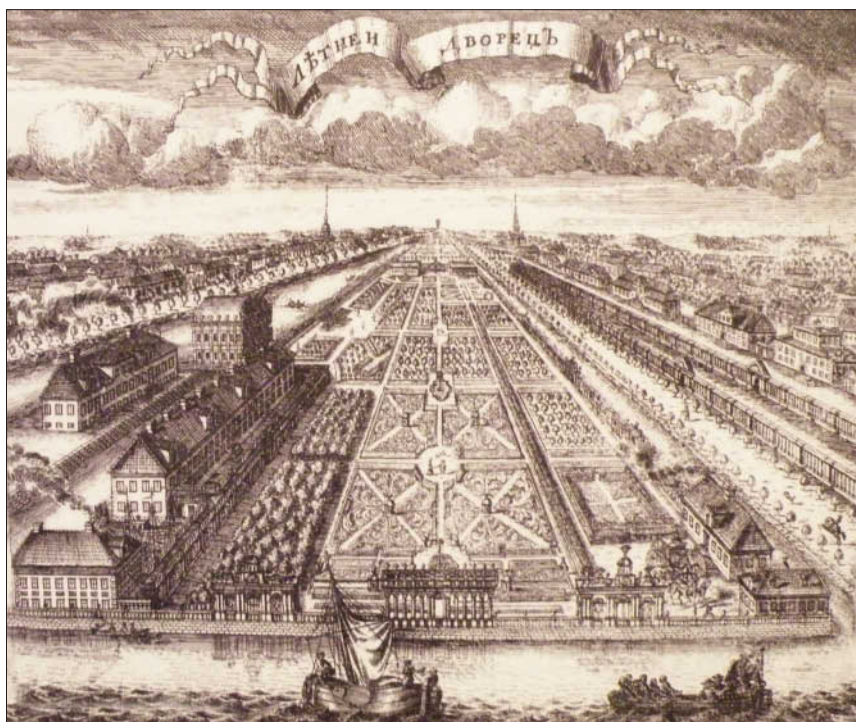
Илл. 16: Боскеты Летнего сада. Фрагмент аксонометрического плана 1765-1775 гг.

Илл. 17: Проект восстановления первоначальных фонтанов на центральной аллее Летнего сада. Архитектор А.Э. Гессен. 1974

Илл. 18: План Летнего сада. Копия с чертежа Петра I

Илл. 19: Летний сад и дворец Петра I. Гравюра А. Зубова

Илл. 20: Вид на Инженерный замок. Литография К. Беггрова по рисунку В. Садовникова

Илл. 21: Аллеи Летнего сада. Фотография 2008 г.

Илл. 22: Памятник Вайнемейнену. Скульптор Г. Боруп. 1831.
Фотография середины XIX в.

Илл. 23: Капелла Людвигсбург в Монрепо. Почтовая карточка. Начало XX в.

Илл. 24: Въездные ворота ЦПКиО им. Калинина (бывшая усадьба Монрепо), 1965

Илл. 25: Открытие памятника Вяйнемейнену в Монрепо 2 июня 2007 года

Илл. 26: Марьино. Вид на усадебный дом и Зеленую мызу.
Акварель Е. Есакова. 1819

Илл. 27: Усадьба Марьино. Современный вид

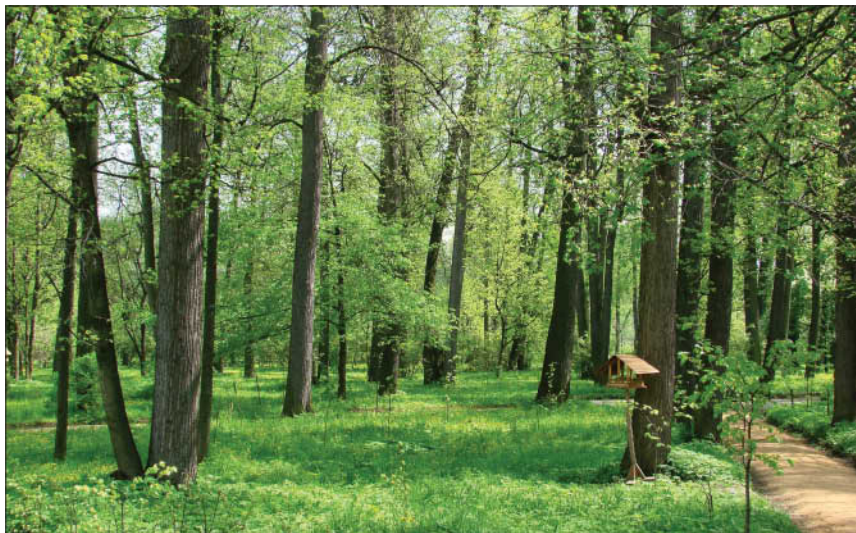
Илл. 28: Дом М.Н. Островского или Гостевой дом. А.И.Садкевич. Начало 1990-х

Илл. 29: Дом А.Н. Островского. Фотография конца XIX в.

Илл. 30: Голубой дом. Фотография начала XX в.

Илл. 31: Вяземы. Регулярный парк. Западная часть регулярного парка, примыкающая к парадному партеру перед дворцом (участок №5)

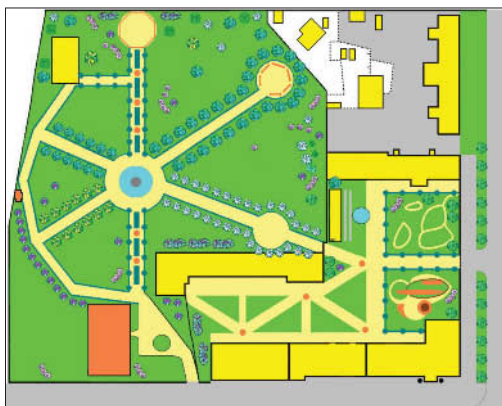
Илл. 32: Вяземы. Регулярный парк. Зеленый партер перед усадебным дворцом со стороны пруда

Илл. 33: «Геометрический специальный план Московского уезда Ратуева стану села Черная грязь с принадлежащими к оному деревнями Хохловкою, Шандровою и деревни Ореховой... межевания, учиненного в 1766 году в августе 27 числа». РГАДА

Илл. 34: «План Англинскому саду при селе Царицыну». 1795. РГИА

Илл. 36: Общий план воссоздаваемого парка усадьбы Бутиных в Нерчинске

Илл. 35: Татьяна Дмитриевна Мауриц

Илл. 37: Фонтан и мавританская беседка в усадьбе Бутиных в Нерчинске

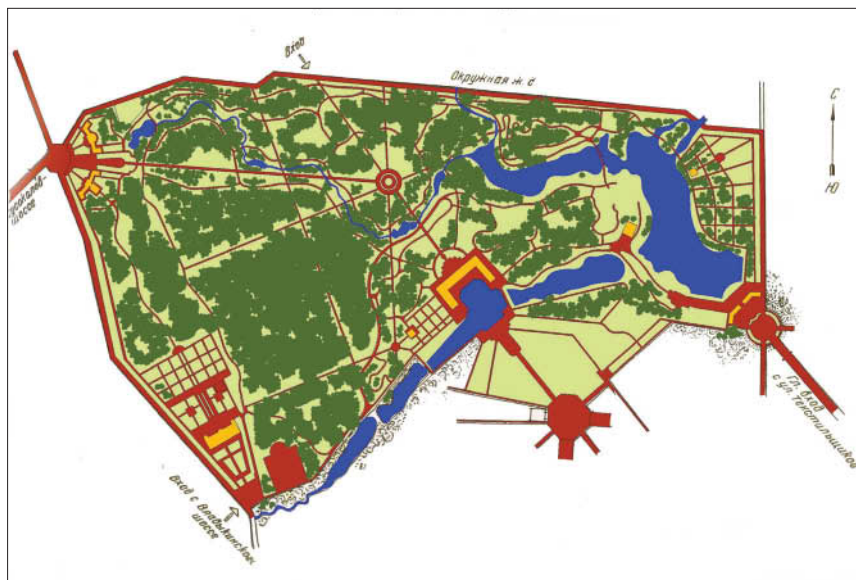
Илл. 38: Особняк усадьбы Бутиных. Современный вид

Илл. 39: Государственный Биологический музей. Экспозиция растений Красной книги Москвы

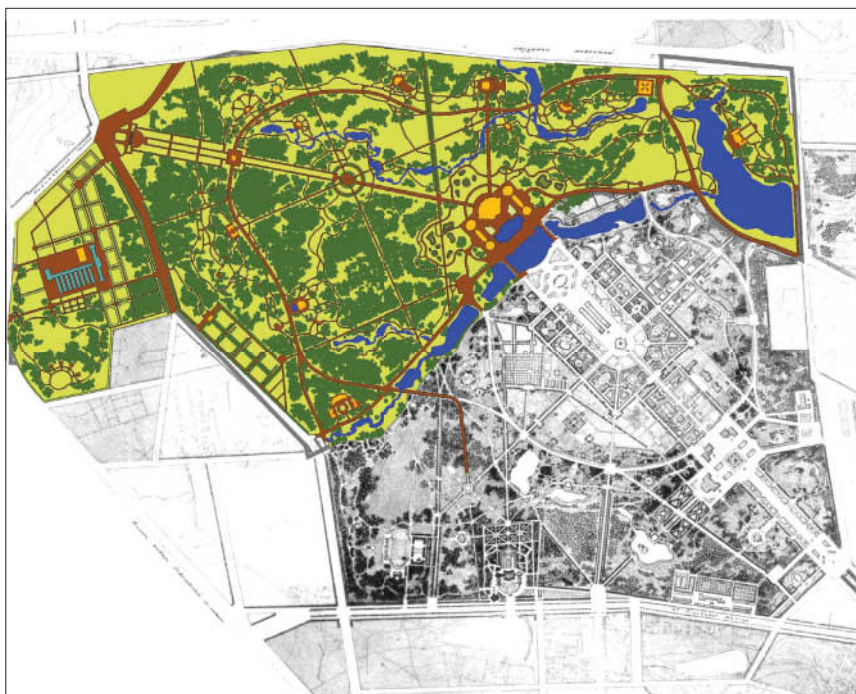
Илл. 40: Государственный Биологический музей. Экспозиция оранжереи

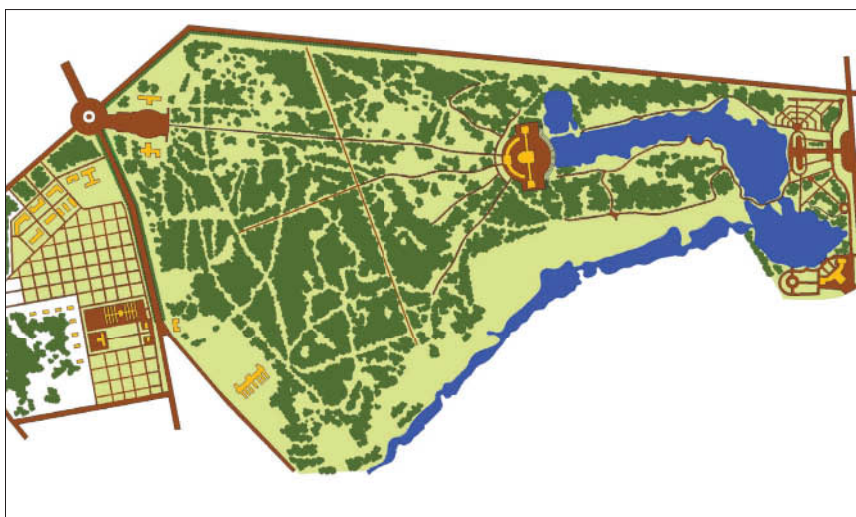
Илл. 42: ГБС АН СССР. Проект мастерской Академпоекта под руководством архитектора И.М. Петрова. 1940

Илл. 43: ГБС АН СССР. Проект Ленинградской мастерской под руководством архитектора В.В. Степанова

Илл. 44: ГБС АН СССР. Проект мастерской Моссовета под руководством архитектора М.П. Коржева. 1948

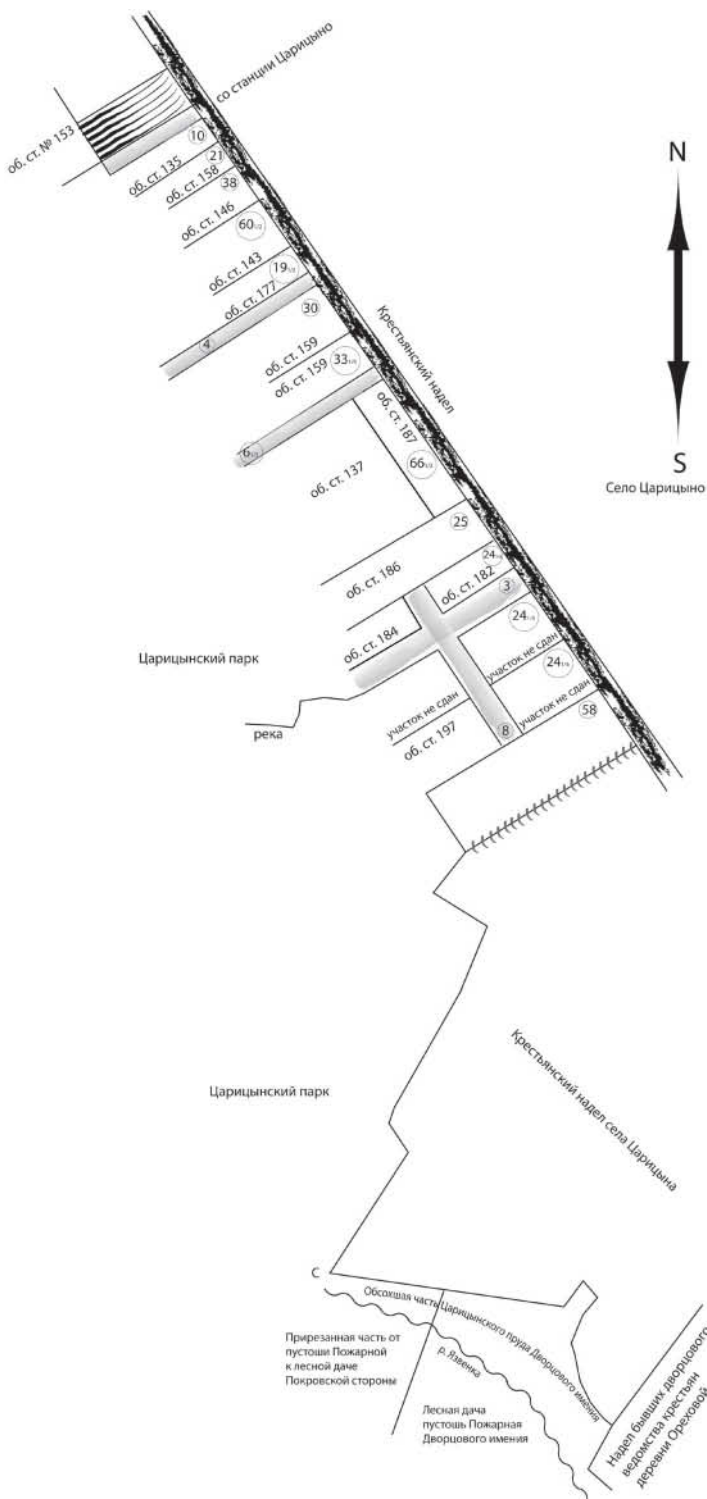

Илл. 45: ГБС АН СССР. Совместный проект мастерских М.П. Коржева и И.М. Петрова.

Илл. 46-47: «План Села Черной Грязи с принадлежащими к оному деревнями и землею». Фрагмент с проектом парковой галереи. Июнь 1775. РГВИА

Илл. 48: Схематический план «на прорытие канав» в Царицынском парке. 1887
 Перерисовка.
 РГИА. Ф. 515. Оп. 66. Д. 2302. Л. 6

План на участке земли Московской губернии, Московская уезда, Московского Уездного Округа, Царицынские волости, находящийся в даче императорского величества Царей-Братьев Царицы на земле, означенной на карте уезда под № 324 и составленной Девицовой оброчной статье под № Съемка произведена и план сей составлен по мануальному показанию зажиточной отпрыски вн 1902 году Межевцова Борисовича. Количество земли участка значится в экспликации плана сего.

Копия от сего владения предписана Московского Уездного Округа от 11 июля 1902 года № 3466.

Землеугодник Московского Уездного Округа А. Л. Керков

ЭКСПЛИКАЦИЯ.

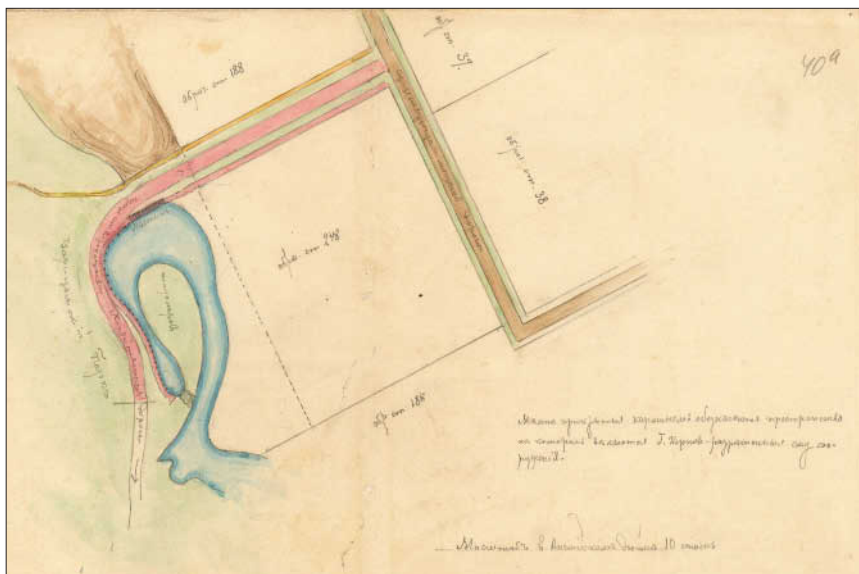
№ участка	Качество ситуации	ВЕРСТАХ			САЖЕНАХ		
		д.	с.	в.	д.	с.	в.
1	Сенокосный	1246	-	-	-	-	426
2	Подпашенный	326	-	-	-	-	270
Всего	Подпашенный	1572	-	-	201	-	696

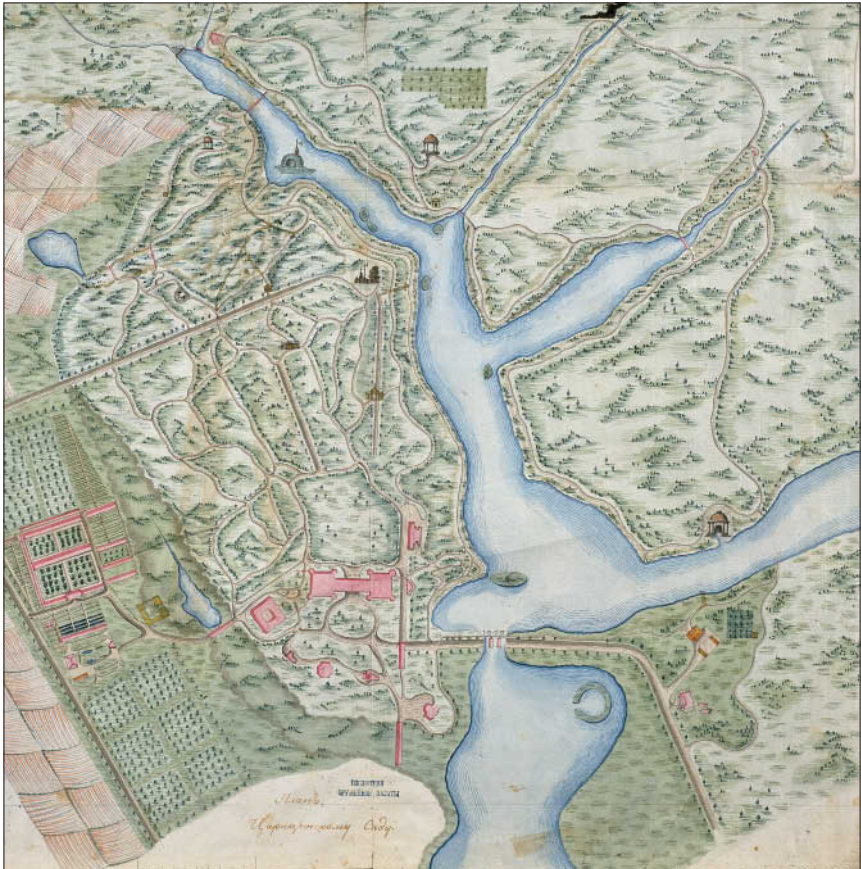
Примечание: земля за № 1572 является частью земли, принадлежавшей ранее бывшему владельцу участка, а именно:

Илл. 49: План земельного участка А.Л. Керкова

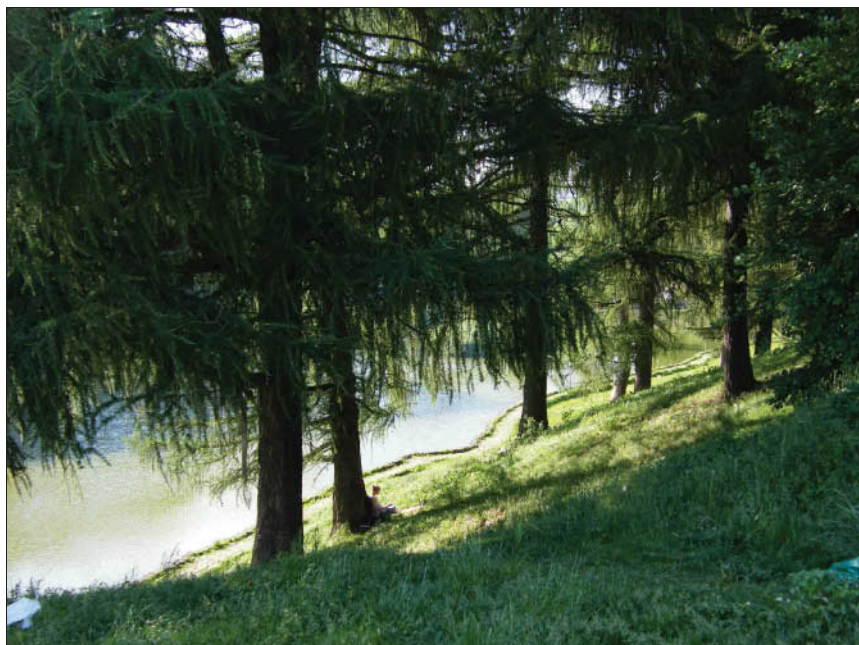
Илл. 50: План земельного участка А.Л. Керкова

Илл. 51: Генеральный план села Царицына. Начало XIX века. ГНИМА

Илл.52: Аршиновский парк. Современные фотографии

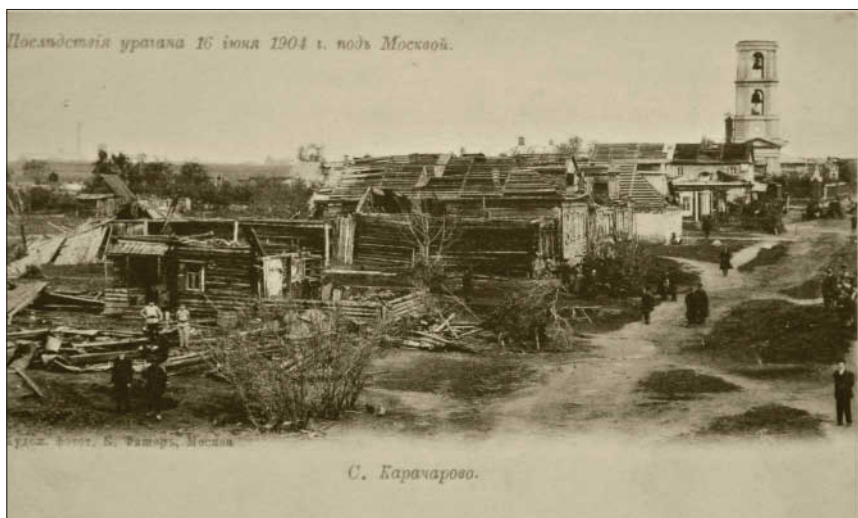
Илл. 53: Развалины Царицына. Почтовая карточка. Начало XX в.

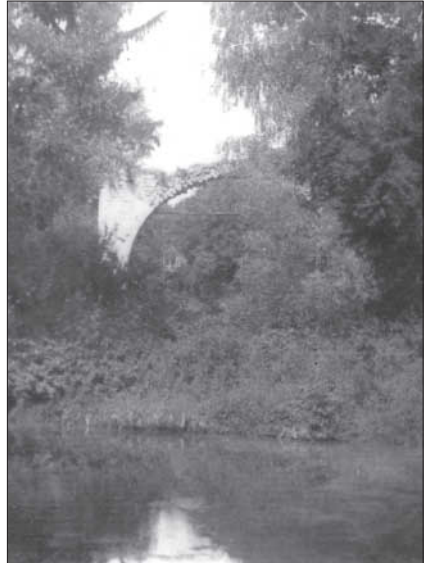
Илл. 54: Окрестности Москвы. Царицыно. Почтовая карточка. Начало XX в.

Илл. 55: Последствия урагана 16 июня 1904 г. Ст. Люблино, Московско-Курской ж/д. Имение Голофтеева.
Художественная фототипия. К. Фиршер. г. Москва

Илл. 56: Последствия урагана 16 июня 1904 г. под Москвой. С. Карачарово.
Художественная фототипия. К. Фиршер. г. Москва

Илл. 57: Храм Цереры. Фотография 1940-х гг.

Илл. 58: Арка на острове. Фотография 1940-х гг.

Илл. 59: Фигурный мост. Фотография военных лет

Илл. 60: Виноградные ворота. Фотография 1930-х гг.

Илл. 61: Галерея-ограда между Большим дворцом и Хлебным домом. Фотография 1940-х гг.

Илл. 62: Оперный дом. Фотография 1930-х гг.

Илл. 63: Павильон Миловида. Фотография 1920-х гг.

УЗ ИСТОРИЈУ ВАРШАВИНСКОГ О ПАРКА

Л.В. Андреева

Неосуществленный проект В.И. Баженова парковой галереи в Царицыне

В июне 1775 года, сразу после покупки Екатериной II подмосковной усадьбы князей Кантемиров Черная Грязь, был снят «План Села Черной Грязи с принадлежащими к оному деревнями и землею»¹. Со времени коронации императрица не раз бывала в окрестностях Цареборисовских прудов, присматривая достойное место для своей подмосковной резиденции. Но только в год триумфального празднования в Москве победного окончания русско-турецкой войны 1768–1774 годов решила приобрести у наследников князя Д.К. Кантемира имение, подаренное молдавскому господарю Петром I за союзническую поддержку в неудачной для России войне с Турцией 1710–1713 годов. Завоеванный более чем через полвека выход России к Черному морю принес Екатерине II славу успешной продолжательницы дел Петра Великого и право увековечить победу строительством дворцового загородного ансамбля.

План 1775 года (илл. 46) замечательно точно и обстоятельно фиксирует территорию обширной княжеской усадьбы. На листе большого формата (947×1250) четко обозначены ее границы, смежные с ней земли дворцовой Коломенской волости, сел Булатникова и Покровского. Прорисованы рельеф, извилистые очертания рек, прудов и оврагов, кое-где служившие естественными границами владения, массивы рощ, деревни с прилегающими к ним угодьями, строения усадьбы Кантемиров с регулярным и плодовым садами. При составлении плана левый берег Черногрязского пруда числился за селом Покровским и потому показан вне границ усадьбы. Вскоре левобережье было примежевано к землям нового дворцового имения и сохранило донныне название Покровской стороны. Именно здесь при детальном рассмотрении «Плана села Черной Грязи» внимание останавливает чертеж ни на что другое не похожего сооружения – «конструкции», составленной из нескольких восьмигранных «модулей». Естественно, возникает вопрос: что бы это могло быть? Для ответа – немного истории.

Тогда же, в июне 1775 г., в связи с предстоящим выездом Екатерины II из Москвы для отдыха во вновь приобретенную усадьбу ею были определены первоочередные строительные задачи и дальнейшая перспектива преобразования имения. Известно, что по проекту архитектора П.Я. Плю-¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19682. Л. 1. Центральная часть плана с усадьбой князей Кантемиров опубликована в кн.: Минеева К.И. Царицыно. Дворцово-парковый ансамбль. М., 1988. С.25. Целиком План воспроизведен в кн.: Царицыно. Дворцовый ансамбль. Парк. Коллекции. / Сост. Л.В. Андреева. М., 2005. С. 18-19.

скова за две недели был построен летний деревянный дворец, «не более как из 6 комнат» состоящий, куда государыня прибыла 30 июня, и «в коем, – как знаем из “Записок” Г.Р. Державина, – помещался и Потемкин». Проект дворцового ансамбля «по своеручным задачам» Екатерина II поручила Баженову. Архитектор выполнил его за четыре месяца – с середины июля до середины ноября – поскольку уже 20 ноября императрицей был подписан Указ об отпуске с января 1776 г. денег «на строение в селе Царицыне по планам и под смотрением архитектора Баженова».

«План Села Черной Грязи», составленный оберквартирмейстером Германом, служил Баженову топографической основой при создании нового Генерального плана царской резиденции. Их сопоставление, несмотря на явное различие типов генпланов – фиксационного и проектного, позволяет тем не менее обнаружить преемственность многих планировочных решений, в каждом отдельном случае переосмысленных и получивших у Баженова новые образ и форму.

Баженовский «Генеральный план села Царицына» охватывал только центральную дворцовую часть. На нем не были показаны намечавшиеся на заовражных землях конюшни и ведущий к ним мост, изображенные им на панораме – «Генеральном фасаде села Царицына» (об этом архитектор сообщил в надписи на чертеже), ни тем более лесистая запрудная сторона.

Получив согласие императрицы, Баженов с семьей в конце февраля 1776 г. переселился из Москвы в Царицыно, приступив к подготовке строительных работ. Архитектурная часть была его главной задачей. Недаром на Генеральном плане чертежи отдельных сооружений не связаны между собой сетью дорог и словно «парят» в пространстве белого листа, внутри контуров дворцового участка. Возведение ансамбля Баженов начал со зданий «фасадной» береговой перспективы, составлявшей первый план панорамы со стороны прудов. Но уже в памятной записке, подготовленной по итогам двух первых строительных сезонов, когда были окончены Малый дворец императрицы на вершине пирамидальной горы, мост «на приезде с плотины» (Фигурный) и три дома «от моста к церкви» (Третий Кавалерский корпус, несохранившиеся Крестообразный и Шестиугольный), архитектор поднял тему благоустройства склонов, близлежащих к зданиям. Он предлагал вместо ветхих деревянных заборов вокруг сада сделать проект ограды, «согласной вкуса с производившимся строением каменной по примеру чужих государств», а «ветхие и ползлые берега на въезд по горе» отделать со временем в виде обросших дерном скал и «по пристойным местам всадить кустики и деревцы», как он уже насадил на мосту «по приличности на башенках и перапете на вкус англичан». Он предлагал также березки, сильно разросшиеся за три лета вдоль дороги и по уступам горы, если и не стричь, как раньше, то проредить, дав им «способ расти хотя в дикости, но порядочней», ибо строения «красоту свою с противного берега много теряют»².

² Василий Иванович Баженов. Письма. Пояснения к проектам. Свидетельства современников.

Государыня отвергла предложение архитектора: «Ни до строения заборов, ни отделания берегов, ниже до обрезывания березок отнюдь не касаться, а оставить все так, как есть». Ее решение исключало важный для Баженова импульс творчества – создание архитектурного ансамбля в единстве с природной средой – и входило в противоречие с некоторыми ее более поздними, да и ранними пожеланиями и распоряжениями.

Так, судя по донесению Баженова на имя статс-секретаря Екатерины II А.А. Безбородко от 11 июня 1784 г., выписанный из Англии садовник Ф. Рид был отдан Баженову на «попечение», и государыня сама повелела ему взять садовника «с собою, сделать план всему селу Царицыну, привезти или прислать к Ее величеству». Однако Рид, избегая встреч с Баженовым в Петербурге и Царицыне, стал по собственному проекту рубить сады и деревья, что вызвало большую тревогу архитектора. По его мнению, селу Царицыну, его рощам и «видам разных картин» наносился непоправимый урон³.

Наступивший 1784 г. был насыщен для Баженова важными и тяжелыми событиями. Вызванный в Петербург он узнал об отмене намеченного посещения Екатериной II Москвы по случаю присоединения Крыма к России, получил неожиданное задание на строительство нового дворца в селе Булатникове и составил его проект и смету. Тогда же при встрече с великим князем Павлом Петровичем передал ему от членов московского новиковского кружка масонские сочинения, что имело для него и Царицына роковые последствия.

Вернувшись в Москву, Баженов перевел царицынских каменщиков и заготовленный материал в Булатниково, но, не получая обещанных денег, пробыл все лето в «бесперывном колебании», дойдя «до такого замешательства, что истинно много раз покушался остановить в обоих местах строении»⁴. Однако с присылкой денег, хотя и по частям и не полностью, преодолел отчаяние и выполнил намеченные работы: в Булатникове был выложен каменный огромной величины первый этаж на высоком цоколе (по периметру стен он в полтора раза превышал здание царицынских Кухонь – Хлебного дома).

В том же письме А.А. Безбородко от 14 ноября, несмотря на вернувшиеся к зодчему надежды и энтузиазм, он предостерегал, что «в предбудущий 1785 год на кредит мне истинно никто не поверит и я чрез то все построить конечно не успею, а особливо по приезде сюда господина Карачинского (царицынского управляющего. – Л.А.) уведомился я, что в селе Царицыне потребно построить еще птичной двор, чему я и прожект делаю. Также Ее императорское величество некогда мне повелеть соизволила зделать зал и две галлерей с ретирадами, чтоб построить на против-

³ Там же С. 155-156

⁴ Там же. С. 160

ной стороне за прудами, в перелесочке, на луговине, где в присутствии Ее величества на лавочке тут сживала, оному также прожект я делаю...»⁵. В комментарии к цитируемому письму составитель переписки В.И. Баженова отметил, что проекты птичьего двора и галереи «не найдены, нет и сведений об их осуществлении»⁶. Не касаясь в данном случае обстоятельств постройки «птичьего двора», немаловажно заметить, что проект галереи существует, хотя и не был воплощен. Он был нанесен архитектором на «План Села Черной Грязи» тонкими карандашными линиями, характерными для баженовской авторской манеры исполнения проектов. Расположение галереи на плане точно соответствует приведенному в письме описанию – «в перелесочке, на луговине». Отсюда, с противоположной стороны пруда открывается особенно красивый вид на высокий берег и его строения. Им любовалась императрица в 1775 г. В 1785 г. Баженов рассчитывал строительством галереи привлечь внимание к завершеному и единственному в своем роде ансамблю при обозрении его с наиболее выгодной стороны.

План галереи, нанесенный на генплан 1775 года (илл. 47), поражает неожиданностью на фоне сельского ландшафта и патриархальных усадебных построек. Его асимметрия, геометризм восьмигранных форм, разведенных в пространстве и скомпонованных то по принципу анфилады, «в строку», то по углам треугольника или квадрата, воспринимается явлением культуры иного порядка. Рука и архитектурное мышление Баженова в проекте очевидны. Внешне странная композиция, как ни удивительно, функционально оправдана. Большой зал выдвинут углом, ближе к месту слияния реки Городни с водами пруда, «беседки» сгруппированы вокруг него, ретиряды отнесены в менее заметный правый угол. Галерей, правда, на проекте можно насчитать не две, а три; составляющие их «восьмигранники» размещены так, чтобы одни не заслоняют другие, максимально раскрывая круговой обзор. Первый, второй и третий планы в расположении «беседок» обусловлены и иерархией придворного общества, степенью приближенности к государыне лиц, входивших в состав императорского двора. Всеохватность гения зодчего позволила и в малых формах парковой архитектуры, в кажущейся умозрительной геометрии построенных планов проявить живое чувство реальности, динамичной связи с окружающим.

Проект галереи осуществлен не был. На начало строительного сезона 1785 года, последнего года работы Баженова в Царицыне, пришлось слишком много неотложных и более важных дел. Посетившая Царицыно 3 июня императрица прервала архитектурный подвиг зодчего.

⁵ Там же. С.161

⁶ Там же. С. 267

Оранжереи в Царицыне (XVIII–XIX вв.)

Первые известные «оранжерейные палаты» для зимнего содержания растений появились в России в конце XVII века в дворцовых Набережных садах Кремля. Правление и реформы Петра I открыли в России эпоху дворцово-паркового строительства и искусства. Неотъемлемой частью регулярных садов при дворцах нового, европейского, типа были оранжереи, предназначенные для сохранения и разведения теплолюбивых декоративных растений, которые служили обязательным украшением и интерьеров дворцов, и садов. Уже в 1710-х гг. оранжереи появились в дворцовых комплексах Петербурга и его окрестностей. В Москве в первой половине XVIII века славились обширностью оранжереи Анненгофа. С середины столетия они стали непременным атрибутом усадеб знатных вельмож и богатых промышленников. В окрестностях Москвы особенно известны были оранжереи П.А. Демидова близ Нескучного сада, усадеб Архангельское князей Голицыных, Кусково графов Шереметевых, Троицкое-Кайнарджи графа П.А. Румянцева-Задунайского. С конца XVIII века повальная мода на сады и оранжереи достигла огромных масштабов – владельцы даже небольших усадеб почитали за должное заниматься домашним садоводством, выращивать диковинные растения, покупать, дарить, выменивать их друг у друга.

Когда в мае 1775 г. императрица Екатерина II купила у отставного бригадира князя С.Д. Кантемира имение Черная Грязь, здесь уже была оранжерея. В одном из пунктов «доклада что потребно», поданного 14 июня того же года управителем имения В.Я. Карачинским на имя императрицы, значилось: «Сад регулярной и ранжерея, к которым потребно садовых мастеров». Точное время возникновения оранжереи в кантемировской усадьбе назвать трудно. Возможно, она появилась в первой половине 1740-х гг., когда князь Константин Дмитриевич Кантемир построил здесь новый господский дом и разбил регулярный сад возле него. По другой версии, оранжерею построил или перестроил в конце 1750-х–1760-х гг. следующий владелец – живший здесь постоянно князь Матвей Дмитриевич Кантемир.

Согласно составленной после смерти М.Д. Кантемира описи 1772 г., оранжерея была деревянной, в ней выращивались лимоны (17 «дерев»), померанцы (36), фиги (30), груши (2), гвоздичные деревья (19), розаны (7 горшков), алоэ (2 горшка), персики (3 горшка), 3 куста винограда¹.

После приобретения Черной Грязи императрицей Екатериной II (1775) для ухода за садовыми и оранжерейными растениями нового государева

¹ РГАДА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 121. Л. 1–5 об.

имения были отправлены из дворцового Головинского сада в Лефортове садовник Яков Федоров и огородник Иван Лукин². В декабре 1776 г. царицынский управляющий В.Я. Карачинский «осмелился перевести к ранжерее в село Царицыно» двух садовников из также приобретенного Екатериной II и вверенного ему села Коньково³.

В марте 1778 г. императрица одобрила предложение В.И. Баженова о постройке из подлежавшего разборке деревянного «зеленого большого корпуса» усадьбы Кантемиров еще одной – временной («пока будет построена каменная вновь») – деревянной оранжереи, «ибо размножаются деревья, а ставить их некуда». Архитектор предлагал построить оранжерею на месте, «где были в присутствие вашего императорского величества конюшни». Там, утверждал Баженов, оранжерея «не закроет вида ни откуда природного», «сухость того места просит само чтоб на нём что либо делать»⁴. Строительство «не малой в Готике» деревянной оранжереи на «противной стороне за плотиною»⁵ Баженов завершил к октябрю 1779 г. Новая оранжерея, очевидно, была построена около плотины в заовражной части имения. Одновременно в русле ручья Большого оврага был создан Нижний Оранжерейный пруд для полива растений. Постоянную каменную «малую» оранжерею Баженов предполагал возвести в центральной части дворцового ансамбля, между дворцами Екатерины II и великого князя Павла Петровича. Однако в связи с рождением сыновей Павла – великих князей Александра (12 декабря 1777) и Константина (8 мая 1779) – архитектор предложил императрице существенно изменить проект. В своем «Представлении» от 27 января 1780 г. Баженов испрашивал у Екатерины II разрешения построить между дворцами императрицы и великого князя вместо предполагавшейся оранжереи корпус «для прибавившейся императорской фамилии». А оранжерею, писал Баженов, «можно поместить, тут же внизу или вверху галерею, или коридором, дабы чрез оное коммуникация была в два главныя дворца»⁶. 11 апреля 1780 г. статс-секретарь императрицы А.А. Безбородко сообщал: «Ея Величество за полезное находит в среднем корпусе, где оранжерея, зделать покой для фамилии императорской, таким образом, чтобы тут сохранена и оранжерея, о чем вашего проекта и плана ожидать будет»⁷.

В конце 1780 г. Баженов ездил в Петербург, где проект «дворца для императорской фамилии» был утвержден. Весной следующего года началось его строительство. Однако до нас не дошло никаких чертежей или описаний этого дворца, и, следовательно, невозможно сказать, каким образом Баженов собирался «сохранить» здесь оранжерею.

² РГАДА. Ф. 14. Д. 243. Л. 13.

³ Там же. Л. 7.

⁴ РГАДА. Ф. 14. Д. 51. Ч. 5. Л. 326–326 об.

⁵ Там же. Л. 328.

⁶ Там же. Л. 471.

⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 64981. Л. 51.

Вновь вопрос о строительстве каменных оранжерей был поднят управителем В.Я. Карачинским летом 1784 г. В записке для доклада императрице он писал: «За умножением до десяти тысяч ранжерейных деревьев потребна аранжерея, то не повелено ль будет оную сделать где прежде были конюшни каменную на сто дватцати саженьях на которую и потребно денег 25 тысяч рублей»⁸. По Высочайшему указу Кабинету Е.И.В. от 13 августа 1784 г. эти деньги были отпущены Карачинскому в течение 1784–1785 гг. В 1785–1787 годах в заовражной части имения, на месте, «где прежде были конюшни», под руководством Карачинского был выстроен огромный комплекс каменных оранжерей (стоимость строительства составила 28 тыс. руб.).

К сожалению, документов о ходе строительства оранжерей, а также о степени участия Баженова в их проектировании и возведении пока не выявлено. Очень вероятно, что проект был составлен Баженовым. А вот вопрос об участии архитектора в его осуществлении весьма проблематичен. Ведь строительство оранжерей началось в 1785 г. – в период отстранения зодчего от работ в Царицыне. Летом 1787 г. Карачинский сообщал: «На постройку каменных оранжерей отпущено 25 000 рублей, и сия сумма достаточно быть и могла б, но гористое положение места требовало излишняго употребления материалов, отчего не достало 3 000 рублей».

Из «Геометрического плана селу Царицыну с около лежащую ситуациею» (около 1795) видно, что Оранжерейный комплекс включал три параллельных протяжённых корпуса, соединённых простенками (в виде буквы «Ш»), а также отдельно стоявшие грунтовые сараи, парники, «школы»⁹.

В уже цитированной записке Карачинский сообщал: «Как в заведенных мною в селе Царицыне оранжереях число деревьев умножилось слишком до 10000 и оныя приведены в порядочное состояние, то и принуждённым себя нашёл нанять садовника, коему плачу 300 рублей жалованья»¹⁰.

Садовника звали Иоганн Рак, и, очевидно, он был опытным мастером. В январе 1787 г. в газете «Московские ведомости» он опубликовал объявление, приглашавшее помещиков отдавать ему крепостных на обучение в Царицыне «садовой науке и для рисования планов и как содержать ранжерею». Рак работал в Царицыне до 1791 г., и весь этот период в газетах публиковались объявления о продаже из Царицынских оранжерей «оптом и в розноту» саженцев плодовых деревьев (персиковых, абрикосовых, груш и слив разных сортов), «китайских розанов» и жасмина, а также самих оранжерейных плодов.

Согласно описи 1802 г., в Царицынских оранжереях в кадках и горшках находились «грушковые» (3183), персиковые (1496), «сливные» (1145), «вишневые» (934), абрикосовые (129) деревья, яблони (111), лимонные (76), померанцевые (33), лавровые (11) деревья, кипарисы (11), фиговые

⁸ РГАДА. Ф. 14. Д. 51. Ч. 5. Л. 497 об.

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 485. Оп. 1. Д. 157.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 62114. Л. 25–26 об.

(3), апельсиновые (2), миртовые (2), шелковичные (2) деревья, один кедр и др.; цветочные растения – левкои (495), гвоздики (310), розаны (189), «фиоли» (95), маргаритки (15), «кавалерские звёзды» (пассифлора, 3) и др.; травы – рута (35) и шалфей (27); комнатные растения – розаны китайские (2), «желтые жасмины» (3), «жасмины обыкновенные» (25), герань разных сортов (24), флоксы (20), ирис (11), резеда (11), волкомерии (10), гелиотропы (5), гортензии (5) и др.; ягодные растения – земляника «месячная» (580 кустов) и американская (85), малина (40), смородина (4). В «грунтах» содержались персиковые (30), абрикосовые (6) деревья, вишни (104), груши (17), 8 виноградных кустов; в саду близ оранжерей росло около 1000 яблонь¹¹.

Часть плодов из оранжерей отправлялась к Высочайшему двору, бóльшая часть продавалась, в продажу также поступали саженцы плодовых деревьев (персиковых, абрикосовых, груш и слив разных сортов и др.). Садовники были заинтересованы в продаже плодов и деревьев из оранжерей, поскольку ещё с 1794 г. по инициативе управителя А.И. Воейкова им отчислялось сверх жалованья 1/5 от общей выручки¹². Доходы от продаж были поначалу невелики. Так, в 1802 г. от московского купца Кирилла Масленникова было получено 141 руб. 75 коп. за собранные им в июле 2,1 тыс. персиков¹³. В том же году из царицынских оранжерей поступили в продажу также «вишненные ягоды» (34 тыс. штук), виноград (около 11 фунтов), 18 арбузов и дынь из парников (всего на 15 руб. 30 коп.). Всего от продажи из царицынских и коньковских оранжерей фруктов, цветов и деревьев в 1802 г. было выручено 910 рублей 14 копеек (для сравнения: от продаж из Слободских оранжерей в 1802 г. было получено 2444 руб.)¹⁴, в 1803 году – 799 руб. 10 коп. (из Слободских оранжерей – 2478 руб., из Всесвятских – 1317 руб.).

В связи с реформой управления дворцовым хозяйством повелением императора Александра I от 18 декабря 1801 г. «состоящие сады как в Москве., так и подмосковные Царицынский и Всесвятский со всеми принадлежащими к оным оранжереями и людьми» переданы в ведение князя И.П. Тюфякина, а «дворцы, дома и прочия строения, как в Москве так и вне оной состоящие» – в подчинение Экспедиции Кремлевского строения (ЭКС)¹⁵. Смотрителем царицынских садов и оранжерей стал князь Н.М. Козловский. Разделение управления государевыми именьями на «садовую» и «дворцовую» части очень быстро показало свою несостоятельность, и уже 4 июля 1802 г. последовало Высочайшее повеление о передаче «всех московских садов с принадлежащими к ним оранжереями и людьми» в ведомство ЭКС¹⁶.

¹¹ Там же. Д. 41597. Л. 3–4 об.

¹² Там же. Д. 5552. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 28

¹⁴ Там же. Л. 16.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41590. Л. 1. Д. 41591. Л. 1.

¹⁶ Там же. Д. 58469. Л. 14.

Глава Экспедиции П.С. Валуев счел оранжерейное хозяйство главным средством к превращению Царицына в доходное имение и приступил к его «поспешному усовершенствованию»¹⁷. Среди таких «поспешных» мер были строительство новых и ремонт существующих оранжерей, приглашение нового садовника, а также смена источника воды для полива растений, ибо, как писал Валуев, «вода для поливки деревьев употребляется и поныне красная, для плодов крайне вредная».

Осмотрев оранжереи, Валуев также посчитал, что «как в Царицынских, так и в Коньковских аранжереях большое количество деревьев, помещающееся с трудностью в оных, так что даже по утеснении приносят вред не токмо самым деревьям, но и в произражениях делаются препятствия»¹⁸. В продажу из царицынских оранжерей сразу же были назначены 1200 «грушных» и «бергамотовых», 350 «вишневых» и столько же сливовых, 300 персиковых и 30 абрикосовых деревьев¹⁹.

Новым управителем с конца марта 1803 г. стал князь Яков Леонович Грузинский, который многое сделал для приведения в порядок Царицынских оранжерей. Уже в мае он подал Валуеву рапорт о необходимости срочного проведения в них ремонтных работ: замены сгнивших брусьев, стоек и оконных рам оранжерей и теплиц новыми из найденных им в «главном корпусе дворца» брусьев, «в работу не употребляемых». Он потребовал также пять ящиков стекол, «да к имеющемуся при Царицыне столяру в пособие три человека столяров же на два месяца»²⁰. К этому времени при царицынских оранжереях состоял также «оконщик» Иван Махов, а в сентябре 1803 г. в число служителей ЭКС был определен его сын Алексей с тем, чтобы он находился «при отце своем для обучения оконнишному мастерству»²¹.

Интересные сведения об «инструментарии» садовников дает «ведомость разным аранжерейным потребностям» (1802), из которой можно узнать, например, состав «оконничной замаски» (конопляное масло, толчёный мел и сурик), «садового вару» (белая смола, жёлтый воск, «трепентин» и «вятчинное сало»), а также то, что «на окуривание деревьев от червей» требовалось 5,5 пудов листового табака²². По ведомости 1813 г. при оранжереях состояли также «для созыву работных людей на работы колокол медной» весом 6 пудов 10 фунтов; котел чугунный «для варения масла», 35 медных «для оранжерейных дерев клейм», 100 стеклянных стаканов для покрытия растений, 114 «кадок дубовых и сосновых с железными обручами, в коих посажены деревья», 5 «ванн дубовых с железными обручами»;

¹⁷ Там же. Д. 5563. Л. 56

¹⁸ Там же. Д. 5552. Л. 4 об.

¹⁹ Там же. Л. 5.

²⁰ Там же. Д. 5557. Л. 147–147 об.

²¹ Там же. Л. 233.

²² Там же. Д. 5557. Л. 21–21 об.

две ручные жестяные «для обрызгивания дерев» трубы; два больших «грохота для сеяния земли», две бочки «для возения воды» и т. д.²³

Полномасштабное преобразование оранжерейного хозяйства Царицына началось в 1804 г. С этого же года неуклонно растут доходы от продаж плодов и растений из оранжерей (шестикратный рост в 1803–1811 гг.). Летом 1804 г. архитекторы ЭКС вели строительство двух новых оранжерей. 3 августа князю Я.Л. Грузинскому было предписано «нужной материал к делаемым виноградной и ананасной аранжереям у волнопродавцов покупать и употреблять в сии строения». 6 сентября Грузинский просил отпустить ему деньги на покупку для 88 оконных рам «стёкол мальцовского заводу первого разбору шесть ящиков»²⁴. По итогам 1804 г. Валуев доложил императору: «Ранжереи все приведены в цветущее состояние и сделаны две новые для винограду и ананасов из белого камня»²⁵. Новые оранжерейные корпуса были возведены рядом с существовавшими, ниже по склону оврага. О сложившейся к этому времени планировке оранжерейного участка можно судить по чертежу, составленному в 1828 г. архитекторским помощником ЭКС Я.И. Алфеевым²⁶. На нем показаны 5 оранжерей, «грунт», «школы», «парники», «садовничьи строения», скотный двор, «воздушные сады». Известен также «Генеральный план оранжереем в селе Царицыне», выполненный в 1820 г. архитекторским помощником С.П. Мельниковым²⁷.

С сентября 1804 г. в Царицыне работал новый садовый мастер – прусский подданный К.С. Унгебауер, ранее служивший в имении Н.А. Дурасова Люблино²⁸ (с начала 1805 г. Унгебауер стал главным садовым мастером всех подведомственных ЭКС оранжерей и садов). Валуев возлагал на Унгебауера большие надежды. Отправляя ко двору новую партию плодов (120 груш, а до этого были отправлены «апортовые яблоки» и картофель), он писал гофмаршалу графу Н.А. Толстому: «Надеюсь на будущий год всевозможно плод сей усовершенствовать и больше доставлять к Вашему Сиятельству; потому что к ранжереям Царицынским, от нерадения прежних команд крайне запущенных, принял я из иностранцев нового садовника»²⁹.

Унгебауер предложил ЭКС купить выписанные им ранее «для аглинских садов американские деревья и кусты для оранжерей»³⁰. В апреле 1805 г. садовый мастер начал разбивку нового «Воздушного» фруктового сада³¹. Он устроил из «придворных сирот класс», в котором преподавал «в зимнее время теоретическое, а в летнее практическое поучение садоводства»³².

²³ Там же. Д. 29531. Л. 9 об.–10.

²⁴ Там же. Д. 5562. Л. 192.

²⁵ Там же. Д. 5563. Л. 73 об.

²⁶ Там же. Оп. 57. Д. 156. Л. 39.

²⁷ Там же. Л. 49.

²⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5562. Л. 182, 188–188 об.

²⁹ Там же. Д. 5563. Л. 59 об.

³⁰ Там же. Д. 5562. Л. 182, 188, 241, 266.

³¹ Там же. Д. 29488. Л. 5.

³² Там же. Д. 5563. Л. 73 об.

В конце 1804 г. по просьбе Унгебауера были приобретены «для обучения садовников в их искусстве разных надобностей» «рисовальных инструментов 6, карандашей две дюжины, бумаги александрийской три десяти, гражданских азбуков с латинскими литерами четыре, и термометров четыре»³³.

В 1805 г. под наблюдением архитекторов ЭКС И.В. Еготова и И.Т. Таманского «починивались» 3 оранжереи и теплица: в них делались новые «крышки», стены, перегородки, рамы, проводились штукатурные и малярные работы³⁴. «Ранжевая», или «передняя» оранжерея (ближайшая к дворцовому ансамблю) по проекту Еготова была увенчана белокаменной ротондой³⁵. В конце того же года Валуев сообщил императору Александру I: «Ранжереем старым вместо неблагообразной прежней фасады дана новая в лучшем виде. Внутри оных сделана большая зала, поддерживаемая двумя колоннами и построена по надобности ещё новая ранжерея из белого камня»³⁶.

С осени 1806 г. Унгебауер стал выполнять функции царицынского управляющего вместо фактически отстраненного князя Я.Л. Грузинского³⁷, в связи с чем летом 1807 г. «для присмотра» за оранжереем был приглашён «знающий в сём деле иностранец Крестьян Крестьянович Тайхман»³⁸. Осенью 1807 г. Унгебауер произвел новые перестройки в оранжерейном комплексе (каменный сарай был переделан в «ранжерею для ранней приставки дерев») и построил новую теплицу взамен ветхой³⁹. По его предложению в 1807 г. оранжереи обогатились редкими, «ботаническими» растениями из Петербурга, куда из Царицына в обмен были отправлены «фруктовые деревья такая, кои есть в дурном виде, и приносят плод весьма малой» (сливовые, персиковые, абрикосовые деревья, вишни)⁴⁰.

К 1801 г. при Царицынских оранжереях состояли «ранжерейный мастер» Иван Селуянов и 7 садовников. В самом начале своей деятельности П.С. Валуев сократил число садовников с 12 до 8 человек. В 1805 г. после прихода Унгебауера их штат включал 2 садовых подмастерьев, 17 младших садовников и 9 учеников⁴¹. На начало 1809 г. в штат входили садовые подмастерья Иван Селуянов (в качестве «ранжерейного мастера» упоминается еще в 1801 г.) и Николай Ильин, ученик при Английском саде Михайла Яковлев, садовники при оранжереях Михайла Васильев, Василий Алексеев, Петр Яковлев, Александр, Василий и Илья Ивановы, Федор Петров,

³³ Там же. Д. 5562. Л. 240.

³⁴ Там же. Д. 46869. Л. 63–64, 107, 122, 123, 128 об., 162.

³⁵ Там же. Д. 46871. Л. 27 об.–28; Д. 46873. Л. 119 об.

³⁶ Там же. Д. 5571. Л. 27 об.

³⁷ Там же. Л. 96 об.–97.

³⁸ Там же. Д. 5574. Л. 118–118 об.

³⁹ Там же. Л. 157–157 об.

⁴⁰ Там же. Д. 5594. Л. 187–189 об.

⁴¹ Там же. Д. 46869. Л. 52 об.

Иван Михайлов, ученики Петр, Тихон и Иван Ивановы, Семен Сергеев, Пётр Михайлов, Алексей Махов⁴².

Летом 1809 г. Унгебауер предложил повысить заинтересованность садовников, получавших совсем небольшие оклады жалованья. Он предложил Валуеву, «дабы приохотить их к дальнейшим трудам и усердию», отвести им под огороды пустопорожную землю «подле нового воздушно-фруктового саду» и «для прокорму их коров» – «утвердить единственно им в пользу навсегда» участок сенокосной земли напротив Летнего дворца Екатерины II⁴³.

В сентябре 1809 г. Валуев неожиданно отстранил Унгебауера от надзора за оранжереями (он был оставлен лишь «при смотре Аглинских садов») и «препоручил» их садовым подмастерьям Ивану Селуянову и Николаю Ильину⁴⁴; в 1813 г. подмастерье Ильин, «дознанный» Валуевым «лучшим, искусным и деятельнейшим», стал исполнять должность садового мастера при оранжереях⁴⁵. Оранжерейное хозяйство Царицына к этому времени вступило в период своего наивысочайшего расцвета: в 1811 г. доход от продаж фруктов из оранжерей составил 5176 рублей⁴⁶, в 1817 г. – 5026 рублей⁴⁷.

В Отечественную войну 1812 года в преддверии вторжения неприятеля в Москву титулярный советник А.И. Егоров, исполнявший должность смотрителя, отправил свою семью в более безопасное место, а сам остался в Царицыне охранять вверенное ему дворцовое имущество, и прежде всего оранжерейное хозяйство. Вот как описывал это позже его внук: «Отправивши семью свою в безопасное место, дедушка... сделал соответствующие распоряжения по экономии, зарыл в землю дела и бумаги, а казенные деньги запрятал в мешок и, повесив себе его на шею под жилет, стал ожидать французов, спрятавшись на чердаке одной из Царицынских оранжерей. Там, в этом секретном убежище, случилось с ним никак непредвиденное несчастье. В одном месте пол чердака оказался до того ветхими, что провалился под его тяжестью и дедушка, полетев с значительной высоты во внутрь оранжереи, на горшки с цветами, сильно расшиб себе ногу, так что должен был тут же, в оранжерее, залечь в наскоро импровизированную постель»⁴⁸.

Французы нанесли большой ущерб царицынскому дворцовому хозяйству, служителям и крестьянам, «казенная сумма, вырученная за разные продажи из аранжерей», была украдена, но сами оранжереи благо-

⁴² Там же. Д. 5593. Л. 28.

⁴³ Там же. Д. 5594. Л. 51.

⁴⁴ Там же. Л. 187–189.

⁴⁵ Там же. Д. 5618. Л. 19–20.

⁴⁶ Там же. Д. 5611. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Д. 5649. Л. 20.

⁴⁸ Егоров А. Е. Двенадцатый год. Из семейных воспоминаний // Русская старина. 1882. Том 36. № 11. С. 347.

даря «безотлучному пребыванию» при них Егорова остались в «целости со всеми казёнными строениями»⁴⁹. Из рапорта Егорова в мае 1813 г. известно, что «при неприятелях» деревья и растения из оранжерей убирались «с выставок в простенки»⁵⁰. Уже весной 1813 г. возобновились продажи растений, фруктов и цветов из оранжерей⁵¹.

При новом управляющем ЭКС князе Н.Б. Юсупове (1814–1831) оранжереи продолжали давать стабильный доход и были одними из богатейших в Подмоскovie, о чем можно судить по опубликованной И.Е. Забелиным описи растений (1825)⁵². П.П. Свинын отмечал в 1822 г., что оранжереи находились «в самом цветущем состоянии. Нет им равных в окрестностях Москвы, ни огромностью, ни достоинством фруктов»⁵³.

В 1828 г. вместо тяжело заболевшего Ильина на должность главного садовника дворцовых оранжерей был приглашен Ф.С. Пельцель, ранее служивший садовником в Петровском-Разумовском и уволенный по случаю продажи этого имения. Юсупов писал министру императорского двора и уделов князю П.М. Волконскому: «Случай сей по мнению моему весьма счастлив, ибо Пельцель по отличным сведениям своим почитается из лучших садовников, и в Москве подобного нет»⁵⁴. С высочайшего позволения Пельцель был принят в ЭКС на просимых им условиях, с неслыханным для садовника жалованием – 3 тыс. рублей в год. Но в Царицыне его служба ничем выдающимся не была отмечена. Продолжались продажи плодов и растений из царицынских оранжерей фруктов и цветов «во всякое время», «во всё лето». Об этом, а также о проведении торгов на снятие плодов «оптом» в газете «Московские ведомости» регулярно размещались объявления. В 1837 г. обсуждалась возможность постройки новой оранжереи для размещения растений из купленного Дворцовым ведомством подмосковного имения Остров графини А.А. Орловой-Чесменской. 25 октября 1837 г. архитектор Е.Д. Тюрин представил в ЭКС план, фасад, профиль и смету на постройку в Царицыне фруктовой оранжереи длиной 115 м «с тем чтобы разобрать два кавалерския корпуса»⁵⁵. Тюрин предполагал сломать Первый и Второй кавалерские корпуса, чертежи которых также представил в ЭКС. От проекта было решено отказаться, поскольку его стоимость превышала стоимость растений из островских оранжерей⁵⁶.

К началу 1840-х гг. Царицынские оранжереи поставляли значительную часть фруктов, продававшихся в Москве. В этот период право на сбор

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 5615. Л. 60–60 об.

⁵⁰ Там же. Д. 29531. Л. 1

⁵¹ Там же. Д. 5616. Л. 168; Д. 5617. Л. 37.

⁵² Забелин И. Е. Сведения о московских и подмосковных и подмосковных садах в XVIII–XIX ст. // Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 340–350.

⁵³ Свинын П. П. Странствия в окрестностях Москвы: Кусково, Коломенское, Царицыно // Отечественные записки. 1822. Ч. 12. № 30.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 5714. Л. 155–156.

⁵⁵ Там же. Оп. 3. Д. 29911. 3–3 об

⁵⁶ Там же. Л. 1–2.

фруктов в оранжереях сдавалось в аренду, арендная плата употреблялась на их ремонт. Однако «золотой век» царицынского оранжерейного хозяйства был уже позади.

В 1843 г. по предложению президента Московской дворцовой конторы князя А.М. Урусова император Николай I повелел «пришедшие в ветхость» царицынские оранжереи «вовсе уничтожить, а для находящихся в них дерев и растений, буде оные лучшего достоинства и нужны», построить небольшую оранжерею в Нескучном саду. Вице-президент Московской дворцовой конторы барон Л. К. Бодде возразил, что для строительства оранжереи в Нескучном саду «места не имеется, ибо те места, где можно бы было построить таковые оранжереи, очень близки к Калужской улице, от которой в летнее время всегда происходит много пыли, что для фруктовых дерев очень вредно; а если оранжереи от улицы отдалить, то для отстранения излишней тени должно будет вырубить существующие там деревья». При этом Бодде добавил, что «уничтожение обширных, издавна выстроенных оранжерей произведёт возвышение в ценах» на фрукты в Москве. По инициативе Бодде контракт с арендатором царицынских оранжерей купцом Пискаревым, истекавший через 2,5 года, был продлен еще на 10 лет (до 1857 г.), арендная плата отменена, а Пискарев взамен обязался отремонтировать оранжереи за свой счет⁵⁷.

Весной 1844 г. в Петербург на 22 подводах из Царицына было отправлено 350 померанцевых и 4 миндальных дерева «для украшения комнат» в дворцовых помещениях, оставшиеся померанцевые деревья были проданы, и померанцевая оранжерея в Царицыне прекратила свое существование⁵⁸.

В 1858 г. Царицынские оранжереи на одно лето арендовал за 2 тыс. руб. купец Ботвинский⁵⁹. В том же году вопрос об их судьбе поднял новый президент Московской дворцовой конторы князь Н.И. Трубецкой. Он лично осмотрел царицынские оранжереи и «вполне убедился, что сохранение их в настоящее время не только не представляет для казны никакой выгоды, но, напротив того, постоянно вовлекает ее в значительные издержки». Сдача в аренду права на сбор плодов в 1857 г. дала казне 1,4 тыс. руб., в следующем – 2 тыс. руб., а расходы на содержание оранжерей (жалованье садовникам, отопление и т. д.) составляли 5444 руб. ежегодно. Таким образом общий убыток, понесенный казной в 1845–1857 гг. в результате принятой по предложению барона Бодде системы, составлял, по подсчетам Трубецкого, огромную сумму – 72 тыс. руб. Князь настаивал на «уничтожении» оранжерей, «за исключением одних только грунтовых сараев с вишневыми деревьями, на содержание которых потребуется почти ничтожный расход, могущий быть легко покрыт из арендной за отдачу их платы». Все

⁵⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Д. 696. Л. 1–2 с об.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 16141.

⁵⁹ Там же. Д. 20495. Л. 206.

фруктовые деревья и «прочее заведение» он предлагал продать, большинство садовников уволить, оставив «самое ограниченное число» для наблюдения за садом и грунтовыми сараями. Предложение Трубецкого удостоилось одобрения императора Александра II, однако уже 1 ноября 1858 г. Трубецкой просил разрешение отдать царицынские оранжереи «на известный срок в пользование частным лицам, с некоторым отстранением» от Высочайше утвержденных оснований. Он предлагал вновь отдать их в аренду с торгов, на возможно бóльший срок, растения передать в собственность арендатора с тем, чтобы он принял на себя наем садовников и рабочих, а также оплату отопления и ремонта оранжерей, «так что на долю казны не должно уже падать никакого расхода». По желанию арендатора ему должно было быть предоставлено право перестраивать оранжереи в грунтовые сараи. 7 ноября 1858 г. новые предложения Трубецкого были утверждены. В том же году оранжереи с грунтовыми сараями и парниками взял в аренду на 12 лет предприниматель И.Ю. Давидов из платы 1 тыс. рублей в первый год и 500 руб. в последующие годы⁶⁰.

Таким образом оранжереи одними из первых среди дворцовых построек в Царицыне превратились в «оброчные статьи» и попали под угрозу уничтожения. Осенью 1870 г. Давидов изъявил желание продлить срок аренды ещё на 12 лет, предложив изменить условия контракта и более чем наполовину уменьшить размер арендной платы. Против этого возразил надзиратель Царицынского удельного имения Н.Я. Венкстерн (с 1860 г. «Царицынский парк с постройками» находился в ведении Московской удельной конторы). Он отмечал «дурное состояние оранжерей» и неспособность Давидова «вести хозяйство этого рода». Венкстерн считал, что новый контракт вел «к обращению каменных, еще до сих пор ценных построек в мусор, щебень и куски железа, долженствующие остаться собственностью арендатора, что совершенно равносильно совершенному уничтожению в Царицыне оранжерей». По убеждению прозорливого Венкстерна, для Удельного ведомства было бы выгоднее, если бы арендатор «погубил в зимнее время фруктовые деревья» и, нарушив тем самым условия договора, отказался бы от дальнейшей аренды, «оставив хоть постройки в настоящем их виде»⁶¹. Венкстерн предлагал назначить торги на отдачу в аренду оранжерей, а для этого произвести их оценку (согласно оценке, произведенной удельным архитектором И.А. Резанцевым, их стоимость составляла 7977 руб.).

Вопреки мнению Венкстерна Московская удельная контора заключила с Давидовым новый контракт, который отличался от остальных договоров на аренду дворцовых построек тем, что не предусматривал сохране-

⁶⁰ РГИА. Ф. 472. Оп. 4. Д. 696. Л. 3–12 с об.

⁶¹ ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 9268. Л. 4–4 об., 6–6 об.

ния не только облика оранжерей, но и позволял арендатору перестроить и даже разобрать оранжереи без ведома удельного начальства⁶².

После того как срок аренды оранжерей Давыдовым истёк (1 ноября 1883 г.), три здания, оцененные в 3 983 руб. 93 коп., «за невозможностью сдать в аренду», были проданы с торгов на снос за 5 тыс. руб. по инициативе царицынского окружного надзирателя В.Ф. Беккера на основании предписания Департамента уделов от 4 августа 1884 г.⁶³ Участки под оранжереями были сданы в аренду дачникам и застроены. Надо отметить, что ранее (1881) «рачительный» Беккер пытался подобным же образом покончить с «развалинами недостроенного Царицынского дворца с принадлежащими к нему постройками», полагая, что «постройки эти не представляют ничего замечательного ни в историческом, ни в архитектурном отношении», ветшают, а занятая ими земля может быть выгодно сдана в аренду (к счастью, это предложение было решительно отклонено управляющим удельной конторой И.И. Масловым).

Дольше других простояло здание Виноградной оранжереи, которое Давидов сдал в аренду московскому мещанину В.И. Стулову под устройство «крахмального заведения» (производство крахмала, искусственной камеди и пр.). В 1876 г. на «заводе» Стулова было занято 7 рабочих, использовали 2 лошади, в год вырабатывалось 65 т крахмала стоимостью около 12 тыс. руб. С 1884 г. Стулов пользовался прямой арендой здания (600 руб. в год). Он сделал несколько пристроек, увеличив стоимость постройки с 1169 до 4000 руб. Однако в марте 1887 г. в оранжерее случился пожар, Стулов, и без того постоянно жаловавшийся на убыточность своего предприятия, свернул свое дело и от аренды отказался.

Здание было передано прусскому подданному Виктору Вернекинку, который, согласно принятому на себя обязательству, восстановил бывшую оранжерею, приспособив ее под «технохимический» цех (после этого, в сентябре 1887 г. стоимость постройки была оценена в 4283 руб.). Но дела у нового арендатора оказались плохи, он, хотя и перевез в оранжерею некоторые материалы и «движимость», производство не начал, а весной следующего года заявил, что не имеет средств на оплату аренды, и скрылся «неизвестно куда». Когда по требованию Удельного ведомства он был обнаружен полицией, оказалось, что «никакого имущества, кроме необходимого носильного платья», у Вернекинка не было, «почему взыскание от него арендных денег и недоимок не может быть произведено». Для возмещения убытков Удельное ведомство было вынуждено довольствоваться имуществом Вернекинка, которое он бросил в Царицыне.

Управляющий Царицынским имением Н.А. Рохманов 23 февраля 1891 г. сообщал в Московскую удельную контору, что несмотря на неоднократное производство торгов желающих снять в аренду здание бывшей

⁶² Там же. Л. 21.

⁶³ ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 9502. Л. 7.

Виноградной оранжереи не находилось. «Причиной этого оказывается, по заявлению многих лиц, осматривавших здание, отсутствие близости воды, необходимой для какого бы то ни было фабричного производства, и вообще местонахождение самого здания среди населенной дачной местности, где не всякое производство может быть разрешено»⁶⁴. Бережливый Рохманов напоминал, что пустующее здание охраняется за счет Удельного ведомства, и полагал, что «самым выгодным и единственным исходом в данном случае является продажа здания на снос и сдача места из-под него для постройки дач».

Осенью 1891 г. здание купил на снос крестьянин из деревни Слободка Мосальского уезда Калужской губернии И.Ф. Шишков за 1243 руб., он же взял в аренду часть участка под бывшей оранжереей, другую часть арендовал московский купец 2-й гильдии В.С. Леонов. Два участка, примыкавших к бывшей оранжерее, были сданы потомственному почетному гражданину Д.Ф. Кедрову и коломенской мещанке А. Степановой⁶⁵.

И.Ф. Шишков, однако, оранжерею не снес. Следующий арендатор купец М.С. Баранов также сохранил постройку. Надстроенная деревянным вторым этажом она использовалась под дачи, в советское время в ней располагались коммунальные квартиры. С 1970-х гг. корпус пустовал и ветшал. Он был снесен в начале 2000-х гг. в числе последних построек «дачного» Царицына. В 2008 г. в ходе реновации Царицына построен новый оранжерейный комплекс. В нем выращиваются растения, упомянутые в описях царицынских оранжерей XVIII–XIX вв. Остается надеяться, что со временем он станет такой же славной достопримечательностью Москвы, как дворцовые царицынские оранжереи в период их расцвета в первой трети XIX века.

⁶⁴ Там же. Л. 1.

⁶⁵ Там же. Л. 65 с об.

1. Земляной вал в Царицынском парке. Причины и история возникновения. По материалам РГИА

2. Деятельность А.Л. Керкова по благоустройству Царицынского парка

Прогуливаясь по Царицынскому парку в южной его части (если двигаться от метро Орехово к беседке «Золотой сноп»), можно легко заметить невысокий земляной вал, который, однако, является весьма протяженным. О нем и пойдет речь в этом небольшом докладе.

Со второй половины XIX века среди различных слоев московского населения растет интерес к дачной жизни. По общему мнению, жить семьей летом на даче – это престижно, модно, полезно для здоровья и, в конце концов, дешево. Вскоре все ближние пригороды активно застраиваются дачами – на разный вкус и кошелек. Сдавать или продавать участки под дачи становится выгодным. Среди быстро растущих дачных поселков начинается своего рода конкуренция, т.к. привлечение новых арендаторов и дачников сулит немалые доходы и для частных владельцев, и для казны. Московская удельная контора, повинясь велению времени, быстро увеличивает количество земельных участков, т.н. оброчных статей, сдаваемых в аренду на длительное время за определенную сумму, т.е. оброк. Учитывая высокую цену на землю вблизи Москвы, доход от этого вида деятельности был весьма существенным.

Привлекательность Царицына как дачной местности обеспечивалась несколькими факторами: близость к Москве, удобное железнодорожное сообщение, наличие «большой воды», т.е. знаменитых Царицынских прудов, и обширного парка. Особую романтическую окраску придавали руины Большого дворца и ряд превосходных построек В.И. Баженова. По всем основным параметрам Царицыно могло считаться лучшим выбором для самых взыскательных дачников.

Однако организация дачной жизни требовала и немалых усилий со стороны управляющих органов. Заметим, что в последней четверти XIX века в связи с развитием промышленного капитализма происходил значительный рост населения Москвы. При этом многие мастеровые, железнодорожники, низшие служащие многочисленных московских контор, мелкие торговцы предпочитали жить в ближнем пригороде, что было зна-

чительно дешевле. Подобная ситуация наблюдалась и в Царицыне. Население окрестных деревень (Орехово, Шипилово, Борисово, Зябликово) и села Царицыно добиралось до станции Царицыно-Дачное кратчайшим путем – т.е., через Царицынский парк, в то время ничем не огражденный и фактически никем не охраняемый. Уже очень скоро такая ситуация стала нетерпимой и потребовала вмешательства властей.

В рапорте управляющего Московской удельной конторой действительного статского советника И.А. Новикова, отправленного им в Департамент уделов 25 июня 1888 г., говорилось: «По вкоренившемся обычаю масса рабочего люда, богомольцев и местных крестьян окрестных селений с ранней весны до наступления зимы, проходя в Москву или на станцию Царицыно и обратно, проложили себе дороги для сокращения пути мимо Царицынского дворца по оброчным статьям № 60 и по восточной части Царицынского парка, которую положительно вытоптали и сделали похожую на большую дорогу, по которой ездят иногда даже на лошадях. Не довольствуясь этим, одни, проходя через парк, выходят на поле, близ дворцовой статьи № 197¹, а другие сворачивают и направляются по оброчной статье № 63², находящейся в так называемом «Воздушном саду», которая проходящими положительно вся затоптана»³.

Оброчная статья № 60 располагалась вдоль дороги: шла от Царицынской плотины, под Фигурным мостом и далее занимала обширную территорию. В нее входили правый берег Шипиловского пруда и овраг вокруг нынешнего Третьего Кавалерского корпуса и далее – все пространство между Царицынским дворцом, Хлебным домом, Вторым Кавалерским корпусом и церковью. Площадь ее составляла около 6 га и, по оценке Удельного ведомства, она представляла собой «сенокосный участок довольно хорошего качества», который при подобных обстоятельствах использоваться, разумеется, не мог. (Позже, в 1911-1917 гг., он сдавался крестьянину деревни Хохловка Д.И. Арбузову за 112 руб. в год)⁴.

Дело осложнялось и тем, что в парке практически отсутствовала охрана. До 1858 г. «Царицынский парк с прилегающими к нему дворцом и другими сооружениями ... охранялись ротой инвалидов солдат, помещавшихся в особой казарме. В настоящее время он охраняется лишь двумя сторожами, на обязанности которых, кроме того, лежит еще охранение лесной дачи Покровская сторона и урочища Клин. При чем парк, а следовательно, и находящиеся в нем сооружения, имеют отовсюду свободный доступ, легко подвергаются как порубкам леса, так равно разрушениям

¹ Оброчная статья № 197 замыкала юго-восточную окраину Воздушного Сада. С 1880 г. находилась в аренде у Потомственного почетного гражданина Ивана Яковлевича Санина (в 1900-1902 гг. на этой даче жил писатель Л.Н. Андреев).

² Оброчная статья № 63 – смежная со статьей № 197 (с 1896 – дача И.Е. Забелина и его дочери, М.И. Забелиной).

³ РГИА. Ф. 515. Оп.66. Д. 2302. Л. 1-3.

⁴ ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 11981. Л. 37об.-38.

и расхищениям самых сооружений и другим самовольствам»⁵. Очевидно, что столь малочисленная стража при всем старании не могла уследить за такой обширной территорией. Казна несла убытки: крестьяне незаконно пасли скот, косили траву, вырубали лес. На земельные участки (оброчные статьи № 80, 202, 63), расположенные в самом конце Воздушного Сада и примыкающие к большой дороге, не находились арендаторы. Помимо этого, продолжал Новиков, «в самом парке, в летнюю пору, ежедневно гуляют дачники, иногда одни дамы и дети, которые могут подвергнуться разным неприятностям и дерзким выходкам, со стороны пьяных иногда прохожих, чему бывали уже примеры»⁶. Таких прохожих в этих местах могло быть немало: совсем неподалеку, в селе Царицыне и деревне Орехово, находились трактиры, где продавали водку.

В этих условиях местная власть в лице управляющего Царицынским удельным имением Николая Александровича Рохманова (1846-1917) принимала различные попытки улучшить ситуацию. Вокруг парка по границе устраивались временные изгороди; вновь образованные дороги перекапывались широкими канавами, мешающими проходу и проезду. Однако, как следует из рапорта, поставленная «цель мало достигалась...», поэтому было крайне необходимо «окопать Царицынский парк и усадьбу с восточной и юго-восточной стороны глубокою и широкою канавою...»⁷. Следует отметить, что такая канава ранее уже существовала, но к 1880-м гг. она частично была утрачена – сильно «заплыла и заросла деревьями», валы над ней были сбиты и протоптаны, что делало эту часть парка, прилегающую к большой дороге, легко доступной для многочисленных прохожих.

По смете, утвержденной Департаментом Уделов, предполагалось восстановить имевшуюся ранее канава вдоль дороги (от которой остался только вал с внутренней стороны) на протяжении 505 м, а также прочистить и углубить сохранившуюся ее часть на южной стороне (232 м). Далее необходимо было проложить два новых отрезка – общей длиной 700 м. В середине октября работы были окончены. Начало канавы располагалось за Царицынским шоссе (ныне улица Дольская), заходя на Попову гору на 45 метров. Именно Царицынское шоссе было основной дорогой на станцию и оно оставалось доступным для проезда и прохода. Следующий отрезок канавы шел по восточной границе Воздушного Сада, ограждая дачные участки от большой дороги. В конце Воздушного Сада, следуя межевым столбам и ямам, линия канавы уходила к югу и юго-востоку, отсекая крестьянский надел от территории Царицынского парка и доходя до реки Язвенки.

⁵ РГИА. Ф. 515, оп.66, д. 2302, л. 1-3. Так называемый «Клин» находился на Покровской стороне. Место получило название за свою форму – треугольник, образованный левым берегом Верхнего Царицынского пруда и берегом залива напротив павильона Миловида. Позже этот участок арендовал Николай Петрович Бахрушин.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Средняя ширина канавы по верху составляла чуть более 2,5 м; глубина – от 1,5 до 1,8 м. С внутренней стороны был насыпан внушительный вал. Общая длина этого земляного сооружения, похожего на небольшой ров, составляла почти 1,5 км; и на ее возведение было истрачено 415 рублей.

В целом, при всей своей простоте такое сооружение было серьезным препятствием для пешеходов, а тем более для гужевого транспорта и домашних животных, которых местные крестьяне незаконно повадились пастись в дворцовых угодьях.

Интересно, что довольно большая по протяженности часть вала, местами, конечно, сильно осыпавшегося, но все еще вполне определенного, до сих пор сохранилась в юго-восточной части парка, доходя до беседки «Золотой сноп» (недалеко от нее сохранился один из межевых столбов). Канавы к настоящему времени сильно заплыла и местами почти исчезла, однако на основном протяжении ясно просматривается. Таким образом, можно и сейчас вполне точно определить границу 4-го Царицынского имения на этом участке. За канавой начинались крестьянские поля деревни Орехово. Та часть вала и канавы, которая отделяла территорию имения в районе Воздушного Сада, была уничтожена и до наших дней не дошла.

Помимо Удельного ведомства, благоустройством Царицынского парка иногда занимались и сами дачники. Такую инициативу проявил, например, Андрей Любимович Керков (в некоторых документах на иностранный манер – Рене Эмильевич), личность в некотором отношении замечательная и в Царицыне хорошо известная. На протяжении 20 лет он был членом правления и заведующим коммерческой частью Товарищества ситценабивной мануфактуры «Эмиль Циндель» в Москве; с 1907 г. – коммерческий директор предприятия. По сути, с середины 1890-х гг. и вплоть до Октябрьской революции он являлся главным руководителем процветающего производства.

Первое упоминание о семействе Керковых в Царицыне было отмечено в 1888 г., когда А.Л. Керков выразил свое желание взять в аренду участок в Воробьевке. По неизвестным причинам Удельное ведомство отказало ему в этой просьбе⁸. Однако Н.А. Рохманов, увидевший в Керкове перспективного арендатора, ходатайствовал перед своим начальством о передаче ему какого-либо другого участка в Царицыне. В следующем году мать А.Л. Керкова, Аделаида Андреевна Керков, жена статского советника, преподавателя 1-го Московского кадетского корпуса, взяла в аренду участок № 38 в Воздушном Саду, площадью 0,7 га. Участок был арендован «под постройку жилых и нежилых строений, разведение сада». Овдовев, она передала в 1895 г. этот участок сыну. В 1899 г. стоимость возведенных на нем строений оценивалась в 7 тыс. рублей.

⁸ ЦИАМ. Ф. 364, оп.1, д. 9482, л. 11, 20.

В 1897 г. А.Л. Керков решил взять в аренду соседний участок площадью 0,75 га, выходящий к Оранжерейному пруду с полуостровом⁹ (оброчная статья № 248) – на нем находился царицынский питомник, который в скором времени должен был быть ликвидирован¹⁰. Саженцы, выращенные в питомнике, высаживались в парке или шли на продажу. 28 января 1902 г. Рохманов сообщает вышестоящему начальству о положении дел: «В настоящее время из числа 75 000 саженцев, выращенных в этом питомнике, предназначенных для высадки весной текущего года, остается только лишь 10 000 штук, состоящих преимущественно из передержанных сосны и ели... Они достигли уже возраста более 10 лет и к пересадке уже непригодны. Р.Э. Керков согласился оплатить 60% саженцев сосны и ели: 136 руб. за 8800 штук деревьев и арендовать бывший питомник в таком виде»¹¹. С 1 июля 1902 г. с ним был заключен договор на аренду участка под бывшим питомником, в котором особо указывалось, что участок мог использоваться только «под разведение сада, оранжерей и под другое пользование садового или огородного хозяйства, не носящие промышленный характер»¹².

В 1910 г. А.Л. Керков взял в аренду также смежный с бывшим питомником участок такой же площади (оброчная статья № 186), выкупив у прежнего арендатора Е.П. Коробовой возведенные строения¹³ (илл. 49). Таким образом, объединенный участок А.Л. Керкова стал одним из самых крупных в Царицыне (площадь его – примерно 2,3 га.).

Будучи одним из учредителей Общества по благоустройству дачной местности Царицыно, он активно участвовал во всех делах этой организации. 7 августа 1910 года он предложил Обществу «принять в дар детскую площадку на Покровской стороне», устроенную за его счет, и оплатил аренду земли под ней. На площадке находились эстрада, крытый кегельбан, качели, приспособления для «гигантских шагов». В знак признательности Общество избрало Керкова и его жену Александру Максимовну почетными членами. Летом 1912 г. на их средства (643 руб.) был выкопан и оборудован общественный колодец в Воздушном Саду, крайне необходимый для всех дачников и прослуживший потом долгие годы. В 1912 г. он составил и издал первый путеводитель по Царицыну, снабдив его картой. Средства от продажи путеводителя поступали на счет царицынского Общества по благоустройству. Появление подобного издания оказало большое влияние на развитие дачной местности Царицыно. Будучи членом Царицынского церковно-приходского попечительства, Керков вносил значительные суммы на содержание амбулатории и на пособия для неимущих больных.

Действительным членом Общества по благоустройству состоял также и его брат, Эмилий Любимович Керков (около 1872 – 1914), подполковник,

⁹ Ныне это Верхний Оранжерейный пруд с островком.

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 364. Оп.1. Д. 9545.

¹¹ ЦИАМ. Ф. 364. Оп.1. Д. 9545. Л. 12.

¹² Там же. Л. 49 об. 50.

¹³ ЦИАМ. Ф. 364. Оп.1. Д.9521. Л. 30-32.

военный инженер, погибший в Первую мировую войну на границе с Пруссией¹⁴.

А.Л. Керков занимался также благоустройством парка, стремясь привести в порядок территорию вблизи своей дачи. В 1910 г. он «высказал ... желание замостить проезд между участками 248 и 188, использующийся для хозяйственных надобностей – вывоза сена, дров из парка и прогона скота»¹⁵. Эта дорога, пролежавшая между прудиком и оврагом в дождливое время становилась совершенно непроезжей – разбивалась телегами и скотом. После получения разрешения от Удельного ведомства, Керков замостил этот участок (длиной около 85 м) и проложил параллельно с ним устланную щебнем бульварную дорожку шириной 1,5 м. У самого пруда дорожка проходила по мостику, затем – по укрепленной сваями насыпи. Помимо этого, «для устранения застаивания ... воды» он устроил «в соединении полуострова с материком двухсаженную канаву»¹⁶. Работы обошлись А.Л. Керкову примерно в 1000 руб. (весьма солидная в те времена сумма). По их окончании (в декабре 1910 г.), он дал обязательство, что «вымощенная дорога, устроенная садовая дорожка, равно и самый прудик должны остаться в общественном пользовании и поддерживаться на мои, Керкова, средства в течение всего того времени, пока ст. № 248 будет находиться у меня в аренде»¹⁷.

Но на этом история не заканчивается. Всегда и везде найдутся недовольные.

7 августа 1917 г. ближайший сосед Керкова, действительный статский советник Поспелов, проживавший на даче Э.А. Кейзера (оброчная ст. № 184), написал заявление в управление округа с жалобой на «самоуправство Керкова, много лет назад самовольно захватившего прудик» (так что теперь «в кругу прислуги пруд этот зовется «Керковским»)»¹⁸. Многочисленные скандалы вокруг пруда были связаны в первую очередь с полосканием белья. Из заявления: «Свободный беспрепятственный доступ к этому пруду предупредит недоразумения и скандалы, подобные разыгравшемуся недели три тому, когда кучер Керкова и какая-то дама гнали полоскавших белье кухарок соседних дачников владений Санина, Никитской, быв. Забелиной, причем дама сбрасывала корзины с бельем в пруд, а кучер Григорий ругался поматерно...».

Несмотря на характерную стилистику заявления, свойственную всем жалобам соседей друг на друга, из него можно почерпнуть ряд интересных сведений, касающихся устройства жизни на дачах Керкова, которые Поспелов называл «виллами». Из прудика к домам Керкова тянулся водопровод

¹⁴ «Искры», 30 ноября 1914, №47. Э.Л. Керков окончил 1-й Московский кадетский корпус, Александровское военное училище и военно-инженерную академию.

¹⁵ ЦИАМ. Ф. 364. Оп.1. Д. 9545. Л. 36-37.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 62. Заметим, что контракт был оформлен до 1937 года.

¹⁸ Там же. Л. 68-69

с баком «в 600 ведер, снабжающий его виллы водой из пруда для поливки огородов, парников, цветников, оранжерей, для фонтана, ватерклозетов и проч.».

Заявление сопровождал рапорт управляющего имением, безоговорочно вставшего на сторону Керкова. В нем отмечалось: «Я со своей стороны нахожу нежелательным допускать общественное полоскание белья в Царицынском парке, и тем более, что указанный маленький пруд для этого мало пригоден, средствами же господина Керкова превращен в живописный уголок парка...». Таким образом, ходатайство Пospelова было отклонено.

В заключение напомним, что история эта происходила в августе 1917 года. Октябрьская революция неумолимо приближалась. И вскоре действующих лиц ждали куда более драматические события.

В 1918 г. Керков с семьей продолжал жить в Царицыне. Однако в июле того же года Земельным комитетом Царицынского волостного совета было передано в местный суд «Дело о самовольных порубках леса» на участке А.Л. Керкова, которые проводились «по его распоряжению». Одним из свидетелей выступил некий крестьянин Соловьев, прибывший из Рязанской губернии и проживающий на даче Керкова¹⁹ (так что дом, по-видимому, уже был уже уплотнен). Решение местного суда и дальнейший ход дела неизвестны, но, спасаясь от возможного судебного преследования, Керковы уехали в Москву. Вскоре дача была реквизирована. Первоначально в ней разместился РОНО. В декабре 1921 г. ее предоставили детскому дому голодающих детей Поволжья, т.к. из всех возможных она была лучше всего приспособленной: в ней имелся водопровод, ванная, колонка для горячей воды. С началом нэпа в сентябре 1922 г. Керков обратился в Ленинский исполком волостного совета с заявлением о возврате ему дачи, но получил отказ со следующей мотивировкой: «Ввиду того, что гр. Керков в революционное время не проживал, ...дача конфискована и занята ЗОНО детским домом Поволжья»²⁰. Советская власть не обошла своим вниманием и сад Керкова, один из лучших фруктовых садов в Царицыне: он сдавался в аренду некоему Комитету служащих, который должен был часть урожая отправлять в местные школы²¹.

Вскоре Андрей Любимович Керков эмигрировал. Жил в Германии, в Саксонии, в городке Мюльгаузен, одном из центров текстильной промышленности. Там он и умер в конце декабря 1939 года. Похоронен на местном кладбище.

Печальной оказалась и судьба прудика. Никто уже не следил за его чистотой; в нем беспрепятственно могли полоскать белье не только соседские кухарки, но и многочисленные жители так называемого Дворца, т.е.

¹⁹ ЦГАМО. 674/1/25. л. 311-312 об.

²⁰ ЦГАМО. Ф.674. Оп.1. Д.154. л. 38 об. Д. 130.

²¹ ЦГАМО. 674/1/10. л. 90

Хлебного дома, в котором образовалось множество коммунальных квартир²². Вскоре он загрязнился, зарос, обмелел, затянулся ряской и стал уже ни к чему не пригоден, и только остатки декоративного камня, украшавшего его берега, еще напоминали о его былой живописности, да по старой памяти он еще долго назывался «Керковским».

Фрагмент архивного документа²³.

«Заявление Поспелова, действительного статского советника, проживающего на даче Кейзера Э.А.

Ввиду больших недоразумений и скандалов с полосканием белья на пруде, принадлежащем Министерству земледелия и незаконно захваченного много лет дачевладельцем Керковым и обнесенный им колючей проволокой, как на немецком фронте и обделанный какими-то каменными брусстерами, загораживающими свободный доступ к пруду и представляющими как бы продолжение прилегающих к пруду нескольких вилл Керкова (Наташино или Надино, Сашино, Мишино и др.), почему в кругу прислуги пруд этот зовется «Керковский», я, как живущий рядом с прудом и лишенный возможности пользоваться водой из него, в особенности при случае пожара, прошу Вашего распоряжения об отводе мне места для устройства плота для общественного бесплатного пользования, о снятии проволоки и камней и уничтожении сделанных Керковым водопровода для бака в 600 ведер, снабжающего его виллы водой из пруда для полива огородов, парников, цветников, оранжерей, для фонтана, ватерклозетов и проч.

Свободный беспрепятственный доступ к этому пруду предупредит недоразумения и скандалы, подобные разыгравшемуся недели три тому, когда кучер Керкова и какая-то дама гнали полоскавших белье кухарок соседних дачников владений Санина, Никитской, быв. Забелиной, причем дама сбрасывала корзины с бельем в пруд, а кучер Григорий ругался по-матерно...

1917 г., Августа 7 дня».

²² Об этом позже вспоминал А.Л. Гришунин в книге «Царицыно. Записки старожила». М., 2000.

²³ ЦИАМ. Ф. 364. Оп.1. Д.9545. Л. 68-69

Проблема обеспечения «общественного спокойствия, тишины и приличия» в Царицыне в «дачный» период его истории

Хорошо известно, что во второй половине XIX века царицынский парк стал одним из главных мест воскресного и праздничного отдыха москвичей и вокруг него возникло несколько дачных поселков. В Царицыне сталкивались представители самых разных слоев общества. Дачные поезда привозили из Москвы в парк самую разношерстную публику, в том числе и мастеровых, прислугу, чернорабочих. В парке стали появляться рабочие с заводов, располагавшихся у станции «Царицыно», грузчики и рабочие с соседней сортировочной станции «Бирюлёво», прислуга дачников. Простой народ и учащаяся молодежь искали в парке привычных шумных развлечений, более солидная публика – спокойствия и тишины. Источники конца XIX – начала XX века отмечают «неприятные столкновения» между состоятельными дачниками и невзыскательными любителями выпить и широко погулять на природе¹.

Парк, как известно, к этому времени давно потерял статус парка императорской резиденции и входил в состав Царицынского удельного имения. Вместе с тем он не стал объектом извлечения прибыли. Руководство Удельного ведомства понимало его историческую и рекреационную ценность и в своей хозяйственной деятельности, как правило, ее учитывало. Кроме этого, благоустроенный и безопасный парк привлекал дачников и одним этим увеличивал доходы Удельного ведомства от сдачи окружающей земли в аренду. Поэтому с 1860-х гг. управляющие Царицынским имением вместе с полицейскими властями предпринимали усилия по поддержанию общественного спокойствия в царицынском парке.

Рассмотрим, какие силы были задействованы в поддержании порядка. За безопасность на территории отвечал пристав 5-го стана Московского уезда, который помещался в селе Черёмушки и которому было подведомственно еще несколько волостей. Непосредственно в Царицыне с 1878 г. находился полицейский урядник, ответственный только за Царицынскую

¹ Например, в 1896 г. «умело устроенный и приятно прошедший» праздник Московского общества любителей рыболовства был «в самом конце испорчен непристойным поведением собравшихся подгулявших окрестных крестьян, произведших шум и беспорядки, а позднее и расхищение некоторых вещей из бывшего на празднике имущества Общества» (см.: Отчет Московского общества любителей рыболовства за 1896 год. М., 1897. С. 5).

волость, но ему одному, по утверждению многолетнего управляющего Царицынским удельным имением Н.А. Рохманова, «наблюдать за порядком в Царицыне, особенно в праздничные дни, положительно бывает не под силу»². С конца XIX века исправник Московского уезда с началом дачного сезона ежегодно командировал в Царицыно второго урядника, но с учреждением уездных отрядов конно-полицейской стражи в период революции 1905-1907 гг. это было прекращено. Специально для поддержания порядка в царицынском парке управляющий имением в праздничные и воскресные дни вызывал некоторых лесных и прудовых сторожей³, а с 1902 г. Управление Московского удельного округа нанимало на «4 летних месяца» двух особых временных сторожей⁴. Но каждый из них получал за все 4 месяца всего по 50 руб., поэтому в эффективности их деятельности приходится сомневаться. Таким образом, в Царицыне даже по праздникам и воскресеньям дежурили 1-2 полицейских и несколько невооруженных сторожей.

У царицынских крестьян были свои выборные должностные лица, несшие полицейские обязанности (волостной старшина, сельский староста и подчиненные им сотские и десятские), а также волостной суд, который под нажимом администрации по крестьянским делам мог быстро наложить наказание на возмутителей спокойствия, но только из числа односельчан. Так, в 1867 г. благодаря настойчивости царицынского окружного надзирателя Махова двое крестьян села Царицына за «дерзости и дурные поступки», учиненные в присутствии Махова (они самовольно торговали самоварами на удельной земле, ссорились и производили «шум и беспорядки»), были наказаны по приговору волостного суда: первый – 20 ударами розог, а второй – заключением под арест на двое суток⁵. С участием крестьянских полицейских властей особые меры в Царицыне принимались по случаю проезда по Московско-Курской железной дороге императора. Так, пристав 5-го стана в сентябре 1869 г. писал волостному старшине: «По случаю проезда Его Величества Государя Императора 30-го числа Сентября, в 11-ть часов ночи чрез Царицынскую станцию предписываю Вам: того числа к 8-ми часам вечера прибыть на означенную станцию вместе с полицейскими служителями из селений Ореховой Федором Петровым, Шайдровой Михайло Гавриловым, Хохловки Степаном Васильевым и Царицына Матвеем Петровым, где и ожидайте моего прибытия. Причем имеете Вы принять решительные меры, дабы все трактирные заведения и кабаки к 11-ти часам ночи на всем протяжении пути Курской железной дороги в селениях вверенной Вам волости были закрыты и соблюдалось бы благочиние и порядок и притом были бы ночные сторожа»⁶.

² Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 364. Оп. 6. Д. 26. Л. 3.

³ ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 2. Д. 1870. Л. 1.

⁴ ЦИАМ. Д. 364. Оп. 2. Д. 1303. Л. 13–18.

⁵ ЦИАМ. Ф. 378. Оп. 1. Д. 10. Л. 40–42.

⁶ Там же. Л. 59 об.

В 1908 г. московский губернатор В.Ф. Джунковский просил Удельное ведомство разрешения разместить в Царицыне отряд конно-полицейской стражи из 14 человек. Рохманов, от которого был затребован отзыв, просьбу горячо поддержал и просил только, чтобы в Царицыно же было переведено местопребывание пристава 5-го стана, «без чего нельзя поручиться, что стражники эти, оставаясь без должного надзора, будут недостаточно дисциплинированы». Рохманов предложил предоставить отряду конной стражи безвозмездно часть Кухонного корпуса, в котором жили и лесные сторожа удельного имения, с условием, что приспособление помещений полиция произведет за свой счет. Пока разрешался вопрос о постоянном помещении для конных стражников в Царицыне, пристав 5-го стана нанял для них временное помещение в частном здании, а конюшню кое-как разместил в одном из «пустопорожних отделений» Кухонного корпуса. 3 мая того же года Рохманов совместно с инженером Московского губернского строительного отделения А.А. Андреевским осмотрел Кухонный корпус. Андреевский предполагал занять под казармы северо-западную часть первого этажа, а под конюшни – юго-восточную, где в стене должен был быть пробит широкий дверной проем. Под навозную яму и общий клозет предполагалось использовать погреб царицынского сторожа. Проект договора между ведомством внутренних дел и Управлением Московского удельного округа особо оговаривал, что так как здание находилось «в центре Царицынской усадьбы близ парка и в нем, кроме того, Удельным ведомством сдаются жилые помещения другим лицам, то стражники должны вести себя вполне прилично, не нарушая каким бы то ни было образом тишины и спокойствия, и соблюдать, как на дворе здания близ помещения, так равно и близ конюшни чистоту и опрятность». К сожалению, за три месяца до вступления договора в силу, 3 октября 1908 г., В.Ф. Джунковский лично сообщил управляющему Московским удельным округом об отказе от идеи размещения отряда конной стражи в Царицыне⁷. Проблема обеспечения безопасности в царицынском парке и окружающих поселках осталась нерешенной.

Ее острота несколько смягчилась после того, как по распоряжению В.Ф. Джунковского с 1909 г. Общество благоустройства дачной местности «Царицыно» стало нанимать особых сторожей для охраны. Однако, как писали царицынские дачники в одном из своих ходатайств, «никакая охрана не в состоянии уследить за такой громадной территорией, какую занимает парк, и предотвратить вторжение в него пьяных»⁸.

Не имея возможности обеспечить надежную охрану Царицынского парка, Удельное ведомство стремилось свести возможность появления там пьяных к минимуму. На территории имения Удельное ведомство почти не допускало «питейной» торговли, опасаясь «нарушений общественно-

⁷ ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 6. Д. 26. Л. 1–34.

⁸ Там же. Оп. 1. Д. 9780. Л. 85.

го спокойствия, тишины и приличия», несмотря на то, что такая торговля была бы весьма выгодной. Лишь несколько лет, с 1882 г., «в виде опыта», в парке допускалась «торговля чаем из самоваров, пивом, портером, медом и разными закусками», причем на арендатора, снимавшего право такой торговли (им был московский мещанин В.А. Андреев), возлагалась обязанность «отнюдь не допускать, чтобы приезжающие гулять в парк распивали там вино, водку или вообще какие-либо крепкие напитки»⁹. Опыт оказался неудачным. За чайными столиками, расставленными по парку, в большинстве случаев вместе с чаем распивались водка и вино в большом количестве. «Устранить это зло, – утверждала Московская удельная контора, – являлось положительно невозможным, так как приезжающая гулять публика привозила с собой вино и водку или же посылала за ними из парка в ближайшие трактирные и питейные заведения. Следствием всего этого являлось то, что в царицынском парке, особенно по праздничным дням... происходили разного рода беспорядки, нарушавшие общественную тишину, благопристойность и приличие». Имея в виду, что «вообще существование публичных гуляний в парке, при том характере, который они приняли, положительно было неприлично для дворцового царицынского парка», Контора с окончанием в 1890 г. контракта с Андреевым решило торговлю в парке прекратить. Однако это не могло помешать публике по-прежнему распивать вино и водку, и тогда гуляющим было вовсе воспрещено «располагаться в парке для закуски, питья чаю и крепких напитков». Впрочем, в рощах Удельного ведомства, окружавших парк, пикники с чаем и закусками разрешались¹⁰.

На территории имения Удельное ведомство разрешало питейную торговлю только в ресторане увеселительного «семейного сада» Б. Диппмана у самой станции железной дороги, но цены в нем были по карману только приличной публике, так как даже за вход на территорию сада взималась плата¹¹.

Но спиртное продавалось в буфете станции «Царицыно», а его посетителями были как раз пассажиры вагонов третьего класса (неслучайно при строительстве нового здания царицынского вокзала буфет был устроен именно в зале третьего класса). Мимо этого буфета в начале XX в. проходило в среднем около 900 человек в день¹². Кроме этого, территория удельного имения вокруг парка располагалась чересполосно с надельными землями крестьян села Царицыно и других селений Царицынской волости. Крестья-

⁹ ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 9460. Л. 12 об.

¹⁰ Русские ведомости. 1890. № 218 (10 августа). С. 2.

¹¹ По словам известного бойкого публициста того времени, «за позволение войти в буфет надо внести особую контрибуцию. Отсюда получается нечто вполне несообразное с разумом и здравым смыслом. Недостаточно заплатить за кушанье и питье, надо еще заплатить за то, чтобы иметь право заплатить за то и другое» (см.: Курепин А. Д. В Старом Царицыне // Русские ведомости. 1890. № 211. С. 2).

¹² ЦИАМ. Ф. 414. Оп. 3. Д. 224. Л. 152 с об.

не же в отношении кабаков были антагонистами Удельного ведомства и охотно разрешали открытие на своей наделной, общественной, земле питейных заведений. Таким образом, под носом у дачников, обосновавшихся в Царицыне в расчете на спокойную жизнь, неожиданно возникали трактиры и кабаки, которые разом перечеркивали все достоинства Царицына. Так, дачевладельцы Нового Царицына, располагавшегося по правую сторону железной дороги, перед открытием летнего сезона в 1892 года писали управляющему именем Н.А. Рохманову: «На прилегающем к владениям Удельной Конторы и линии железной дороги в Новом Царицыне участке земли, принадлежащем крестьянам села Царицына, производится винная торговля из винной лавки, содержимая крестьянином Шебановым, каковая торговля для нас, дачевладельцев, причиняет большой вред и убытки при сдаче внаем дачных помещений, так как винная торговля привлекает в эту местность множество рабочего люда с находящегося вблизи кирпичного завода и со станции ж[елезной] д[ороги], и сборище такой неприличной публики производит безобразия и наносит дачникам различные неприятности, так как лавка эта находится как раз на единственном проходе на станцию и с оной на дачи, и кроме того дачники стеснены этим вообще при прогулках, почему и заявляют свое неудовольствие и через это отказываются от съездов в будущем, и дачи оказываются незанятыми»¹³.

Рохманов, сам живший в Царицыне и немало содействовавший его благоустройству, отчаянно боролся против кабаков на прилегавших к Царицыну крестьянских землях. Он протестовал немедленно, после первых же известий о еще только готовившемся открытии «питейной» лавки, кабака или трактира. Так, у самой железнодорожной станции, в начале Царицынского проспекта, находился трактир «без права продажи крепких напитков, с садом и номерами», принадлежавший крестьянину Василию Петрову. С давних пор, по словам Рохманова, со стороны Удельного ведомства принимались «всевозможные меры, чтобы на этом месте не открывалось каких-либо торговых или питейных заведений, с продажей крепких напитков, причем подобные ходатайства... всегда удовлетворялись». В 1902 г. Петров начал строительство «значительного деревянного строения», в котором, по дошедшим до Рохманова слухам, Петров намеревался открыть пивную лавку от имени одного из московских пивоваренных заводов. «При большом скоплении чернорабочих на близлежащем кирпичном заводе Логунова и на земляных работах при ж.-д. станции Царицыно, – писал Рохманов, – пивная эта, особенно по праздничным дням, должна будет представлять собой верх всякого безобразия, оскорбляя нравственное чувство проходящих и проезжающих со станции Царицыно дачников и другой публики», – писал Рохманов и просил Управление Московского удельного округа не допустить открытия пивной. Действительно, 15 июля 1903 г. из Управления казенных питей Московской губернии пришел запрос о воз-

¹³ ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 9507. Л. 3 с об.

возможности удовлетворить ходатайство Калининского пивоваренного товарищества о разрешении пивной лавки во владении Петрова или в «слободе за дворцом во владении Антипова» (то есть в селе Царицыно). Рохманов согласился на открытие пивной в «слободе»¹⁴.

Рохманов не раз обращался к Управлению Московского удельного округа с призывом «действовать более энергично, так как в противном случае Питейные Присутствия, нисколько не стесняясь, будут ежегодно украшать дачную местность в Царицыне кабаками»¹⁵. Несколько дельцов он лично убедил не открывать таких заведений поблизости от Царицына, обещая в противном случае бороться против них всеми доступными средствами. В этом его активно поддерживали царицынские дачники, среди которых было много очень известных людей, а позднее и их объединения – Царицынское церковно-приходское попечительство и Общество благоустройства дачной местности «Царицыно». Результатом борьбы дачников и Удельного ведомства стало, в частности, то, что при введении в Московской губернии в конце 1890-х гг. казенной продажи питей (государственной винной монополии) Управление Московским акцизным округом поместило казенную винную лавку не в селе Царицыне, располагавшемся в непосредственной близости от дворцово-паркового ансамбля, а в более удаленной от него деревне Орехово, через которую проходила Старая Каширская дорога¹⁶.

Вот как описывал крестьянин деятельность трактира в Орехове: «В праздник, как только отойдет обедня, все, бывало, из Шипилова плетутся туда гурьбой и возвращались на четырех ногах в полночь. Все пьяные идут, поют песни; кто ругается, случается – и дерутся. Потом идут все в шинок и делают там уже мировую и расходятся далеко за полночь по домам. По утру встают и все по обыкновению бегут в свой шинок. Но там запас уже истощился, а дожидаться долго, а опохмелиться надо. Глядь, еще товарищ подвернулся, и идут в Орехово. А там примажут к гривеннику на рубль, а то и на два под ягоды [то есть в счет будущего урожая садов. – И.З.], и возвращаются уже пьяные. Настанет ягодная пора, и едет к нам трактирщик ягодные долги собирать». Соседнее село Борисово пропивало в своем трактире, по отзыву хозяина этого заведения, до 15 тыс. руб. в год. А средний расход на выпивку каждого крестьянского двора в Царицынской волости в начале 1910-х гг. составлял огромную сумму – 51 руб. в год, и в этом отношении волость в Московском уезде лидировала наряду с соседними Нагатинской и Выхинской, а также Троице-Голенищевской волостями¹⁷.

В 1892 году Удельное ведомство предприняло попытку объявить местность вокруг Царицына (на протяжении двух верст от него), которое,

¹⁴ Там же. Д. 1266. Л. 4–16.

¹⁵ Там же. Д. 9507. 2.

¹⁶ Там же. Д. 9780. Л. 25 об.

¹⁷ Деревня и запрещение продажи питей в Московском уезде. М., 1915. С. 40.

напомним, составляло собственность самого императора, зоной, где была бы запрещена «раздробительная продажа напитков», как это полагалось вокруг императорских дворцов, но получило отказ от Департамента неокладных сборов Министерства финансов, указывавшего, «что по смыслу действующего закона от близости питейных заведений охраняются лишь такие дворцы, в которых имеют пребывание хотя бы и временно Особы императорской фамилии»¹⁸.

Таким образом, жизнь дачного Царицына была вовсе не безмятежной. Превращение Царицына в популярное место отдыха самых широких слоев Москвы выдвинуло перед распорядителями дворцово-паркового ансамбля острую проблему сохранения «тишины» в Царицыне, которая решалась прежде всего за счет ограничения «питейной» торговли. Борьба между Удельным ведомством и дачниками, с одной стороны, и крестьянами и «демократичной» публикой – с другой, закончилась с введением «сухого закона» с началом Первой мировой войны, который, кстати, большинство царицынских крестьян поддержало. После запрещения продажи спиртных напитков, по сообщению крестьянина Царицынской волости, «не стало видно худых сапог и рваной одежды». Житель Хохловки отмечал: «Не стало пьяных продаж и разных сделок. Заметно, что некоторые крестьяне стали хозяйство вести лучше и продукты продают по хорошим ценам». Другой царицынский крестьянин отзывался, что «теперь [стало] спокойно и больше пьют чай и ходят в церковь»¹⁹.

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 9507. Л. 8.

¹⁹ Деревня и запрещение продажи питей в Московском уезде. М., 1915. С. 56, 78–79.

Л.Г. Еремина

Аршиновский парк

Этот парк возник в начале XX века усилиями отца и сына Аршиновых – купца 1-й гильдии, потомственного почетного гражданина Василия Федоровича (1854-1942) и преподавателя Московского Университета Владимира Васильевича (1879-1955).

Согласно местной мифологии, парк создавался на пустующем неудобье для болезненного младшего сына купца (что нашло свое отражение в информационном щите, установленном сегодня при входе в парк (илл. 52)). Но в надписи на щите допущена ошибка: профессором Горной академии был старший сын В.Ф. Аршинова Владимир, который активно помогал отцу (а может быть, и был инициатором) при создании парка. Его детское увлечение ботаникой переросло в серьезное исследование земных недр.

«Владельцем купленного большого участка, купцом 1-й гильдии Аршиновым и его сыном, профессором Горной академии, с 1908 года высажен большой парк, где были разбиты аллеи, покрытые кирпичным щебнем, устроены скамеечки, – вспоминал в 1960-е гг. один из первых комсомольцев Царицына, председатель райисполкома в 1930-е гг. Николай Петрович Петраков. – Одни аллеи были обсажены серебристыми елочками, другие – жасмином, остальные же сиреневыми кустами всех цветов. Были сделаны клумбы с обилием цветов, особенно роз. Имелись оранжереи с персиковыми, лимонными и др. деревьями и виноградом. Создано несколько небольших прудов, в одном из них было купание по расписанию дня. Парк был огорожен, калиток не было, а были просто вертушки и вход в парк был общедоступным»¹.

В парке преобладали хвойные деревья, делая его естественным продолжением хвойных лесов, росших вокруг. Многие саженцы были привезены издалека. До настоящего времени сохранились такие непроизрастающие в естественных лесах Подмосковья деревья, как сибирская лиственница, североамериканская сосна Банка и сосна веймутова. Из лиственных пород интересны тополя канадский и черный, ясень пенсильванский, ольха серая. В центре парка сохранился старый тополь белый с обломанным стволом. На дальней луговине располагалась обширная пасека.

Несколько слов о жизни Аршиновых в Царицыне. Глава семейства Василий Федорович Аршинов был одним из учредителей и первым председателем (затем почетным председателем) «Общества благоустройства

¹ Петраков Н.П. Из истории поселка Ленино (бывшее Царицыно) Пролетарского района города-героя Москвы. М., 1967. Машинописная рукопись. Публикуется впервые.

дачной местности Царицыно» (1908). В состав членов Общества входили и сыновья Аршинова – Владимир, Василий, Сергей. В 1910 г. Василий Федорович передал «Обществу» созданную на его средства площадку «для детских подвижных игр» (т.е. фактически спортивную площадку) с обещанием и «впредь вносить Удельному Округу арендную плату за землю».

Свой первый участок площадью 2369 саженей (т.е. практически гектар) Василий Федорович Аршинов арендовал в местности Новое Царицыно в 1890 г. А поскольку дела Торгового дома «Аршинов и К°», торгующего сукном, шли хорошо, то во второй половине 1890-х гг. Аршинов задумывается о расширении своих царицынских владений. В мае 1897 г. он подал в контору Московского Удельного округа прошение: «По смежности с арендуемым мною участком под № 189 в местности под названием «Новое Царицыно» находится часть удельной дачи, называемой «Воробьевка», которая от остальной совершенно отделяется проезжей дорогой, а с другой стороны прилегает к кирпичному заводу на крестьянском наделе». В конторе не возражали, и участок около 1900 сажен был отдан Аршинову в аренду на 36 лет с 1 января 1898 по 1 января 1934 г. «под постройку дач и других жилых и нежилых строений и разведение сада, с обязательством охранять лес, произрастающий на этом участке»².

Отметим слова «прилегает к кирпичному заводу на крестьянском наделе». Речь идет о кирпичном заводе Логунова, затем Петрова, находившемся на территории сегодняшней городской больницы № 12, и о землях крестьян близлежащей деревни Котляково. В 1908 г. завод был закрыт, а земля стала продаваться. Эти территории не входили в Удельное ведомство. Именно здесь, постепенно скупая небольшие участки земли, Владимир Васильевич Аршинов образовал большое частное владение, которое непосредственно примыкало к двум участкам, арендованным его отцом у Удельного ведомства.

Возможно, мысль о создании своеобразного дендропарка с редкими и декоративными породами была у Аршиновых еще тогда, когда Василий Федорович просил в аренду второй участок, или появилась сразу же после этого. Во всяком случае, действовали они весьма энергично, и уже в 1910-х гг. на стыке Петровского поселка, Воробьевки и Нового Царицына возник очаровательный парк.

В 1903 г. Владимир Аршинов, блестяще окончив естественное отделение физического факультета Московского университета, был оставлен «для подготовки к профессорскому званию» при кафедре минералогии, руководимой В.И. Вернадским. Пройдя стажировку в Германии, он начал преподавать в Московском университете. В 1910 г. при поддержке родителей он приступил к созданию собственного научно-исследовательского института, названного им «Lithogaea» («Литогеа»), что в переводе с латыни означает

² ЦИАМ. Ф. 364. Оп. 1. Д. 9560. Л. 3, 9; Там же. Оп. 20. Д. 13. Л. 325об.-326.

«каменная земля». Летние лаборатории института одно время располагались в Царицыне.

Несмотря на то, что научные интересы Владимира Аршинова были связаны с «неживой» природой, он, как верный ученик Вернадского, интересовался всем комплексом наук о Земле. В 1905 г. его избрали действительным членом Общества испытателей природы, затем Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и Общества содействия успехам опытных наук (1912), Русского Горного Общества (1914), Объединения (Ассоциации) Русских Естествоиспытателей (1916). И после революции В.В. Аршинов был членом Всероссийского Общества охраны природы.

Чтобы сохранить институт и в какой-то мере обезопасить свое существование, отец и сын Аршиновы передают свое имущество государству. 1 октября 1918 г. появился декрет Совнаркома «О национализации Петрографического института «Lithogaea» в Москве, подписанный Лениным и Бонч-Бруевичем. Владимир Васильевич Аршинов был назначен первым советским руководителем института.

В это же время в Царицыне, только что переименованном в Ленино, Волостным Советом было реквизировано «имение граждан В.Ф. и В.В. Аршиновых в составе 3-х дач, дома приказчика, погреб-сарая, конюшни, каретного сарая, пасеки в 51 улей и земельного участка – парка с лугами».

Но Аршиновы не смирились с потерей подмосковного владения. В условиях жесткого «уплотнения» в городе возможность отдохнуть на природе, иметь свою пасеку и т.п. стала особенно ценной. Владимир Васильевич Аршинов, опираясь на свой официальный статус профессора Горной Академии и руководителя научного института в системе Научно-Технического отдела ВСНХ, пытался использовать все возможности, предоставляемые новыми законами, чтобы вернуться в Царицыно. Но сделать это было не просто.

Осенью 1919 г. на базе аршиновской была создана Опытно-Показательная пасека. На следующий год началась раздача населению роев племенной рассадной пчелы. Тогда же работа пасеки была отмечена на Всероссийской выставке по огородничеству, садоводству и пчеловодству. Весной 1920 г. в губернский союз сельхоз коллективов поступает заявление о регистрации трудовой артели сотрудников института «Литогеа» и Московской горной академии и выделении ей земельного участка с пасекой в Новом Царицыне. Целью создания Артели в Уставе указывалось «дать возможность лицам, работающим в научных лабораториях, уделять ради гигиены труда часть времени труду земледельческому». Для своей деятельности члены артели просили предоставить им:

а) земельное владение В.В. Аршинова в местности Царицыно-Петровское, около 14 десятин.

б) два смежных участка земли бывш. Удельного Ведомства, состоявших в аренде В.Ф. Аршинова, мерою около 4 000 кв. саж. с находящимися на них тремя дачами и службами.

в) участок земли, мерою около $\frac{1}{2}$ десятины, принадлежавший крестьянам села Царицыно, сданный ими в аренду под дачи Петрову и переданный Аршинову...»³.

Среди артельщиков значились и Аршиновы – Владимир Васильевич, его отец и мать. Имена последних и сыграли свою роковую роль – новые власти не могли допустить прежних владельцев на их бывший участок. В просьбе было отказано, «принимая во внимание, что большинство членов Артели не являются трудовым и земледельческим населением и претензия их на пасеку носит характер не ведения хозяйства, а представляет лишь разумный отдых»⁴.

После очередного отказа властей появляется следующий документ:

«В Московский Уездный Исполком

ПРОШЕНИЕ

Профессора и члена президиума у[ченого] с[овета] Московской Горной Академии и члена коллегии института Физико-химического исследования твердого Вещества Научно-Технического Отдела Высшего Совета Народного Хозяйства Владимира Васильевича Аршинова.

Прошу Уездный Московский Исполком отменить постановление Земельного отдела по моему делу за № 1167 которое рассматривалось в заседании 25/IV-1921 г., и разрешить мне один-два раза в неделю по праздникам останавливаться и ночевать в одной из комнат дач показательной пасеки в ленинском поселке. Отказ мне иметь для летнего отдыха комнату среди парка, который я насаждал в течении 20 лет, является в высшей степени несправедливым.

Отдавая все свои силы и знания делу служения науке и технике я считаю такой отказ Незаслуженной обидой и объясняю его тем, что члены коллегии земельного отдела не были в курсе дела и положения вещей.

Гражданин Владимир Аршинов 26/IV 1921 г.

Мое прежнее прошение и соответствующие ходатайства Горной Академии и Научно-Технического Отдела находятся в Земельном отделе»⁵.

Разбирательство продолжалось еще полтора года. 4 октября 1922 г. Земельная Комиссия УЗО вновь рассматривала «Дело по ходатайству гражданина Аршинова о возвращении ему пасеки при ст. Царицыно». Владимир Аршинов снова настаивает, «что он много положил труда на участок занятый пасекой, также как и его отец, каковому принадлежал этот участок». Сосед по Петровскому поселку Пичугин подтвердил это, заявив «что

³ ЦГАМО. Ф. 805. Оп. 1. Д. 196. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 106. Л. 63-63об.

Аршинов культивировал землю частью наемным частью личным трудом». Но доводы заведующего Отделом Земледелия В.И. Вавилова, что пасека находится в прекрасном состоянии, а Литогеа «не компетентна» и в случае передачи «пасека не принесет Государственной пользы», оказались весомее.

Позднее, в 1934 г., при образовании в Бутове Института пчеловодства Аршиновская пасека вместе с Измайловской пасекой и пасекой Тимирязевской академии вошла в ее состав.

Несмотря на тяжесть местные власти активно использовали аршиновские владения в хозяйственной жизни – то давали разрешение на покос, то на выпас лошадей стоявшей неподалеку военной части. А в январе 1921 г. исполком Ленинского районного Совета предоставил товарищу Тараканову «для показательного обработки земли» «аршиновский участок в Новом Царицыне, на котором имеется оранжерея и 3 комнаты для жилья, причем тов. Тараканов должен находиться при Волземотделе»⁶. Это одно из последних упоминаний об аршиновских оранжереях.

В марте 1923 г. институт «Литогеа» преобразовывается в Институт прикладной минералогии и петрографии, директором которого становится Н.М. Федоровский. Раздражающей местные власти фамилии Аршинова уже нет, поэтому без особых сложностей осенью того же года Аршиновский парк был передан Московским Земельным Отделом Институту прикладной минералогии и петрографии «в арендное пользование» сроком на три месяца (срок договора был затем продлен еще на три с половиной месяца), при этом на ордере имеется приписка «Передача дач Аршиновых не состоялась, так как [...] дачи сданы по договорам [...] разным людям»⁷. А вот это было не совсем точно. По данным на 1923 г., из четырех дач Аршиновых (одна была домом приказчика или сторожкой, как ее иногда именовали в документах) заняты были только три – агрономом, ветеринаром, сторожем, а одна была свободна. То есть ее вполне могли бы дать Аршиновым для летнего отдыха.

В феврале 1924 г. Отдел охраны природы Наркома просвещения выдает следующий документ:

«Удостоверение

На основании декрета Совнаркома от 16/сен. 1921 г., ...«Об Охране памятников природы, садов и парков», Главнаукой по Отделу Охраны Природы признан неприкосновенным памятником природы акклиматизационный парк, находящийся в Ленинской волости Московск. Уезда и губернии /быв. Аршинова/.

⁶ ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 85. Л. 6об.

⁷ ВИМС. Архив Аршиновых. Публикуется впервые.

Никакие порубки и изменения в насаждениях на указанном участке недопустимы. Наблюдения за акклиматизационным парком поручается Институту Прикладной Минералогии и Петрографии⁸.

Как долго длилось это «наблюдение», пока установить не удалось. Но больше попыток вернуться в Царицыно Аршиновы, по-видимому, не делали, хотя и продолжали ревниво следить за судьбой своего детища. В архиве Владимира Аршинова сохранилась вырезка из районной газеты «В бой за коллективизацию» за 1935 год, в которой были подчеркнуты строки об Аршиновском парке:

«В том же Пролетарском районе есть, или вернее был, так называемый «аршиновский парк».

На посадку этого парка когда-то много было затрачено рабочего труда, много было пролито трудового пота. Здесь выросли редкие виды ценнейших пород деревьев: пихты, лиственницы, гигантские тополя, редчайшие породы елей и сосен привезенных с Дальнего Востока и из заграницы.

Стоят они многие десятки тысяч рублей.

Этому маленькому парку позавидовал бы и большой город.

Не откажется от этого зеленого уголка и новая Москва, в которую, в недалеком будущем, волеется наш поселок.

Но не так думают горе-руководители поселкового совета. С их попустительства парк заброшен, ценнейшие деревья гибнут.

Правда, на одном дереве лет 10-15 тому назад заботливый «благоустроитель» прибил доску, на которой начертал:

«Ходьба по траве и пастьба скота строго воспрещается, за нарушение штраф 25 руб. 50 коп.».

Но ни 25 рублей, ни 50 коп. – не действуют. Пасутся и коровы и козы, щиплют траву, обгладывают деревья. Ходьба по траве продолжается, но что делать: дорожек в парке нет. Нас возмущает другое – это хищническое уничтожение ценнейших древонасаждений. Спиливаются и обламываются верхушки пихт. Около пасеки института пчеловодства срубаются ветви лиственниц.

В парке был хороший пруд. Уже несколько лет, как он высох. В прошлом году какой-то «изобретатель» умудрился на дне пруда посадить картофель. Но руководители нашего поселкового совета никак не умудряются вновь наполнить этот пруд водой. Карпов надо разводить в пруду, а не картофель! Надо прекратить преступное разрушение парка Пролетарского района. Этот парк должен стать одним из прекраснейших уголков поселка Ленино⁹.

Надо сказать, что уже в середине 1920-х гг. Аршиновский парк, тогда еще безымянный, стал местной достопримечательностью, которую отме-

⁸ ВИМС. Архив Аршиновых. Публикуется впервые.

⁹ Николов С. Растратчики земного богатства // В бой за коллективизацию. Ленино, 1935. № 70. 24 Июля.

чали путеводители. В 1926 г. «Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы» отмечал: «в Петровском поселке, отстоящем от Царицынской платформы в ½ кил., очень любопытен молодой парк, растимый по типу заграничных культур садоводства»¹⁰. Видимо, словосочетание «Аршиновский парк» тогда еще вызывало классовое отторжение.

До войны и сразу после нее под сибирскими лиственницами ребята собирали грибы, на пригорке – полевые цветы, а в «сухом пруду» самозабвенно играли в мяч. В парке никогда не было грязи, луж после дождя и таянья снега. Секрет оказался прост – под парком была сделана мощная дренажная система из мелкой гальки, которую случайно обнаружили в 1970-е гг., когда экскаватор начал копать траншею. Конечно, во время войны парк сильно пострадал. Многие деревья пошли на дрова: исчезла красивейшая аллея из голубых елей и заросли боярышника вокруг прудов.

После вхождения поселка Ленино в Москву не раз пытались использовать «пустующую территорию». В 1970-е гг. здесь хотели построить детский городок с домом пионеров, кафе, кинотеатром и т.п. В конце 80-х – автомобильную стоянку. В декабре 1987 г. решением Исполкома Моссовета Аршиновский парк получил официальный статус памятника природы города Москвы. В начале 2000-х гг. парк несколько раз благоустраивали. Появился каскад прудов, спускающихся к улице Бехтерева и питающихся, преимущественно, подземными водами. А в пруды были выпущены мальки линя и карася.

Сегодня территория парка, расположившегося между Бакинской улицей и улицей Бехтерева, больницей № 12 и жилым массивом со школой и детским садом, составляет 13,3 гектара. Кстати, на месте больницы до ее строительства в начале 1970-х проходила Аршиновская улица. В 2011 г. был разработан план «капитального ремонта Аршиновского парка с созданием элементов досуга и отдыха населения», в котором особо отмечалось, что «требуется сохранить сложившийся заповедный и камерный характер парка, без перегрузки несвойственными ему «шумными» функциями, особенно в верхней исторической части».

¹⁰ Иллюстрированный путеводитель по окрестностям Москвы с приложением карты окрестностей Москвы. Под ред. Ю.С. Розенберга. М.: Молодой Ленинец, 1926. С. 102-109.

Содержание парка Царицыно на рубеже XIX–XX веков

Ежегодно по докладам и рапортам управляющего Московским удельным округом Главным управлением уделов выделялась определенная сумма на содержание «в чистоте и порядке дворцовых зданий, шоссе и парка в селе Царицыне». Благодаря прилагаемой к рапортам управляющего смете¹, в которой подробно расписывались все работы, обосновывалась их необходимость, описывалось состояние того или иного объекта (часто – с указанием точной даты его постройки и историей предыдущих ремонтных работ) и указывалась сумма, необходимая для его ремонта или поддержания его в должном виде, мы имеем сегодня достаточно цельную картину состояния царицынского парка на рубеже XIX–XX веков. Эти документы имеют тем более важное значение, что относятся они ко времени, когда Царицыно являлось одной из самых популярных и престижных дачных местностей Подмосковья (илл. 53).

Наиболее затратной статьей в содержании парка Царицыно являлся ремонт и очистка участка шоссеиной и мостовой дороги, проходившей по соединявшей Царицынское шоссе и Покровскую сторону дамбе, а также между Царицынским шоссе и Кухонным корпусом общей протяженностью 134 погонных сажений (285 м). Ежегодно на содержание этого участка выделялось 100 руб. В примечании к этому пункту говорилось, что «шоссе это лежит в дачной местности, среди бульваров, парка и дачных построек, почему накопление на нем пыли, грязи и сора, терпимое в других местностях шоссеиной дороги, здесь вызовет справедливое неудовольствие и нарекание дачников по отношению к Удельному ведомству за неприятие мер к устранению подобного неблагоустройства». В 1904 г. после чистки Царицынского пруда проходивший по дамбе участок шоссе в 60 погонных сажений (128 м) требовал капитального ремонта, т.к. было необходимо поднять его уровень, однако требуемая для этого сумма в 250 руб. не была предоставлена Удельному ведомству. На очистку участка самого Царицынского шоссе, проходящего по территории парка, в период дачного сезона, т.е. с 1 мая по 1 сентября ежегодно выделялось 120 руб.

Еще одной затратной статьей расхода было содержание пешеходных дорожек в парке Царицыно. В 1900 г. на покупку песка, заготовку кирпичного щебня и «содержание в должной чистоте и порядке» в течение

¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 77. Д. 54

летнего периода было выделено 350 руб., в 1908 г. эта сумма увеличилась до 450 р.

В 1894 г. по дорожке, ведущей от станции Царицыно вдоль пруда, была сооружена изгородь, изготовленная из забитых в землю крестообразно, перевязанных проволокой и покрашенных зеленой масляной краской 2-х аршинных кольев «для ограждения газона, вдоль которого проложена дорожка от затаптывания гуляющей публикой, а главным образом от значительного числа прохожих, идущих от станции ж.д. и обратно» (илл. 54). К 1901 г. эта изгородь обветшала, забитые в землю кольца сгнили, и она стала падать «несмотря на укрепления ее местами столбиками». Вдоль нее, чуть ближе к самой дороге, за несколько лет до этого были посажены кусты боярышника с одной стороны и низкий, но более плотно растущий кустарник – с другой стороны дороги. Однако пока новая живая изгородь не достигла нужного размера, на ремонт старой было выделено 116 руб.

Ограждение газонов, насаждений в парке и садовой мебели от «гуляющей публики» было одной из постоянных забот Московского удельного округа. В результате благоустройства царицынского парка, предпринятого в 1880-х гг. управляющим Царицынским удельным округом Н.А. Рохмановым, перестройки в 1888 г. Летнего театра, в котором в дачный сезон актерами-любителями и профессионалами давались спектакли, а начиная с 1910-х гг. проходили сеансы кинематографа и устраивались вечера танцев, а также с организацией движения специальных ночных поездов из Царицына в Москву наплыв публики, особенно в выходные дни, значительно возрос. При составлении в 1902 г. сметы на содержание царицынского парка особенно отмечалось, что он «с утра до позднего вечера бывает переполнен гуляющей публикой, в числе которой встречаются личности, позволяющие себе причинять вред благоустройству парка, как то: портить деревья, топтать траву, ломать скамейки, изгороди, мостики и т.п. Помимо того, в воскресные и праздничные дни парк привлекает к себе кроме местных дачников массу самой разнообразной приезджей публики, присмотр за которой является еще более затруднительным». Имеющийся в штате единственный сторож уже не мог справляться со своими обязанностями. В особо людных местах ему помогали лесные сторожа и т.н. прудовая стража. Однако в этом случае они отвлекались от своих обязанностей. Кроме того, «с проведением Павелецкой ж.д. вблизи парка образовалась громадная сортировочная станция «Бирюлёво», с большим количеством обращающегося на ней чернорабочего люда и поденщиков, и в парке стали появляться иногда подозрительные личности, нарушающие покой дачников». Поэтому Главному управлению уделов предлагалось внести в смету на 1903 г. еще одну статью расхода для найма двух сторожей на период дачного сезона с выплатой им по 100 руб. каждому. В дальнейшем статья расхода на содержание двух временных сторожей, нанимаемых на четыре месяца дачного сезона в Царицыне, стала постоянно присутствовать в смете.

16 июня 1904 г. юго-восточная часть Москвы и Подмосковья подверглась страшному урагану, повлекшему за собой человеческие жертвы и нанесшему ощутимый ущерб имуществу граждан. Сформировавшийся в Тульской губернии, он двигался в сторону Ярославля. Известный писатель и журналист Владимир Алексеевич Гиляровский, ставший очевидцем стихии, в своем репортаже «Ураган в Москве» так описывал бедствие: «Вчера, в исходе 5-го часа дня, пронесся над Москвой страшный ураган с грозой и градом, местами сыпавшим величиной с куриное яйцо. Разразившееся бедствие так ужасно, что сразу подробно описать его невозможно. Особенно подверглись несчастью местности Лефортово, Сокольники, местами Басманная часть и Яузская. В Лефортове на улицах Хапиловской, Госпитальной, Ирининской, Коровьем Броде, Гавриковом пер. и Ольховской улице разрушена масса зданий, домов, поранены и убиты люди и скот. Вырваны телеграфные столбы, полуразрушено несколько домов, повреждены церкви, часовни, у которых местами разрушены купола, поломаны кресты и сбиты церковные тяжелые ограды»². (илл. 55, 56) В другой заметке «Ураган» В.А. Гиляровский писал: «По Гаврикову переулку полный разгром. На переезде Московско-Казанской ж.д. сорвало крышу с элеватора, перевернуло несколько вагонов, выбросило и поломало будки и столбы телефона, а высокий железный столб семафора свернуло и перегнуло пополам, уткнув верхний конец в землю». Затронуло бедствие и Царицыно. Согласно поданному в Главное управление уделов рапорту, «ураганом, пронесшимся 16 сего июня в районе 4-го царицынского имения, между прочим поломано и выворочено с корнем в Царицынском парке 423 дерева, в том числе многовековых елей, сосен и дубов, которыми, равно и сломанными вершинами и сучьями, оказались завалены почти все дорожки парка»³. 17 июня, т.е. уже на следующий после стихии день, началась уборка и очистка парка: «с помощью специально нанятых для того рабочих», которым приходилось «перепиливать на несколько частей и оттаскивать в сторону дерева, имеющие толщину до 20 вершков, что сопряжено с большими затруднениями и требует значительного количества рабочих»⁴. Для оплаты всех этих работ Управление Московского удельного округа просило выделить 200 руб., что и было сделано 30 июня того же года.

Одной из ежегодных затратных статей расходов на содержание царицынского парка были мосты и мостики, деревянные настилы на них, ведущие к ним лестницы и т.д. Особенно часто ремонтировались, конечно, деревянные их участки. Так, на ремонт и «возобновление» деревянной части лестницы, ведущей к Фигурному мосту, длиною 7 аршин, шириною 1 аршин 4 вершка, а также ее каменного участка длиною 5 аршин, шириною 1 аршин 4 вершка, в 1900 г. выделялось более 50 рублей, поскольку «дере-

² Гиляровский В. А. Собрание сочинений. В 4-х т. М., 1999. Т. 2. С. 75.

³ Там же. С. 76.

⁴ РГИА. Ф. 515. Оп. 77. Д. 54. Л. 65.

вянные части в этой лестнице сгнили, а в каменной части некоторые ступени настолько стерлись, что проход по лестнице представляется опасным». В 1908 г. деревянная часть лестницы опять обветшала и на ее ремонт выделялось 36 р. Ступени другой лестницы, каменной (длина 10 аршин, ширина 1 аршин 4 вершка), со временем стачивались, «почему проход по ней весьма затруднителен, что вызывает массу претензий со стороны дачников и других жителей Царицына». Для ремонта, а также для устройства нового поручня на лестнице выделялось около 50 руб.

За 1905 г. в смете присутствует статья на ремонт каменного парапета на мосту, ведущему к дачной местности «Воздушный Сад», протяженностью 57,32 погонных сажений, средней высотой 0,42 сажений, при толщине кладки 1 $\frac{1}{2}$ кирпича. Парапет, отмечалось в смете, «не будучи отремонтирован с очень давнего времени, пришел в большую ветхость, а местами почти совершенно обвалился, почему для поддержания этого сооружения и кроме того, для безопасности проходящих и проезжающих по нему, необходимо его отремонтировать с переделкой заново по крайней мере не менее $\frac{1}{4}$ части его квадратного содержания». Однако запрашиваемая сумма свыше 180 руб. выделена не была. Но была выделена менее значительная сумма в 65 руб. на устройство деревянного тротуара вдоль этого моста, необходимость которого обуславливалось тем, что «при проезде экипажей по этому мосту, пешеходы, в том числе и живущие дачники, в особенности дети, подвергаются опасности быть ушибленными проезжающими по мосту. Кроме того, в дождливую погоду проход по этому мосту, вследствие грязи, представляется крайне неудобным».

Еще один дощатый пешеходный тротуар на Фигурном мосту, построенный в 1899 г., протяженностью 40 погонных сажений, периодически требовал ремонта. Следует заметить, что частота ремонта деревянных участков лестниц, тротуаров, настилов на дорогах и мостах объясняется тем, что ремонт, как правило, производился не целиком новыми материалами, а в значительной степени с использованием старых досок и бревен. Так, например, ремонт тротуара на Фигурном мосту в 1906 г. должен был производиться «с добавлением $\frac{1}{3}$ части новых досок» (в результате чего уже через два года они окончательно сгнили и настала потребность очередного ремонта с выделением 41 руб., поскольку «на тротуаре образовались дыры, опасные для пешеходов»), а настил на Большом мосту в 1904 г. вообще клали из старых досок.

В 1901 г. в конце царицынского парка «для хозяйственных надобностей» был построен небольшой деревянный мостик через речку Язвенку (длина 8, ширина 7 аршин), который впоследствии – в 1906, 1908, 1911 гг. ремонтировался с заменой переводов и настилов, причем сумма затрат на ремонт возрастала с 40 до 60 руб.

Другой ежегодной статьей расхода было содержание «в порядке» Борисовской, Шипиловской и Царицынской плотин: «на околку льда, очистку

снега на водоспусках для пропуска полой воды, осмолку и проконопатку некоторых деревянных частей» каждый год выделялось около 75 руб.

Также ежегодно выделялось около 30 руб. на посадку новых деревьев и кустарников в парке Царицыно для озеленения и устройства живых изгородей вдоль пешеходных дорожек и проезжих частей. Материалы для посадки брались из Царицынского питомника.

Ремонтировались, изготовлялись новые взамен подгнивших и ежегодно подкрашивались зеленой масляной краской скамейки и стулья в парке (в 1908 г. – на изготовление 24 скамеек потрачено 108 руб.; в 1912 – на 32 стула 30 руб.). В 1912 г. был отремонтирован трельяж со скамейками, находящийся на бульваре рядом с пристанью на Верхнем Царицынском пруду, состоящий из 8 столбиков с перекладинами и решетками, общей длиной в 5 погонных сажень, высотой в среднем в 1 сажень, с 14 погонными аршинами скамеек вдоль него. Трельяж был поставлен в 1892 г., после чего ремонтировался в 1901 г. и к 1912 г. пришел «в окончательную ветхость и требовал возобновления». На ремонт трельяжа со скамейками и покрытие их зеленой краской в два слоя выделялось около 80 руб.

Подводя итоги, надо заметить, что, согласно документам, в 1900-х гг. расходы на ежегодное содержание в чистоте и порядке Царицынского парка постоянно увеличивались. Так, на содержание парка в 1900 г. Главным управлением уделов выделялось 1000 руб., в 1903 – 1150 руб., в 1904 – 1550 руб. При этом, как сообщал в своем рапорте Управляющий Московским удельным округом П.Б. Шереметев, эти суммы являются минимальными для поддержания порядка в Царицынском парке. На запрос Главного управления уделов об изыскании возможности сократить статьи расходов по содержанию парка, он в 1909 г. писал о невозможности сделать это, «так как в представляемые ежегодно в Главное управление на этот предмет сметы вносятся лишь самые необходимые расходы в пределах действительной в них надобности для поддержания чистоты и порядка в парке и усадьбе, расположенных в густонаселенной дачной местности, постоянно летом посещаемой массой приезжающей из Москвы публики». Затем финансирование стало сокращаться: в 1909 – 1425 руб. В 1910-1915-е гг. ежегодно выделялась одинаковая сумма – 1400 руб., в 1916 г. – 1300 руб.

Первая научная реставрация в Царицыне под руководством М.В. Дьяконова в 1954–1961 гг.

Царицынский ансамбль в целом и отдельные его памятники не раз были на грани полного уничтожения. Но все же ансамбль, несмотря на свою драматическую судьбу, продолжал использоваться, что влекло необходимость ремонтировать, приспособлять его для новых целей. Такие ремонты, починки и обновления были в истории Царицынского ансамбля неоднократно. Однако научная реставрация, в полном соответствии с принятыми в современной науке методами, была, пожалуй, впервые проведена лишь в 1954–1961 гг. Проект реставрационных работ возглавлял архитектор М.В. Дьяконов.

Личность Михаила Васильевича Дьяконова, безусловно, заслуживает отдельного рассказа¹. По свидетельству людей, знавших его, это был человек особой, «старой» закалки, искренне преданный своему делу, бескорыстно любивший искусство архитектуры. Родился он 11 апреля 1902 г. в Калуге, в семье фельдшера. В 1912–1919 гг. учился в Калужском реальном училище, успешно окончив которое отправился добровольцем в Красную армию. Учился в 1920–1923 гг. в Калужском строительном техникуме по специальности архитектора, а затем, в 1923–1924 гг., на инженерно-строительном факультете Иваново-Вознесенского Политехнического института. После ликвидации этого факультета в 1924 г. был переведен в Нижегородский государственный университет, где проучился два года, а завершил свое образование в 1929 г. в Сибирском технологическом институте, получив специальность инженера-архитектора. Работал в трестах «Мосстрой» (1929–1930 гг.), «Мособлсвязьстрой» (1930–1935 гг.), в штате Архитектурно-проекционной мастерской Народного Комиссариата легкой промышленности (1935–1936 гг.), в «Связьпроекте» (1936–1939 гг.). М.В. Дьяконов создал более 30 различных архитектурных проектов, получивших реализацию. Во время Великой Отечественной войны, в 1941–1945 гг., служил в составе инженерно-технических войск. В октябре 1941 г. под Белевым был контужен. Награжден орденом Красной звезды (1945 г.), медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и рядом других медалей. Демобилизовался в звании инженер-капитана. В 1945–1950 гг. трудился в Инспекции государственной охраны памятников архитектуры при Отделе по делам архитектуры Мособлисполкома. В 1950–1951 гг. был сотрудником Главного управления по охране памятников при Мини-

¹ Здесь и далее использован личный архив М.В. Дьяконова, находящийся в ОПИ ГИМ. Ф 526.

стерстве городского строительства. В 1951–1962 гг. работал в Центральной проектно-реставрационной мастерской Академии архитектуры СССР (позднее – ЦНРПМ). В 1962–1970 гг. на общественных началах сотрудничал в Научно-методическом совете по охране памятников культуры при Министерстве культуры СССР. В течение многих лет работал над составлением многотомного биографического словаря московских зодчих. Материалы этих исследований изданы и по сей день не утратили своей актуальности².

Среди реставрационных проектов, разработанных архитектором, следует назвать реставрации усадеб Гребнево (проект исполнен в 1951–1956 гг.)³, Михалково (1952–1961 гг.), Марфино (1953–1957 гг.), Горенки (1953–1958 гг.), Екатерининского дворца в Лефортово (1959–1961 гг.), дома-музея П.И. Чайковского в Клину (1960–1961 гг.), Гостиного двора в Калуге (1960–1961 гг.). Увлекался с 1919 г. коллекционированием открыток с изображением памятников архитектуры и даже состоял во Всесоюзном обществе филателистов, в секции филокартистов. М.В. Дьяконов скончался 25 октября 1980 г. и был похоронен на Ваганьковском кладбище.

Следует заметить, что уже в конце XIX – начале XX века царицынский ансамбль стал восприниматься как важный историко-художественный памятник. Если еще в 1860–1876 гг. некоторые павильоны вносились чиновниками «железной рукой» в списки для разборки, то уже в 1914–1915 гг. члены Московского археологического общества контролируют состояние построек как представляющих историческую и художественную ценность. В советское время памятник, с одной стороны, формально охранялся, а с другой, совершенно безжалостно и варварски использовался. По-видимому, лишь с «реабилитацией» отечественной дореволюционной культуры в 1940-х гг. власти обращаются к идее реставрации ансамбля, который воспринимается уже как памятник гению выдающихся русских архитекторов В.И. Баженова и М.Ф. Казакова. Однако и в этот период сохраняется сугубо утилитарный, хищнический подход к ансамблю – таковы все проекты использования ансамбля, предлагавшиеся в этот период. О сохранении всего садово-паркового и архитектурного ансамбля как целостного и самоценного историко-художественного памятника-усады речи не было.

В середине 1950-х гг. начались работы по присоединению к Москве новых районов массовой застройки. В каждом из них проектировались рекреационные зоны. В 1957–1960 гг. 2-ой мастерской Института Генплана Архитектурно-планировочного управления города Москвы был разработан проект планировки и застройки нового московского района Ленино, предусматривавший создание зоны отдыха в парке Царицыно, рассчитанной на 20000 посетителей. В рамках этого проекта и была запланирована рестав-

² Дьяконов М.В. К биографическому словарю московских зодчих XVIII – XIX вв. (извлечение из архивов) // «Русский город». М., 1976, 1979, 1980, 1981, 1982.

³ К сожалению, судьба этой усадьбы в дальнейшем была печальна – ныне она в руинах.

рация архитектурного ансамбля и парка Царицыно (илл. 57-63). Однако работы по обследованию состояния этих памятников начались еще раньше.

В ходе создания реставрационного проекта ансамбля Царицыно М.В. Дьяконовым были проведены обмеры и обследования памятников и парка, изучены архивные материалы (прежде всего документы Экспедиции Кремлевского строения) и составлены исторические справки. Архитектор предлагал не просто приспособление и популярное ныне «воссоздание», которое на деле очень часто совсем не считается ни с историей, ни с художественным образом памятника, фактически уничтожая его. Проект предусматривал восстановление пейзажного парка на основе планов начала XIX века, а также восстановление регулярного парка центральной, дворцовой, части согласно планировке В.И. Баженова. М.В. Дьяконов предполагал ликвидировать поздние живые изгороди вдоль дорог, восстановить композицию зеленых насаждений высадкой деревьев и разбивкой клумб, созданием новых дорожек. Проект предусматривал также восстановление насаждений на островах, ремонт и реставрацию садово-парковых павильонов Миловида, Нерастанкино и Храм Цереры (Золотой сноп), мостов в пейзажной части парка. При этом реставрация основывалась на исследовании самих памятников и их чертежей, точном воспроизведении утраченных деталей там, где было невозможно вернуть на место подлинные части белокаменного декора, облицовки, кладки. При реализации плана реставрации производились зондажи и шурфы, частичные археологические раскопки. Под руководством М.В. Дьяконова была проведена реставрация Большого и Малого гротесковых мостов, восстановлены утраченные детали и интерьер (включая живопись) павильона Миловида, отреставрированы павильоны Нерастанкино, Храм Цереры, а также Фигурные ворота, плотина и береговая линия в районе плотины. Сверх плана, по заданию Управления культуры РСФСР, группой Дьяконова были проведены также исследования и сметные расчеты по восстановлению и основных, главных памятников ансамбля: Большого дворца, Оперного дома и Малого дворца. Однако эти планы не были реализованы.

Что же конкретно, как и когда было осуществлено при реставрации Царицына в этот период?

В 1954 г. сотрудниками Инспекции по государственной охране памятников архитектуры и архитектором М.В. Дьяконовым был проведен осмотр павильона Нерастанкино. Было зафиксировано расхищение многих белокаменных блоков лестницы, осыпание известковой покраски стен и частичное выветривание кирпичной кладки, повреждение цоколей. Частично была утрачена и нижняя кладка проемов торцевых фасадов, внешнее декоративное убранство из белого камня имело повреждения и частичные утраты, кровля требовала замены. В ходе подготовки проекта реставрации М.В. Дьяконов использовал планы и фасады галереи на Пресненских прудах (1806), которую рассматривал как аналогию павильону Нерастанкино,

а также другие архивные свидетельства. Некоторые документы о строительстве Нерастанкино, в частности договор с крестьянином М. Карташевым, М.В. Дьяконов относил к Миловиде, а временем создания павильона считал конец XVIII века, отрицая тем самым авторство Еготова⁴. Кроме того, в ЦГИА Ленинграда Дьяконов обнаружил чертеж павильона Нерастанкино без подписи и даты на бумаге с водяными знаками 1848 г. В 1958–1960 гг. павильон был реставрирован по проекту, разработанному М.В. Дьяконовым, но без восстановления скульптурного убранства. Реставрационные работы включали восстановление утраченных белокаменных деталей, реставрацию кирпичной кладки, восстановление стропил и кровли. Была также удалена позднейшая покраска стен желтой масляной краской. Восстановленная кровля в 1961 г. была окрашена в зеленый цвет. Вокруг здания была восстановлена отмостка.

В 1954–1958 гг. были проведены исследования павильона Миловида. К этому времени из декоративного убранства павильона уцелела лишь роспись «гризайлю» коробового свода центральной его части, да и то частично. Исследования памятника показали, что в период с 1860 г. по 1941 г. павильон неоднократно реставрировался: штукатурились его боковые кирпичные стены, заменялись деревянные конструкции, живопись на своде галереи подвергалась прописке⁵. К началу реставрации деревянные оштукатуренные колонны тосканского⁶ ордера (8 пар) были наполовину утрачены, а из 8 колонн, оформлявших боковые входы, осталось лишь 3, причем одна бетонная, а не деревянная (последствия грубой реставрации 1927 г.). Основные реставрационно-восстановительные работы по Миловиде были проведены в 1958–1960 гг. Помимо реставрации самого здания, включавшей восстановление кирпичной и белокаменной кладки, декоративной отделки здания, была также восстановлена щебеночная отмостка. Для защиты от проникновения оконные проемы были защищены густыми решетками на рамах, вставлены двухстворчатые двери. В 1961 г. художники-реставраторы Е.В. Тихомиров и Н.А. Пахомов⁷ восстановили живопись, сильно пострадавшую от взрыва немецкой авиабомбы в ночь с 21 на 22 июля 1941 г.⁸ При этом были зафиксированы утраты первоначальной живописи: орнаментальный пояс у входа в галерею из парка – утрачен полностью, орнаментальный пояс у выхода из галереи в сторону пруда утрачен более чем наполовину, в трех поясах с изображением фигур из

⁴ К Миловиде, а не Нерастанкино, Дьяконов относил выявленные им документы ЦГАДА. Дв. отд. Оп. 16. Ед.хр. 29472. Л. 2, 4, 9. Теперь А.А. Баранова убедительно доказала на основании анализа группы документов, относящихся к строительству, что здесь речь шла о Нерастанкино, т.к. в одном из этих протоколов ЭКС упомянут купол, которого Миловида никогда не имела.

⁵ По материалам фонда М.В. Дьяконова. ОПИ ГИМ. Ф. 526. Д. 56. Л. 32.

⁶ Разновидность дорического ордера.

⁷ По материалам фонда М.В. Дьяконова. ОПИ ГИМ. Ф. 526. Д. 59. Л. 32.

⁸ Кроме того, частично осыпались карнизы, лепные барельефы, модульоны, штукатурка.

72 фигур полностью утрачены 19, частично 9. Из помещенных между этими фигурами розеток были утрачено в разной степени 32.

Летом 1954 г. павильон Храм Цереры (Золотой сноп) был осмотрен представителем Инспекции по государственной охране памятников архитектуры Б.И. Арофикиным, тогдашним пользователем памятника – начальником конторы по эксплуатации пригородных парков и лесопарков Мослесопарка И.М. Соколовым и архитектором проекта реставрации М.В. Дьяконовым. Акт осмотра зафиксировал крайне печальное состояние павильона. Строение ко времени реставрации М.В. Дьяконовым было полуразрушено: цоколь и пол имели утраты до 75 %, были утрачены капители. Балясины парапета из листового железа и сноп пришли в негодность и частично утрачены. Колонны и их базы были повреждены сколами и высеченными надписями. Скульптура Цереры была снята с пьедестала и валялась на земле у районного Дома культуры, при этом она имела значительные повреждения (в частности была утрачена голова скульптуры). Проводивший в 1953–1954 гг. исследования павильона М.В. Дьяконов обнаружил следы мелких ремонтных работ, которым павильон неоднократно подвергался в 1860–1927 гг.

Исследуя документы о предыдущих реставрациях павильона, М.В. Дьяконов пытался найти отчеты о реставрации 1926–1927 гг., проведенной архитектором Н.А. Пустахановым⁹. Однако кроме ионической капители, отлитой по форме поставленных в 1927 г. капителей, в свою очередь сделанных по образцу старых сохранившихся, ничего не обнаружил¹⁰.

В 1954–1961 гг. были проведены исследования и комплексная реставрация здания павильона. Были установлены прежняя скульптура и новый сноп из листовой латуни. В 1960 г. была проведена реставрация Фигурных ворот. В ходе этих работ были найдены белокаменные постаменты под обелиск, стоявшие ранее по бокам ворот, а также плита на башне, на которой ранее стояла керамическая собака¹¹. В том же году в конце октября была начата реставрация плотины и моста, законченная в 1961 г. Была восстановлена белокаменная облицовка, в том числе заново изготовленными белокаменными блоками. Часть облицовки берегового устоя восстановили в бетоне вместо белого камня. Планировалась, вероятно, и реставрация Фигурного моста¹², поскольку в 1960 г. был составлен акт технического состояния объекта и произведена оценка износа этого сооружения (общий

⁹ Так в документах Дьяконова – ОПИ ГИМ. Ф. 526. Д. 56. Л. 46. В литературе о Царицыне иногда встречается и другое написание фамилии этого реставратора – Пустарханов. В 1927 г. при реставрации павильона архитектор Н.А. Пустаханов восстановил утраченные ионические капители, сделав их по образцу сохранившихся старых, взамен обветшавшего золоченого снопа на купол был установлен новый. На уцелевший постамент архитектором была установлена скульптура Цереры из подмосковной усадьбы Лукино.

¹⁰ Капитель хранится в Государственном музее архитектуры им. А.В. Щусева.

¹¹ Фигура хранится в Государственном музее архитектуры им. А.В. Щусева.

¹² Назван «Главными въездными воротами с галереями». ОПИ ГИМ. Ф. 526. Д. 58. Л. 119.

процент износа определен как 43,52%). Однако она по каким-то причинам не состоялась. В 1960 г. отреставрирован Большой гротесковый мост через овраг. В ходе реставрации были восстановлены частично обветшавшие кирпичная кладка и белокаменные детали карниза и арок, восстановлены оплывшие откосы оврага, отремонтирована проезжая часть мостов. Сооружение было очищено, с него удалили растительность, укрепили кладку. Вместо «гротескового парапета» (парапета из грубоколотого камня, образовавшего причудливую фактуру) были установлены металлические ограждения. В 1961 г. удалось отреставрировать Малый гротесковый мост. Работы включали: восстановление полуразрушенных карнизов и белокаменной облицовки (в том числе упавшими облицовочными камнями), частичную реставрацию кирпичной кладки, восстановление 10 белокаменных тумб и железных кованых решеток. При реставрации использовался аналогичный белый и «гротесковый» камень.

Не все шло гладко. Так, в своих отчетах М.В. Дьяконов¹³ сетует на скверную организацию работ Московской областной реставрационной мастерской в 1958–1959 гг. Производители работ оказались некомпетентны, откровенно прогуливали. Огорчала архитектора и огромная текучесть кадров – в работники набирались случайные, нередко весьма сомнительные люди. Прорабы на объекте почти не бывали, плохим было снабжение стройматериалами – все это серьезно тормозило реставрацию, пагубно сказывалось на ее качестве. Но в 1960 г. ситуация улучшилась, и к следующему году работы в целом были закончены.

Хотя уже к концу 1990-х гг. большинство отреставрированных М.В. Дьяконовым памятников снова находилось в аварийном состоянии, все же реставрация 1954–1961 гг. продлила их существование. К сожалению, большинству памятников в нашей стране наносит урон вовсе не недостаток средств на их содержание, а элементарное неуважение к наследию предков, бессмысленный, «зоологический» вандализм наших граждан. Бесстрастные протоколы обследования царицынских памятников зафиксировали растаскивание их частей (причем совершенно лишнее практического смысла – большинство деталей просто выбросили на землю, там же), поджоги, намеренное разрушение (вплоть до стрельбы из ружей по колоннам и скульптурам и вырубки надписей топорами).

Очевидно, что ни масштабы этой реставрации, ни ее финансирование, ни ее техническая оснащенность не позволяют нам говорить о ней как о каком-то поворотном этапе в истории архитектурно-паркового ансамбля Царицыно. Необходимо помнить условия тех лет: в изуродованных позднейшими переделками сооружениях ансамбля еще долгое время были коммуналки, учреждения. Однако уже тогда постепенно складывалось понимание важности этих построек, как частей уникального архитектурного ансамбля. Этому немало способствовала деятельность М.В. Дьяконова,

¹³ По материалам фонда М.В. Дьяконова. ОПИ ГИМ. Ф. 526. Д. 59. л. 2, 9, 10, 11, 25.

впервые предложившего концепцию именно целостного восприятия царицынской дворцовой усадьбы – с парком, прудами и комплексом разновременных сооружений – как исторически развивавшегося памятника, созданного сразу несколькими талантливыми зодчими – В.И. Баженовым, М.Ф. Казаковым и И.В. Егоровым. Памятника, который следует реставрировать максимально бережно, с сохранением всех первоначальных решений архитекторов там, где это возможно.

Е.В. Офицера

Опись Царицынскому Дворцу

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя «Опись Царицынскому дворцу» хранится в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы (фонд Московской Удельной конторы)¹.

В сентябре 1885 г. окружным надзирателем 4-го Царицынского удельного округа был назначен Николай Александрович Рохманов (1846-1917). Он исполнял свою должность более 30 лет и сыграл исключительную роль в истории Царицына. «Опись», составленная в 1886 г. в его присутствии архитектором В.К. Семеновым², отличается полнотой и детальным описанием отдельных объектов архитектурного ансамбля и парка. По-видимому, таким образом Рохманов детально зафиксировал положение дел в принятом им «хозяйстве». При этом он сверялся с более ранним документом, так называемой «здаточной описью»³, до сего времени в архивах не обнаруженной.

«Опись» 1886 года позволяет уточнить состояние и архитектурный облик отдельных объектов ансамбля, наличие некоторых деталей, впоследствии утраченных; а также более полно представить и общее состояние усадьбы к моменту обследования. Раздел, посвященный дворцу, содержит точное описание всех имеющихся в нем комнат, галерей и башен (всего 56) с подробным перечислением сохранившихся строительных конструкций. Отдельно произведено описание крыш дворца. Столь же подробно обследованы все три этажа Хлебного дома («Кухонного корпуса»), а также помещение внутри двора. Помимо детального описания дверей, окон, полов, стен, в тексте указывается, каким образом помещения использовались – отмечается устройство в них погребов, сараев, квартир, сдаваемые в наем. Тщательность описания позволяет установить расположение и состояние комнат, арендуемых для Царицынского земского училища, квартиры лесного сторожа и помещений, занимаемых арендаторами Рыковой и Журавлевым.

Важными для истории Царицына является наличие в тексте примечаний, указывающих точную дату разборки крыш дворца и Хлебного дома.

В описаниях мостов во многих случаях приводятся размеры – ширина моста, высота парапетов, размеры сводов; наличие декоративных деталей.

¹ ЦИАМ. Ф. 364. Оп.2. Д. 1094.

² Архитектор В.К. Семенов продолжительное время работал в Царицыно. В частности, им в 1888 году было построено здание Летнего театра в саду Б. Диппмана.

³ Упоминание о ней имеется в тексте «Описи» – см. Примечание к №12. Ф. 364. Оп.2. Д.1094. Л. 21.

Интересно описание каменного моста близ Кухонного корпуса (№ 8). В нем имеется указание на то, что на мосту имелись две фигуры быков из белого камня, а также четыре кирпичных контрфорса. О наличии этих деталей раньше известно не было. Также не было известно о существовании белого каменного столба на маленьком мостике, «облицованном белым и гротесковым камнем» вблизи оранжерей у входа в парк (№ 9). Подобные «открытия» обнаруживаются во множестве при изучении «Описи».

Большой интерес представляет подробное описание Фигурного моста с упоминанием имеющихся при нем караульных помещений и двух ветхих лестниц «со стертymi и разломанными ступенями»⁴ (№ 10).

Заметим, что из трех корпусов, ныне называемых Кавалерскими, в документе описан только Второй Кавалерский корпус – «Восьмигранник» (№ 12), находящийся в то время в крайне плачевном состоянии. Третий Кавалерский корпус упоминается только в примечании к этому номеру, о существовании Первого Кавалерского в документе нет сведений (это связано с тем, что данные объекты с 1872 г. сдавались в долгосрочную аренду под дачи и уже не относились напрямую к ведению Н.А. Рохманова).

Большой интерес представляют описания многочисленных парковых объектов – мостов, гrotов, плотин. Часть их к настоящему моменту не восстановлена. Например, мосты под №№ 31, 33, 50; плотины (также № 50).

В целом создается впечатление, что данный документ составлялся Н.А. Рохмановым с весьма утилитарной целью. Во-первых, он докладывал таким образом начальству о положении дел⁵. Во-вторых, возможно, он собирался осуществить ремонт значительного количества объектов. Конечно, речь не шла о дворце или даже Оперном доме. Для привлечения дачников необходимо было привести в порядок Царицынский парк, парковые павильоны, гrotы, мосты, плотины. В «Описи» имеются многочисленные указания на ветхость построек и опасности обвала стен, полов, сводов и парапетов мостов, декоративных деталей и т.д. Есть и прямые указания: «проход и проезд по мосту сделался весьма опасным»⁶. Документ мог предназначаться для обоснования смет или иных финансовых документов, необходимых для ремонта царицынских построек. Сильное впечатление должны были произвести и такие подробности описания, как гнилые сваи на плотинах, худые брусья и особенно описание Лазаревской плотины, на которой сверху свай была положена «гнилая доска для прохода пешеходов»⁷.

Настоящая публикация в полном объеме сохраняет текст, орфографию и пунктуацию источника, а также нумерацию объектов, имеющуюся в тексте документа. Некоторые номера в ней вовсе отсутствуют (например, №№ 13 и 14, а вслед за № 15 сразу следует № 31), в других случаях под од-

⁴ Там же. Л. 20 об.

⁵ Документы такого рода обязательно отправлялись вышестоящему начальству в Департамент Уделов в Петербург.

⁶ Ф. 364. Оп.2. Д. 1094. Л. 21 об.

⁷ Там же. Л. 27 об.

ним номером значится несколько объектов (например, № 50, под которым обозначены и плотины, и пристани, и грот – всего 5 объектов). К сожалению, упоминаемый в тексте план в архивном деле отсутствует. Возможно, однако, что дальнейший поиск позволит его обнаружить.

Думается, что представленный здесь документ будет интересен для специалистов разного профиля – историков, искусствоведов, реставраторов, строителей. Орфография и пунктуация документа сохранены.

ОПИСЬ ЦАРИЦЫНСКОМУ ДВОРЦУ **Составлена в ноябре месяце 1886 года.**

Опись Царицынскому Дворцу, состоящему в 4-м Царицынском округе Московской Удельной Конторы составленная в ноябре месяце 1886 года.

№ 1. Дворец каменный готической архитектуры, снаружи в три и два этажа с 8-ю по сторонам готическими башнями и со внутренними продольными и поперечными стенами. Весь дворец без сводов, накатов, полов, дверей, рам, колод и печей у коего цоколь и по наружи из дикаго и частью из белаго камня; карниз, полуколоны, пилястры и наличники над окнами и дверями украшены из белаго камня и кирпича местами излопавшимися выкрашившимися и отпавшими. Фундамент местами подломан, а в пролетах окон и дверей выломан камень и кирпич; в стенах же как кирпичи, так и камень сопрели и отвалились, на стенах выросли во множестве деревья.

На дворце крыши почти нет; местами только остались сгнившие стропила с частью решетника, в средней же части дворца над купольною частью крыши в изгибах осталась весьма малая часть железа в сложности всего до 20 квадратных сажень, самая же стропила и решетник большею частью обрушились, над шестью башнями шпилевыми⁸ крыши также все полуразрушены и частью без железа, решетника и слуховых окон и деревянных карнизов а над двумя башнями крыш вовсе нет и на всех башнях также выросли большая деревья. Состояние крыш более подробно описано ниже.

Внутри дворца, как в наружных так и во всех внутренних стенах во множестве имеются гнезда от бывших в них балок, переводов, связей, пят, сводов и мест оставленных для ступеней лестниц; а также во всех отверстиях окон дверей ниш и других пролетах низы почти все поломаны а равно и обрезы в самых стенах.

⁸ В документе «шпилевым».

Описание крыш дворца.**А. Над башнями, показанными на приложенном плане⁹ под №№**

№ 1-й) Над ней крыша по стропилам покрыта кровельным железом, с 4-мя слуховыми окнами разрушенными, часть железа и решетника на крыше осталось до $\frac{1}{2}$, внутри имеются железные связи; одна в башне и один конец и одна цельная связь в нише.

(Здесь в правой колонке документа – примечание, написанное другой рукой, относится к более позднему времени: Остатки крыши дворца разобраны и сняты, на основании предписания Департамента Уделов от 17 августа 1888 г. За № 5813).

№ 2) Башня с таковою же крышею и с деревянною лестницею для входа вверх, также часть решетника и железа до $\frac{1}{2}$ не имеется; внутри башни 2 и в нише 2 железные связи и 2 перевода.

3) Эта крыша во всем тождественна с № 2 за исключением, что в башне 3 перевода.

4) На четвертой башне крыши нет, а имеются один перевод, 3 конца железных связей и 2 цельные связи в нише.

5) В башне крыша с лестницею также полуразрушена и слуховые окна, частью на крыше железа нет до $\frac{1}{2}$, внутри башни 2 связи и 2 в нишах.

6) В этой башне часть решетника и крыши нет до $\frac{1}{2}$ а также слуховые окна и лестница полуразрушены, в ней 4 перевода и одна связь и 12 таких же в нишах.

7) Крыша на башне до $\frac{1}{2}$ разобрана, а также полуразрушены деревянная лестница и слуховые окна, имеются внутри 4 перевода, в нишах 14 и в дверях 8 железных связей.

8). В этой башне крыши нет, внутри имеются два небольшие конца бывших связей в нише 2 связи.

Б). В комнатах означенных №№

№ 9. Ничего нет.

10) Галерея, в ней три железные связи и концы от стропил № 15.

11 и 12) Одни концы стропил односкатной крыши № 14, решетника почти нет.

13) 1- ин шпренгель с 4 на один скат стропилами с решетником на них, в остальной части стропил нет.

14) Ничего нет.

15) 6 стропил со стойками для односкатной крыши с $\frac{1}{3}$ частью решетника.

16) 6 стропил и один шпренгель для односкатной крыши с $\frac{1}{4}$ частью решетника; 1 прогон и 2 стойки с подкосами.

17) 3 сгнившие перевода 1 лежень и угол от крыши с $\frac{1}{4}$ кв.саж.железа

18) С таковыми же 4 переводами.

⁹ В материалах дела план отсутствует.

- 19) 2- ва перевода
- 20) 5 переводов, 4 стойки и 2 стропила, остальное все обрушилось и висит.
- 21) 3 небольшие конца связей, 1 стропило и обрушившиеся части. 4 стойки.
- 22) 6 переводов и 3 стропила почти без решетника.
- 23) 6 переводов. 2 стропила и часть сверху железа, решетника почти нет.
- 24) 1 перевод, 6 стропил почти без решетника сверх же купола, в выгиб по опалубке имеется неширокая полоса железа длиною во весь этот №.
- 25) 5 переводов, 2 стропила обрушиваются и имеется часть железа в куполе на $\frac{1}{2}$ длины этого №.
- 26) 3 полустропила с 3 накосными полуразрушившимися с $\frac{1}{3}$ решетника
- 27) 2 конца стропил и $\frac{1}{3}$ часть решетника.
- 28) Галерея, 5 концов стропил идущих с №29, с частью решетника, 5 связей и 1 конец связи.
- 29) 6 стропил с $\frac{1}{3}$ частью решетника и 6 стоек в стенах.
- 30) 1 полустропило с частью решетника, 2 прогона, 2 стойки к стенам и 3 перевода.
- 31) 1 полустропило, 2 шпренгеля, 1 прогон и $\frac{3}{4}$ части решетника.
- 32) 8 полустропил на один скат, 1 шпрингель¹⁰, большая часть решетника и один перевод.
- 33 и 34). 4 полустропила с $\frac{1}{2}$ решетника и 3 перевода.
- 35) 4 стропила с $\frac{3}{4}$ решетника и $\frac{1}{2}$ частью сверх купола полосой железа во всю длину сего №.
- 36) 8 переводов, 2 стропила и часть решетника, полоса железа у купола осталась во всю длину этого №.
- 37) Осталось 9 стропил с $\frac{1}{4}$ частью решетника и 20 стоек, полосы железа, сверх купола осталось в $\frac{1}{3}$ часть длины этого № и 6 концов связей.
- 38) 2 стропила с подкосками. Решетника осталась большая часть, 7 переводов и 4 прогона.
- 39) 4 стропила с подкосками с $\frac{1}{3}$ решетника.
- 40) 4 конца стропил с $\frac{1}{2}$ частью решетника и несколько листов железа к углу башни до 1 кв.саж.
- 41) Галерея крыши нет, остались только 3 конца стропил от № 42, 6 связей и 1 конец.
- 42) 4 стропила на один скат с решетником и 2 связи.
- 43) 2 перевода, крыши нет.
- 44) Крыши нет, на углу несколько листов железа до $\frac{1}{2}$ кв.саж и 4 перевода.

¹⁰ «шпрингель» – так в тексте документа.

- 45) 7 переводов, крыша обрушилась, железа листов до $\frac{1}{2}$ кв.саж.
- 46) 3 стропила на один скат и 3 полустропила с $\frac{1}{2}$ решетника.
- 47) 3 конца стропил, соединяющиеся с № 46 с $\frac{1}{2}$ решетника и 8 переводов.
- 48) 5 стропил на один скат с $\frac{2}{3}$ решетника, 2 прогона, 2 шпренгеля и 4 стойки.
- 49) 1 перевод, 3 стропила на один скат, 2 шпренгеля с $\frac{2}{3}$ решетника.
- 50) 2 стропила с $\frac{1}{3}$ решетника, 3 перевода.
- 51) Осталось 2 стропила, 3 подкоса с частью решетника и к углу башни часть железа 1 кв.саж.
- 52) Концы стропил от №51 с $\frac{1}{3}$ частью решетника и 1 перевод.
- 53) Ничего нет, кроме одного конца связи
- 54) Галерея 6 связей.
- 55) 3 стропила к № 56, почти без решетника и 1 перевод.
- 56) 4 стропила с подкосами, решетника $\frac{1}{4}$ часть и переводов 3.

Каменные переходы, от дворца до кухонного корпуса.

№ 2. Каменная переходная открытая галерея, от дворца до кухонного корпуса с проездными воротами и пролетами без крыши, в готическом вкусе, с башенками и колонками, пирамидальными над аркой пролетами украшенные, карниз и цоколь из белаго камня и кирпича полопался, выкрошился и местами украшений нет, так что одних только колон утратилось 20, остались местами только штыри и скобы, остальные колонки во множестве растрескались и частями отпадают, внутри же стены большею частью обобрили¹¹ и подломаны, а сверху спадают кирпичи и камни, вообще все строение находится в полуразрушенном виде.

Кухонный корпус в селе Царицыно.

№ 3. Кухонный каменный трехэтажный корпус Готической Архитектуры, половинная часть его не отделана и внутри без накатов, полов, дверей, рам, печей, со сводами. По наружности все строение не оштукатурено, во многих местах стены сопрели и подломаны, а также и во дворе, в пролетах же окон и дверей в неотделанной части строения также кирпичи выломаны, часть колон при окнах во всем строении местами отломана. На стенах и сводах в непокрытых частях выросли во множестве большия деревья.

В правой колонке документа – примечание, сделанное другой рукой: Остатки крыши с кухонного корпуса, за исключением той его части, которая сдана под жилые помещения, разобраны и сняты, на основании предписания Департамента Уделов от 17 августа 1888 г. За № 5813.

¹¹ Возможно, ошибка в тексте. Следует читать «сопрели».

1) Начиная с фасада сего корпуса со стороны от церкви левый угол крыши сверх карниза частью раскрыт и в этом месте нет нескольких листов железа, далее от первой угловой рюстиковой пилястры до пятой пилястры стропила есть с $\frac{1}{2}$ части решетника, над которым сверху к дымовой трубе имеются несколько листов железа, от пятой пилястры до половины первого от нее окна есть железная крыша шириною в 6 полос и то с концов около карниза несколько листов отогнуто и утратилось, далее от половины означенного окна до половины 3-го окна от них же стропил вовсе нет; от сей половины окна и по всему фасаду стропила полуразрушены с $\frac{1}{4}$ частью решетника.

2) По фасаду со стороны дворца от 1-й пилястры, что от закругленного окна до половины 7-го окна стропил нет, от половины сего окна до 9-й пилястры стропила есть с $\frac{1}{3}$ частью решетника от 9 и 10 пилястр и над двумя окнами и половиною простенка стропил нет, далее по закругленному фасаду хотя и имеются стропила, но они полуразрушены и почти без решетника.

3) По фасаду со стороны парка, на закругленном угле стропила полуразрушены и почти без решетника до половины последнего окна в закруглении от сего окна между 3-х пилястр и 2-х окон стропила есть с $\frac{1}{3}$ частью решетника от 3-й пилястры по всему фасаду крыша есть с одним слуховым окном без рамы – на завороте правого угла имеется худой подвесной жолоб и по всему фасаду две короткие водосточные трубы и¹².

4) По фасаду со стороны – от дач крыша есть с двумя слуховыми окнами без рам, часть ветхого подвесного жолоба и две короткие водосточные трубы. Крыша по двору прямо против первых ворот, начиная от угла ендовы до половины простенка, что за первым окном прямой стены, стропила есть с $\frac{3}{4}$ решетника от сего места по всей прямой стене и на заворот угла крыши и стропил вовсе нет, в повороте правой стены – крыша есть над 5 $\frac{1}{2}$ окнами и то не вся, а сверху при коньке в этой части, около $\frac{1}{2}$ части железа нет и имеется одно слуховое окно без рамы и подвесные желобом худым – с левой стороны начиная от ендовы, левого заворота крыша есть с одним слуховым окном без рам над остальным же пространством со двора имеется крыша с таковым же слуховым окном.

Внутри здания, нижний этаж.

В нем имеются два проезда со сводами оштукатуренными, стены, которые также оштукатурены и местами внизу подломаны, преимущественно же в углах – 1-й проезд в один и 2-й высокий в два света.

В первом проезде створчатые худые и неокрашенные с калиткою полотно, в них нет одной петли для калитки а в стене подстава для навески ворот, тут же три входа: 1-й направо с одною однопольною худой дверью, ведущую в сени, где пол местами заслан досками для хода в корридор и

¹² Так в тексте. (После «и» ничего нет).

квартиру сторожа, в сенях каменная лестница с поворотами и площадками, обитая досками для хода во 2-й этаж о 25 ступенях с железными поручнями и ход в 3-й этаж по таковой же с поручнями лестнице о 46 ступенях – свех сеней свод стены и сей последний оштукатурены и обелены, внутри во многих местах со стен отпала штукатурка, в сенях четыре окна с летними створчатыми переплетами с частью железных ручек и задвижек ветхие и большею частью без стекол.

2) Ход с левой стороны в таковую же дверь и в сени и на лестницу, которая во всем тожественна с вышеописанною а также и самая сени за исключением только того, что верх сеней вместо сводов наверху имеет оштукатуренный деревянный потолок, оконные рамы почти все развалились, а внизу пол ветхий кирпичный.

3) Ход в квартиру Лесного Смотрителя с двумя однопольными дверями без замков с железным прибором, в квартире одна русская кирпичная печь с прибором – требует поправки, пол по кирпичу выстлан досками, одна тесовая перегородка с таковою же однопольною дверью и одним окном, летним створчатым и зимним глухим переплетами и железными приборами, подоконник досчатый, снаружи окно не открыто железом, внутри стены и свод оштукатурены.

4) Ход чрез однопольную на железных петлях дверь в комнаты со сводом штукатурка в которой во многих местах отвалилась, без пола с одним окном совершенно ветхим и забитым в ней помещается сарай для дров к училищу. Из коридора с правой стороны ход чрез две однопольные двери на железных петлях со скобами и крючком, в квартиру лесного сторожа, в которой окон одно с летним створчатым и зимним глухими переплетами, с одною медною ручкою, стены и свод оштукатурены и обиты, пол простой досчатый, печь русская ленточная с одною закрышкою и железная круглая печь приставная, рядом с этою комнатою в три окна закругленная комната с оштукатуренным сводом и стенами, штукатурка в ней снизу вся отвалилась, окна ветхие, забиты внутри входная дверь совершенно ветхая, комната эта служит в виде сарая для сторожа, а рядом с нею в одно окно помещение также забитое и заделанное со сводом служит погребом для сторожа без ямника далее со стороны против церкви помещение в 3 окна и в два света с неоштукатуренными стенами и сводом никем не занятое, тут же еще таковое же помещение никем незанятое, также неоштукатуренное, во все вышеозначенные помещения входы забиты досками и рам нет, на углу закругленная комната в 5 окон и два света, к которой примыкает переходная галерея от дворца; свод в ней не оштукатурен, в окнах переплетов и колод нет и ничем не занятое, рядом с ним против дворца такое же в 2 окна и с ним еще два помещения по 3 окна в два света тоже незанятые и в которых имеются две связи, и нужно предполагать, что прежде здесь были подвалы со сводами, но они все разобраны и разрушены, далее к углу помещение в два окна и два света с таковым же сводом не оштукатуренное и незанятое

ничем, против него шестиугольный корридор в три света без потолка и по бокам его два квадратных помещения в два света со сводами и двумя крестообразно связями в каждом помещении; на углу помещение в 3 окна и 2 света тоже без оштукатурки, пола и отделки, открытое со сводом в два света занято окладкою сена лесным смотрителем, еще два помещения по два таковых же окна в последнем два окна заложены и был прежде подвал, но он разобран, ныне помещается погреб арендатора одна яма без сруба, далее второй проезд со сводом в два света, который и стены оштукатурены и обиты, в нем с левой стороны, в стене 3 двери заделаны, воротные створчатые полотна ветхи на железных петлях и подставах – с скобами – с правой стороны от проезда с лица в два света с одним окном был подвал, в нем два перевода, пола нет, свод не штукатурен и рядом с ним конюшня смотрителя, ход в которую из сеней около лестницы, дверь в нее худая на железных крюках, пола нет, потолок в первом отделении из наката ветхий, дверь полукруглая заделана досками, во 2-ом отделении свода верх оштукатурен, по стенам же штукатурка отвалилась, пола нет, одно окно заделано – палочками. На углу в три окна помещение никем незанятое, оштукатуренное со сводом, штукатурка со стен отпала, пола нет – еще около сего помещение в одно окно тоже незанятое со сводом и кирпичною русскою печью, развалившеюся и без приборов, стены и свод были оштукатурены – но она во многих местах отвалилась, пол кирпичный, совершенно ветхий.

Внутри двора помещение.

№ 4. В середине сарай со сводом в два света неоштукатуренный, ворота створчатые на железных петлях и подставах со скобами, пола нет три окна забиты досками под воротами стена обломана.

№ 4. Погреб в связи с сараем также со сводом в два света нештукатуренный, 2 окна забиты досками и одно слуховое, дверь однопольная на крюках с железным кольцом, ямник и потолок из накатника, творило створное на железных петлях с кольцом. Налево от вторых ворот погреб, сдаваемый арендатору ()¹³ со сводом, 4 окна забиты досками, дверь одна на железных подставах ветхая, в погребе сруба как сказано выше нет, а вырыта одна только яма.

№ 4. С другой стороны сарая конюшня со сводом описана выше.

№ 5. Ретирадное место находится во дворе в отдельной тесовой постройке с двумя отделениями и двумя тесовыми дверями, покрытое на один скат железом окрашенным красною краскою, сруб и выгреб у ретирады из накатника, ямник покрыт доской.

¹³ В скобках пропуск – имя арендатора отсутствует.

Второй этаж.

Взойдя на 1-ую справа лестницу во второй этаж вход через двойную створчатую дверь с просветом, тут же вторая однопольная с просветом с дверь с 1-ую ручкой (нрзб.)¹⁴, а у второй ручек нет. Корридор со сводом оштукатуренный и окрашенный, пол досчатый. Ход в училище из корридора через круглую световую створчатую дверь с одною ручкою, училище комната в 5 окон с летними и зимними створчатыми крашеными переплетами, при них нет костыльков медных у 2-х окон и ветровых крючков, 4 стекла худы, стены и своды окрашены, пол был крашенный, печь железная унтермарковская с прибором, часть плитусов оторвана; вторая комната училища о 2-х окнах с таковыми же переплетами и приборами, недостает 4 костыльков и двух ветровых крючков, стены и свод крашенные, печь железная унтермарковская с прибором, пол досчатый, дверь створчатая с просветом, ручка медная одна и крючок, замка нет; в стене медный душник из другой комнаты. Корридор 6-ти угольный, в нем две однопольные двери с железными ручками. Кухня, досчатый пол худой провалился, два окна с летними и зимними рамами с железными задвижками и двумя медными костыльками, в летней раме $\frac{1}{2}$ переплета нет, стекла перебиты, стены и своды крашенные, плита кирпичная разломана без приборов, с одною топочною железною дверкою, двери в кухню створчатые с просветом и двумя ручками, замка нет, из означенного корридора направо комната со сводом, который протекает, пол простой худ, два окна ветхи створчатые с частью только приборов, одно из них по ветхости заставлено досками, стены все облупились, дверь входная круглая створчатая, худая на петлях без приборов, из шестиугольного корридора на лево через однопольную простую дверь, ход в кухню г. Рыковой, в коей одно окно со ставнями зашитыми в створки рам со световою верхушкою без приборов, печь русская ленточная с железною заслонкою и подтопком к плите шестка, приборов нет, одних только закрышек, пол простой досчатый – стенки и свод окрашены. В квартире г. Рыковой 3 комнаты со сводами, стены в ней оштукатурены и окрашены, полы крашенные, печи голландские, выходящие зеркалами в комнаты, окон с летними и зимними створчатыми переплетами, крашенные; дверей створчатых крашенных – 4.

При входе со 2-ой лестницы дверь створчатая с просветом крашенная, в корридор, который со сводом оштукатурен, полы были крашенные, налево дверь створчатая заколочена. Квартира г. Журавлева дверь из корридора створчатая, одна комната в 2 окна с летними створчатыми переплетами с медными ручками и железными двумя крючками, стекла битые, зимних рам нет, стены и свод крашенные, пол был крашен, зеркало от печи ленточное, душника нет, и пролом в зеркале для постановки железной трубы. 2-ая комната в два окна с летними и зимними створчатыми рамами, в коих 2 медных костылька и 2 ветровых железных крючка, пол был крашен, стены

¹⁴ Предположительно, «затворной».

и свод крашены, дверь в нее створчатая с просветом и медными ручками, 1 крючек и 1 пружина, печи нет. 3-я комната в 5 окон с 8-ью костыльками и 6-ю ветровыми железными крючками, ½ летней рамы нет, стены, своды и пол были крашены, дверь створчатая с просветом и медною ручкою. Корридор 6-ти угольный со сводом, пол досчатый простой, проломанный на сквозь, дверь в другой коридор створчатая с просветом, ручьюю и замком испорченным, вторая дверь из комнаты забита на глухо, – комната в 2 окна с летними рамами и худыми стеклами, 1-м медным костыльком, 1-ой железной задвижкою и 1-м крючком, зимних рам нет – печей нет – кухня со сводом, в ней два окна с летними и зимними худыми рамами створчатыми почти без приборов, плита кирпичная с железною дверкою, с коробкою и медным краном, пол досчатый, во многих местах провалился, стены и свод крашены, дверь створчатая с просветом и однопольная дверь глухая с кольцом в комнату с одним окном с летними и зимними рамами без приборов, стекла худые, голландская печь ленточная, с медным душником – пол простой досчатый, свод протекает, стены обелены. Остальная же часть второго этажа не была приспособлена к жилью и в ней нет ни колод, ни рам и других принадлежностей, а потому входы в нее наглухо заделаны.

Третий этаж.

Входя в третий этаж с 1-й и 2-й лестниц в сени, из которых створчатые двери ветхие со световыми верхушками почти без приборов – ход в корридор, пол простой, стены оштукатурены и обелены, два шестиугольные корридора, в коих в одном потолок провалился а в другом остались одни балки – полы простые, стены оштукатурены и обелены и при них две небольшие комнаты по одному окну выходящие на углы двора, которые по ветхости забиты и в одной из них что с левой стороны потолка нет.

Комнаты: № 1-й, дверь однопольная с просветом крашенная с железными ручками, потолок и стены окрашены, пол был крашен, шведская ленточная печь без приборов, окно одно с летними створчатыми переплетами с медными костыльками и железными ветровыми крючками, зимних рам нет, окно с улицы не открыто железом.

2) То же, что и № 1-й, кроме только того, что печи в нем нет а имеется одно зеркало.

3) С одним окном, не открытым с лица железом, зимних рам не имеется, одна дверь однопольная, такая же как в предшествовавших №№ пол был крашен, стены и свод тоже, печь шведская ленточная с 1-ю дверкою, прочих приборов нет, печь проломана для провода железной трубы от кирпичного подтопка.

4) Одно окно, часть его открытое с лица железом – с летними створчатыми переплетами с ½ оставшимися стеклами у рам медные костыльки, пол, стены и свод были когда-то крашены, теперь же очень грязно, дверь однопольная с просветом и 1-ю железною ручкою.

5) Пол был крашен стены и свод тоже, зеркало ленточной печи, в нем душник без крышки; оно проломано для ввода железной трубы от временной печи – одна однопольная с просветом дверь, при коей 2 ручки железных, окно неокрытое железом, с летними рамами и двумя медными костыльками с $\frac{1}{2}$ стекол, зимних рам нет.

6) С 2-мя окнами, с летними рамами а зимних рам нет, пол, свод и стены и унтермарковская железная печь крашеная, при печи трубных закрышек нет, – однопольная с просветом дверь с одной ручкою и одним крючком железный.

7) Дверь однопольная с просветом и одним крючком железным, зеркало ленточной печи, душника из нее нет закрышки, пол был крашен, стены и свод тоже, окно с летнею рамою и частью стекол, зимних рам нет, окно окрыто железом.

8) Окно окрыто с лица железом, летние рамы без костыльков, стекла побиты, стены окрашены, в своде течь, шведская ленточная печь, без дверок и закрышек, дверь однопольная с просветом крашеная, замка и крючков нет, с одною железною ручкою.

Две комнаты без №№ в них полы разобраны, печь разобрана насквозь в оба №№ 2 окна разрушенные и без приборов и стекол – двери с просветом и одними только петлями.

9) Пол был когда-то крашен, штукатурка на стенах и сводах отвалилась, стены были крашены окно с одним медным костыльком и железным крючком, зимних рам нет, печь шведская ленточная, требует исправления, дверь однопольная с просветом.

10) Два окна окрыты железом, с летними створчатыми рамами – при них четыре медных костылька и четыре ветровых железных крючка, зеркала от двух ленточных печей – душников нет, они заделаны, дверь однопольная с просветом и двумя железными ручками, плитусы у пола частью отломаны.

11) С окнами на двор, с летними переплетами и битыми стеклами с двумя ветровыми железными крючками, зимних рам нет, свод протекает, стены крашенные, пол был крашен, плитусы частью отломаны, две печи ленточныя одна шведская а другая голландская без приборов, дверь однопольная с просветом без приборов, одно окно со двора окрыто железом.

12) Дверь однопольная с световою верхушкою с с замком с одною ручкою, крючка нет, пол крашенный, стены и свод окрашены, шведская ленточная печь, вьюшечная дверка худая, закрышек нет, окно с лица окрыто железом, летние створчатые переплеты – с одною задвижкою, двумя медными костыльками и двумя ветровыми крючками.

13) Дверь однопольная крашеная с одною ручкою без замка, пол был крашенный худой свод и переборка оштукатурены и окрашены, требуют исправления, печь ленточная шведская, при ней топочныя железныя дверки худы, вьюшечной дверки нет, а на (нрзб.) приборов тоже нет – окно с лица

открыто железом с летними рамами и разбитыми стеклами с костыльками и одним ветровым крючком.

14) Дверь однопольная с просветом, крашенная, замка нет, с одной ручкою, пол крашенный вытертый, части плинтусов при нем нет, зеркало ленточной печи душника нет, свод закопился от провода дыма, стены оштукатурены и окрашены клеевою краскою, штукатурка местами отпала, окно створчатыми переплетами 1-ю медною ручкою и битыми стеклами, зимних рам нет.

15) Дверь однопольная с просветом, крашенная с ручками, пол крашенный, ленточная шведская печь с железными дверками и худым прибором, свод и стены оштукатурены и окрашены клеевою краскою, штукатурка местами отпала, окно створчатое с летними переплетами и костыльками с побитыми стеклами.

16) Дверь однопольная с просветом – ленточное зеркало без душника, окна с летними створчатыми переплетами, костыльков при нем нет, один крючек закладной – зеркало ленточной печи без душника, стены и свод окрашены, штукатурка местами отпала.

17) Дверь однопольная с просветом, крашенная, замков и ручек нет, 1 крючек, пол был крашен в щелях стены со сводом окрашены колором в своде течь, печь железная круглая крашенная с одною топочною дверкою, прочих приборов нет, 2 окна с летними створчатыми худыми переплетами с 1 костыльком, другой сломанный, крючков нет – стекла битые.

18) Створчатая дверь полукруглая с просветом, замка нет одни только петли, пол досчатый в щелях, свод и стены оштукатурены и окрашены все полиняло 2 окна с лица не обиты железом с створными двойными переплетами, ветхими почти без приборов, печь ленточная ветхая шведская с железною дверкою, трубных дверок и тарелок нет.

Общая кухня выходит на двор с 2 окнами без стекол рамы створчатые ветхие летние и зимние с одним костыльком во всех окнах – плита ленточная разломана, худая шведская ленточная печь приборов нет, свод, стены и пол были крашены, штукатурка на стенах и сводах во многих местах отвалилась, пол худой, плинтусов частью нет, дверь створчатая круглая световая, почти без прибора, с одною только ручкою, худые.

Из корридоров для хода на чердак в двух местах сделаны отгородки и чуланчики оштукатуренные с лицевой стороны, с однопольными дверями на железных петлях со скобками и задвижками и в чуланах этих устроены деревянные приставные лестницы, взойдя по ним на чердак, видно что вся крыша во множестве пробита а местами и снята даже отчего и происходит течь внутрь комнат.

Каменный мост близ кухонного корпуса.

№ 8. Близ кухонного корпуса каменный мост в одну арку со сводами шириною в 3 сажени, с одной стороны с двумя полукруглыми из белого

камня быками, а с другой 4-мя кирпичными контрофорсами. Парапет на мосту из кирпича, а частью из белого камня, он покрыт сверху лещадью, парапет сверху и с боков сломан и покрывки на нем лещадью осталось в разных местах только до 4-х погонных саженей. Стены под сводом в нижних частях подломаны на большом пространстве, кирпичные же контрофорсы также обломаны и осыпались. При мосте в два ряда из пластин свай все совершенно сгнили, и еще третий ряд тонких круглых свай, около самого моста, которые почти все разрушились, деревянная же труба между свай сгнила и засыпана.

Маленький кирпичный мостик.

№ 9. Маленький ветхий кирпичный мостик против оранжерей и входа в парк, облицованный с боков белым и гротесковым камнем; при нем имеется один из белого камня столб, который поломан, а также и облицовка у моста местами обвалилась.

Близ дворца каменный Фигурный мост.

№ 10. Близ дворца каменный фигурный мост, с большою проездною под оным аркою, Готической Архитектуры, с полуцыркульными с 4-мя по сторонам башнями и 12-ью столбами и нишами, парапет наверху с пролетами и колонками, у онога моста цоколь из дикаго а местами из белого камня, украшения в башенках нишах пирамидах и в парапете из белого камня лещади и кирпича, которья полопались и выкрошились во многих местах.

Под одною из башен от горы в окно ход в комнату, длиною до 9 ½ и шириною до 2 ½ арш., в виде караулки со сводами и двумя открытыми окнами без рам, пол по сводам по наружности моста, стены местами худы и в своде вывалились и растрескались камни, с задней стороны у парапета колонки из белого камня почти все утратились. По правую сторону при въезде от вокзала к мосту имеется на части горы ветхая лестница со стертыми и разломанными ступенями из белого камня в 27 ступеней шириною в 1 ¼ арш. с деревянным поручнем а проезжая мост по левую сторону его для входа устроена таковая же ветхая лестница в 17 ступеней – с таковым же ветхим поручнем.

Каменная полуцыркульная галерея

№ 11. Против западной стороны дворца каменная полуцыркульная галерея в один этаж, Готической Архитектуры, без крыши и свода. С лицевой стороны по фасаду с 5-ю открытыми пролетами в виде дверей – над карнизом онога парапет в виде сияния с каменным вензелем Екатерины. Здание это из кирпича с зубчатыми украшениями – цоколь, карниз, над входами или окнами: (коих всех 17) и сверх карниза в парапете с пролетами

украшения из белаго камня и кирпича, кои во многих местах выкрошились и обломались, означенные отверстия снизу большею частью поломаны, внутри стены сопрели и значительно обвалились в верхних частях их произрастают во множестве деревья.

Против дворца к оврагу каменный домик.

№ 12. Против дворца к оврагу каменный восьмиугольной формы домик в один этаж, с внутренними продольными и поперечными кирпичными стенами, Готической Архитектуры, у коего по сторонам 4 порталчика, в каждом по 4 кирпичных колоны, карниз над окнами и дверями в пролетном балюстраде и в порталных колонах украшены из белаго камня, который полопался и выкрошился во многих местах, дом без крыши и сводов, полов, потолков и всех прочих принадлежностей. По наружности как в отверстиях окон и дверей так и при фундамента стены подломаны, а сверху здания растут деревья, – внутри стены во всех пролетах также изломаны, а сверху совершенно сопрели и во множестве осыпались на большую высоту.

К этому № в правой колонке документа – примечание, сделанное одновременно с написанием основного текста: Другой же домик означенный в здаточной описи под №12, находится в аренде у г.¹⁵

Каменный мост через овраг.

№ 15. Каменный мост чрез овраг с большими и малыми 8-ю арками, с полуколонами, около оных сверх моста парапет, по оному пирамиды, башенки и круглые столбы; весь мост Готической Архитектуры, по обе стороны моста в стенах арках парапет, пирамидах и башенках, украшения из белаго камня и кирпича, который во многих местах выкрошился и вывалился. Парапет этот во многих местах разобран, до того что верхняя его части остались только частью в круглых столбах, пирамидах и башенках, а в остальных частях местами разобрано до поверхности мостовой, так что проход и проезд по мосту сделался весьма опасным. Кроме сего по наружности как колонки, наличники и цоколь местами подломаны, преимущественно в нижних частях. Внутри же под мостом при одном большом пролете часть свода отопрела и отвалилась толщиною в $\frac{1}{2}$ кирпича, далее же в этом месте свод внизу отваливается на такую же толщину и неминуемо должен упасть в непродолжительном времени, в другом же пролете по всему своду имеется вдоль трещина. Вообще же в нижних частях моста стены большею частью подломаны.

При входе в сад от плотины мостик.

№ 31. При входе в сад от плотины чрез канаву каменный мостик, со сводом и откосными стенками из белаго камня в виде трубы, свод обли-

¹⁵ Фамилия арендатора не указана.

цован с боков белым камнем, который местами отбит, мост сверху покрыт земляным слоем, ширина его в 2 сажени и при нем имеются два ветхие дикарные столба для больших ворот, при одном из них остался железный подстав для навеса ворот и один из столбов подломан снизу.

По правую и левую сторону дворца каменные воротные столбы.

№ 32. По правую сторону дворца имеется один круглый из белаго камня и кирпича Готической Архитектуры воротный в виде башенки изукрашенный столб с железными крючками для навеса ворот, а по левую сторону дворца два таких же воротных столба, все они в ветхом виде и местами поломаны.

Мостик при входе на утреннюю дорожку.

№ 33. Каменный небольшой ветхий мостик в виде трубы обделанный местами гротесковым камнем, без парапета, камни во многих местах отпали.

Оперный дом.

№ 34. Оперный дом каменный, 2-этажный, Готической Архитектуры, посредине и с боков украшен сверху парапетами и зубчатыми башенками, выделанными из кирпича и белаго камня, а также карнизы, наличники около окон и дверей и пилястры обделаны белым камнем. Снаружи дом не оштукатурен, без крыши и на нем выросли во множестве большия деревья. Внутри дома, с лицевой стороны, комнаты в два света, а с задней в один свет, разделенные капитальными продольными и поперечными стенами со сводами, которые были все оштукатурены, но от сырости штукатурка почти вся отпала и они в трещинах и производят течь, частью стены не оштукатурены в местах предназначавшихся для постановки печей и в сводах около этих мест видны проломы для дымовых труб, в трех же местах в сводах оставлены отверстия для ходов на второй этаж и на чердак, но лестниц нигде нет, внутри имеется одна деревянная полукруглая разрушенная перегородка, отделявшая бывшую лестницу во 2-й этаж, по стенам в одной комнате видны гнезда, вероятно, оставленные для устройства хода. Внутри ни полов ни оконных колод, рам и других принадлежностей никаких нет, снаружи же украшения во многих местах обломаны а также в отверстиях окон и дверей видны поломы.

Фигурная ворота.

№ 35. Фигурная ворота каменные из белаго камня и кирпича, Готической Архитектуры, с одною проездною аркою до 4 ½ арш. ширины украшенные внутри сквозной прорезью из белаго камня, по бокам ворот ба-

шенки из такового же материала и в них снизу маленькие будки с одними отверстиями окон и дверей местами поломаны, свех ворот парапет из белаго камня с пятью арочками также поломаными.

Галлерей Миловидова.

№ 36. Галлерей Миловидова, каменная в один этаж, с цоколем из белаго камня, как внутри, так и снаружи, здание это везде оштукатурено и окрашено клеевыми красками. В середине широкий проход с 16-ю большими деревянными оштукатуренными колонками и карнизом, свех которого деревянный оштукатуренный и расписанный касетанами и фигурами, свод, пол земляной и с задней стороны лестница в три ступеньки из белаго камня; с боков также проход меньший противу 1-го ширины, с таковыми же меньшими 8-ю колонами и деревянным оштукатуренным потолком, пол также земляной, по углам четыре комнаты, стены в коих кирпичныя, а потолки деревянные, все оштукатурены и покрыты колерами, потолки в двух задних комнатах попорчены от течи в крыше; в каждой из четырех комнат по два окна с летними створчатыми переплетами по 6 стекол, крашеная желтою масляною краскою без приборов, и по одной створчатой филенчатой также крашеной двери без ручек и замков, полы досчатые простые, крыша железная, местами худа, с двух сторон с ветхими подвесными желобьями, окрашена медянкою, ступени у лестницы ветхи а также и низы стен.

Рунка¹⁶ с башнею.

№ 37. Рунка с башнею устроенной вверху из гротесковаго и белаго камня и частью из кирпича, ход на башню с правой стороны открытый, без поручней, с площадками и ступенями из белаго камня; он устроен по стене руины до самого верха площадки сей башни, где пол земляной, лестница эта до того обветшала, что большею частью ступеней на ней уже нет а оставшиеся вытерлись и наполовину поломаны. В середине руины перекинута арка со сводом для проезда а сзади внутри башни беседка, с открытым пролетом для входа в нее; комната эта или беседка в два света, в ней свеху два окна с железными решетками, стены из кирпича не оштукатурены, пол земляной, с левой стороны рунка представляет разрушенную живописную стену с остатками украшений и на ней украшенная из кирпича и белаго камня колонка. Все здание во многих местах значительно обветшало и обвалилось.

Гротесковый мостик.

№ 38. Мостик, именуемый гротесковым, зарос, шириною свеху до 3 ½ аршин; гротеско и кирпичи свода обвалились.

¹⁶ Так в тексте. (л. 24-24 об). Возможно, ошибка переписчика. Следует читать «руина»

Галерея Нерастанкина

№ 42. Галерея Нерастанкина каменная, одноэтажная, в середине с деревянным выштукатуренным сводом а стены снаружи не оштукатурены о 4-х колонках с фронтонами, а под оными карниз с цоколем, крыльцами и сандриками из белого камня, с двумя окнами без рам ветхими, крыша купола крыта железом обломанная и бока тесом, также и потолок в этих местах деревянный, которые от гнилости разрушились, стены снизу, а также и пролеты окон во многих местах подломаны.

Каменный мост на большом овраге.

№ 43. 1) В парке на большом овраге каменный мост в одну большую арку шириною 7 ¼ арш., обделанный местами белым и гротесковым камнем без парапета и перил, свод протекает, толщина его с лица до 1 арш., стены снизу подмыты, ширина моста в 4 арш., высота 3 аршина.

2) Маленький каменный мост, стены из кирпича а снизу из белого камня полуразрушен и разобран, по верху ширина до 2 ½ аршин.

3) Большой мост на большом овраге, кирпичный и часть из белого камня и гротеско, снизу подломан, без парапета и перил, ширина моста 4 арш., арка 3 сажени, свод кирпичный с лица толщиной в 2 кирпича обломан, высота моста от 5 до 6 аршин на нем выросли большия деревья.

Храм цереры.

№ 44. Беседка именуемая храмом цереры, формы круглой о восьми колонках из белого камня и таковыми же перемычками с деревянным куполом, внутри оштукатуренным а снаружи обит железом не окрашенным, посредине свех купола имеется маленький металлический сноп а свех карниза из листового железа балюстрад ветхий со столбами над колонами, пол из белого камня ветхий, в середине храма на полу поставлен пьедестал из дикаго камня, при входе с лица были три ступеньки, которая истерты и обломаны а также местами колонки у баз поломаны.

На глухой дорожке каменный грот.

№ 45. Каменный грот на глухой дорожке сделан из кирпича и частью из белого камня и гротеско, полукруглый в виде ниши, шириною 3 аршина со сводом толщиной с лица в 1 ½ кирпича, не оштукатуренный без пола; местами обломан.

Чрез овраг каменный мост.

№ 46. Каменный мост чрез овраг или лощину с одною аркою в 4 аршина ширины, длина стен внутри тоже по 4 аршина а высота арки в 3 ½ аршина свод в 1 ½ кирпича, толщиной который очень ветх и снаружи обломан а также и стены снизу обломаны, парапетов на мосту нет, а равно с

боков его загородок не имеется, стены моста сложены из кирпича, которые также ветхи и поломаны.

На острове Английского пруда, арка каменная.

№ 48. На острове Английского пруда, обнесенного вокруг круглыми сваями, которые частью уже сломались и утратились, а остающаяся часть свай до того ветха, что почти от прикосновения разламывается. На острове этом устроено два возвышения в виде гор, обложенных местами заросшим гротесковым камнем, отчасти утратившимся, и чрез возвышения эти перекинута кирпичная арка, облицованная белым камнем, на одной стороне арки имеется кирпичный круглый зубчатый столб в виде колонки, все строение это совершенно ветхо и во многих местах обвалилось.

На холму галерея каменная.

№ 50. Идучи от ореховской плотины направо по береговой дорожке на холму каменная галерея, стены из кирпича с 4-мя открытыми окнами и 2-мя таковыми же дверями без косяков и рам; стены толщиной в 2 кирпича, сделанные местами гротесковым камнем а снизу белым камнем, без крыши и пола, как в пролетах снизу, так и сверху в арках стены подломаны и в трещинах, а верхи все осыпались и местами стены и гротеско выломаны. Карнизы бывшие из белого камня развалились и большей части их совершенно уже нет – все строение совершенно ветхо и от времени полуразрушено.

Пристани.

№ 50. На берегу Английского пруда против спасительной станции устроена на рельсах площадка из дикарных плит, длиною 3, шириною 1 1/3 саж., вместе с таковым же пандусом и одной дикарною тумбой, а другая тумба упала, площадка и один пандус осели и повалились от подмытия основания их.

Против этой площадки на противоположном берегу острова имеется другой досчатый помост на деревянных ветхих сваях и деревянной обвязке.

Плотина Ореховская.

№ 50. Ореховская плотина вся разрушена, свода нет и стены все осыпались, осталось только несколько совершенно сгнивших свай, два худых бруса и с боков часть заборника, который от гнилости почти весь вывалился, остальное все разрушено и обвалилось.

Плотина Лазаревская.

№ 50. Лазаревская плотина вся совершенно разрушена, свод упал, внутри стен нет, остались от всей плотины два ряда совершенно гнилых свай, сквозь которых течет вода и сверху свай гнилая доска для прохода пешеходов.

***Грот полукруглый обложенный внутри
гротесковым камнем.***

№ 50. Близ береговой дорожки и беседкой Миловидова кирпичный полукруглый грот со сводом ниже коего стены одеты внутри гротесковым камнем, ветхий и во многих местах обломан.

Мост чрез большой овраг в клину.

№ 50. Чрез большой овраг в клину, каменный мост с одною кирпичною аркою, стены его большею частью облицованы белым камнем с 4-мя нишами, свод по наружности толщиной в 2 кирпича, мост без парапета и перил, сверху покрыт слоем земли и на нем выросли очень большия деревья, стены снизу во многих местах подломаны, облицовка при них разобрана, свод весь в трещинах, частью разобран и из него вытащены две железные связи и согнуты – все сооружение весьма в жалком состоянии и свод у него должен обрушиться.

Опись составлял Архитектор Коллежский Советник Семенов.

При составлении описи находился Окружной Надзиратель 4 Царицынского округа Московской Удельной конторы Н. Рохманов.

С.Г. Калинина

Опись казенным строениям, находящимся в Государевой Царицынской волости

Предисловие

Публикуемая ниже «Опись казенным строениям, находящимся в Государевой Царицынской волости» была составлена сразу после проведения в 1857–1858 гг. ревизии Московской дворцовой конторы, после которой крестьяне Царицынской волости были переданы в ведение Московской удельной конторы и началась подготовка к передаче Царицына в ведение Московской удельной конторы. Опись является одной из немногих сохранившихся до наших дней хозяйственных описаний царицынских построек XIX века. Она включает лишь те строения, которые использовались дворцовым или удельным ведомством, а не стояли в запустении, и, таким образом, не касается большинства зданий дворцового ансамбля. Эти постройки следующие: Кухонный корпус (точнее, та его часть, которая использовалась под Царицынскую лечебницу), Волостное правление, дома причта церкви во имя иконы Божией Матери Живоносный Источник. Уникальность этого документа обуславливается тем фактом, что до наших дней ни одно из вышеперечисленных зданий не сохранилось, за исключением Кухонного корпуса. Опись дает представление о состоянии построек, об их размерах, материалах, деталях внутренней отделки и пр.

Составленный канцелярским почерком белой вариант описи в виде таблицы хранится в фонде Дворцового отдела Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 1239, Оп. 3. Д. 20512. Л. 11–20 об.). Помимо непосредственно царицынских строений, документ содержит описания казенных построек села Коломенское – сельское училище, дома священников при церквях Вознесения и Казанской Божией Матери, а также села Булатниково – дома причта и сторожевая изба (порядковые №№ 5–7). В настоящей публикации они опущены. В документе сохранена оригинальная орфография.

О назначении зданий, оставшихся как в ведении Дворцовой конторы, так и поступивших в заведование Московской удельной конторы по государевым волостям в Московской губернии. 1859. По 2-й экспедиции.

Опись казённым строениям, находящимся в Государевой Царицынской волости

№	Какие именно строения	Количество
1	<p><i>(Л. 11).</i> Волостное правление. Дом каменный, одноэтажный, внутри и снаружи оштукатуренный, формой прямоугольника с полукруглым выступом с задней стороны, длиною шесть сажен восемь вершков, шириною одиннадцать с половиною аршин, вышиною две сажени четыре вершка, крыт железом с желобами и пятью водосточными трубами, окон с колодами, под оконными досками рамами летними и зимними, с полным при них прибором. Наружных дверей с навесками и скобками (одна дверь деленная филенчатая¹ передняя обита по войлоку клеенкою с ремнями, остальные простые, тоже обитые) Внутри дома полы досчатые на черном накате, потолки из подрезного наката оштукатуренные, всех комнат разделенных каменными оштукатуренными стенами Дверей филенчатых на навесках с прибором [Примечание. Прибор в нескольких дверях сломан] (Две двери двупольные и четыре однопольные) Две голландские израсчатые печи с полным прибором. Под переднюю половиною дома подвальный этаж с четырьмя окнами (<i>Л. 11 об.</i>), выходящими на лицевой фасад, с рамами летними и зимними; в этом этаже кухня, в которой пол каменный, потолок оштукатурен по черновому накату и русская печь с плитою о трех конфорках с полным прибором Снаружи дома три тесовых крыльца, первое парадное, в коем дверь филенчатая с навесками и ручками, пол досчатый, подволока² досчатая, четыре ступени с поручнем и тесовый чулан с дверью на навесках и двумя скобами; крыльцо длиною пять аршин, шириною два аршина девять вершков, крыто железом на один скат; второе крыльцо крыто железом, в нем наружная дверь досчатая на шпонках³ с навесками на подставках с двумя скобами, пол досчатый с двумя ступенями, тесовая подволока; отхожее место тесовое с дверью с навесками и скобами, с бревенчатым приемником; тесовый чулан с дверью на навесках со скобами, пробоем и накладкою и досчатая лестница на чердак; и третье крыльцо, ведущее в кухню, в нем <u>лестница каменная</u>, крыта железом.</p> <p>¹ Филенчатая дверь – со средней, вставной частью – филенкой. ² Подволока – зд. обшивка, потолок. ³ Шпонка – клин, вбиваемый поперек досок для их скрепления.</p>	<p>11</p> <p>3</p> <p>7</p> <p>6</p>

	<p>Крыша крыльца, окна, двери и полы (кроме кухонных) выкрашены масляною, а комнаты клеевою⁴ краскою.</p> <p>При доме досчатое холостое строение [Примечание. Забранное в столбы], длиною шесть, шириною две сажени, вышиною одна сажень двенадцать аршин, крытое тесом с слуховым окном, при котором дверцы на навесках; в этом строении погреб и сарай, разделенные досчатою стеною, в погребе дверь досчатая с навесками на доставках, пробоем и накладкою⁵, подволока досчатая, ямник бревенчатый с досчатою трубою, для стока воды накат бревенчатый и досчатый на навесках творило⁶; в сарае ворота наживные тесовые о двух створах с навесками на подставках и двумя пробоями, пол бревенчатый Л. 12. подволока досчатая и лестница на сеновал, при сарае бревенчатый съезд.</p> <p>С левой стороны сарая, на расстоянии шести аршин, стоит конюшня бревенчатая, забранная в четыре столба, длиною восемь, шириною пять с половиною аршин, крыта тесом на один скат, в ней дверь досчатая с навесками на подставках, пробоем и накладкою, обитая по войлоку циновкою, стекольная рамка; пол бревенчатый и три досчатых стойла с принадлежностями; между сараем и конюшнею навес из пластинника⁷, опирается заднею стороною на досчатый забор.</p> <p>Двор обнесен досчатым забором, всего четырнадцать звеньев, спереди ворота из трех столбов с двумя тесовыми нашивными затворами на навесках с подставками и тесовую калиткою на навесках, с подставкою и щеколдою [Примечание. Заборы очень ветхи, в них нет трех досок и девяти верхних бревен].</p>	
За	<p>Царицынская лечебница.</p> <p>Корпус каменный, двухэтажный, с жилым подвалом (под отдельною только половиною), формою квадрат с овальными углами, длиною и шириною по двадцати пяти сажень два с половиною аршина, в окружности девяносто шесть сажень, внутри квадратный со срезанными углами; двор длиною и шириною по девяти сажень, крыт железом с желобами и водосточными трубами (21), спереди двое подъездных ворот со филенчатыми затворами с навесками на подставках, половина корпуса отделана под лечебницу и богадельню, а половина остается неотделанною. В отделанной половине корпуса окон больших с колодами, подоконными досками, подушками, крытыми железом, рамами навешанными летними и зимними с полным прибором (прибор при каждом окне: восемь навесок, две задвижки, два костылька⁸, два крючка)</p>	91

⁴ Клеевая краска – краска, основанная на клее.

⁵ Пробой – железное устройство на двери (дверцах) для навешивания замков.

⁶ Творило – люк или лаз в погребе.

⁷ Пластинник – состоящий из пластов, листов.

⁸ Костылек – гвоздь со шляпкой.

<p><i>Л. 12 об.</i> Окон круглых с колодами, летними и зимними рамами, дверью, наружных с правой и левой сторон въезда, вязанных с навесками, шпингалетами, замком нутренным и крючками (двери с наружных сторон обиты по войлоку клеенкою с ремнями; две из них двойные двупольные, а остальные двойные однопольные, вместо верхних филенок стекла)</p>	4
<p>В подвальном, или цокольном этаже двое сеней и шесть помещений (кухня, прачишная и для жилья солдатских семейств), разделенных между собою каменными сенями со сводами и кирпичными полами; в сенях пол кирпичный, по одной каменной лестнице во 2-й и 3-й этажи, с железными поручнями, с положенными досчатыми ступенями; под ступенями и площадками и по две топки духовых печей с прибором, в отделениях одна голландская с прибором (топочными и вьюшечными дверцами, вьюшкою⁹, тарелкою и крышкою) и шесть русских печей израсчатых с полными прибором; к одной печи приделан котел; отдельно от печей сделана плита с тремя конфорками, двумя дверцами и колосником¹⁰; при каждом отделении дверь в сени досчатая на навесках, обитая снаружи по войлоку клеенкою с ремнями.</p>	
<p>Во втором этаже пол клееный, всех комнат шестнадцать (2 ватерклозетных) и один коридор; комнаты разделены каменными стенами со сводами, исключая трех, в которых потолки бревенчатые оштукатуренные; коридор отделен от комнат с одной стороны деревянную оштукатуренною стеною, дверей филенчатых, двустворных с медным прибором, 4 навесками, 2 шпингалетами, 1 нутренным замком с двумя ручками и щеками¹¹</p>	20
<p>Из них пять имеют рамки со стеклами и шесть вместо верхних филенок стекла; пролеты дверные обтянуты <i>Л. 13.</i> деревянными наличниками, печей духовых с разведенными в стенах тепловыми трубами с четырьмя вьюшками с прибором и тридцатью четырьмя медными душниками¹².</p>	4
<p>Голландских израсчатых с полным прибором (при каждой топочные и вьюшечные дверцы, вьюшки с тарелкою и крышкою)</p>	6
<p>Голландских израсчатых с лежанками в ваннных комнатах</p>	2
<p>Прибор сполна и железных переносных</p>	2
<p>В третьем этаже всех комнат (2 ватерклозетные)</p>	27
<p>и коридор, отделенный от комнат деревянною стеною</p>	1
<p>Комнаты разделены каменными стенами со сводами, но в трех комнатах потолки деревянные, оштукатуренные, полы каменные, дверей вязанных однопольных с полным прибором</p>	25
<p>Сверху 19 дверей, стеклянные рамы, дверей двупольных <u>круглых со стеклами</u> вместо верхних филенок (прибор при каж-</p>	
<p>⁹ Вьюшка – глиняная или чугунная крышка для печной трубы.</p>	
<p>¹⁰ Колосник – железная решетка в печи для потока воздуха и уборки золы.</p>	
<p>¹¹ Щека – плоская часть дверной ручки, прикрепляемая непосредственно к двери.</p>	
<p>¹² Душник, отдушник – отверстие в печи для пропуска воздуха.</p>	

	<p>дой однопольной двери, навески, нутренний замок с ручками и щеками, при двупольной навески, шпингалеты, замок с ручками и щеками)</p> <p>Печей шведских израсчатых с прибором при каждой коробкою с дверцами, вьюшкою, тарелкою, крышкою, вьюшечною дверцею и медным душиком</p> <p>Печей голландских израсчатых с полным прибором и душиком</p> <p>Унтермарковских с топочными и вьюшечными дверцами, вьюшками и тарелками с крышками</p> <p>В отделанной половине корпуса полы, двери, окна, ворота и лестница выкрашены масляною, а стены внутри по штукатурке выкрашены клевою краскою.</p> <p>В первом этаже на сделанной половине корпуса помещены принадлежащие к лечебнице службы: а. каретный сарай, б. конюшня, в. погреб и г. три солдатские погреба. А каретный сарай квадратный <i>Л. 13 об.</i> семиаршинный, в нем бревенчатые затворы с навесками на подставках и двумя пробоями, пол, подволока и съезд из барочных досок; конюшня длиною семь, шириною восемь аршин, в ней двойная досчатая на шпонках в колодках дверь с навесками на подставках, с приборами, накладкою и скобами; наружная сторона ее обита по войлоку клеенкою с ремнями; пол, подволока и сход из барочных досок и три стойла с принадлежностями. Погреб квадратный, семи аршинный, в нем дверь досчатая на шпонках с навесками, подставках и пробоями; ямник из барочных досок, с накатом на переводах из круглого леса с досчатыми полом и творилом (на навесках) и солдатские погреба длиною семь, шириною четыре с половиною аршина каждый; ямник, в них три двери досчатые с навесками на подставах и двумя пробоями, ямники из барочных досок, над двумя накаты, а над третьим вместо наката досчатая подволока.</p> <p>На дворе корпуса помойная и две ватерклозетных ямы и отхожее место; помойная яма квадратная, четырехаршинная, со срубом из барочных досок и досчатою решеткою; ватерклозетные ямы квадратные шестиаршинные, глубиною три с четвертью аршина; сруб и накат из барочных досок и досчатая решетка квадратная в полтора аршина; ретирадное место¹³ длиною и шириною по три с половиною аршина, тесовое с крышею тесовую на один скат, две двери на навесках, приямок из барочных досок и досчатый с принадлежностями пол.</p>	<p>2</p> <p>15</p> <p>3</p> <p>2</p>
<p>8</p>	<p><i>(Л. 16 об.)</i> Дом священника при селе Царицыне. Дом деревянный на каменном фундаменте, обитый снаружи тесом, а внутри оштукатуренный, длиною четыре сажени, шириною семнадцать аршин, десять вершков, вышиною четыре аршина, десять вершков, крыт железом, с слуховыми окнами, окон с косяками под оконными досками, летними и зимними рамами с</p>	
	<p>¹³ Ретирадное место – отхожее место в доме.</p>	

	<p>полным прибором и ставнями на навесках [Примечание. Рамы при окнах ветхи и у многих окон прибор потерян]</p> <p>Внутри дома: а) четыре жилые комнаты, разделенные тесовыми перегородками, полы досчатые на черновом накате, потолок из подрезного наката оштукатуренный, дверей внутренних досчатых на навесках с прибором (Две двупольные и одна однопольная) [Примечание. Потолок ветх. Половина прибора при дверях потеряна]</p> <p>Дверей наружных досчатых на шпонках, с навесками на подставках и скобами (Наружные двери обиты по войлоку клеенкою с ремнями, одна из них ведет в сени, другая в кухню)</p> <p>Печь голландская, израсчатая с топочною и вьюшечною дверцами, двумя вьюшками, тарелками и крышками. б) Кухня, в ней пол досчатый на черновом накате, потолок из подрезного наката, оштукатуренный, две досчатые на шпонках двери на навесках с подставками (одна дверь, ведущая на крыльцо, обита с одной стороны по войлоку клеенкою с ремнями) и русская печь с плитою о двух конфорках и полным прибором и в). сени в них пол досчатый, подволока досчатая, лестница на чердак, обшитая тесом, дверь на крыльцо досчатая с навесками и холодная комната с малым окном, с летнею рамою, полом, подволокою и дверью досчатыми (дверь на навесках со скобами и пробоем). Кухня, сени и холодная комната отделены Л. 17. от жилых комнат капитальною стеною и крыты тесом.</p> <p>При доме два крыльца тесовых, одно парадное, другое черновое, в парадном крыльце дверь филенчатая двупольная с навесками и скобками тесовая подволока и досчатый пол с семью ступенями и двумя поручнями, крыльцо крыто железом, длиною и шириною по два аршина, вышиною четыре аршина шесть вершков; черновое крыльцо крыто тесом, длиною три сажени, шириною восемь аршин десять вершков, в нем дверь досчатая на шпонках с навесками и скобами, пол досчатый с тремя ступенями и тесовый чулан с досчатою дверью на навесках с накладкою и пробоем.</p> <p>Справой стороны дома на дворе холостое досчатое, забранное в столбы строение длиною десять сажень один аршин, шириною две сажени, вышиною пять аршин девять вершков, крыто тесом на один скат, в этом строении: а) погреб, в нем досчатая дверь на шпонках, с навесками на подставах, пробоем и накладкою, пол досчатый, ямник с досчатым темрилом на навесках, лестница в ямник и подволока досчатые; б) сарай, отделенный от погреба досчатою стеною, в нем ворота с двумя нашивными тесовыми затворами с навесками на подставах; в) коровник с бревенчатыми стенами, вышиною в три аршина, в нем дверь досчатая на шпонках с навесками на подставах, пол бревенчатый и подволока досчатая и г) сарай, имеющий спереди пролет и внутри бревенчатый пол, насланный в половину и отхожее тесовое место с такою же дверью на навесках, с досчатым полом без ямника.</p>	<p>9</p> <p>3</p> <p>2</p>
--	--	----------------------------

	<p>От сарая этого до черного крыльца тесовый навес длиною пять сажень один с четвертью аршин спереди опирающийся на четыре столба и сзади на досчатый забор <i>Л. 17 об.</i></p> <p>При доме ворота, состоящие из трех столбов, двух нашивных затворов и одной калитки с навесками на подставах.</p> <p>Дом, крыша, крыльца, двери, окна, ворота и ставни выкрашены масляною краскою, при крыше четыре желоба с водосточными трубами.</p>	
9	<p>Дом дьячка при селе Царицыне¹⁴</p> <p>Дом деревянный на еловых стульях с тесовыми цоколем и карнизом, длиною три сажени десять вершков, таковою же шириною, вышиною четыре аршина; крыт железом на два ската. Окон с косяками под оконными досками, рамами летними и зимними с полным прибором (при пяти окнах тесовые на навесках ставни)</p> <p>Внутри дома полы досчатые на черновом накате, потолок из подрезного наката, всех комнат с кухнею, разделенных тесовыми перегородками</p> <p>Дверей тесовых на навесках со скобами</p> <p>И русская израсчатая печь с полным прибором (при печи подтопок с дверцами). Сзади к дому под одну с ним связь и крышу прирублены бревенчатые сени, в них досчатые накаты, подволока, две досчатые двери на шпонках с навесками и на подставах (одна дверь на двор, другая в комнаты, обитая по войлоку клеенкою с ремнями) тесовый чулан с дверью на навесках с пробоем и накладкою и досчатая лестница на чердак; над наружную дверь навес на двух столбах крытый железом; крыша, окна, ставни и двери дома окрашены масляною краскою.</p> <p>Сзади дома односкатный тесовый сарай, длиною четыре с половиною, шириною (<i>Л. 18</i>) две сажени, вышиною четыре аршина четырнадцать вершков. Заднею стеною сараю служит досчатый забор, в котором калитка на навесках; в сарае нашивные тесовые затворы на навесках. При доме с лицевой стороны ворота, состоящие из трех столбов, двух нашивных затворов и калитки (тесовых с навесками на подставах и щеколдою при комнатке).</p>	6 4 3
10	<p>Дом пономаря при селе Царицыне</p> <p>Дом деревянный на еловых стульях с тесовым цоколем и карнизом, длиною и шириною три сажени десять вершков, вышиною четыре аршина; крыт железом на два ската, во фронтонах окна с рамами (два окна), окон с косяками, под оконными досками, рамами летними и зимними с прибором и ставнями на навесках</p> <p>Внутри дома полы досчатые на черновом накате, потолок из подрезного наката, комнат с кухнею, разделенных тесовыми перегородками</p>	5 4

¹⁴ Стулья – вкопанные в землю столбы под деревянным строением.

<p>Дверей тесовых на навесках со скобами</p> <p>И русская израсчатая печь с подтопком и полным прибором; сзади дома под одну с ним связь и крышу прирублены бревенчатые сени, в них пол и подволока досчатые, две досчатые двери на шпонках с навесками на подставах, одна дверь на двор, другая в комнаты, обитая снаружи по войлоку клеенкою с ремнями (тесовые чулан с дверью на навесках, с накладкою и прибором и досчатая лестница на чердак); над наружную дверь навес на двух столбах крытый железом; крыша, окна, ставни и двери дома выкрашены масляною краскою.</p> <p>Сзади дома в одну с ним линию стоит сарай, крытый тесом на один скат, длиною три сажени два аршина, шириною две сажени, вышиною пять с четвертью аршин. (Л.18 об.) Спереди сарай зашит тесом, а сзади и сбоку стенами ему служат досчатые заборы. В сарае ворота тесовые, нашивные с навесками на подставах, от сарая идет одно звено забора из барочных досок с досчатою в нем палаткою на навесках.</p> <p>При доме с лицевой стороны ворота, состоящие из трех столбов, двух нашивных затворов и калитки тесовых с навесками на подставах с щеколдою (при калитке); между воротами домов дьячка и пономаря есть звено досчатого забора.</p> <p>Взади сараев находятся отхожие места тесовые, длиною шесть, шириною семь аршин, крытые тесом на один скат, вниз[у] ямник, пол с принадлежностями и две двери с навесками.</p> <p>Отдельно от строения стоящий погреб, досчатый, забранный в столбы, длиною пять с половиною, шириною шесть аршин крыт тесом на два ската; в погребе две двери досчатые на шпонках с навесками на подставах, пол и ямник бревенчатые, два досчатые творила на навесках и труба для спуска воды из ямника; погреб разделен досчатою стеною пополам.</p>	3
---	---

Государственный музей-заповедник «Царицыно»

Генеральный директор

Безруков А.С.

Заместитель генерального директора по научной работе

Докучаева О.В.

Заместитель генерального директора, главный хранитель

дворцово-паркового ансамбля

Маркина И.А.

САДЫ И ПАРКИ

ИСТОРИЯ САДОВ В РОССИИ:

опыт, проблемы, перспективы

ИЗ ИСТОРИИ ЦАРИЦЫНСКОГО ПАРКА

Куратор издательского проекта

Павлик Е.К.

Редакторы

Козырева О.Ю., Кучеренко Н.И.

Зубков И.В., Офицерова Е.В.

Калинина С.Г., Смирнова Т.Н.

Выпускающий редактор

Подшивалова Г.В.

Верстка

Павлик Е.К.

Гарнитура Calibri. Печать офсетная.

Тираж 300 экз.

Государственный музей-заповедник «Царицыно»

115569, г. Москва, ул. Дольская, д.1

www.tsaritsyno.net

9 785986 043777

Издательство «Пробел-2000». Тел.: (495) 691-03-54

109544, Москва, ул. Рабочая, д. 91

e-mail: probel-2000@mail.ru

© Все права защищены, 2013